

Виктор Баранец

Генштаб без тайн

Книга первая

Виктор Баранец

Генштаб без тайн

Виктор Баранец

Генштаб без тайн

Книга первая

Москва
Политбюро
1999

882-94
66.3(2Рос)6
Б 24

Книга издана в авторской редакции

Художник — Виктор Яковлев

*Охраняется законом РФ
об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без
письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном
порядке.*

ISBN 5-89756-019-6
ISBN 5-89756-020-X(Книга1)

© В. Баранец, автор, 1999
© Издательство «ПОЛИТБЮРО», 1999

Глава 1 МЕСТЬ ПОКОЙНОЙ ИМПЕРИИ

В ДЕКАБРЕ И ПОТОМ...

...25 декабря 1991 года около 19.30 в кабинете маршала авиации Шапошникова забренчал телефон.

Среди чертовой дюжины других аппаратов он был самым новым. Впервые я увидел его еще в августе. Этот телефон установили на тумбочке по левую руку от рабочего стола министра — так, чтобы он располагался к нему ближе всех.

При маршале Язове на его месте стоял такой же — цвета слоновой кости, с ярко-золотистым, как новый пятак, гербом СССР на диске и красной полоской, на которой белыми рельефными буквами было выдавлено «ПРЕЗИДЕНТ СССР». Теперь по этому телефону звонили редко. Новый аппарат отличался от него лишь тем, что на нем была надпись «ПРЕЗИДЕНТ РФ». Его звонок маршал быстро научился различать, даже находясь на другом конце своего огромного кабинета.

В тот вечер маршал приказал дежурному по приемной между семью и восемью никого с ним не соединять: Шапошников ждал звонка от Ельцина...

Дежурный, подполковник ВВС, с мучительной вежливостью выдворял из приемной всех, кто пытался прорваться на аудиенцию к маршалу. Наиболее настырных многозвездных генералов, старавшихся доказать дежурному, что их стремление попасть в кабинет «командира» вызвано неотложными проблемами государственной важности, он отсылал к начальнику Генштаба генерал-полковнику Виктору Николаевичу Самсонову.

Некоторые генералы по привычке называли Шапошникова министром, хотя он уже четыре дня таковым не был. С 21 декабря, после совещания глав Государств Содружества в Алма-Ате, его должность по предложению Ельцина

стала именоваться величественно и длинно: «Главкомандующий Объединенными Вооруженными силами Содружества независимых государств». Дежурный тактично напоминал об этом забывчивым полководцам, что еще больше раздражало их.

Злые и недоумевающие, они ретировались из «святых сеней», негромко лютыми матюгами покрывая подполковника. И только самые интеллигентные осторожно себе под нос замечали, что дежурный в предыдущей жизни явно был сторожевым псом, потому как яростно оберегает хозяина.

Те, которые были в неведении о причине внезапного затворничества маршала, лишь догадывались, что происходит что-то чрезвычайно важное.

Такого раньше не случалось...

Став в августе министром обороны СССР, Шапошников с первого дня работы на этом посту кропотливо входил в образ необычайно демократичного военачальника. И не только своей всегдашней улыбкой, выгодно смотревшейся в сравнении с суконным выражением лиц некоторых его предшественников, или способностью иногда по два раза на дню здороваться за руку с подполковниками и даже майорами.

Евгений Иванович на служебных совещаниях частенько призывал арбатских генералов человечнее относиться к подчиненным и быть доступнее. И любил повторять: «Двери моего кабинета для всех открыты». Я и сам однажды был удивлен, с какой легкостью меня, в то время рядового клерка пресс-службы Минобороны, допустили в кабинет маршала, когда надо было завизировать гранки его статьи для газеты.

Месяца три поодиночке и группами с утра до позднего вечера шли к Шапошникову ходоки: бывшие сослуживцы и народные депутаты, ветераны и солдатские матери, журналисты и жалобщики. Кроме них к Евгению Ивановичу постоянно навевались его замы, начальники управлений МО и Генштаба, главкомы, командующие войсками военных округов и флотов. Рабочий день маршала в то время длился часто по 16—17 часов. Его жажда общения с людьми казалась мне ненасытной.

Но азарт этот стал заметно угасать по мере того, как маршал понял, что работать в таком режиме его надолго не хватит. Количество посетителей в его приемной резко по-

убавилось. Офицеры аппарата главы военного ведомства начали ставить изошренные бюрократические заслоны на пути тех, кто пытался пробиться на аудиенцию к маршалу (исключение делалось лишь для высших генералов, кремлевских и правительственных чиновников). К поздней осени 1991 года стало особенно заметно, что августовская эйфория Евгения Ивановича, вызванная назначением на министерский пост, испаряется из-за нескончаемого нагромождения скапливающихся проблем, а двери его кабинета уже открываются не «для всех»...

* * *

Зайдя в приемную маршала в тот исторический вечер 25 декабря, я увидел, что дежурный с азартной сосредоточенностью продолжал щелкать клавишами компьютера. Ярко-синий экран отсвечивался за спиной офицера — на темном оконном стекле, по которому стекали разноцветные шарики. Подполковник играл в «Тетрис». При этом лицо его имело невероятно умное выражение, о чем офицер, может быть, и не подозревал. Глядя на него, я даже испытывал некоторое чувство гордости из-за того, что служу с таким интеллектуальным товарищем в одной армии.

В приемной работал телевизор. Горбачев что-то снова многословно втолковывал соотечественникам. Но голос его не был слышен — подполковник отключил звук.

Президент СССР мешал дежурному сосредоточиться...

И частые телефонные звонки сильно раздражали подполковника, он лаконично и сухо продолжал отшивать рвущихся поговорить с маршалом. Звонки мешали пробиться на очередной уровень «Тетриса», где были спрятаны впечатляющие картины группового секса.

Когда же зазвонил телефон внутренней связи, деревянный голос дежурного стал бархатным:

— Слушаюсь, товарищ Главкомандующий! Понял, товарищ маршал! Будет исполнено, Евгений Иванович!

Через приемную из боковых дверей прошмыгнул водитель машины маршала, на ходу яростно потирая заспанные глаза и бордовый пролежень на щеке. Его черная болоньевая куртка была помята до той степени, о которой войсковые старшины обычно говорят: «Словно у коровы из задницы».

За водителем появился холеный и торжественный, как жених, охранник Главкома в костюме с иголки. Мель-

ком взглянув на свое отражение в зеркале, он быстро слинял след за водителем, таща за собой густой одеколонный шлейф. Я уже до того привык к нему, что, заходя в приемную или в кабинет порученца маршала, по одному запаху догадывался, что охранник был и здесь. Высокий красавец этот имел звание старшего лейтенанта, но важностью манер тянул на генерала — такие повадки были почти у всех офицеров, входящих в службу маршала.

Видимо, в детстве старлей не наигрался «в пистолетики» и потому настоящий ствол, болтающийся у него под мышкой в тонкой кожаной кобуре, был продолжением давней и любимой игры, — охранник частенько демонстративно хлопывал себя по боку, — было заметно, что эта процедура доставляла ему особый кайф, поскольку окружающие (особенно женщины из машбюро) обращали на нее уважительное внимание.

Вскоре в приемной раздался еще один телефонный звонок, и, нехотя отклеившись от компьютера, дежурный буркнул в трубку:

— Маршал у президента!

Но тут же многозначительно уточнил:

— У быв-ше-го президента...

И снова страстно забарабанил по компьютерным клавишам.

Только что, выступая по телевидению, Горбачев отрекся от кремлевского престола...

Об этой речи Михаила Сергеевича на собственной политической панихиде Ельцин заблаговременно предупредил Шапошникова. Тогда же Б.Н. условился с Евгением Ивановичем, что они вместе поедут в Кремль принимать у Горбачева «ядерный чемоданчик» вместе с операторами.

Момент предстоящей передачи ядерного «скипетра» Горбачева Ельцину означал по сути апофеоз долгожданной победы рвавшегося в Кремль российского президента над своим заклятым политическим врагом.

Ельцин так рьяно спешил усесться на заветный кремлевский трон, что вопреки элементарной логике еще за несколько дней до прощальной речи Горбачева подписал документы, что он якобы уже принял у него «технические компоненты» управления Стратегическими ядерными силами.

Когда эти документы привезли Горбачеву в Кремль и он увидел на них нетерпеливую пружинистую роспись Ельци-

на, Михаил Сергеевич с сухим злорадством заметил генштабовскому генералу, что не намерен «бежать поперед бабки в пекло», а свой автограф поставит лишь тогда, когда официально объявит народу о сложении с себя полномочий Президента Союза.

Как только Горбачев окончил свою скорбную телеречь, Ельцин связался с Шапошниковым по телефону и ошарашил маршала:

— Евгений Иванович, я не могу поехать к Горбачеву, поезжай один.

Почему он не может (или не хочет), президент не объяснил. Лишить себя наслаждения принять капитуляцию у поверженного противника — это было на Ельцина не похоже. В таких удовольствиях он себе не отказывал. Чего стоил только хамоватый кураж, который Ельцин устроил в августе над Горбачевым, когда под прицелом полусотни телекамер, на виду у всего мира с ядовитой усмешкой тыкал пальцем перед носом опешившего Михаила Сергеевича в проект указа о запрещении КПСС и требовал немедленно подписать его.

В те минуты даже тем, кто не любил Горбачева, было его жалко. А многим из тех, кто восхищался Ельциным, наверняка стало стыдно за своего кумира, бестактно потешавшегося над Президентом Союза. Ельцин «бил лежащего». Так не делали даже закоренелые мордобойцы в самых глухих деревнях.

Услышав о нежелании Ельцина ехать в Кремль, Шапошников задержался:

— Борис Николаевич, дело очень деликатное, и желательно все же нам поехать вместе. Тем более что я не знаю, передаст ли все «хозяйство» Горбачев мне одному.

В голосе Ельцина появилась примесь свирепости:

— Шта?! Если будут осложнения, позвоните мне.

Маршал отправился в Кремль, терзаемый недоумением. К трепетному осознанию величия исторической миссии, с такой легкостью неожиданно порученной ему Ельциным, упорно примешивалось сомнение: не подставляют ли? Да и шутка ли, Президент России не захотел собственноручно принять главную ядерную кнопку страны!

Шапошников еще только въезжал со Знаменки в Боровицкие ворота, а всезнающие офицеры дежурной смены Центрального командного пункта Генштаба уже всюю обсуждали меж собой эту сенсационную весть. Народ у нас

на ЦКП остроязыкий — кто-то заметил, что «при демократах и маршалы будут работать носильщиками».

Процедура перехода стратегических ядерных кодов от Горбачева к Ельцину тоже относилась к разряду исторических — то был момент, когда объявленному «покойным» Союзу «закрывали глаза»...

Вместе с «ядерным чемоданчиком» побежденный передавал победителю и ключи от Кремля. Поручить вместо себя принять их другому человеку в России мог, наверное, только один человек. Им был Ельцин.

В Генштабе многие в тот вечер ломали голову над загадкой: был ли это типичный ельцинский выпендрез, рассчитанный на еще большее унижение Горбачева, или Борис Николаевич еще не вышел из глубокого похмелья после того, как радостно подписал в белорусском лесу смертный приговор Союзу и мгновенно превратился в «государя», выше которого в России теперь вместо Горбачева был только Бог.

И на сей счет генштабовские офицеры отпускали язвительные реплики:

— Наверное, если бы Горбачев вместе с «ядерным чемоданчиком» сдавал бочку соленых огурчиков, Б.Н. явился бы самолично.

Прибыв к Горбачеву в Кремль, маршал застал Михаила Сергеевича в натужно бодром расположении духа. Таким же Горбачев был и месяц назад, в ноябре, когда пригласил маршала в Кремль. Тогда, угостив Шапошникова кофе, президент произнес долгую и пылкую речь о необходимости спасти Союз. В конце ее Михаил Сергеевич сказал слова, которые ошпарили Евгения Ивановича:

— Вы, военные, берете власть в свои руки, сажаете удобное вам правительство, стабилизируете обстановку и уходите в сторону...

Перепуганный Шапошников возразил, дескать, такая акция может закончиться «Матросской тишиной». Поняв, что маршал не тот человек, на которого можно ставить, Горбачев дал задний ход:

— Ты что, Женя? Я тебе ничего не предлагаю, я просто излагаю варианты.

После этого отношения между Горбачевым и Шапошниковым, и без того лишенные взаимной благожелательности, стали еще прохладнее.

С августа 1991 года, когда Ельцин вырвал в Кремле у

Горбачева согласие на назначение Шапошникова министром обороны СССР, Евгений Иванович знал, что Михаил Сергеевич был недоволен таким поворотом дела: слишком нахраписто Ельцин требовал утвердить предлагаемую им кандидатуру главного силовика. И получилось так, что Президент СССР сплясал под дудку Президента России. Это сильно ущемляло самолюбие Михаила Сергеевича. Но он тогда стерпел, руководствуясь какими-то своими загадочными соображениями, которые были очень похожи на беспринципность...

Чуть позже до маршала доползли слухи, что Горбачев после подписания своего указа сказал о новом министре: «Хороший человек, но слишком интеллигентный для такой должности».

Прослышавший об этом Шапошников тоже отозвался едкой репликой... Став с подачи Ельцина министром обороны СССР, Шапошников оказался на некоторое время «слугой двух господ». Но, аккуратно соблюдая все обязанности главы военного ведомства перед действующим Президентом — Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Союза, министр не скрывал, что душой тяготеет к Ельцину — к этому подталкивали и легко объяснимые моральные обязательства перед человеком, с подачи которого он вознесся на пик головокружительной карьеры. Евгений Иванович щедро расточал комплименты своему патрону — точно так же, как это делали все, кто принадлежал к ельцинской команде.

Много раз сталкиваясь с этими людьми, я все чаще замечал, что у них был строжайший самозапрет на какие-либо критические высказывания даже об очевидных ошибках Б.Н. Наверное, таковы лицемерные законы власти — о действующих «государях» их приближенные говорят так же, как и о покойниках — только хорошо или ничего. И лишь после того как разгневанный и непредсказуемый «патрон» вышвыривал кого-нибудь из престижных кресел, некоторые отваживались на разоблачительную критику; ее зачастую нельзя было отличить от мелкодушной мести обиженных людей.

Тот же, кто терпеливо сносил обиду и молчал, — получал от Ельцина должностенку-синекуру с машиной под задницей (а то и охраной) или становился руководителем какого-нибудь фонда под названием «Стратегия» и с тихой нахрапистостью «доил» родное государство к собственной выгоде.

Отношения Шапошникова с Горбачевым становились все более прохладными, по мере того как Михаил Сергеевич терял свое властное положение и все чаще срывался, — нервишки шалили. Между ними произошло несколько острых стычек. В тот же день, когда Ельцин в Беловежье подписал договор о «тройственном союзе», он позвонил Шапошникову и рассказал о некоторых деталях этого события. Вскоре на связь с министром обороны вышел Горбачев и стал расспрашивать у него, что «натворил» Ельцин в Белоруссии. Шапошников пересказал ему почти все, что узнал от Ельцина, и не скрыл, что поддерживает Б.Н.

Горбачев вскипел:

— Не вмешивайся не в свое дело! Предупреждаю!

И тут Шапошников не сдержался, открытым текстом сказал Михаилу Сергеевичу, что ему надоело находиться «во взвешенном состоянии».

О беловежских решениях Шапошников отзывался осторожно: «Быть может, в тех конкретно-исторических условиях это было единственно приемлемым выходом». И тут же оговорился, что его беспокоил вопрос, — почему документ о роспуске Союза подписали главы только трех республик бывшего СССР?

Маршал словно хотел одной попой усидеть сразу на двух стульях: дескать, упразднение Союза беловежской тройкой — «единственно приемлемый выход», но и то, что других при этом не спросили, его «настораживало». Здесь Шапошников явно недоговаривал самого главного, — легитимны ли были беловежские договоренности? О них Горбачев сказал маршалу:

— Из этого ничего не выйдет.

Шапошников ответил:

— Это — единственный выход... Быть может.

На эту же тему часто вспыхивали острые дискуссии и в арбатских кабинетах. Хотя некоторые генералы и офицеры остерегались участвовать в них, дабы не заподозрили в нелояльности к Ельцину и новому руководству Минобороны. К тому же еще полным ходом шла зачистка МО и Генштаба от «пособников ГКЧП». Это стало золотым временем для тех, кто почуял легкую возможность отомстить неугодным начальникам, продвинуться по службе и получить более высокое звание. Денно и ночью стала работать «фабрика компромата» — так прозвали комиссию во главе с генерал-полковником Дмитрием Волкогоновым, снаряженную

с ведома Ельцина (члены ее гордо называли себя «представителями президента»).

В эту комиссию, рьяно шмонавшую кадры «Арбатского военного округа», вошли генералы и офицеры, которых у нас в Минобороны и Генштабе за глаза брезгливо называли «шушерой». Комиссия состояла из многих хамелеонов, резко поменявших политическую ориентацию сообразно дуновениям времени, — в документах российского правительства их величали «демократически настроенными военно-служащими» (одни публично рвали партийные билеты, другие основательно прятали их в тайниках).

В комиссии особенно вдохновенно работали некоторые пьяницы, скандалисты и уличенные в воровстве, — все они были давно обижены на ГлавПУр за партийные выговоры. Были там и командиры, политработники-перевертыши, преподаватели-неудачники, активно проповедующие реформаторскую ахинею, вызывавшую отвращение у профессионалов. Все эти волкогоновы, кобеды, юшенковы, лопадины, ненашевы и облепившие их мутные личности из теплых московских военных контор никак не могли объяснить арбатским офицерам, по какому такому праву при действующем Президенте СССР и существующих еще конституционных органах власти Союза они устроили кадровый шмон в Минобороны и Генштабе с санкции Президента РФ.

Противоправность такого положения была очевидна даже для генштабовских уборщиц. Однако ни Горбачев, ни Шапошников этому не воспротивились. В конце концов, оба и потерпели поражение от одного «противника» — недооценки силы разрушительных политических и военных процессов: одному не удалось спасти Союз, другому — единые Вооруженные силы. Жизнь в тот период порой ставила их в трагикомичную зависимость друг от друга.

Был такой случай...

Однажды Горбачев позвонил Шапошникову и сообщил, что получил телеграмму от трех полковников Ракетных войск стратегического назначения с грозным предупреждением: если Горбачев не сохранит Союз, то стратегические ракеты будут перенацелены на столицы союзных республик и превратят одну шестую часть земной суши в безжизненную пустыню.

Чтобы успокоить Горбачева, маршал долго объяснял ему, что никто в стране не имеет возможности запускать ракеты без участия президента, министра обороны и на-

чальника Генштаба — так устроена система управления Стратегическими ядерными силами. Потому, мол, телеграмму можно считать бредом или примитивным шантажом. Тем не менее маршал сказал президенту, что готов лично провести расследование. Он попросил Горбачева показать ему телеграмму или назвать фамилии полковников и номер части, в которой они служат.

Но Горбачев сделать это отказался, что и породило у маршала понятные подозрения. Позже Шапошников признался: «Думаю, вообще в природе не было этой телеграммы, а инициатива, по всей видимости, исходила из окружения Горбачева. Судя по всему, оно было не в состоянии посоветовать президенту что-либо разумное для сохранения Союза».

Впрочем, и окружение Ельцина не сумело посоветовать ему что-либо путное для созидания новой России.

Уже в ту пору, когда начинало рушиться здание Союза, наше высшее военное руководство все сильнее втягивалось в орбиту политических склок и противоборств между Кремлем и Краснопресненской набережной. То было недопустимое для генералитета состояние, раз за разом отвлекавшее его внимание от армии. Но никто не мог тогда, наверное, предвидеть, что при Ельцине это на многие годы войдет в систему — некоторые наши первые лица на Арбате будут вынуждены основательно изучить азбуку политического протитуирования перед новым режимом, а затем начнутся демонстрировать в этом высший пилотаж.

Самое опасное состояло в том, что высшее военное руководство, которое дено и ночно должно было заниматься исключительно проблемами спасения и реформирования Вооруженных сил и дистанцироваться от участия в передрагах на политическом Олимпе, было втянуто в подковерные склоки. А в такой ситуации неминуемо наступает момент, когда военачальники вынуждены делать выбор между офицерской честью и лояльностью режиму.

Шапошников не стал исключением...

За четыре месяца пребывания Шапошникова в должности министра обороны СССР (с августа по декабрь) он не только успел почувствовать ядовитый вкус интриг на политическом «верху», но уже и сам вольно или невольно иногда оказывался в роли главного действующего лица некоторых очень шальных арбатско-кремлевских «игр».

У него еще с августа 91-го не заладились отношения с

новым начальником Генерального штаба генералом армии Владимиром Лобовым — человеком, который знал себе цену и чувствовал профессиональное превосходство над министром. Шапошников до своего назначения на высший пост в армии и дня не служил на Арбате, а Лобов имел внушительный послужной список, последовательно пройдя все ступени от командира взвода до командующего войсками округа, затем занимал должность первого зама начальника Генштаба. А Шапошников стал министром с должности Главкома Военно-воздушных сил, минуя считавшиеся обязательными среди высших генералов посты зама главы военного ведомства или начальника Генштаба (являвшегося одновременно первым замом министра).

Маршал и некоторые наиболее приближенные к нему военачальники порой в кулуарах и публично поговаривали, что, мол, в таком перескакивании через обязательные должности ничего скверного нет. Другие же наши арбатские полководцы были твердо убеждены, что и летная специфика Шапошникова, и то, что он не успел как следует пообтереться на Арбате, изучить виды и рода войск — существенные минусы министра. Генерал Лобов придерживался очень близких к этому взглядов — сужу так по некоторым его высказываниям и репликам во время наших откровенных бесед...

Уже с первых дней работы Лобова в должности НГШ у меня создалось убеждение, что у него была скрытая антипатия к маршалу, которая, на мой взгляд, объяснялась прежде всего тем, что Владимир Николаевич испытывал неприятие к головокружительному конъюнктурному взлету Шапошникова.

Эту антипатию я впервые подметил тогда, когда Владимир Николаевич с плохо замаскированным сарказмом рассказывал мне о «скопище летных генералов и офицеров» в приемной нового министра в первые дни после его назначения, о том, с какой легковесностью Е.И. сообщил Лобову о его назначении НГШ, о несостоятельности некоторых приказов, поспешно подписанных маршалом (с них начались первые стычки министра и начальника Генштаба, который обычно оттачивал документы до высшей степени безукоризненности и весьма болезненно реагировал на малейшие дилетантские промахи в директивах и приказах, уходящих с Арбата в войска и на флоты).

Однако это противостояние двух высших военачальников

было бы очень примитивно объяснять лишь тем, что они исповедовали слишком разные подходы к работе или «не сошлись характерами». Корни антипатии, приведшей к серьезному конфликту между ними, лежали гораздо глубже — Лобов не принимал Шапошникова прежде всего как ставленника Ельцина, как человека, оказавшегося во главе Вооруженных сил не по логике заслуг и служебного роста, а по воле политической конъюнктуры (ее первой и самой крупной жертвой Владимир Николаевич вскоре и стал).

Лобов с первого дня службы в должности НГШ демонстрировал независимость взглядов на военную реформу и прорабатывал идеи, которые сильно настораживали Шапошникова, особенно по части новой схемы административного и оперативного управления Вооруженными силами. Евгений Иванович усматривал в ней явную «кастрацию» своих полномочий. Судя по некоторым его признаниям, он сильно остерегался, что в случае утверждения президентом лобовского плана разделения функций между Минобороны и Генштабом, министр обороны будет отеснен от рычагов непосредственного управления армией и обретет лишь административно-политический статус, а полномочия НГШ сильно укрепятся (Лобов в качестве одного из вариантов предлагал, чтобы начальник Генштаба был одновременно и Главкомандующим Вооруженными силами).

Вообще, на мой взгляд, уже осенью 1991 года генерал армии Лобов намеревался сделать то, к чему мы за последующие годы много раз пытались подойти, но крайне безуспешно: по строгому счету, Минобороны как было «министерством Вооруженных сил», так и осталось им — его полномочия распространяются главным образом только на армию, а не на всю сферу обороны государства. А Генштаб лишь осенью 1998 года по указу Президента РФ частично расширил свои функции как координирующий орган силовых структур страны — дальше дело не пошло...

Когда взгляды министра и начальника Генштаба по кардинальным вопросам военного строительства не совпадают, когда недостаток профессиональной логики с чьей-либо стороны начинает компенсироваться эмоциями, неминуемо начинаются интриги, перерастающие в скрытую и явную борьбу, в которую по мере разрастания конфликта вовлекается все больше людей.

О том, что не без ведома Шапошникова вокруг Лобова

началась странная возня, НГШ догадался уже тогда, когда в «Красной звезде», а затем в «Аргументах и фактах» появились заметки, в которых, в частности, ставилась под сомнение способность начальника Генштаба надежно контролировать управление Стратегическими ядерными силами (у него тоже имелся «ядерный чемоданчик»). В явно заказных газетных материалах содержались провокационные намеки на «опасность», которую якобы нес в себе не всегда лояльный к властям Лобов (чего только стоила всего лишь одна фраза: «Начальник Генштаба против всех президентов сразу»)...

Внезапный удар по Лобову был нанесен тогда, когда в декабре 1991 года он находился с визитом в Англии. Указом Горбачева его освободили от должности мгновенно и загадочно. Сразу после возвращения в Москву Лобов позвонил в Кремль Горбачеву, чтобы узнать причины своего внезапного и коварного смещения. Михаил Сергеевич отвечал многословно и скользко. Единственной конкретностью в его туманных объяснениях было то, что к нему, мол, «пришли трое и надавили». Кто именно — он не говорил.

Но Лобов догадывался, что одним из них наверняка был Шапошников.

Устранение Лобова в декабре 1991 года с командного мостика армии было началом большой конъюнктурной игры, которую затеяли российские власти в сфере кадровой политики в Вооруженных силах. По наводке некоторых высших военачальников, спешивших засвидетельствовать свое верноподданничество Ельцину, один за другим смещались со своих постов опытейшие командиры и начальники. А поводом для этого часто служили не только гнусные доносы на «нелояльность подозреваемых» или их дружбу с членами ГКЧП, но и жажда мести тем, кто в свое время не давал ходу карьеристским намерениям бездарей или бил по рукам хапуг.

Тогда, в конце 1991 года, многие арбатские генералы не могли и догадываться, что предстоящие годы владычества Ельцина с лозунгами о демократических реформах были по сути не борьбой за укрепление подлинно народной справедливой власти, а длительным сражением за политическую живучесть главы режима, в котором самая серьезная ставка делалась на прирученных генералов-силовиков.

И очень часто за лукавым декларированием приоритетов «интересов государства» ловко маскировались личные поли-

тические интересы и выгоды прежде всего самого Ельцина и оберегающей его свиты.

Рушилась экономика, билось в конвульсиях сельское хозяйство, чахла культура, гигантская эпидемия коррупции и преступности поражала страну, разваливалась армия, но вместо полной мобилизации сил на спасение государства Россия почти десять лет только и наблюдала за тем, как президент ловко ставит «сдержки и противовесы», изгоняет бездарных или проворовавшихся министров и назначает других, перетряхивает свою кремлевскую команду, воюет с парламентом или борется за продление президентского мандата на новый срок и добивается победы за счет ее щедрой проплаты из кошельков олигархов, старательно и страстно облизывающих десницы «монарха» в надежде на то, что в знак благодарности и им достанется желанный жирный шмат недвижимости или кусок нефтяной трубы...

В конце концов, страну приучили к тому, что она дено и ночью вынуждена была наблюдать за стиркой грязного белья в кремлевском, правительственном и парламентском корытах.

Великое сонмище фактов российской политической жизни последнего десятилетия уходящего века убедительно свидетельствует о том, что ход отечественной истории Кремль часто поворачивал в русло, которое прежде всего было выгодно Ельцину, а не России. И жизнь армии в такой же мере часто подчинялась личным политическим интересам, пристрастиям и капризам Б.Н.

* * *

...Когда вечером 25 декабря 1991 года Шапошников приехал в Кремль к Горбачеву, тот на сей раз без каких-либо возражений расписался на документах, фиксирующих передачу «ядерного чемоданчика», — на тех самых, где с нелепой поспешностью поставил свою преждевременную подпись Б.Н. Они тут же были отправлены нарочными под усиленной охраной к Ельцину на Краснопресненскую набережную. Сам чемоданчик Шапошников должен был доставить Ельцину лишь после того, как президент подтвердит получение документов, завизированных Горбачевым.

Один из моих давних знакомых служил на Центральном командном пункте Генштаба и имел непосредственное отношение к разработке системы управления стратегическим ядерным оружием. В тот день я спросил у него, кто вместо

Верховного будет принимать решение, если, допустим, ядерная угроза случится в период, когда из-за странного бзика Ельцина на некоторое время потеряется контроль за главной ядерной кнопкой?

Ответ был предельно красноречивым:

— А хрен его знает!

К тому времени я уже знал, что в случае ядерной угрозы между президентом, министром обороны и начальником Генштаба должен мгновенно произойти сеанс так называемой конференц-связи, в ходе которого в течение нескольких минут все трое обязаны прийти к единому решению. Исключение из этой процедуры хотя бы одного из них допускалось лишь теоретически (хотя нашей разведке было известно, что в некоторых ядерных странах, например во Франции, продолжительное время существовала дублирующая тайная схема управления Стратегическими ядерными силами, исключавшая участие в ней нескольких обязательных лиц, кроме, разумеется, президента. Но когда это стало известно в правительстве, разгорелся бурный «семейный» скандал, шум которого французские власти быстро загасили).

В России же с конца 1991 года и донныне управление президентом Стратегическими ядерными силами, некоторые его важнейшие решения по их перенацеливанию, сокращению или реформированию принимались порой в форме лихих экспромтов. Некоторые из них Б.Н. делал с подачи своих «ядерных» советников, пытавшихся помочь президенту утолить его жажду «исторических прорывов» в международных отношениях с помощью сенсационных инициатив. Тут Ельцин намного превзошел даже Горбачева, который неоднократно набирал очки у Запада, оглушая его необычайно смелыми шагами СССР в сторону радикального сокращения ракетно-ядерных вооружений (даже тогда, когда Генеральный штаб по некоторым видам сокращаемого оружия был категорически против, а его преждевременное уничтожение считал преступным).

Как и Горбачев, Ельцин не раз стремился наращивать свой международный политический рейтинг с помощью авантюрно-популистских предложений. Мне до сих пор помнится, какой мировой фурор вызвало заявление Ельцина в начале 1992 года: «Наши ракеты больше не нацелены на США». Многие в Генштабе в тот день отнеслись к этому сенсационному заявлению президента точно так же, как сыновья стыдятся своего отца, когда он вдруг ляпнет при-

людно чепуху или очевидную неправду. Наш Верховный за реальный факт не раз выдавал то, что лишь в самых общих набросках существовало в планах.

Об окончании вывода полетных заданий российских межконтинентальных ракет, нацеленных на США, на так называемый нулевой режим министр обороны П. Грачев публично объявил лишь через... полтора года. В то время, когда российский президент радостно превозносил «выдающееся и беспрецедентное» решение Кремля, американский, Билл Клинтон, отнесся к этому очень сдержанно. Когда США объявили об аналогичном шаге, он сказал:

— Это всего лишь символический жест доброй воли с обеих сторон.

В сентябре 1996 года во время поездки в штаб-квартиру НАТО в Бельгии я спросил министра обороны США Уильяма Перри, что он думает о взаимном ракетном ненацеливании между нашими странами. Он хитро улыбнулся и ответил:

— Мы не знаем, куда в действительности нацелены русские ракеты. Так же, как вы точно не знаете, куда нацелены американские.

Но сильнее всего наш президент шокировал оппонентов, когда заявил во время встречи с главами некоторых государств НАТО, что с российских ракет, нацеленных на страны альянса, «снимаются боеголовки».

Тогда и в российском Генштабе у многих отвисли челюсти. Многим показалось, что они ослышались. В нашу пресс-службу в панике примчались офицеры Главного оперативного управления ГШ, курирующие Ракетные войска стратегического назначения, и стали лихорадочно прокручивать пленку с записью слов Верховного. В гробовой тишине дежурной комнаты раз за разом звучал торжественный голос Ельцина:

— **Я СЕЙЧАС принял решение...**

— **Я СЕЙЧАС принял решение...**

В российской прессе началась шумиха, журналисты допытывались у минобороновского руководства, консультировался ли с ним Верховный Главнокомандующий перед тем, как объявил о своем решении. Наши генералы ловко уходили от ответов. Чтобы хоть как-то пригасить скандал, пресс-служба МО сделала туманное заявление, из которого только и можно было понять, что снятие боеголовок — процесс длительный...

А мне вспоминалась такая же скандальная шумиха в российской и зарубежной прессе после того, как 25 января 1995 года норвежцы запустили свою метеоракету «Блэк Брандт-12» с полигона на острове Аннея. Ельцин прокомментировал это событие не без гордости. Цитирую: «Военным, безусловно, надо сказать спасибо... За высокую боеготовность... Мы ее (ракету. — *В.Б.*) поймали сразу и определили место ее падения — достаточно далеко от наших берегов».

Возникал логичный вопрос: почему президент решил вдруг оповестить страну и мир о банальной, в сущности, ситуации? Москва о запуске норвежской ракеты знала заранее (я своими глазами видел сообщение № 1348, поступившее из Осло в Москву еще недели за три до пуска), наши станции предупреждения о ракетном нападении ее мгновенно засекали и вели до момента падения.

Все было, как говорится, штатно. И тем не менее Верховный Главнокомандующий придал этому в общем-то ординарному событию выдающееся значение и, более того, был восхищен тем, как четко сработал министр обороны, оперативно вызвав президента на конференц-связь. Много знающая американская разведка этому событию дала более жесткую трактовку, отметив, в частности, что российский президент «лихорадочно хватался за «ядерный чемоданчик».

На выручку раздувшего сенсацию и слишком вольно трактовавшего инцидент Верховного Главнокомандующего мгновенно бросился тогдашний начальник Генерального штаба генерал-полковник Михаил Колесников. Он успокаивал насторожившуюся российскую и международную общественность:

— Наблюдение за ракетой взяло на себя в автоматическом режиме оборудование наших станций раннего предупреждения о ракетном нападении. А технике совершенно безразлично, какая это ракета — военная или гражданская. Однако запуск ракеты с определенной территории — всегда серьезное событие...

Колесников подтвердил, что норвежское уведомление о запуске ракеты в нашем военном ведомстве было, правда, без упоминания точного времени старта. Но оно в таких документах обычно и не называется — часто случаются задержки. И потому указывается лишь день и с какого по какой час намечается пуск.

Вся эта шумиха с участием Ельцина вызывала саркасти-

ческие улыбки на лицах генштабовских спецов и по другим причинам. Верховный ведь не хватается за «ядерный чемоданчик», когда запускают свои ракеты США, Китай, Франция, Северная Корея...

В то время шла война с Чечней. Наши войска терпели неудачи. Президент был недоволен военным руководством. Генералы и решили разыграть с Верховным весь этот спектакль, чтобы хоть как-то реабилитировать себя в его глазах и показать, что армия находится в высокой боеготовности...

Но случалось, что дело доходило и до гораздо более опасных президентских экспромтов. А были и такие, о которых до сих пор знают лишь десятка два людей в России.

Однажды перед визитом в Англию Б.Н. в очередной раз вознамерился сделать исторический прорыв на «ракетно-ядерном фронте». Кремлевские и правительственные чиновники, минобороновские спецы ломали голову над тем, чтобы такое придумать для «первого», чтобы в очередной раз он предстал пред человечеством в облике несравненно-го миролюбца. И, ослепленные великой страстью верно-подданничества, придумали...

Ельцин должен был ошарашить мир новой оглушительной сенсацией: в качестве демонстрации беспрецедентного доверия американцам Москва устами нашего президента намеревалась объявить о том, что она частично отключает... систему предупреждения о ракетном нападении.

Только жесткая позиция генерал-полковника Бориса Громова, бывшего в ту пору главным военным советником МИДа РФ, а также других трезвомыслящих и принципиальных политиков, помогла предотвратить аферу, которая с подачи Б.Н. могла лишить Россию еще одного оплота ее военной безопасности.

Но до этих событий еще надо было дожить. А тогда, в конце 1991, в кулуарных генштабовских беседах стали мелькать мыслишки наших спецов, что Б.Н., наверное, еще не отдает себе в полной мере отчета, какая опасная «игрушка» досталась ему как президенту...

* * *

...Машина маршала Шапошникова в сопровождении нескольких иномарок с пуленепробиваемыми стеклами и вооруженными офицерами Главного управления охраны (позже — Федеральной службы охраны. — *В.Б.*) мчалась из

Кремля к Белому дому. В одной из них на заднем сиденье расположились два капитана 1 ранга в гражданском (они именуется группой операторов, имя которой совпадает с названием некогда популярных в Союзе папирос — «Казбек»). Между ними стоял тот самый «ядерный чемоданчик», который от множества похожих на него крутых кейсов внешне мало чем отличался (разве только тем, что рядом с ним часто был толстый кофр — пункт мобильной космической связи, из которого торчал край толстой антенны с шариком на конце).

За стеклами машины маршала копошилась вечерняя Москва, не подозревавшая, конечно, что стадо черных автомобилей с мигалками, прущее по нейтральной полосе Калининского проспекта, доставляет Ельцину самый грозный в мире атрибут политической и военной власти.

Позже в своем дневнике маршал Шапошников об этом событии напишет: «Так в тот вечер произошло еще одно, незаметное для многих, событие, которое позволило спокойно и ответственно обеспечить непрерывное управление Стратегическими ядерными силами».

Насчет спокойствия, ответственности и непрерывности Главком явно лукавил.

В тот вечер Ельцин окончательно получил от Горбачева все, что хотел получить.

Последняя точка в истории Союза была поставлена.

Президент с торжествующим любопытством рассматривал привезенный ему «чемоданчик» и слушал пояснения «ядерных» офицеров.

Этот «чемоданчик» превращал его в одного из самых сильных властителей планеты. И хотя из сложных объяснений технических спецов он понял лишь то, что в случае войны без его личного, хитроумно устроенного ядерного кода не взлетит ни одна межконтинентальная российская ракета, — это раширало его торжествующим сознанием собственного величия.

Теперь заветный «ядерный чемоданчик» был под его безраздельной властью, так же как и Россия. Владыка гордился этим, хотя лишь в самых общих чертах понимал, как управлять и гигантским государством, и небольшим кейсом. Главное — он был НАД всем этим. А в деталях разберутся подручные специалисты...

Впереди была неизведанная жизнь.

И не один раз в ней случалось так, что тяжело захворав-

ший Ельцин попадал на больничную койку и напрочь отключался от выполнения президентских функций. Когда боль мутнила сознание и колочке ползала по замирающему сердцу, когда тонкой, как лезвие хирургического скальпеля, становилась грань между жизнью и смертью. — даже тогда президент никому не передавал двух вещей — Власти и «ядерного чемоданчика».

Президент уже лежал на операционном столе, а его команда в Кремле яростно шушукалась о том, как быть с ядерным баулом. Кто-то украдчиво предложил отдать его на время Чернобырдину, второму лицу в государстве. Но в ответ на это было многозначительно замечено, что в случае неблагоприятного развития ситуации премьер «может так прилипнуть к ядерной кнопке, что его тогда черта с два от нее отдерешь» (эта многозначительная фраза, приписываемая Коржакову, через несколько дней появилась в некоторых зарубежных газетах. В других вариантах она излагалась и так: «Кто владеет шифрами, разблокирующими ядерный арсенал, тот обладает и всей полнотой власти».

В отличие от других ядерных стран, в России до сих пор так и не отработан документ (закон), определяющий порядок передачи президентского «ядерного чемоданчика» лицу, которое будет исполнять обязанности главы государства в том случае, когда Ельцин делать это не в состоянии (в США, например, эта процедура расписана, как говорится, до 14-го колена, вплоть до министра сельского хозяйства).

...Но даже крохотная вероятность того, что может случиться ядерная тревога и кто-то должен будет на нее с помощью президентского «ядерного чемоданчика» мгновенно реагировать, отрезвил ельцинскую свиту. Рассудили так, что чемодан только Часть Власти, а не Вся Власть. Чтобы от греха подальше — можно на какое-то время и поделиться.

И лишь тогда, когда под надзором Дебейки было остановлено президентское сердце, на короткое время Власть и главная ядерная кнопка (которую он с умышленной небрежностью назвал «причиндалами») оказались в руках Чернобырдина. Но как только президент пришел в сознание, премьер тут же спешно возвратил Б.Н. его самый драгоценный скарб, — слишком опасно было владеть всем этим под суровым надзором президентской свиты, которая ревниво и бдительно следила за тем, чтобы чужие руки лишний раз не прикасались к священному «монаршему скипетру». Оберегая его, свита заботилась и о себе.

Когда в ноябре 1998 года (а затем — в январе 99-го) президент в очередной раз свалился на койку Центральной Кремлевской больницы и отключился от управления страной — и Власть, и «ядерный чемоданчик» в очередной раз он «забыл» передать премьеру Примакову, — все это лежало вместе с ним в больничных палатах.

И уже, казалось, невозможно было предвидеть самым смелым воображением, наступит ли тот момент, когда «государю» придется разжать свои некогда сильные и цепкие, а сейчас немощные и слабые руки на скипетре Власти или этот скипетр преемнику надо будет вырывать у него из онемевших рук, разламывая пальцы...

С первого дня своего пришествия в Кремль Ельцин постоянно стремился подчинять собственным интересам течение государственной жизни. Годы его правления — это сплошная цепь ухищрений и политических игр, направленных прежде всего на укрепление и оберегание собственной власти. Ельцин приучил, в конце концов, страну к тому, что ему не обязательно управлять государством со своего рабочего места в Кремле. И Россия привыкла к тому, что Ельцин имитировал управление ею с больничной или санаторной койки. И дикторы телевидения, казалось, уже не замечали маразма, когда с радостным восхищением торжественно рапортовали соотечественникам:

— Сегодня Ельцин неожиданно появился на рабочем месте в Кремле!!!

Глава президентской пресс-службы Дмитрий Якушкин с гордостью оповещал российские и иностранные средства массовой информации: «Сегодня Борис Николаевич планирует несколько часов поработать в Кремле...»

При этих словах мне вспомнился прокисший анекдот про пациента психбольницы, который писал родителям: «У нас все хорошо. Сегодня целый день купались в бассейне и прыгали с пятиметровой вышки вниз головой. Нам сказали, что если будем вести себя послушно, то и воды нальют».

Уже который год Кремль приучает Россию жить по дурдомовским правилам...

Когда-то мы сгорали от стыда, наблюдая за немощными и склеротичными кремлевскими старцами, управлявшими гигантской страной. А после знаменитых «гонок катафалков» в начале 80-х годов было много призывов не допускать такого национального позора (помните кошунственную

шутку: «Леонид Ильич приступил к исполнению обязанностей, не приходя в сознание»).

Сейчас шутят похлеще. Но Ельцин не уходит. Валится с ног во время визитов. Висит на руках охранников и министров во время торжественных приемов. Месяцами не появляется на работе. А то, о чем он думает, многословно и лукаво комментируют пресс-секретари и помощники: «Борис Николаевич внимательно следит», «Борис Николаевич считает», «Борис Николаевич уделяет огромное внимание...»

На несколько месяцев в году президент становится призраком с голосом своего пресс-секретаря, руководителя Администрации или секретаря Совбеза. Всем понятно, что со здоровьем у него неважно. На этом фоне активная работа премьер-министра пугала и настораживала кремлевских клерков. Пресса все чаще начинала говорить о том, что власть потихоньку переходит в руки Примакова. И тут еще не оклемавшийся от хвори Б.Н. ни с того ни с сего принял решение слетать на похороны короля Иордании. Примаков его отговаривал:

— Подумайте о себе.

Ельцин величественно парировал:

— Я прежде всего думаю о России...

В Иордании охранники и министр иностранных дел Игорь Иванов водили его под руки. У Ельцина не было даже сил подняться по лестнице к гробу короля — его сыну-преемнику пришлось спуститься вниз, чтобы принять соболезнование из уст российского президента.

Но в тот же день президентская пресс-служба дает отмашку «своим» газетам и телекомпаниям, и вот уже вся Россия яростно вгрызается в новую «информационную кость»:

— Ельцин в форме и ставит Примакова на место!

— Ельцин держит руль власти в твердых руках!

А Ельцин снова держал руль власти, лежа на барвихинской койке...

Как-то, в дни очередного недомогания Ельцина, корреспондент одной из газет спросил у бывшего замминистра обороны России генерал-полковника Бориса Громова:

— Как совместить постоянное нездоровье Президента — Верховного Главнокомандующего с величайшей ответственностью перед всем человечеством? Кто контролирует ядерную ситуацию?

Громов ответил:

— Тот, кто с «ядерным чемоданчиком» связан. У этих людей большой опыт. Офицеры этой системы не только сегодня, но и годами находились рядом с большими лидерами. Неспособность лидеров ядерной сверхдержавы осознавать реальный мир — трагична... А ситуация с «ядерным чемоданчиком» стала качественно иной. В прошлые годы гарантом адекватности действий в периоды международных кризисов и команд Верховного Главнокомандующего был Генеральный штаб. ГШ состоял из военачальников, обладающих глубокими знаниями. Сегодня ГШ — противоположность прежнему...

Корреспондент:

— А министр обороны?

Громов:

— Министр обороны положения не меняет. Мое твердое убеждение: постоянные болезни Верховного Главнокомандующего, разрушительная деформация высших военных структур и «ядерный чемоданчик» — очень опасная цепь...

Однажды офицер штаба армии предупреждения о ракетном нападении по великому секрету сказал мне, что был случай, когда Б.Н. во время нештатной ситуации целых 11 минут «не мог войти в связь», из-за чего вместо положенных, скажем, 15 минут на принятие главного решения оставалось всего 4...

Хорошо, что тревога оказалась ложной.

Опасная цепь...

* * *

А память снова возвращает меня в тот декабрьский вечер 1991. Сидя в своем прокуренном генштабовском кабинете, я думал о том, что некоторые исторические события вкрадываются в нашу жизнь так же тихо и незаметно, как мыши в амбар...

На старте новой политической эпохи дежурный по приемной маршала Шапошникова продолжал азартно играть в порнушный «Тетрис».

Дежурный генерал Центрального командного пункта Генштаба, пытавшийся дозвониться до оперативного дежурного ракетной армии, дислоцировавшейся на Украине (Винница), услышал в трубке кобылиное ржание пьяной телефонистки, которая в ответ на суровую реплику генерала по-хохляцки ответила:

— Пишов ты в жопу, москаль поганый!

И бросила трубку...

Утром генштабовские секретчики разносили по кабинетам копии стенограмм наиболее важных радиоперехватов вражьих голосов (такие документы регулярно поступали к нам на Арбат из Федерального агентства правительственной связи и информации. — В.Б.). Просматривая эти документы, я был поражен сообщением одной забугорной радиостанции, в котором детально сообщалось о процедуре перемещения ядерной кнопки от Горбачева к Ельцину, «символизирующей начало новой эры в жизни посткоммунистической России».

Через несколько дней после этого я присутствовал на тайной генштабовской пирушке, где офицеры провожали уходящий 1991 год. Когда наступило время третьего тоста, звона стаканов с водкой не было. По обычаю третий тост генштабисты пьют за погибших.

В тот раз в нарушение традиции полковник Владимир Климов предложил «выпить стоя и не чокаясь за Союз и армию».

Офицеры в поминальной тишине осушили стаканы.

Потом вместо привычной и крепкой офицерской пьянки получился хмельной политический галдеж. Все мы дружно размазывали сопли в связи с кончиной Союза и его армии. Вспоминали арбатских и войсковых начальников, которых «комиссия по лояльности» вытурила из армии после августовских событий. Когда генерал армии Лобов был еще при должности, маршал Шапошников предложил ему возглавить эту комиссию, но Владимир Николаевич наотрез отказался (что тоже дало повод нашим арбатским сексотам уже тогда занести его в тайный список «нелояльных»). А я несказанно гордился моим начальником, всегда бдительно следившим за чистотой своей офицерской чести...

Генштабисты прозвали комиссию «командой стукачей» (она некоторое время работала под руководством генерала армии К. Кобеца). В результате чистки в рядах высшего генералитета армии и флота только на первом этапе «по подозрению в причастности к инициативным попыткам проведения в жизнь установок ГКЧП» были освобождены от занимаемых должностей 8 заместителей министра обороны, 9 начальников центральных и главных управлений МО и ГШ, 7 командующих войсками военных округов и флотами. То был период кадрового беспредела, чем-то очень на-

поминающий 37-й год. С одной лишь разницей, что генералов и адмиралов не расстреливали и они не исчезали бесследно.

Среди них не было ни одного «врага народа». Все они прослужили в армии по 30 и более лет, намотали по дюжине и больше гарнизонов, нахватали за годы войсковой каторги язв, травм, радикулитов и инфарктов (а многие — и боевых ран). Но ни блистательные послужные списки, ни килограммовые гроздья орденов и медалей за верную службу Родине не спасли их от политической расправы только за то, что они в августе безоговорочно повинувались приказу министра обороны, движимые благородной надеждой спасти Отечество от сползания в пучину бардака и развала...

Но они были недопустимо наивными, поверив в то, что эту задачу можно решить вводом танков в столицу.

Но вряд ли их можно было так бездумно и безжалостно карать только за то, что они, строго повинувшись законам офицерской чести и требованиям уставов, безоговорочно выполнили приказ маршала Дмитрия Язова, который принял всю вину на себя и смиренно отправился на тюремные нары...

В Генеральном штабе всегда служили люди, которые вне зависимости от должностей и званий умели чувствовать и предвидеть развитие событий на полях военных и политических сражений. Один из них, мой друг и духовный наставник отставной полковник Владимир Петрович Дроздов сказал как-то пророческие слова:

— Когда власть берут те, которые не знают, что с ней делать во благо страны, народ и армия купаются в крови и говне. По самую верхнюю губу...

Я крепко запомнил эту аксиому.

Все, что было с нами после, происходило в строгом соответствии с ней.

Страшный разрушительный рок витал над Россией, над всем гигантским пространством, недавно называвшимся Советским Союзом, лихо закручивая драматические сюжеты судеб народов и отдельных людей...

ПОБЕГ

...В середине января 1992 года в Генеральный штаб из штаба Туркестанского военного округа (Ташкент) поступило секретное донесение разведки о военно-политической ситуации в Центрально-Азиатском регионе.

В конфиденциальной депеше речь шла о сильном недовольстве руководства Казахстана тем, что беловежские соглашения были подписаны Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем без участия Назарбаева и учета его позиции. Об этих решениях, говорилось в шифровке, в ближайшем окружении казахского президента отзываются как о «поспешных, опасных и авантюрных» (декларацию о своей назависимости Казахстан обнародовал лишь 16 декабря 1991 года — самым последним из всех союзных республик. — *В.Б.*)...

Далее сообщалось, что руководство республики в отместку за игнорирование его мнения Кремлем тайно и спешно разрабатывает план создания национальных вооруженных сил и уже определило список воинских частей на территории республики, которые должны быть экстренно взяты под ее юрисдикцию. Для решения этой задачи в срочном порядке подбираются опытные кадры из числа казахских офицеров. Одновременно проводится скрытая вербовка и некоторых русских командиров частей, дислоцирующихся в Казахстане.

Особое внимание разведка ТуркВО обращала на то, что наибольшей расположенностью президента республики стал пользоваться командующий 32-й общевойсковой армией генерал-майор Анатолий Рябцев...

То был не первый сигнал такого рода. В Генштабе уже знали и о многих других, даже весьма пикантных, подробностях отношений Назарбаева и Рябцева: генерал был приближен к алма-атинскому «двору», его приглашали на светские рауты, поговаривали, что он ездил с президентской свитой на охоту и рыбалку.

Однажды Назарбаев позвонил в Минобороны и стал возмущаться тем, что рябцевскую армию штаб ТуркВО объегорил при распределении запасов войскового имущества. При этом Нурсултан Абишевич как матерый штабник легко оперировал цифрами, фактами и сложными военными терминами. Кто именно столь основательно «натаскал» казахского президента, — нашим арбатским генералам догадаться было не трудно...

Знали на Арбате уже и о том, что генералу Рябцеву была обещана должность заместителя министра обороны Казахстана.

По личному распоряжению Назарбаева ему выделили элитную квартиру — ту самую, в которой некогда жил

бывший первый секретарь компартии республики Динмухамед Кунаев. Квартира находилась в особо охраняемом доме — в нем проживала казахская знать.

По этой причине случилась однажды конфузия, которая еще больше обострила и без того неважные отношения генерала Рябцева с окружным начальством. Внезапно нагрянувшая из Ташкента для проверки боеготовности армии комиссия во главе с командующим ТуркВО генерал-полковником Георгием Кондратьевым полдня не могла обнаружить командарма.

Подобного случая не удавалось выковырять из глубин памяти даже армейским «динозаврам», прослужившим по сорок с гаком лет. Офицеры штаба армии в ответ на вопросы Кондратьева, где их непосредственный начальник, бубнили что-то невнятное и отводили в сторону плутоватые глаза...

Офицеру штаба ТуркВО полковнику Валерию Атамасю было приказано добыть генерала хоть из-под земли, и потому он первым делом направился к Рябцеву домой, поскольку квартирный телефон командарма оказался отключенным.

Однако на ближних подступах к «дому Кунаева» Атамась напоролся на хитро замаскированную засаду вооруженных казахских охранников, которые стволами своих пистолетов, недружелюбно впершихся полковнику в живот, немногословно и сурово остудили горячее рвение офицера выполнить приказ. Атамась ретировался в твердом убеждении, что «боевое охранение» было заранее предупреждено ушедшим в подполье командармом. И хотя к концу дня разгневанной комиссии все же удалось выловить генерала и потребовать объяснений, разгромные итоги проверки его армии были ясны еще до ее начала...

Командующий войсками Туркестанского военного округа Георгий Кондратьев неоднократно докладывал в Минобороны и Генштаб, что командарм «не тянет» в должности, а его позиция и линия поведения в условиях бурно прогрессирующей национализации частей бывшей Советской Армии на территории Казахстана не отвечают интересам России.

Но Минобороны на сигналы Кондратьева не реагировало. Многим у нас на Арбате это казалось странным. Но мало кто знал, что еще при маршале Язове вступать в эту проблему было опасно: министр порой сам позванивал ко-

мандарму — шла тайная молва об их приятельстве (хотя на самом деле Дмитрий Тимофеевич с помощью Рябцева заботился о каких-то своих родственниках в Алма-Ате).

А позже, после августовских и беловежских событий 1991 года, нашему высшему военному руководству было не до кондратьевских сигналов из Ташкента уже по другой причине: все были заняты гораздо более серьезными проблемами — дело шло к образованию Российской Армии и на Арбате начались подковерные схватки за должности в Минобороны и Генштабе...

В то время, когда в Москве закипали тайные генеральские страсти вокруг перспективных должностей в будущем российском МО, а в широкие уши Кремля изящно запускался доведенный до гениальной изящности творений Фаберже «августовский компромат», кропотливо изготовленный некоторыми конкурирующими между собой полководцами, генерала Кондратьева мучили совсем иные проблемы.

Посылая в Генштаб одну за другой шифровки со своими соображениями о том, как с максимальной выгодой для военно-политических интересов России сохранить стратегическую группировку наших войск в Средней и Центральной Азии (в том числе и армию генерала Рябцева), командующий ТуркВО был искренне убежден, что его идеи внимательно рассматриваются и работают на пользу Отечеству...

Но генерал Кондратьев не знал, что в то время голова Евгения Шапошникова болела уже о другом — его шансы стать российским министром обороны усыхали на глазах, а положение Главкома Объединенных Вооруженных сил СНГ поставило его в совершенно глупое положение после того, как в середине марта 1992 года Ельцин издал указ о назначении себя... министром обороны России.

В то время маршал Шапошников был председателем Совета министров обороны СНГ, и таким образом получалось, что он по своему статусу стоял над Ельциным.

Шапошников считал, что двусмысленность положения, в котором он оказался, была создана Президентом РФ умышленно. Ему казалось, что этим шагом Ельцин толкал его к однозначному выбору — посту министра обороны. К тому же сам президент однажды заявил:

— Я министр обороны России в большей степени формальный, а реальный — маршал Шапошников, с которым мы работаем согласованно...

В то время многим у нас на Арбате казалось, что получение поста министра обороны РФ для Шапошникова — всего лишь дело времени. Но дальнейшие события все круто изменили...

В конце апреля 1992 года Ельцин отправился в поездку по стране. А поскольку планировалось, что он посетит несколько военных объектов, то в состав президентской делегации был включен и Шапошников.

На обратном пути в Москву в присутствии Ельцина между Евгением Ивановичем и секретарем Совета безопасности РФ Юрием Скоковым возник конфликт. Скоков возмутился тем, что Президента России меньше показывают по телевизору, чем Гайдара и Горбачева. Шапошников «взорвался». Он стал упрекать Скокова, что заводить такой провокационной информацией президента не стоит. Два высоких чиновника стали до того агрессивно пикировать друг на друга, что Ельцину тогда стоило немалых трудов примирить их...

Вспоминая об этом эпизоде, Шапошников признался:

— После этого я окончательно решил, что пока в окружении Ельцина имеются люди, склонные к интригам, политическим играм и другим нечистоплотным делам, мне в российских структурах власти делать нечего...

Трудно поверить, чтобы столь уравновешенный, неспособный на опрометчивые решения маршал, вдруг под влиянием минутных эмоций решил на шаг, который предопределял его дальнейшую судьбу. Станным выглядело и другое откровение Шапошникова — о том, что он «не счел возможным согласиться на предложение руководства России занять пост министра обороны Российской Федерации». Но кто именно делал ему такое предложение, Евгений Иванович умалчивал...

Это походило на блеф.

Суть тут, на мой взгляд, была совсем в другом: столь острая неприязнь Шапошникова к Скокову предопределялась тем, что и секретарь СБ, и вице-президент А. Руцкой не поддерживали кандидатуру Шапошникова на пост министра обороны России. Этот фактор влиял и на позицию Ельцина, который к тому же все больше сознавал, что хотя Россия пока и не объявила о создании собственной армии, но все к тому идет...

А Шапошников по-прежнему принципиально и упорно отстаивал идею сохранения единых Вооруженных сил СНГ.

Однажды он даже написал рапорт на имя всех президентов Содружества с просьбой отстранить его от должности, если целостность армии не будет сохранена. Ельцину стоило тогда немалых нервов уговорить маршала отказаться от своего намерения.

Но тот маршальский демарш президенту запомнился: он не слишком привечал людей, способных дергаться и создавать дополнительные проблемы в решающие моменты...

К тому же все больше усиливалось скрытое противостояние маршала с фаворитом Ельцина генералом Павлом Грачевым, который, закусив удила, рвался к креслу министра обороны России, и порой казалось, не замечал, что в демонстрации верноподданничества президенту уже терять меру.

Когда генерал Кондратьев в конце февраля 1992 года проведал о том, что вскоре ему предстоит сдать свой округ и штаб ТуркВО узбекскому министерству обороны и ждать нового назначения, он в телефонном разговоре с Шапошниковым поинтересовался своей служебной перспективой.

И тогда Евгений Иванович то ли в шутку, то ли всерьез предложил Георгию Григорьевичу подумать о должности первого заместителя министра обороны... Узбекистана.

Был бы кто-нибудь другой в тот момент на проводе, Кондратьев наверняка ответил бы ему так, что надолго перегорели бы предохранители на линии связи между Арбатом и Ташкентом... Но Кондратьев совершил в некотором роде подвиг, не дав волю своему умению в подобных случаях выражать чувства в той ненормативно-экспрессивной форме, о которой давно ходили легенды везде, где он служил. Но тогда Кондратьев лишь сухо и с непозволительной для служебного этикета дерзостью заметил маршалу, что «русский генерал-полковник никогда не станет подчиняться бывшему командиру батальона»...

После этих слов надежда на хорошее назначение мигом испарилась.

А вскоре случилась и другая неприятность.

Кондратьеву позвонил из Алма-Аты тот самый командарм Рябцев и отрапортовал:

— Товарищ командующий, я вам больше не подчиняюсь!

— А кому же ты подчиняешься?! — еле сдерживая себя, спросил у него Кондратьев суровым хриплым голосом, который в минуты его высшего генеральского негодования

напоминал грозно-скрипучие звуки рвущегося листового железа.

Рябцев ответил:

— Я подчиняюсь Президенту — Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами суверенного и независимого Казахстана!

Связь оборвалась...

Вскоре пришло известие, что генерал Рябцев стал заместителем министра обороны Казахстана.

Такая же должность ждала и генерал-полковника Кондратьева в России. И ставший министром обороны его бывший подчиненный по 40-й армии генерал Павел Грачев, и начальник Генштаба генерал Виктор Дубынин при подборе кадров часто отдавали предпочтение испытанным в боях «афганцам»...

Весной 1992 года Кондратьев получил из Генштаба шифровку о расформировании штаба Туркестанского военного округа. Служить в Ташкенте ему оставалось несколько месяцев. Пришла пора прощаться с гарнизонами. В одном из них стояла артиллерийская дивизия. Вооружение новое. Его отдавать Алма-Ате Кондратьеву больше всего не хотелось. Ездил вокруг да около, как волк на богатую овчарню поглядывал на новенькие самоходные артиллерийские установки, прикидывал, замышлял...

Потом прибыл в штаб дивизии и приказал командиру срочно готовить сотню машин к учениям. Комдив был человеком сообразительным. До России — рукой подать. Командующий войсками Приволжско-Уральского военного округа (позже — Приволжского. — В.Б.) генерал-полковник Анатолий Сергеев был уже предупрежден...

В Генштабе в те дни только три-четыре высших генерала и с полдюжины полковников центрального аппарата МО знали, что задумал Кондратьев. Для благозвучности меж собой они тайком говорили о «передислокации дивизии». И лишь позже в кабинете начальника Генштаба генерала Дубынина я услышал фразу — «коктейль» юмора и гордости: «Кондратьев спер дивизию»...

Колонна рванула на север спозаранку. Казахи бросились вдогонку — поздно. Стальные гусеницы боевых машин вместо казахского песка уже весело жрали русскую глину...

А генерал Рябцев недолго пробыл заместителем министра обороны Казахстана. Что-то не заладилось у него, «ушли» с должности, выселили из той самой элитной ку-

наевской квартиры. А затем он и вовсе был уволен из армии.

...Кондратьев курит, жмурится от сигаретного дыма, вседающего в грустные глаза. Мне понятно, что вспоминать о бывшем своем подчиненном генералу неприятно. Вдруг мелькнула и погасла в его печальных глазах загадочная искринка. Вижу — что-то недоговаривает. И потому продолжаю лезть генералу в душу:

— Вы с Рябцевым встречались после 92-го?

— Нет. Он звонил мне, когда я был уже замом Грачева. Раскаивался, просился на любую должность... Я ему ответил, что должности нет. Точнее, для таких нет.

Потом до Арбата доползли слухи, что после увольнения бывший командарм и заместитель министра обороны Рябцев стал заниматься перепродажей подержанных машин.

Его бизнес складывался намного удачливее, чем генеральская карьера...

ВРАЖДА

...В том, 1992, году многих вчерашних однополчан, вместе много послуживших и повоевавших, как говаривал генерал Лебедь, — «за Советскую власть в Афганистане», судьба разводила под боевые знамена республиканских армий.

Еще не сменившие некогда выданных им в одних и тех же советских военных штабах удостоверений личности офицеров и личных номеров с выдавленной на овальной металлической бляшке надписью «Вооруженные силы СССР», они все чаще начинали направлять оружие друг на друга.

С окраин вчерашней Империи стекались в Генштаб мрачные вести: армянские гвардейцы взяли в заложники командующего нашей армией... Азербайджанский капитан арестовал нашего генерал-майора, заместителя начальника управления боевой подготовки штаба ЗакВО... Приднестровские солдаты взяли в плен группу молдавских офицеров...

Ничто с такой жутковатой драматичностью не способно закручивать сценарии судеб военных людей, как политика, разъединяющая их.

Черный и соленый хлеб пришлось есть и генералу Кондратьеву. Его не миловала военная жизнь еще с тех времен, когда замерзал в забайкальских дырах, жевал со своими

войсками на колючих ветрах полигонов снежок вперемешку с песком... Потом была долгая и кровавая «ошибочная» афганская война, «похороны» ТуркВО, и опять война — московская, в октябре 93-го. Когда зашел разговор о ней, у генерала, словно во время острого приступа зубной боли, стало хмурым лицо:

— Давай не вспоминать об этом...

Летом 94-го, будто в насмешку, злодейка-судьба голосом министра обороны Грачева приказала Кондратьеву ринуться в самое пекло бесконечного грузино-абхазского конфликта. Тогда ему в очередной раз было велено встать посреди люто завраждовавших братьев. Почти шесть тысяч беженцев, подталкиваемых в спину грузинскими вооруженными отрядами, изготавились переходить пограничную реку, чтобы возвратиться в Абхазию. Абхазы противились этому: они считали, что вместе с беженцами в их республику проберутся грузинские диверсанты.

И снова зрела война.

Кондратьев оказался меж двух огней, обе стороны были недовольны им. По его штабу в Гудауте кто-то стрелял среди ночи.

Генерал поднял 345-й десантный полк, блокировал дороги, разоружил милицейские наряды... И обрушился на него несправедный гнев из Кремля и МИДа, там громко заворчали, затопали ногами, сделали крайним. И Грачеву тогда тоже влетело, его стали попрекать, что «не того» он послал в район конфликта...

Древний абхаз сказал тогда Кондратьеву: «Политики гадят — военные убирают».

После скандала в Гудауте Кондратьев слег в госпиталь. Обида, как соляная кислота, выжигала душу. Не для того он стал замминистра обороны, горбатился три десятка лет, воевал и имел боевые ордена, чтобы вот так, в одночасье, все полетело в тартарары из-за того, что кому-то очень не понравилось, как он сработал. Там, на грузино-абхазской границе, такое частенько закручивается, что будь ты самым гениальным на свете миротворцем, а вспыхнет очередной мордобой — невольно приходится входить в роль вооруженного вышибалы.

Этому ни в одной академии его не учили.

В госпитальной палате о многом передумал Кондратьев. Вспоминал не раз: «Политики гадят — военные убирают...»

Не генералы эту кровавую кашу заваривали. И есть ли тот политик или генерал, который может ее теперь расхлебать? Некоторые регионы бывшего Союза — будто поочередно или разом вспыхивающие кострища ада, в которых сгорают тысячи гражданских и военных людей...

Сколько умников из Москвы в одиночку и целыми взводами уже раз сто после падения Союза с горящими атомным энтузиазмом глазами появлялись в зоне грузино-абхазского конфликта? Сколько раз они «бросали белый платок» посреди очумевших от взаимной ненависти грузин и абхазов? И что? Только фраки из района грызни испарятся — свара между «бронешилетами» идет пуще прежнего...

А сколько судеб русских генералов и офицеров сломалось и сгорело на Кавказе только в последние годы? И ему, Кондратьеву, жизнь подсунула такую же горькую чашу...

После скандала в Гудауте на некоторое время о нем на Арбате словно забыли. Вспомнили в январе 95-го, когда стали искать полководца, способного вырвать из рук Дудаева Грозный. Был срочный вызов к министру. Грачев предложил ему снова идти на войну, теперь уже с чеченами. Павел Сергеевич сказал с вдохновляющим перебором:

— Нас осталось только двое, кто по-настоящему умеет воевать...

Министр предлагал Кондратьеву выиграть в партии, которая была обречена на проигрыш еще до ее начала...

Получился тяжелый разговор. Кондратьев поставил Грачева условие:

— Все войска на Кавказе — в мои руки. Если согласен, снимай трубку и звони Ельцину, я готов.

Грачев не согласился. Может быть, остерегался, что, если Кондратьев добьется успеха, придется уступать ему место. Впереди были президентские выборы, а Ельцин всегда щедро расплачивался с теми, кто умел делать ему полезные «подарки», особенно те, что помогали удержаться на кремлевском троне. Чеченская война сильно портила политический фон, на котором президент начинал потихоньку раскручивать свою предвыборную кампанию.

После разговора Грачева с Кондратьевым многие в Кремле почему-то пребывали в твердом убеждении, что замминистра «отказался воевать», хотя на самом деле его не устраивала никудышняя схема управления войсками, представляющими все наши силовые структуры на Кавказе.

Вскоре генерал-полковника Кондратьева убрали с Арбата

в Министерство по чрезвычайным ситуациям — подальше от армии. Убрали с тем фирменным кремлевским кадровым невежеством, к которому при Ельцине уже многие у нас в Минобороны и Генштабе давно привыкли: об освобождении от должности Кондратьев узнал из телепередачи новостей, сидя за праздничным столом на именинах у сына.

Еще один военачальник был отлучен от дела, которому посвятил жизнь. А сколько таких же русских генералов попали в грязные жернова политических передраг, склок, интриг и вынуждены были поставить точку в военной карьере после того, как пал Союз!

Когда в массовом порядке выдавливаются из Вооруженных сил лучшие генералы, неизбежно рождается сомнение в истинности пути, по которому высшая власть ведет страну и армию в будущее...

* * *

Под звонкие ельцинские лозунги о республиканских суверенитетах рухнула империя, и все оказались под ее обломками — гражданские и военные. Жилось худо-бедно, но мирно. А стало жить жутко. словно случилось массовое отравление «озверином». И пошли войной друг на друга народы, и начались братоубийственные междуусобицы, и стали грызться за власть и земли, за нефть и деньги политические предводители и сепаратисты, махровые бандиты и националисты.

Сколько людей за годы правления Ельцина уже погребено в политических и военных руинах, сколько судеб сломано? И скольких еще затопчут и похоронят под этой неостывающей лавой вражды и ненависти?

Империи нет. Но она продолжает мстить нам за то, что мы смиренно позволили троице решать судьбу трехсот миллионов...

И уже кажется, что эта месть будет бесконечной.

Уходили от «темного прошлого» в светлое будущее, а оказались в страшном настоящем.

Жутко думать, что карапузам, роющимся сегодня в песочницах, возможно, тоже придется рыть окопы где-нибудь на российско-украинской границе...

Однажды, любуясь в подмосковном лесу сосновым молодняком, я подумал, что, может быть, из него сделают гробы для убитых солдат, которые сегодня мирно сопят в своих колыбельках с сосками в теплых губах.

Так неужто нам так страшно, так нетерпимо, так гнусно жилось в той державе, которую была возможность капитально отремонтировать, а не крушить до основания?

Тех, кого мучает ностальгия по Союзу, удачливые хозяева новой жизни брезгливо прозвали «совками», для которых, мол, дешевая вареная колбаса и недорогая водка олицетворяют главные ценности советского строя. Этим рафинированным ядом лицемерия некоторые политики до сих пор щедро приправляют свои примитивные идеологические блюда.

Советский строй был, конечно, не идеален (идеальных режимов не бывает). Было и в нем много диких, страшных перекосов. Не остывают людские обиды, не рубцуются раны. Но справедливо ли, по-христиански ли смотреть на наше недавнее прошлое исключительно сквозь очки ненависти и злобы?

Неужели в череде семидесяти лет только и были большевистские терроры, «черные воронки», безудержная тирания «отца народов», туповатый идеологический тоталитаризм, намордники на диссидентах, нары для политзеков, демагогическая брехня цэковских перестарков, пустые прилавки с запыленными банками кильки в томатном соусе, давки в очередях за лифчиками и трусами?

Тот, кто приучает народ видеть лишь черное в нашем минувшем, провокационно вопрошает: «Вы хотите возврата к такому прошлому?»

Даже идиоты не хотят этого.

Да его ни при каких обстоятельствах уже и не может быть. Уже не тот народ, который можно держать в стойле. Пугало тоталитаризма — малодушно-лицемерный прием тех, кто взял на себя миссию под новыми знаменами вести Россию в счастливое завтра, — не менее далекое и смутное, чем коммунизм.

Сегодняшние политические дальтоники и демагоги столь же опасны, как и вчерашние.

Так неужели и солнца никогда не было в нашем доме?

За фальшиво-радостными песнями о наступившей свободе и плачем над убитыми, за проклятьями голодных людей и счастливым смехом сытых королей новой жизни не слышно ответа.

Точатся ножи, отливаются пули...

Сколько уже убито. Скольких еще убьют...

Россия бредет в будущее, все чаще спотыкаясь о трупы депутатов, банкиров, коммерсантов, воинов и воров в за-

коне. Демократия по-русски — власть коррупционеров, олигархов, мафий. В Москве конца 90-х стреляют и убивают чаще, чем в Чикаго 20-х...

Идет жестокая и непрерывная война. Гремят войны и на окраинах бывшей империи. Некоторые республики звереют от жажды кровной мести вчерашним «сестрам».

Нет страшнее вражды после дружбы.

На бывшей ВДНХ есть фонтан «Дружба народов». Я пристально всматриваюсь в красивые лица стройных позолоченных красавиц, облаченных в национальные костюмы. Когда-то они казались мне одинаково величественными. Сейчас — одинаково грустными. Этих женщин, символизирующих бывшие советские республики, когда-то называли сестрами. Сейчас многие из них стали врагами.

Фонтан на зиму закрывают.

Войны не «замерзают».

Еще недавно Россию называли матерью. Эта «мать» из Кремля посылала своих сыновей «мочить» Чечню...

На колоритно обкаканном репродукторе-колоколе дремлет ослепительно белый московский голубь. Сквозь вкусный дым кавказских шашлычных мангалов растекается по округе унылая песня Любы Успенской: «Зарубежье мое называется ближним, но все дальше и дальше оно от меня...»

ЧЕРНЫЕ ПЛАТКИ

В январе 1995 года по служебным делам я находился на подмосковном военном аэродроме. Раньше мне часто приходилось бывать там, на Чкаловском, но никогда еще я не видел, чтобы зал ожидания был похож на ритуальное помещение морга: иступленно рыдающие женщины в черных платках, мужчины с искореженными скорбью лицами...

Они ждали очередной военно-транспортный самолет, который должен был доставить сюда из Моздока погибших в Чечне.

Задраченный дежурный офицер в тот день рассказал мне, что утром у ворот контрольно-пропускного пункта зрело чрезвычайное происшествие, которое чуть не довело его до инфаркта.

Там скопилась разъяренная толпища родственников погибших, которые требовали пропустить их на территорию авиабазы. Выполнить это требование без санкции начальства дежурный не мог.

Разгневанные родственники погибших грозили дежурному, что сорвут ворота, а затем в знак протеста вознамерились перекрыть автостраду, проходящую рядом.

Командир дивизии особого назначения генерал-майор Ардалион Павлов экстренно проинформировал о зреющем ЧП главкома ВВС генерал-полковника Петра Дейнекина, который тут же распорядился впустить толпу на территорию авиабазы.

Убитых привозили совсем не так, как делали это американцы во времена своей войны с Вьетнамом. Не было величественно-траурных маршей, почетных караулов, высоких (во главе с президентом) государственных и военных особ, национальных флагов на гробах и проникновенных речей о честно выполненном воинами долге перед Отечеством.

Самолет после приземления (обычно — в темное время суток) медленно и виновато прокрадывался на край аэродрома и глушил двигатели. Затем солдаты начинали разгрузку.

В тот день начальник пресс-центра Военно-воздушных сил России полковник Геннадий Лисенков сказал мне:

— Как воюем, так и хороним...

Погибшие были «рассортированы» на несколько категорий: одним доставался уродливый цинковый ящик, другие в последний раз прилетели домой в свежеструганных сосновых коробках, отдаленно напоминающих гробы.

Иных привозили как мороженных кроликов — голых и навалом. Солдаты из разгрузочной команды в запотевших респираторах растаскивали их, отыскивая на мертвых телах фанерные бирки и написанные зеленкой номера.

Затем трупы везли в здание наподобие ангара и туда приглашали родственников погибших. Пронзительно-дикие женские крики раздавались оттуда. Уже привыкшие к тому, что часто случались обмороки, дежурные медсестры заранее обламывали головки ампул с лекарством и держали наизготовке «заряженные» шприцы. В урне среди мокрых кусков ваты лежали два литровых пузыря из-под нашатырного спирта.

Когда родственников подводили к гробам или носилкам, на которых под серебристым или черным целлофановым покрывалом лежал убитый, двое дюжих солдат, уже в совершенстве отработавших свой маневр, становились рядом и мгновенно подхватывали падающих в обморок.

И никто не кричал:

— Врача, врача!

Врач был рядом и наготове.

Один поток черных платков тек к ангару, другой — на встречу ему. И от этого мне казалось, что простреленные горем люди ходят по кругу — нельзя было увидеть конца этой черной карусели...

Обалдевшие от бесконечного женского плача и тягостного ожидания самолетов на Моздок командировочные офицеры раз за разом группами выходили из зала аэропорта на морозный воздух, и, зайдя за еловую посадку, пили там из горла дешевую водку, закусывали черным хлебом и курили чаще, чем закусывали...

Глядя на них, я мрачно думал, что все эти люди, улетающие сегодня в Чечню на провонявшем кровью и трупами, йодом и хлороформом военно-транспортном самолете, имеют все шансы возвратиться назад в цинковых коробах или навалом.

Я вспоминал, каким раздраженным поздней осенью 1994 года возвращался на Арбат из Кремля Грачев, а следом за ним расползлся по кабинетам слух, что «Ельцин выкручивает Паше руки».

Дальновидный и неспешный начальник Генштаба генерал Колесников хорошо понимал, к чему подталкивает Верховный министра. После того как Михаил Петрович просмотрел доклад, с которым Грачев должен был выступать на Совбезе, в нем появилось несколько фраз о том, что политические методы урегулирования конфликта с Дудаевым еще не исчерпаны. Грачев во время выступления в Кремле сделал акцент на этом.

Но инициаторы силовой операции, стоявшие за спиной президента, усмотрели в этом опасные колебания военного министра. Ельцин стал давить на Грачева. Павел Сергеевич, дабы его не заподозрили в слабости, вынужден был принять диктуемые ему условия и вместе с НГШ стал готовить войска к походу на Чечню...

Есть войны, которые генералы начинают исходя не из объективной военно-стратегической целесообразности, а только потому, чтобы лишний раз продемонстрировать верность «государю».

11 декабря 1994 года, утвердив время «Ч», подневольный генерал Грачев, конечно, не мог и догадываться, что, по указанию Верховного бросая танки к границам непокорной

республики, он, по сути, начал операцию по разрушению целостности России.

Роковой приказ министр получил в Кремле...

* * *

Было холодно, но мерзнуть на морозе все же было легче, чем сидеть в теплом помещении среди плачущих или отупело-молчаливых женщин с красными опухшими глазами.

— Товарищ полковник, не желаете ли для сугреву отвезти пайку с кандидатами в покойнички? — так сказал мне уже заметно захмелевший офицер без знаков различия, протягивая полупустую бутылку с водкой.

И хотя это заманчивое предложение портил грубый армейский цинизм, отказаться не хватило сил: морозный аэродромный ветер прожигал до костей.

Я взял бутылку и приложился. Офицер подал мне надгрызанный соленый огурец и ломоть черного армейского хлеба. Похорошело. Траурные мысли стали потихоньку линять...

Мне было интересно в компании этих людей, называвших себя «челноками». Некоторые уже по второму, а то и по третьему разу улетали на войну. Туда везли здоровых людей, оттуда привозили калек и трупы.

В громких хмельных разговорах «челноков» то и дело мелькали названия чеченских населенных пунктов, наших полков и дивизий. Их темпераментные монологи, густо разукрашенные матюгами, чем-то очень напоминали речи прожженных фронтовиков.

Вдоль и поперек компания крестила начальников, которые отправляли солдат на войну даже без жетонов с личными номерами. Я вспомнил Афганистан, 40-ю армию, командуя которой, Борис Громов, строго-настрого приказывал командирам частей, чтобы их подчиненные всегда имели при себе жетоны. Солдаты делали их из кусков снарядной меди или патронных гильз.

— Ни хрена нас Афган не научил, — громко и зло говорил майор с авиационной кокардой-«капустой» на шапке, зубами открывая очередную бутылку водки.

В разговоре раз за разом звучали названия «горячих точек», где еще до Чечни побывали в смертельных заварухах эти люди в пятнистых камуфляжных бушлатах.

Очередная война для них начиналась здесь, на авиабазе. Для тех, кого опознавали в ангаре, она уже закончилась.

Отцу погибшего солдата откуда-то из Сибири или Алтая офицеры тоже дали хлебнуть «из горла». Он хмуро и медленно всосал в себя водку и сразу завыл нечеловеческим, страшным воем, присев, обхватив голову руками и причитая:

— Нет больше сыночка моего!!!

Офицеры стояли в растерянности.

Не выходили из зала ожидания только те, кто уже не был способен передвигаться ввиду полного опьянения (тетка с хитрыми и уродливо накрашенными глазами балдела в торговой палатке от радости: ее водочный бизнес сказочно процветал). Крепко набравшись на морозе, офицеры в «переломанном» виде возвращались с холода в теплое помещение. Некоторые шли, держась за стены, как малыши. Рухнув на лавки, засыпали, развалившись в безобразных позах и громко храпя рядом с ревущими женщинами в черных платках.

А те, которые просыпались, снова уходили похмеляться. И здесь все шло по кругу...

Провожающие и встречающие своих начальников холеные штабные генералы и полковники в лаковых туфлях, в фуражках с уродливо задранными тульями и в ладных шинелях, от которых веяло дорогим одеколоном, не обращали внимания на то, что никто из одетых в зимнюю полевую форму командировочных офицеров (и даже солдат) не отдавал им честь, что от них за версту разило густым алкогольным «палом», не обращали внимания и на тех, кто с трудом держались на ногах. «Кандидатам в покойнички» все прощалось.

Дежурный солдат широкой деревянной лопатой соскребал со ступенек зала ожидания блевотину, которую отфонтанировал бравый капитан, безмятежно спящий на заснеженной лавке, — остряки уже успели прозвать ее «вытрезвителем». Он в сонном забытьи высоко задрал голову и заливисто храпел. Шапка упала в снег, и я возвратил ее на положенное место. При этом капитан даже не шевельнулся. Мне показалось, что я водрузил шапку на заковенный труп...

...В тот день прилетел из Чечни мой сослуживец полковник Владимир Бекетов. Он первым из офицеров нашего управления побывал на чеченской войне. Володя был компанейским и веселым человеком. А из Чечни возвратился замкнутым и угрюмым. Мне его с большим трудом удалось разговорить. Бекетов первым передал из-под Грозного в

Москву весть о гибели спецкора «Красной звезды» полковника Владимира Житаренко. И его жене пришлось надеть черный платок...

А сколько их, таких же черных платков еще ждало страшных свиданий по городам и весям России?

Черные платки — символ горя.

Уже который год не останавливается конвейер смерти. Приднестровье, Осетия, Таджикистан, Абхазия, Карабах, Чечня, а теперь вот и Дагестан...

Однажды мой друг и духовный наставник отставной полковник Дроздов сказал:

— По-моему, на Государственном флаге России не хватает еще одного — черного цвета...

Мудрый Петрович обладал уникальным умением парой фраз затевать офицерские диспуты на политические темы. Вот и сейчас он вкатил в компанию свой пробный шар на счет государственного флага, и опять пошло-поехало. Было ли падение Союза неизбежностью или его к этому подтолкнули? Закономерны или стихийны войны, на которых мы уже положили не один полк своих солдат и офицеров? А гражданских людей — дивизии...

Слушая темпераментный офицерский треп, в котором то и дело мелькает слово «империя», я уже который раз ловлю себя на мысли, что все это много раз слышал. Петрович говорил: «Только умные политики умеют разрушать старое и созидать новое без крови».

...На лестничной площадке в старом здании Генштаба появился столик, покрытый куском красной материи. На нем — букет гвоздик и портрет симпатичного полковника в черной рамке. Первый генштабист, убитый на чеченской войне.

Счет открыт...

Кто-то позади меня негромко и страшно говорит:

— А я ему долг отдать так и не успел...

Полковник все долги отдал.

Полковник никому не должен...

ЗАПАХ КРОВИ

...Когда начинался «парад суверенитетов» советских республик и только-только забрезжила мрачная перспектива раздела Вооруженных сил СССР, начальник Генштаба генерал армии Лобов в письменных и устных докладах не

один раз предостерегал высшее руководство страны о большой вероятности резкого усиления военных межнациональных конфликтов. В сохранении единых Вооруженных сил он видел одно из условий того, чтобы радикальные политические изменения в государстве были застрахованы от вооруженных междуусобиц (и в этом позиция Лобова почти полностью совпадала с позицией Шапошникова).

Запах пороха и крови генералы и маршалы улавливают намного раньше президентов.

В архиве Генштаба до сих пор хранятся документы, подписанные Лобовым, в которых содержатся выводы о недопустимости «резких движений и экспромтов» в сфере обороны. Однажды Лобов сказал корреспонденту «Красной звезды»:

— Когда рушатся империи, расстояние между миром и войной почти исчезает...

Инициированный из Москвы роспуск СССР привел к тому, что некоторые бывшие советские республики, захватив армейское оружие, стали яростно колошматить друг друга, вспоминая и обиды вековой давности, и «неправильно» поделенные земли предков. Ликвидация союзного Центра развязала руки тем, кто давно мечтал о кровной мести.

Страшной чередой пошли межнациональные вооруженные конфликты и гражданские войны. Подняли голову национализм, сепаратизм, ислам, ваххабизм...

Происходило то, о чем еще осенью 1991 года предупреждал Кремль не только генерал Лобов. Маршал Шапошников тоже абсолютно верно предвидел, что «дробление Вооруженных сил чревато переводом межреспубликанских, межнациональных противоречий в русло военной борьбы».

Наши генштабовские специалисты подсчитали, что еще до начала чеченской войны (декабрь 1994 года) «кровавый развод» обошелся примерно в 150 тысяч жизней. В последние годы я был на Кавказе, был и в Средней Азии. Там после 1991 года появилось много кладбищ, которые люди называют «новыми» или «военными»...

На территории бывшего Союза в межнациональных боях уже погибло людей в пятнадцать раз больше, чем за девять лет афганской войны.

Мы уже привыкли к «домашним» войнам так же, как люди привыкают жить рядом с шумной автомобильной дорогой.

Однажды с группой офицеров Генштаба я приехал в морг военного госпиталя имени Вишневского забирать гроб с телом умершего полковника. В прохладной комнате, где воняло хлороформом, а на стеллажах лежали прикрытые желтыми простынями трупы, дородная тетечка в белом халате смачно жевала бутерброд и лениво бурчала при этом:

— Па-ажж-ите на улице, я вашего должна еще подрумянить.

Думая о России, я вспоминаю иногда и ту тетку из морга... Вспоминаю и старого чеченца-водителя, который с печальной гордостью рассказывал мне, что бесплатно развозит с поля боя на своей потрепанной и ржавой «Волге» убитых по их родным местечкам, застелив заднее сиденье старой плащ-палаткой. Иногда ему приходилось увозить в один и тот же аул сразу по три трупа. Он усаживал их рядом на заднем сиденье и медленно отправлялся в дорогу. Однажды его остановил милиционер и хотел содрать взятку, завидев в машине бездыханно дремлющих пассажиров — «по десятке с носа».

Когда же он всмотрелся в их лица, его чуть было нехватила кондрашка...

Проживавшая в Грозном с 37-го года беженка Михайлова прислала мне письмо, в котором были такие слова: «Гитлер был милосерднее Ельцина — он сбросил во время войны на город только две бомбы... И даже «ненавистный» Сталин был гуманнее к чеченцам — он не убивал их, а посадил в вагоны и депортировал из республики. При этом никто не умер с голоду — людей постоянно кормили...»

Чеченскую войну Ельцин публично признал самой большой своей ошибкой. «Ошибочные войны» во все века квалифицировались как преступление. Представитель президента в Госдуме Александр Котенков по этому поводу сказал спокойно и кощунственно:

— Да, погибло несколько тысяч наших солдат. Но, извините, разве президент их убивал?.. Он только подписал указ... А тот факт, что следствием ввода войск стала гибель многих людей, нельзя считать преступлением, потому что под преступлением уголовное законодательство понимает умышленные действия...

После этих слов можно подумать, что Верховный Главнокомандующий посылал своих солдат не на войну, а на уборку винограда.

Наверное, только в России власть может оправдываться с таким изощренным цинизмом...

Трое солдат — инвалидов чеченской войны в переходе метро заунывно тянут песню под гитару: «Кто отдал тот приказ — по своим же стрелять, кто послал пацанов на Кавказ умирать?». У солдат на троих — три ноги и четыре руки. А в грязный потрепанный коробок с надписью «Помогите выжить» не часто падают деньги. На другой станции метро таким же образом стараются выжить инвалиды-«афганцы».

КРУШЕНИЕ

В начале 1992 года в кабинетах Генштаба часто шли тревожные разговоры о том, что принятые в декабре беловежские решения таят в себе серьезную угрозу для России, поскольку заблаговременно и основательно не были просчитаны политические, экономические и военные последствия пакта о «тройственном союзе», инициированного Ельциным.

Видимо, это ворчание на Арбате донеслось и до Кремля. Однажды возвратившийся оттуда Шапошников в срочном порядке созвал совещание «по первому списку» (как и обычно, были вызваны начальники главных и центральных управлений Минобороны и Генштаба). Маршал почему-то упорно делал особый акцент на том, что некоторым военачальникам надо перестать разглагольствовать по поводу того, правильные или неправильные политические решения принимает руководство страны, а заниматься делом.

В то время многие у нас в Генштабе были убеждены, что в условиях активного стремления республик национализировать части бывшей Советской Армии надо всячески сдерживать этот процесс. Когда стало ясно, что разрыва единых Вооруженных сил уже не избежать, в Генштабе начали искать решения, которые были бы максимально выгодны для военно-стратегических интересов России.

Такой же точки зрения придерживались и многие военачальники на местах. Но их предложения, направленные в Москву, оставались без ответа. Многие на Арбате по этой причине за глаза костерили маршала Шапошникова (грешил этим и я), но лишь позже стало известно, что многие идеи и предложения Евгения Ивановича о закреплении в республиках бывшего СССР наших военно-стратегических позиций тихо скончались в канцеляриях Кремля и МИДа...

Лишь позже станет известно, что еще 22 сентября 1991 года Шапошников направил секретную записку Президенту СССР. В ней, в частности, говорилось: «...Провозглашение рядом республик суверенитета, а некоторыми из них (Украина, Молдова, Грузия) полной независимости и курса на создание собственных Вооруженных сил, принятие нормативных актов о переходе под их юрисдикцию объединений, соединений, частей и учреждений Вооруженных сил СССР, дислоцированных на территории республик, введение должностей национальных министров обороны приводит к нарушению управления войсками, системы их материального обеспечения, в целом снижает боеготовность...»

Тогда, наверное, не только маршал Шапошников, но и весь личный состав «Арбатского военного округа» еще жил в убеждении, что мудрый и дальновидный Кремль знает что делать. Над нами довлело то самое «совковое сознание», при котором считалось, что Кремль нигде своего не упустит.

Но мы сильно ошибались...

Многие арбатские генералы и полковники в то время были похожими на болельщиков, которые стоят за спиной играющих в шахматы: совершенно ясно видны сильные ходы, но они почему-то не делаются. И ты невольно начинаешь думать, что игрок прозорливее и тоньше тебя видит поле боя. Но он делает один, второй, третий ход и... сдается.

Кремль был чем-то похож на такого игрока. Он важно надувал щеки, но страшно опаздывал с нужными ходами.

После ухода Горбачева ничего не изменилось. Иногда создавалось впечатление, что, забравшись за кремлевские стены, Ельцин дальше них ничего не видит. Мы слишком долго продолжали верить в мудрость Верховного, которой не было.

А жизнь России и ее армии поворачивалась так, что мы теряли союзников. С каждым днем становилось все яснее, что наша военная политика в ближнем и дальнем зарубежье превращается в непрерывную цепь ошибок, вследствие которых страдают не только так называемые «государственные интересы», но и сотни миллионов людей.

Еще в середине 1992 года в одном из документов российского Генштаба было сказано: «Сворачивая свое политическое и экономическое влияние в странах бывшего

СССР, Россия теряет выгодные позиции в регионах своих военно-стратегических интересов...»

В то время Главным оперативным управлением Генштаба руководил генерал-полковник Виктор Михайлович Барынькин. В его подчинении были люди, которые умели формулировать выводы с безжалостной и смелой профессиональной честностью, которая не была отравлена политической конъюнктурой. Но весь драматизм положения заключался в том, что Кремль часто пропускал мимо ушей подсказки Арбата...

Судьба единых Вооруженных сил была предreshена. Их стали растаскивать по национальным квартирам с такой быстротой и силой, что Москва еле успевала вертеть головой и панически отдавать приказы командирам соединений и частей не допускать мародерства и насильственной приватизации — «вплоть до применения оружия».

Но это уже не помогало: процесс зашел так далеко, что некоторые командиры во избежание вооруженных столкновений своих подчиненных с местными захватчиками специально выводили личный состав на «учения», подальше от военных городков, зная о том, что готовится очередной налет на часть. Такая политика приводила к колоссальным потерям вооружений, но позволяла уберечь солдат и семьи военнослужащих от террора.

В некоторых республиках разворовывали не то что роты, батальоны или полки, а целые армии, как, например, это было с 19-й отдельной армией ПВО, дислоцировавшейся в Грузии, или 4-й общевойсковой армией в Азербайджане.

В то время Министерство обороны и Генштаб были завалены отчаянными шифровками командиров и коллективными письмами офицеров из различных регионов бывшего СССР о непрекращающемся мародерстве. В ответ из Москвы день и ночь шли грозные указания «делать все необходимое для сбережения людей, боевой техники и оружия». Но было поздно. Слава Богу, что мы успели взять под контроль стратегические ракеты, оперативно-тактические комплексы, системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), Противоракетной обороны и Контроля космического пространства.

Когда совершается большая политическая глупость или авантюра, она часто сильнее всего бьет по военным людям. И тогда они либо выталкиваются на поле боя, где в любой момент могут получить пулю в лоб, либо подвергаются уни-

жению собственной властью, стремящейся сэкономить на служивых, не чураясь в то же время прибегнуть к их помощи, когда ей надо спасти собственные бастионы от политических противников.

Ранней весной 1992 года на заседании коллегии Минобороны обсуждался вопрос о военно-политической ситуации в СНГ после беловежских решений и заявлений правительств ряда республик о национализации частей бывшей Советской Армии.

Заседание чем-то напоминало траурное застолье. Главкомы видов Вооруженных сил и командующие родами войск мрачным тоном докладывали о потерях оружия и войскового имущества. И по мере того как они развертывали устрашающие картины разграбления своих войск военными ведомствами, народными фронтами и вооруженными формированиями республик, обстановка в зале стала накаляться.

Когда же прозвучала оценка основных военно-стратегических потерь для России, в частности, после того, как Киев одним махом заграбастал три военных округа со всеми базами неприкосновенных продовольственных запасов, материального и вещевого имущества, почти всей стратегической авиацией, самолетами-заправщиками и еще грозился умыкнуть почти весь Черноморский флот, — тут сильнее всех вскипел Главком ВМФ адмирал флота Владимир Чернавин. Обращаясь к председательствующему на коллегии маршалу Шапошникову, он возмущенно сказал:

— Евгений Иванович, что же это творится? Три округа у нас Киев отхапал, а мы хоть бы вякнули.

Шапошников недовольно посмотрел на Главкома. В зале наступила взрывоопасная тишина. Чернавин осмелился открыто сказать то, о чем думали почти все члены коллегии. Шапошников, плохо скрывая раздражение, ответил:

— Владимир Николаевич, а почему, собственно, мы обязаны вякать?

По залу прокатился негромкий генеральский ропот. Шапошников понял это абсолютно точно: подчиненные были недовольны его ответом на вопрос адмирала Чернавина. И потому маршал решил хоть немного смягчить свое неловкое положение, он сказал о том, что высшее военное руководство должно не обсуждать принятые «вверху» политические решения, а выполнять их.

— А если эти решения оборачиваются против нас же? — раздалось в зале.

— Здесь коллегия Минобороны, а не политклуб, — раздраженно парировал маршал, — давайте обсуждать свои проблемы.

Больше к столь резкой постановке вопросов никто из членов коллегии Минобороны не прибегал. Такое положение выводило из себя многих высших генералов, которые все больше походили на специалистов по чрезвычайным ситуациям, вынужденных разгребать завалы и спасать остатки армии, оказавшиеся под руинами СССР. И хотя все знали, кто именно и ради чего породил гигантское «политическое землетрясение», — говорить об этом было опасно. Система доносов в Кремль работала безупречно.

Когда же свара между Москвой и Киевом из-за дележки военного наследства (особенно — ядерного) достигла однажды опасного пика, тут уже не выдержал и маршал Шапошников, всегда демонстрировавший высокое искусство дипломатии и корректности. Когда дело дошло до определения сроков вывода ядерных вооружений с территории Украины и выработки системы контроля над ними, Шапошников в своей переписке с украинским министром обороны Константином Морозовым проявлял очень жесткую позицию, выраженную в форме темпераментного эпистолярного жанра.

Тысячи военных проблем, порожденных роспуском Союза, ежедневно и ежечасно довели над Минобороны и Генштабом. Наблюдая за нашими арбатскими полковниками, лихорадочно затыкающими множащиеся бреши, я часто думал о том, что самое страшное — служить в армии, которой приходится бороться с трудностями, создаваемыми не противником, а собственной властью.

Образование национальных армий больше всего било по судьбам десятков тысяч российских офицеров, многие из которых, не имея крыши над головой, были вынуждены оставаться служить в вооруженных силах других республик. Часто случалось так, что даже два родных брата оказывались в разных армиях. Бывали случаи и похлеще. В одной из московских военных академий служил полковник Сергей Синютин. Шестеро его братьев были офицерами. Четверо оказались в разных национальных армиях республик бывшего СССР...

Можно ли было предвидеть эти и другие последствия

авантюрного удара по Союзу, который известная «тройка» нанесла в декабрьском белорусском лесу? Ответ может быть только один — да. При желании. Но его не было. Было лишь стремление повернуть течение истории в русло, где наибольшие политические выгоды могли извлечь для себя не народы, а их предводители. Они уже вскоре сами испугались того, что натворили, и стали искать хоть какие-то формы исправления ошибки. Но в отличие от живых людей История не принимает извинений и не слышит просьб о пощаде...

ТАШКЕНТ

Еще с осени 1991 года в некоторых республиках бывшего СССР, объявивших о своей независимости, началось формирование национальных армий. С начала 1992 этот процесс принял тотальный характер. Только Кремль не торопился приступать к созданию Российской армии. И Ельцин, и Шапошников, и его первый зам генерал Грачев в своих публичных выступлениях в тот период даже с заметной долей гордости подчеркивали это. Слушая их, легко было уловить многозначительный подтекст, — мол, видите, не мы подталкиваем «военный сепаратизм».

Чем дальше наше высшее политическое и военное руководство продолжало мусолить идею сохранения единых Вооруженных сил, тем очевиднее становилось, что их уже нет. Наступал момент, когда такое положение начинало перерастать в серьезную угрозу военной безопасности России.

И тогда Кремль резко сменил тактику...

С конца февраля 1992 года в Генштабе стали бешеными темпами прорабатываться вопросы создания Российской армии. День и ночь велись подсчеты того, что у нас осталось, как в создавшихся условиях противодействовать НАТО, на каких наиболее опасных направлениях формировать новые группировки, какими будут организационно-штатная структура российских Минобороны и Генштаба, видов Вооруженных сил и родов войск.

Но, пожалуй, самая большая трудность заключалась в том, что Генштаб в ту пору не имел четкой политической доктрины наших стратегических интересов в странах ближнего зарубежья и отношений с Североатлантическим блоком. А без этого нельзя было выстроить четкую систему

векторов нашей внутренней и внешней военной политики, уровней военных угроз, без чего невозможно определить и параметры новой армии.

Трудно было получить от Кремля или МИДа внятный ответ на один из ключевых вопросов: почему в одних республиках наши части должны оставаться, а из других уходить? Порой создавалось впечатление, что такие решения наше высшее государственное руководство принимает на «глазок», в зависимости от той или иной степени личной расположенности или антипатии к главам бывших союзных республик. Порой это чем-то напоминало мне знаменитое высказывание Брежнева в отношении известного афганского лидера Бабрака Кармаля, просившего его в 1979 году о срочной военной помощи. Леонид Ильич сказал тогда: «Бабрак, я лично тебя в беде не оставлю!»

К весне 1992 года наше военно-стратегическое положение в ближнем зарубежье выглядело крайне пестро: на одном участке мы «окапывались», на другом нас остановили на марше и приказали повернуть назад, на третьем — гнали взащей, на четвертом мы «убегали», скрипя зубами, на пятом — нас слезно просили остаться...

В тот период все чаще стали раздаваться голоса некоторых наших генералов, ратующих за то, что мы не должны так быстро сворачивать свое военное присутствие в республиках бывшего СССР, ослаблять свои передовые группировки. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Виктор Дубынин чаще обычного стал наезжать в МИД России, чтобы не только разобраться в премудростях тактики и стратегии нашей политики в дальнем и ближнем зарубежье, но и понять, как увязывать ее с военными внутренними и внешними планами. В кругу людей, которым НГШ больше всего доверял, он часто сетовал в то время, что на Смоленской площади не может получить четких ответов на свои трудные вопросы.

На одном из совещаний в ГШ Дубынин с неслыханной в наших стенах смелостью заявил о том, что больше нельзя ждать, пока в МИДе созреет более или менее внятная концепция закрепления военно-политических позиций России в рамках Содружества. Надо самим инициировать, а когда необходимо, и навязывать Кремлю, правительству и дипломатам выгодные Москве военно-политические решения. Аморфность позиций козыревского МИДа, его постоянные и трусливые оглядки на США, а нередко и уступки, еще

больше разжигающие у наших оппонентов желание воспользоваться податливостью Кремля, — все это уже тогда, в начале 90-х, ставило Россию в зависимое положение от США и Запада.

Дубынин был вынужден направить в Кремль беспрецедентной резкости письмо с призывом кардинально пересмотреть политику России прежде всего в ближнем зарубежье и, не теряя времени, приступить к созданию оборонительного союза с республиками бывшего СССР.

После того как НГШ провел серию бесед в МИДе и Главном штабе ОВС СНГ, «эмиссары» МО и Генштаба вместе с мидовцами стали активно мотаться по столицам бывших союзных республик, стремясь договориться о статусе еще не выведенных наших войск, о порядке передачи национальным военным ведомствам еще не «приватизированных» ими объектов, вооружений и техники, оставшихся от Советской Армии.

Тут надо отдать должное и маршалу авиации Шапошникову: в тот период (особенно после Всесермейского офицерского собрания в Кремле, январь 1992 г.) Евгений Иванович предпринимал титанические усилия, чтобы придать хоть какую-то логику оборонной стратегии Москвы. Во многом с его подачи и Кремль, и МИД пришли к выводу, что необходимо найти эффективную форму закрепления наших военно-стратегических интересов в бывших союзных республиках, которая одновременно могла бы дать и стимул для военной интеграции в общих интересах Содружества.

Поиск такой формы и породил идею создания системы коллективной безопасности СНГ на базе соответствующего договора.

Но бурные процессы сепаратизма в оборонной сфере зашли уже так далеко, что в столицах ряда республик (особенно в Киеве и Тбилиси) отнеслись к этой идее весьма прохладно и даже с большим подозрением. Там спрашивали у представителей Москвы: если по инициативе Ельцина был распущен Союз, то какой смысл создавать его вновь? Ведь можно же было еще летом 1991 года найти новую форму государственного устройства СССР, приемлемую и выгодную для всех.

С огромными потугами российским дипломатам и военным удавалось согласовывать проект будущего договора со своими коллегами, а затем уговорить их сесть за стол переговоров.

15 мая 1992 года стороны собрались в Ташкенте, где и

был подписан Договор о коллективной безопасности стран СНГ. Подписи под документом поставили Россия, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан. И только позже, после множества консультаций и согласований, к Договору присоединились Грузия и Молдова.

Туркмения и Украина в этот Договор не вошли. Слушая заявления Ельцина для прессы, я замечал, что российский президент в свойственном ему стиле то и дело идет на передержки, явно переоценивая реальное значение Договора и свою собственную роль в осуществлении этого акта. Он вдохновенно и необычайно смело рисовал те позитивные перспективы, которые сулил всем сторонам подписанный документ. Президенты других республик слушали его с видом умудренных жизнью людей, которым не привыкать к пылким фантазиям Бориса Николаевича...

На обратном пути в Москву среди членов российской военной делегации шли разговоры, что Ельцин больше всего был недоволен позицией глав делегаций, которые проигнорировали Договор.

В тот день у меня было такое ощущение, что Ельцин очень хотел склеить вазу, которую сам же разбил более пяти месяцев назад.

На эту тему между генералами и офицерами Генштаба часто вспыхивали шумные дискуссии. Одни доказывали, что, протаскивав идею роспуска Союза, Ельцин «оседлал объективный процесс». Другие в ответ язвительно замечали, что Борис Николаевич этот процесс «изнасиловал ради личного удовольствия» и мрачно предсказывали трагическую расплату.

В самолете я вспоминал настороженно-холодные лица генералов и полковников из штабов армий Содружества. Такие же настороженные лица с обращенными в себя холодно-хитрыми глазами были у американцев, немцев, англичан, бельгийцев, когда приходилось встречаться с ними во время зарубежных визитов и приемов на Арбате...

Но там, в Ташкенте, были армяне, азербайджанцы, молдаване, таджики, казахи... Что-то ранее неведомое мне было в этих людях, которых я почти всех знал, с которыми прослужил в одной армии четверть века.

Мы становились чужими.

И Договор наш чем-то очень напоминал попытку вынужденного брака после поспешного развода...

* * *

Реализация Договора с самого начала пошла трудно. Было много серьезных объективных и субъективных причин: амбиции политиков и военных, откровенно бюрократические проволочки, крайне слабое финансовое обеспечение, часто приводившее стороны к спорам и размолвкам, а иногда и откровенное вредительство интеграции со стороны не только националистических сил и западных спецслужб, но и даже некоторых высокопоставленных московских генералов.

Серьезной помехой в развитии военной интеграции стал острый конфликт между Главкомом ОВС СНГ маршалом Евгением Шапошниковым и министром обороны РФ генералом Павлом Грачевым.

Отношения между ними не заладились с начала 1992 года, когда Грачев, являясь первым заместителем главы военного ведомства, скрыто и явно начал торить себе дорогу к креслу министра обороны России, демонстрируя безоглядную преданность Ельцину и вытесняя маршала с Арбата на Ленинградский проспект, 41 (Штаб Объединенных Вооруженных сил СНГ).

На апрельском съезде народных депутатов России разгорелась очередная свара, которая сулила Ельцину серьезные неприятности. Назревал острый политический кризис, который сильно расшатывал позиции президента. Ельцин нервничал. Шапошников в те дни находился с визитом во Франции.

И Грачев не упустил момента, чтобы лишний раз продемонстрировать «горячую поддержку» своему патрону. Он собрал приехавших на съезд командующих войсками военных округов и флотов и стал допытываться, готовы ли они поддержать президента в случае, если назреет необходимость силового варианта погашения конфликта.

Генералам было известно, что на столе у президента лежат проекты указов о создании Российской армии и персональных назначениях. Ни у кого уже не было сомнений, что Грачеву на этом «пиру» достанется самый лакомый кусок. Поэтому все были «единодушно готовы», о чем Павел Сергеевич с радостью тут же доложил Верховному.

Шапошников потом открыто заявил, что в таком совещании не было никакой необходимости — слишком опасно «выкручивать руки» генералитету и откровенно втягивать его в политические игры. Но эта логика была не для Граче-

ва: похоже, его личные конъюнктурные расчеты были выше здравого рассудка.

Конфликт между Грачевым и Шапошниковым еще больше обострился, когда в мае 1992 года Павел Сергеевич стал министром обороны. В его выступлениях начали появляться фразы о том, что некоторые страны СНГ стремятся переложить на плечи России финансовые и материально-технические проблемы военной интеграции.

А однажды дело дошло до того, что члены грачевской команды стали отслеживать все публичные высказывания Шапошникова по проблемам военного сотрудничества в рамках СНГ и организовывать ему противодействие в прессе на основе специального плана, разработанного в Минобороновском управлении военного строительства и реформ. Мне пришлось держать в руках этот уникальный документ, представленный генералом Василием Латой пресс-секретарю министра Елене Агаповой. Сняв копию с этого документа, я переправил ее в Главный штаб ОВС СНГ. Вскоре маршал Шапошников сделал заявление для прессы, в котором справедливо возмущался по поводу сомнительной позиции руководства военного ведомства РФ.

Позиция Грачева вызывала удивление в некоторых министерствах обороны союзников, рассчитывавших на понимание существующих проблем и более активную помощь России и главы ее военного ведомства.

Помню, как после очередной встречи министров обороны в Минске члены военной делегации РФ «по праву старшинства» пригласили коллег на товарищеский ужин в гостинице. Почти все вежливо под различными предлогами отказались. А сами тайком собрались в другом месте, где вскоре оказалась почти половина членов российской военной делегации, которых бывшие однополчане окружили искренним вниманием.

Наверное, первый раз Грачева не пригласили в офицерскую компанию, где было немало его сослуживцев по Прибалтике, Афганистану, Академии Генштаба.

Вряд ли Грачев, одно время попрекавший союзников стремлением за счет России решить некоторые свои военные проблемы, не понимал, что такая его позиция отталкивает партнеров. И даже если такое делалось в пику маршалу Шапошникову, в конечном счете оно оборачивалось против России.

Было такое впечатление, что Кремль стремился создать

систему коллективной безопасности стран СНГ, не слишком раскошеляясь. Военные министры Содружества часто кидались в объятия Москвы, прося помощи. Но высшее государственное и военное руководство России копошилось под завалами собственных экономических и военно-политических проблем и выдвигало порой заранее неприемлемые для партнеров условия, особенно по части оплаты запрашиваемых вооружений.

Отсутствие системы эффективной экономической интеграции в рамках СНГ сильно сдерживало интеграцию военную. Этим на полную катушку пользовались государства НАТО: они частенько бросали в ту или иную страну Содружества «группу захвата», состоящую из крупных промышленников и финансистов, которые десятком договоров и контрактов блистательно расчищали почву для высадки своего военного десанта.

То, что Россия теряла, было вожделенной находкой для ее недругов. Многие на Арбате ломали голову над тем, почему у нас не клеится военная политика в ближнем зарубежье. По этому поводу мой мудрый друг и духовный наставник отставной полковник Петрович однажды залепил афоризм:

— Какая Россия, такая и интеграция...

За интеграцию в своих интересах Москва должна была хорошо платить союзникам. Но у нее у самой еле-еле хватало денег не то что на военную реформу — на прокорм собственной, еще более чем двухмиллионной армии. Отечественная экономика рушилась бурными темпами. Нарождающаяся российская буржуазия спешила приватизировать предприятия, алчно высасывала деньги из госбюджета (в том числе — и военного) и пускала их в коммерческий оборот к своей выгоде. Армию держали на голодном пайке. И даже там, где в стратегических интересах Кремля можно было по старой советской привычке с большой выгодой подарить старым друзьям сотню-другую ржавеющих танков, корыстолюбивые чиновники из правительства и Минобороны умудрялись сделать навар даже на продаже рухляди...

Наша военная политика в СНГ все чаще становилась «рыночным товаром», а коммерческий чистоган вносил в эту деликатную сферу много грязи.

В области военно-технического сотрудничества со странами СНГ Россия подчас вела нечистоплотную игру,

пользуясь своим привилегированным положением монополиста в производстве многих типов оружия и техники. Когда однажды, например, представитель министерства обороны Узбекистана обратился в Минобороны РФ с просьбой продать несколько бронетранспортеров, с него запросили по 420 миллионов за штуку.

Такая цена была не по карману узбекскому военному ведомству. Покрутившись в Москве, узбекский военный эмиссар поехал прямо на военный завод и там с помощью крупной взятки руководителям предприятия сумел быстро договориться о приемлемой цене — по 200 миллионов за бронетранспортер...

ТЯЖЕЛЫЕ РОДЫ

...После того как Павлу Грачеву с помощью ловких маневров удалось вытеснить маршала Шапошникова с Арбата и сплавить его на Ленинградский проспект, 41, — в штабквартиру ОВС СНГ, наступил период некоторого оживления в сфере военного сотрудничества. Хотя порой трудно было понять, маршал развил здесь активность, руководствуясь чувством долга или из чисто спортивного интереса хотел поквитаться с Грачевым. Впрочем, было заметно и то и другое.

Герои августовской революции пылали жаркой и плохо скрываемой ненавистью друг к другу. И все же неприязнь Евгения Ивановича к Грачеву была тоньше, в то время как Пал Сергеич ввиду своего простоватого менталитета делал это с чисто десантскими повадками.

Но так или иначе, а этот фактор некоторое время играл тормозящую роль в решении проблем военно-технического сотрудничества России с партнерами по Содружеству. Но и тогда, когда маршала Шапошникова на Ленинградском проспекте сменил генерал-полковник Виктор Самсонов, отношение руководства Минобороны РФ к укреплению военного сотрудничества в рамках СНГ не изменилось.

Самсонов многократно обращался к начальнику Генштаба Михаилу Колесникову с просьбами поддержать идею создания Комитета начальников штабов армий Содружества, но поддержки так и не получил (Колесников был назначен на должность НГШ после смерти генерал-полковника В. Дубынина в конце 1992 года. Незадолго до кончины Виктору Петровичу было присвоено звание генерала армии. —

В.Б.) Словно внасмешку, Колесников однажды прислал Самсонову бумагу, в которой НГШ предлагал прежде всего создать... Комитет по туризму и экскурсиям.

Острейшие проблемы, требующие оперативного решения, откладывались на потом или решались частично.

В январе 1996 года, уже будучи начальником российского Генштаба (он сменил на этом посту генерала М. Колесникова. — *В.Б.*), Самсонов признал, что слишком много времени ушло «на поиски приемлемых форм сотрудничества в военной сфере и на разработку документов, регламентирующих его жизнеспособность».

Однажды в Главном штабе ОВС СНГ мне показали документ, в котором шла речь о годовых финансовых расходах России и других стран Содружества на обеспечение коллективной безопасности. А вывод был такой: если бы страны СНГ сохранили единые вооруженные силы, содержание их обходилось бы почти на 40% дешевле. И теперь, когда я слышу стоны правительственных чиновников по поводу того, что каждый закон требует больших денег, меня так и подмывает сказать, что самых больших денег в России стоит политический авантюризм. А глупость у нас товар исключительно валютный...

Еще никто не подсчитывал, во сколько сот миллиардов рублей обошлись для России беловежские соглашения, все вспыхнувшие после этого войны (в том числе и самая дорогая чеченская, один день которой стоил 1 млрд), сколько денег налогоплательщиков уже вбухано в содержание наших объектов, баз и частей, разведгепутуры в странах ближнего зарубежья. Кто и как объяснит рабочему из Воронежа или моряку с Сахалина, почему словно на озеленение Луны из его кармана уже который год подряд государство выскребает деньги на содержание миротворцев, в сущности, на территории чужих стран?

И хотя миротворчество в СНГ должно делаться вкладчину, Россия несет на себе самый тяжелый груз расходов. Например, в Таджикистане ее доля в 1993 году достигала 50%. Но даже при том, что на остальные государства, чьи воинские контингенты находятся или находились там (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан), приходилось всего лишь по 10—15 % расходов, но и они в полном объеме не выделялись.

Почти три года потребовалось для того, чтобы руководство армий СНГ решилось создать объединенную систему

ПВО. Даже Россия свои государственные воздушные границы затыкала чуть больше, чем на две трети. Эта система, на создании которой уже давно и упорно настаивал Главком ПВО РФ генерал Виктор Прудников (затем — начальник Штаба по координации военного сотрудничества стран — участниц СНГ. — *В.Б.*), начала восстанавливаться лишь в конце 1995 года, когда власти других республик окончательно убедились, что без России им охрану своего неба не потянуть (более 80% ключевых производств истребителей, радиотехнической аппаратуры и зенитно-ракетных комплексов находятся в России).

С большими проблемами шло создание национальных армий. По строгому счету, некоторые из них до сих пор являют собой лишь подобия армий с примитивной системой обучения, с безграмотной эксплуатацией оружия и техники, отжившей свой срок, с жутким дефицитом запчастей.

Одна из главных причин медленного решения вопросов военной политики в рамках СНГ — слабая эффективность работы государственных органов (в первую очередь — правительств, МИД и МО). На двусторонней основе по вопросам военного сотрудничества к концу 1995 года было подписано более 160 договоров. Из них на межгосударственном уровне — 51, межправительственном — 55, межведомственном (по линии министерств обороны) — более 50. Но реализованы только на 10—15%.

Весьма сложным было положение наших военнослужащих, которые после образования Российской армии в мае 1992 года остались служить в национальных армиях в течение так называемого переходного периода. Их ущемляли в социальных правах, смутными были перспективы их возвращения в Вооруженные силы РФ, где и без того шло сокращение и остро стояла жилищная проблема. У людей накопились сотни вопросов, связанных прежде всего с их статусом после окончания переходного периода.

Поздней осенью 1994 года один из старших офицеров Главного разведывательного управления Генштаба, побывавший в Узбекистане, сообщил мне, что в российское посольство в Ташкенте обращаются сотни офицеров и членов их семей с просьбами подтвердить российское гражданство (переходный период заканчивался 31 декабря 1994 года). К тому же, как всегда, нашлись паникеры, которые распускали слухи, что тех офицеров, которые остались служить

в узбекской армии, в свою уже не возвратят. Это еще больше подливало масла в огонь.

Проблема требовала экстренных мер на самом высоком уровне. Но время шло, а ничего не делалось.

С одним из моих сослуживцев полковником Владимиром Мухиным мы стали размышлять о том, как помочь нашим «узбекам» и подтолкнуть политиков и дипломатов к необходимым решениям. Поскольку информация о зреющем конфликте на официальном уровне замалчивалась, мы решили тайком сбросить ее в прессу.

Появившиеся вскоре в средствах массовой информации сообщения о бедственном положении наших военнослужащих в Узбекистане сразу попали в поле зрения Администрации Президента РФ, руководства МИДа и Минобороны. И проблема сдвинулась с мертвой точки: буквально за несколько недель до окончания переходного периода людям подтвердили российское гражданство и дали гарантии, что они продолжат службу на Родине.

Тяжелым в 1992—1993 годах было и положение наших военнослужащих, проходивших службу в Туркменистане: социальная незащищенность, неясность перспектив, трудности с переводом в Россию. Случались и такие прецеденты, которые приводили к межгосударственным скандалам. Один мне запомнился особо: полк боевых истребителей, дислоцировавшийся на авиабазе в районе Красноводска, самостоятельно принял решение о перебазировании под Астрахань.

Зрел большой скандал. Для его погашения и выработки совместных подходов к решению назревших проблем с визитом в Туркменистан прибыл министр обороны Павел Грачев.

Офицеры снарядили ходоков к министру с просьбой встретиться и ответить на многочисленные вопросы. Но помощники даже не допустили их к Грачеву. На глазах у большой группы выстроившихся на плацу офицеров Павел Сергеевич сел в машину и уехал. А вслед ему неслись матюки...

Усиливающийся разлад в системе военно-технического сотрудничества в рамках СНГ сильно бил по России. Ведь на нее были «завязаны» производства многих типов вооружения. Например, в кооперации по производству зенитно-ракетной системы С-300 ПМУ были задействованы 103 предприятия, находившихся в России, Армении, Белоруссии и на Украине. В производстве танка Т-72 — 700 предприятий, а истребителя МиГ-29 — 568 предприятий всех

стран СНГ. В производстве атомных подводных лодок с баллистическими ракетами во времена Союза участвовало почти 1500 предприятий, из которых 1300 стали собственностью России, свыше 550 находились на Украине, 83 — в Белоруссии, 5 — в Казахстане, 4 — в Армении, 3 — в Молдавии, по 2 — в Узбекистане и Киргизии.

Со времен Гайдара наше правительство упорно вело линию на то, чтобы Россия становилась менее зависимой в области производства вооружений от других стран СНГ. Такая позиция противоречила логике военно-технической интеграции в рамках Содружества, да и по большому счету — громким лозунгам Кремля и МИДа о наших стратегических интересах в ближнем зарубежье.

Ведь если говорить без дипломатических выкрутасов, Москве жизненно важно было с помощью эффективно налаженной системы коллективного производства оружия (как и продукции гражданского назначения) наращивать силу политических, экономических, военных и других позиций на пространстве бывшего СССР и не допускать того, чтобы кто-либо нас оттуда «выдавливал». Там, где мы сворачивали поставки оружия и запчастей, мгновенно появлялись представители стран НАТО и предлагали свои услуги, идя зачастую на откровенный демпинг.

Разрывая многими десятилетиями наработанные военно-технические связи с республиками бывшего Союза, Россия теряла военные заказы. Наши конкуренты спешили воспользоваться таким положением в своих интересах. Администрация США, например, сняла ранее наложенные ограничения на экспорт оружия и техники в семь стран российского «ближнего зарубежья» — Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Туркмению, Узбекистан, Украину. Почти по демпинговым ценам, а порой и бесплатно нашим союзникам предлагали оружие и войсковое имущество и другие страны НАТО.

Было много и иных ходов противников усиления России в ближайших к ней зонах стратегических интересов. Нас оттуда упорно вытесняли...

НА ЮГЕ

...Осенью 1996 года в составе российской военной делегации я сопровождал министра обороны генерала армии Игоря Николаевича Родионова во время его визита в Душанбе.

Года три я не был в этом теплом и по-азиатски своеобразном зеленом городе, где разлапистые чинары соседствуют со стройными тополями, унылые ослики — с величественным блеском иномарок, серпы минаретов — с золотом церковных крестов, а тубетейки — с костюмами от Кардена...

В облике столицы Таджикистана появилось много примет, свидетельствующих о том, что в республике идет вооруженная борьба: по улицам ходили военные патрули, разъезжали бронетранспортеры, носились армейские машины с вооруженными солдатами, по ночам часто слышалась стрельба.

И даже при этом, поначалу казалось мне, в людях, заполонивших улицы, ничего не изменилось. Но только до того момента, как раз, затем второй, пятый поймал на себе среди улыбчивых лиц недобрые, будто серной кислотой стреляющие взгляды.

А после того как офицеры штаба нашей 201-й дивизии рассказали мне о множестве случаев резни, терактов, убийств, совершаемых с азиатской изощренностью, о всех мыслимых и немыслимых формах политической борьбы в городе и республике, Душанбе советской поры показался мне далекой и солнечной детской сказкой.

Когда-то генштабисты с большой охотой приезжали сюда в командировки. Щедрые таджикские офицеры закармливали нас дынями и гранатами, поили тонкими виноградными винами. Это, впрочем, осталось.

...Растекался по горному ущелью вкусно пахнущий копченым мясом дымок шашлычного мангала. Бесконечно лилось в бездонные стаканы янтарное вино. Разговоры о службе плавно перерастали в анекдоты, анекдоты — в хмельные мужские клятвы в глубоком взаимном уважении...

Начальник штаба нашей 201-й дивизии полковник Виктор Ключев под гитару пел свои песни с такими словами, что я начинал физически ощущать и горную пыль после взрыва бандитской гранаты, и посвист пуль над головой, и кровь, липкую и красную, как гранатовый сок.

Ключев в дивизии ветеран. Много лет отпахал свое на этой беспокойной земле и теперь мечтает возвратиться в Россию: «Забыл, как выглядят наши березы» (на слове «наши» — ударение). Купил у художника-любителя на Арбате крохотную картину с березами и держит ее на столе в своем штабном душанбинском кабинете.

Русский офицер Клюев вместе со своими подчиненными уже который год ходит по тонкой грани, отделяющей жизнь от смерти. Когда-то он защищал «завоевания афганской революции». Теперь защищает демократию в Таджикистане.

Клюев бывал во многих боевых переделках и схоронил уже не один десяток однополчан. Наших бьют с двух сторон: спереди — прорывающиеся из Афганистана банды, сзади — вооруженная таджикская оппозиция, уже который год стремящаяся свалить президента Рахмонова и его правительство.

В советские времена власть первого лица в республике была прочной, как плотина Бадахшанского водохранилища. Она опиралась на Центр. Республика жила трудной, но спокойной жизнью. А как только рухнул Союз, пошла резня. «Борьба за власть и против власти — наш национальный кислород». Это — из листовки таджикской оппозиции.

Уже который год подряд в Таджикистане бульдозерами расчищают площади под стремительно разрастающиеся кладбища. Да разве только в Таджикистане?

По гигантскому пространству бывшего Союза уже не считать свежих могил с датами смерти людей, убитых после 1991 года.

Каждый народ, смиренно поддающийся обману своих вождей, должен быть жестоко наказан. Уже и любому таджикскому ослику ясно, что не интересы народа, а прежде всего личный политический выигрыш манил беловежских «заговорщиков», рвавшихся к трону самостийности под флагом демократии. Очевидное есть банальность, но от этого она не перестает быть истиной.

Самая страшная истина состоит в том, что всех нас заставили брести в историю по костям соотечественников — сотни тысяч человек застрелены, зарезаны, задушены, разорваны, повешены, утоплены, отравлены, искалечены, сожжены, оставлены без крыши над головой с того времени, как отзвучало бешеное веселье на похоронах империи.

Нет ничего бессмертнее и прилипчивее красивой глупости. Так я думаю, когда слышу, что «все империи неминуемо рушатся». Империи, как и люди, бывают серьезно больны. И нуждаются в лечении. Нас всех одурачили, убедив в том, что лучший способ лечения империи — ее умерщвление. Легко после этого стало тем, кто пробился к

корыту власти, первым прибежал к дележу «наследства». А миллионы оказались в дураках...

...Узнав, что я из Москвы, старый таджик на душанбинском рынке отказался брать у меня деньги за дыню. Сказал: — Только не уводите домой своих солдат. Нам будет плохо.

Таджики убеждены: стоит российской 201-й дивизии и пограничникам уйти из республики — получится окровавленная «ксерокопия» афганской войны. Наша 201-я дивизия чем-то очень похожа на чеку гранаты. Если ее выдернуть — рванет так, что осколки долетят до самой Москвы...

У меня сохранилась копия одного генштабовского документа. 1993 год. Анализ военно-политической ситуации в Таджикистане:

«...Наиболее взрывоопасная обстановка по-прежнему сохраняется в Таджикистане, где, по существу, идет необъявленная гражданская война. Ситуация, складывающаяся в республике, имеет самое непосредственное отношение к обстановке не только на юге СНГ, но и в России. Здесь преграждаются пути проникновения в Россию угроз, которые могут иметь на длительную перспективу крайне неблагоприятные для нас последствия.

В «подбрюшье» России может быть создан исключительно опасный для нашей безопасности очаг напряженности на границах РФ, отсюда открывается потенциальная возможность воздействия на внутренние регионы России. Усиление исламского фундаментализма и экстремизма в регионе может вызвать нестабильность в Татарстане, Башкортостане и на Северном Кавказе...

Сопредельные государства (Пакистан, Афганистан, Иран и Турция) преследуют цель — создать новый союз на основе исламского фактора на⁴ Среднем Востоке с включением в его состав центрально-азиатских государств — участников Содружества...»

Наши аналитические документы часто начинают пахнуть порохом и кровью задолго до того, как это случается в жизни.

...Уже который год терзают таджикскую границу афганские боевики. Уже который год везем мы оттуда своих солдат и офицеров в цинковых гробах.

Когда Грачев однажды проводил пресс-конференцию в Душанбе, американский журналист задал ему вопрос: «Ради чего умирают ваши солдаты на таджикско-афганской границе?» — Грачев ответил:

— Границы Таджикистана — границы России.

Идеологическую базу под этот лозунг подвести очень просто. Она — в Договоре о коллективной безопасности СНГ.

Но никаким договором не утешить русскую мать, встречающую под Рязанью гроб сына, погибшего где-то далеко на таджикской границе. И обязательно на поминках кто-нибудь заведет речь о том, как это имеющий колоссальные людские ресурсы Таджикистан уже многие годы не может дать необходимое количество солдат для надежной охраны и обороны своей госграницы.

Помню, как прямо у пограничных столбов на таджикско-афганской границе президент Рахмонов жаловался министру обороны России Родионову: «Игорь Николаевич, обделила нас Москва после роспуска Советской Армии, деревянного ножа не дала».

Родионов ухмылялся: «Ну ты и заливаешь, Эмомали!»

И становился очень хмурым, когда слышал, сколько русских солдат и офицеров полегло в долинах и горах. Человеческие жизни дороже золота и тем более — «деревянных ножей». И все же Рахмонов был во многом прав. Таджикистан — единственная республика бывшего Союза, которой в наследство не перешло ни одного подразделения Советской Армии. И невозможно понять Россию, которая тайком, откровенно игнорируя международный договор о квотах по обычным вооружениям, два года подряд гнала эшелонами бронетехнику в Армению, накачивала и без того до зубов вооруженный Кавказ, а здесь, где каждый заезжий московский политик ритуально твердит о «стратегических интересах» его страны, говорит об угрозе со стороны Афганистана, таджикская армия держится на ржавом старье.

Этот недостаток, похоже, Москва компенсирует своими офицерами и солдатами. Ленин говорил, что всякая власть лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Но можно сказать и наоборот: ничего не стоит власть, которая способна защищаться лишь при помощи союзников.

Но это так, к слову.

Я не слышал пока, чтобы кто-то на Арбате или в войсках сказал бы что-то против того, чтобы наши военные помогали таджикам охранять их госграницу. Хотя было страшно видеть, как афганцы растерзали 12-ю заставу Московского погранотряда. Несколько десятков трупов.

Я был на 12-й. На новой 12-й. От старой остались обгоревшие остовы зданий и металлические каркасы наблюдательных вышек. Родионов осмотрел ее в бинокль и поморщился: бестолково ее когда-то поставили. Вся как на ладони. Новую поставили умнее.

12-я стоит костью в горле наркомафии. Застава перекрыла отличную тропу. Сегодня пройдет по ней караван через 12-ю — завтра в Ростове, Воронеже или Москве рачетется «дурь» по жилам людским: вот почему «Границы Таджикистана — границы России».

После трагедии на 12-й начали грызться президентские фавориты министр обороны Павел Грачев и Главком погранвойск генерал Андрей Николаев. Стали выяснять, кто же из них прикрывает границу, кто помогает, почему помощь пограничникам подоспела поздно...

Николаев обвинил Грачева в том, что армейские подразделения, которые должны помогать «зеленым фуражкам» в прикрытии границы, не укомплектованы должным образом. Грачев ответил, что, дескать, по уму бы следовало заставу оборудовать.

Принародно полаялись ельцинские любимцы и умолкли. А я снова про то же думаю: почему 19—20-летние здоровенные таджики торгуют фруктами на московских рынках, а их русские одногодки подставляют грудь под душманские пули на таджикско-афганской границе...

Мир и спокойствие вряд ли скоро придут на Юг.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ВС РФ

Аналитический документ

Декабрь 1995 года

...Военно-политическая обстановка в странах Центрально-Азиатского региона в ближайшей перспективе будет характеризоваться дальнейшим ослаблением позиций России и возрастанием влияния в этом регионе США и других стран НАТО. Существующие здесь противоречия в силу политических, экономических, религиозных, этнических и других причин сохраняются. В связи с этим возможно появление новых зон соперничества, очагов напряженности и вооруженных конфликтов.

Кроме того, существенной особенностью развития обстановки в странах Содружества этого региона является возрастание исламского фактора, что будет оказывать дестабилизирующее воздействие на политическую ситуацию в них. На этой основе возможно появление в непосредственной близости от южных границ России системы политико-экономического и военного со-

трудничества мусульманских государств, охватывающей и бывшие советские республики Средней Азии.

Казахстан, Узбекистан и Киргизия пока придерживаются линии на использование своих вооруженных сил в рамках Договора о коллективной безопасности. Но при этом руководство этих республик, пользуясь отсутствием четкого механизма реализации положений Договора и заинтересованности России в обеспечении своей безопасности на Юге, пытается извлечь для себя односторонние выгоды. Это подтверждается их подходом к решению проблем, связанных с сохранением единых систем ПВО, разведки, порядка использования ВВС и охраны общей границы стран СНГ. Что касается Туркменистана, то его руководство занимает по этому вопросу особую позицию, стремясь решать оборонные вопросы преимущественно на двусторонней основе...

— Э-хе-хех, — со вздохом сказал мне друг и духовный наставник отставной полковник Петрович, прочитав документ, — не растут на ивах груши, сколько их не поливай...

А мне вспомнился еще один мудрец — старый таджик-охранник, с которым мы долго курили и беседовали в холле рахмоновской резиденции, где остановилась российская военная делегация. У таджика были большие и умные глаза, его суждения о жизни в республике поражали меня глубиной и точностью. Бывают такие люди, слова которых похожи на хорошо очищенные орехи. Но когда же я спросил у него, что он думает о Содружестве, о том, почему у нас все так трудно клеится, старик вдруг боязливо посмотрел на меня и умолк. Потом метнул хитрющий взгляд и уже с улыбкой продолжал:

— Однажды корова засунула голову в горшок, и голова застряла там. Хозяин коровы ничего не мог поделать и обратился к мулле. Мулла предложил отрубить голову корове, чтобы спасти горшок, продать мясо, а на вырученные деньги купить корову помоложе. Крестьянин обрадовался совету мoulлы и выполнил его. Но мясо было старым и никто не покупал его — проел крестьянин мясо. И горшок ему все равно пришлось разбить, чтобы высвободить голову...

Большая и оранжевая, как яркий апельсин на чернозвездном бархате ночного неба, долго лежала в оконной раме моего гостиничного номера луна. Я с наслаждением дегустировал загадочное вино восточной мудрости, поданное мне стариком.

Оно было очень терпким.

Остались мы без коровы и без горшка...

ДЫНИ ДЛЯ ЧЕРНОМЫРДИНА

...Перед вылетом нашей делегации из Душанбе ко мне подошел офицер для особых поручений министра подполковник Юрий Лаврухин и попросил довести до Москвы «особо важный груз» — два деревянных ящика с дынями, гранатами и виноградом, которые какой-то родственник передавал Черномырдину. Поскольку Лаврухин знал, что я живу в одном доме с советником премьера Никитой Масленниковым, он и решил, что с моей помощью можно быстрее доставить презент по назначению.

Возвратившись в Москву, я позвонил Масленникову. Никита Иванович сказал, что люди из аппарата премьера заберут передачу. Вскоре мне позвонили. Человек на том конце провода представился сотрудником аппарата ЧВС. Он очень въедливо стал расспрашивать, от кого именно я привез ящики. Я сообщил ему то, что говорил мне Лаврухин, — от мужа племянницы Виктора Степановича, офицера 201-й дивизии, дислоцирующейся в Душанбе.

После этого разговора я уехал на Арбат.

Вскоре в моем рабочем кабинете раздался звонок: знакомый офицер контрразведки спросил меня, не натворил ли я чего-нибудь во время визита в Таджикистан, — на меня в аппарате премьера срочно запросили объективку. Первое, что лихорадочно мелькнуло в голове, — ночная беседа с таджиком-охранником, при котором я не слишком лестно отзывался о Ельцине. Второе — инцидент с начальником охраны резиденции Рахмонова, в которой останавливалась наша делегация. Он категорически отказывался впустить среди ночи в мой номер нескольких офицеров штаба 201-й дивизии, страстно желавших «добавить», хотя у всех у нас после многочасового кутежа на природе верный страж Рахмонова уже двоился, а то и троился в глазах. Но лишь после того, как мы поклялись, что тихонько залакируем российско-таджикскую дружбу и тут же разбредемся, он впустил всех в помещение.

Эти мои признания контрразведчика явно не устроили. Он еще больше раздосадовал меня, сказав, чтобы я хорошенько вспомнил детали своего поведения во время визита: «Потому что в Белом доме по пустякам объективки не требуют».

Работы было выше крыши, а я должен сидеть и вспоминать. Смутное предчувствие чего-то недоброго ворочалось в

душе. Вечером раздался еще один звонок, из Федеральной службы охраны. Неизвестный офицер строгим и решительным голосом попросил меня изложить на бумаге все детали, связанные с тем, как я взял ящики с дынями, от кого их получил, их приметы, какая именно фамилия значится на коробках — «Иваненко» или «Иванченко».

Проклиная тот миг, когда черт дернул меня согласиться взять передачу, я до глубокой ночи со множеством требуемых подробностей живописал докладную. Утром раздался еще один звонок из спецслужбы: меня строго-настрого предупредили, чтобы ни я, ни члены семьи никоим образом не притрагивались к ящикам до приезда «компетентных специалистов».

Едва собрался на службу — те же люди позвонили и сказали, чтобы я ожидал их дома. Пришлось отпрашиваться у начальника аппарата министра генерала Виктора Ивановича Козлова, что было очень некстати, — он поручил мне готовить срочный документ.

Но в течение дня так никто и не появился. На следующий день картина повторилась. Я чуть не выл со злости — снова надо было отпрашиваться. Мне позвонил сослуживец и сообщил, что по Генштабу уже ползают слухи, что «пресс-секретаря министра замело ФСБ».

Наконец, к вечеру появились солидные и очень суровые люди в штатском. Один из них держал что-то похожее на миноискатель. Он зашел в спальню, лег на пол, осторожно открыл дверь на балкон, где стояли ящики с дынями, и долго обследовал прибором дары солнечного Таджикистана. Остальные двое напряженно и хмуро поглядывали на него из-за угла.

Минут через тридцать вспотевший «минер» возвратился с балкона и, запершись с сослуживцами на кухне, что-то долго докладывал. Потом они позвали меня.

— В общем, так, — сказал старший, — тащите ящички сюда, будем вскрывать.

«Бросают на мины, — угрюмо подумал я, — прячутся за чужую спину. Даже с семьей не дали проститься».

С душевным трепетом обреченного сапера я доставил опасный груз на кухню и уже радостно намеревался ретироваться, как старший из спецов решительно приказал:

— А теперь вскройте ящик!

Я покорно выполнил приказ.

— Теперь разрежьте дыню, — снова строго приказал

старший из правительственных пинкертонов, — а мы пока покурим в прихожей.

Я разрезал дыню так, будто разминировал пятикилограммовую бомбу мудреной конструкции. Внутри кроме семян и мякоти ничего не было.

— Попробуйте, она не горькая? — посоветовал мне старший.

Я мысленно попрощался с жизнью и осторожно лизнул скибку. Потом мужественно стал вгрызаться в ароматную мякоть под любопытными взглядами гостей, жадно сглатывающих слюну.

— Отличный экземпляр, — сказал я гостям, — можете угощаться.

— Спасибо, но мы еще разок покурим.

«Хотят посмотреть, останусь ли я жив», — печально мелькнуло в голове.

Примерно через полчаса, убедившись, что я чувствую себя нормально, охранники принялись жадно потрошить дыню, комментируя свое «спецздание» с таким искрометным остроумием, что громовой мужской смех долетал, кажется, прямо до квартиры Черномырдина на соседней Осенней улице. Я достал из бара бутылку коньяка, которую мы мигом «уговорили» под сочную таджикскую дыньку.

На прощанье я нагрузил моих новых друзей дыней, виноградом и гранатами «за счет Виктора Степановича».

После этого я передач от неизвестных никогда не беру.

ШАГИ

...Генштаб непрерывно наблюдал за развитием тревожных военно-политических тенденций в ближнем зарубежье. В аналитических документах говорилось одно и то же: Россия теряет свое стратегическое влияние. Министерство иностранных дел при Козыреве нередко очень болезненно реагировало на мрачные доклады военного руководства Кремлю о наших провалах в различных регионах СНГ, явно расценивая это как упрек и в свой адрес.

Во времена Козырева по этой причине между Арбатом и Смоленской площадью частенько бывали стычки. Случалось, что и в Кремле (особенно в Совете обороны при Батурине) выражали недовольство критическими оценками военных аналитиков, — в частности, когда среди причин

провалов во внешней военной политике называлась непоследовательность или неоправданная уступчивость высшей российской власти оппонентам. Однажды дело дошло до скандала, когда в одном из генштабовских документов «политическим авантюризмом» называлось решение о разделе единых вооруженных сил.

Больше всего в Кремле не любили, когда некоторые генштабовские начальники отваживались публично утверждать, что многие наши военные беды берут начало в беловежском лесу. Этот вывод многие годы витал в арбатских документах и мозгах. Кто-то бросил фразу, которая стала крылатой: «Одному — трон, миллионам — урон».

Мне особенно запомнился случай, когда большое раздражение в администрации президента вызвала статья начальника Главного оперативного управления Генерального штаба (затем — заместителя начальника Академии ГШ. — *В.Б.*) генерал-полковника Виктора Барынькина, опубликованная в «Красной звезде». Барынькин, в частности, писал:

«...В результате развала СССР оказались нарушены целостность инфраструктуры Стратегических ядерных сил, система разведки и предупреждения о ракетном нападении противника. Значительно снизились возможности радиолокационного поля системы разведки и оповещения Войск ПВО.

Изменились условия базирования, устойчивости и оперативного управления ВМФ, а также обеспечения безопасности мореплавания на Балтийском, Черном и Каспийском морях. Большинство военных аэродромов по своему техническому состоянию уже не обеспечивают базирование военных самолетов».

Реакция Кремля была странной — там статью генерала оценили как «упадническую» и упрекнули нашу пресс-службу в том, что она-де не управляет информационной политикой. Видимо, так понималось разглашение правды об истинном состоянии армии, о чем смело и честно сказал генерал Барынькин.

Армия несет гораздо меньшие потери, когда она отступает планомерно. Политики вынудили ее в спешном порядке уйти со многих исключительно выгодных позиций, хотя запасные еще не были готовы. Потом вдруг кто-то «вверху» прозрел и приказал зацепиться хотя бы за какие-нибудь высоты.

За годы службы на Арбате я мог по пальцам пересчитать

случаи, когда бы наш высший генералитет с чистосердечным единодушием признавал, что то или иное решение, принятое Верховным, исключительно верное или просто разумное (кроме повышения денежного содержания, должностей и воинских званий). Наоборот, чем чаще Ельцин оглашал текущие или перспективные военные планы, тем больше от них веяло нереальностью. Чего бы это не касалось — внезапных объявлений о снятии боеголовок с наших ядерных ракет, о переходе армии с 2000 года на полностью профессиональную основу, обещания отдать государственные долги войскам в двухмесячный срок и т.д. Стыд за своего Верховного часто прожигал душу многим арбатским генералам и офицерам. Самое противное, что все это надо было смиренно терпеть. А военные министры Грачев и Сергеев не раз расточали комплименты в своих выступлениях мудрым решениям «вождя».

Из-за отсутствия четкой и последовательной концептуальной линии поведения Верховного Главнокомандующего Генштабу часто невозможно было разобраться и в логике международной политической стратегии России, чтобы сообразно строить военную. Такое положение напоминало мне тот случай, когда Наполеон не решился принять бой с войском бездарного генерала, который заставил свои колонны беспорядочно двигаться перед полками Бонапарта.

Но генералы пытались спасти положение. Интересы укрепления российского военного влияния в странах ближнего зарубежья побуждали руководство Генштаба выработать конкретные меры и предложения для Кремля и МИДа.

Прежде всего эта проблема требовала урегулирования статуса российских войск и объектов на территории других государств СНГ на основе межгосударственных соглашений. Генштаб направил в Кремль документ, надеясь подтолкнуть Ельцина к принятию решения по этой проблеме. 10 апреля 1994 года наш президент подписал распоряжение № 184-рп, требующее от дипломатов и военных урегулировать вопросы, связанные со статусом российских войск, дислоцирующихся вне национальной территории, а также с возможностью создания военных баз и сохранения стратегически важных объектов систем Противоракетной обороны, Контроля космического пространства и ПВО. Нормативно-правовые документы по всем этим вопросам были подписаны с республиками СНГ, на территории которых дислоцировались наши части, базы и объекты.

Вместе с тем возникали и новые серьезные проблемы.

Например, было подписано официальное соглашение между Россией и Латвией о правовом статусе Скрундской РЛС на период ее временного функционирования (до 1998 г.) и демонтажа (до 2000 г.). К сожалению, ни наше высшее государственное руководство, ни МИД не смогли добиться, чтобы это соглашение было соблюдено латвийской стороной.

Уже весной 1995 года радиолокационная станция вопреки букве и духу Соглашения была торжественно подорвана американскими специалистами и прекратила свое существование. Россия на виду у всего мира получила звонкую оплеуху, а заодно и сильный удар по своей безопасности.

С потерей объекта в Скрунде наши возможности надежно контролировать северо-западное ракетоопасное направление существенно сузились. С учетом усиления позиций НАТО в Европе это еще больше обостряло проблему. Потеря Скрунде пробила брешь в нашей противоракетной обороне, быстро «залатать» которую не было возможности. Не успела еще осесть пыль после взрывов в Скрунде, а наша разведка в Норвегии уже докладывала, что там уже вовсю принялись рыть котлован под свою РЛС, — так еще раз проявлялось лицемерие «миролюбивой» натовской политики.

По этой части у России возникали проблемы не только с вероятными противниками, но и с союзниками.

Продолжительное время серьезные трения были между Москвой и Баку — это объяснялось разными подходами к порядку содержания и использования Габалинской станции наблюдения за космическим пространством.

В начале января 1996 года министр обороны Азербайджана Сафар Абиев заявил, что Габалинская станция «никогда не будет военной базой России на территории Азербайджана». Более того, несмотря на заявления некоторых российских СМИ о том, что «Габала» стала якобы российской военной базой, Абиев сообщил, что в соответствии с указом президента Алиева станция «объявлена собственностью Азербайджана».

За использование Габалинской РЛС Минобороны РФ (по расчетам Баку) задолжало республике 18 млн долларов. В свое время Грачев пообещал азербайджанцам выплатить некоторую часть долга, но вопрос повис в воздухе.

Финансовая сторона вопроса продолжительное время не

позволяла России найти общий язык и с Казахстаном в споре о порядке расчетов за эксплуатацию космодрома Байконур. Наше военное присутствие в ближнем зарубежье слишком дорогое удовольствие. В своем закрытом докладе на Совете безопасности РФ в марте 1995 года министр обороны Павел Грачев сообщил, что содержание российских военных баз и объектов на территории других государств СНГ обходится нам в 1 трлн 460 млрд рублей в год.

За то, чтобы с государством считались друзья и недруги, оно должно хорошо оплачивать свою военную силу.

ПОД КОЛПАКОМ

С начала 1992 года наша разведка стала отмечать бурный рост активности западных спецслужб в странах бывшего Союза. Как и всегда, больше всех усердствовали американцы. Казалось, не было щели, в которую бы они не совали свой нос под видом журналистов, сотрудников общественных, религиозных организаций, фондов, движений, туристов, бизнесменов, ученых и т.д. В Прибалтике они и вовсе стали действовать откровенно, безо всякой «крыши» и наведывались в военные штабы словно к себе на работу.

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

18—25 марта 1994 года

...В последнее время нарастает активное противодействие США российским экономическим, политическим и военным интересам. Это противодействие идет практически по всему периметру российских границ. Особое беспокойство вызывает глубокое американское проникновение в Прибалтику, где США ставят под свой контроль не только политико-экономические, но и оборонные механизмы стран Балтии, подталкивают их к определенным шагам, связанным как с быстрее выводом оставшихся российских войск и объектов, так и с пересмотром границ...»

Знакомясь с такими документами, я поражался пассивности, с которой Кремль и МИД уступали в Прибалтике одну позицию за другой. Москва словно безнадежно смирилась с поражением Западу в этом стратегически важном регионе и почти ничего не делала для того, чтобы с помощью политических, дипломатических, экономических и других рычагов попытаться хоть как-то поправить положение.

В московских высших политических кругах тогда бытовало устойчивое мнение, что с прибалтами о каких-либо военно-политических или экономических альянсах разговаривать уже бесполезно. Все. Ушли — и не вернуть. Но пока немногие знают другое: даже в 1991 году, когда события в Вильнюсе и других городах Балтии сильно отшатнули прибалтов от Москвы, Михаил Горбачев и его дипломатические эмиссары (в том числе и военные) в ходе секретных переговоров сумели подобрать к литовским, эстонским и латвийским руководителям такие ключи, которые открывали дорогу к подписанию договоров о... вступлении в Союз, основанный на новых принципах. Михаил Сергеевич однажды «по большому секрету» признался в этом одному из московских журналистов...

Ельцинский Кремль и козыревский МИД упустили тот стратегический момент, когда еще было немало шансов с помощью эффективных дипломатических шагов и комбинаций не дать Балтии отшатнуться так сильно. И уже безнадежно выглядели конфиденциальные попытки московских дипломатов вести с прибалтами переговоры по поводу их возможного членства в Содружестве независимых государств.

Аналогичная картина, свидетельствующая о стремлении Запада всячески препятствовать укреплению позиций России в странах ближнего зарубежья и особенно ее намерениям играть лидирующую интеграционную роль в рамках СНГ, наблюдалась и в других регионах.

В декабре 1994 года от своих источников в Вашингтоне Москва получила документальное подтверждение того, какой тактики и стратегии придерживаются США на этом направлении. В конфиденциальном документе одного из американских ведомств, в частности, говорилось:

«...Необходимо дать понять Москве, что США и Запад не приемлют вмешательства России во внутренние дела бывших республик СССР. Клинтону следует пригласить лидеров тех республик, которые больше всего боятся вмешательства России (особенно Украину), к обсуждению путей сотрудничества для повышения их безопасности. Так как сторонники жесткой линии скорее всего усилят свое влияние на новое российское правительство, США должны объявить, что они будут категорически против любого расширения российского влияния под любым предлогом в бывших республиках Советского Союза...»

Судя по тому, что Вашингтон так и не объявил Москве в столь категоричной форме о своем противодействии расширению российского влияния в ближнем зарубежье, была избрана другая, более изощренная форма такого противодействия. Это Программа НАТО «Партнерство во имя мира». Она сразу поставила и Россию, и другие страны Содружества в двойственное положение: с одной стороны, члены СНГ были обязаны следовать букве и духу ташкентского Договора о коллективной безопасности (май 1992 г.), а с другой — условиям натовской Программы.

Аналитикам Генштаба не стоило больших трудов прийти к выводу: НАТО намеревается превратить Программу «Партнерство во имя мира» в один из инструментов военной дезинтеграции СНГ, столкнуть лбами Россию и другие страны Содружества и таким образом ослабить наши позиции в ближнем зарубежье.

Такие выводы подтверждала и конфиденциальная информация, поступающая на Арбат из стран СНГ: активизировались контакты Азербайджана, Казахстана и других стран с военными структурами НАТО. Азербайджан, например, согласился на разработку специальной программы своего участия в НАТО и даже на подгонку стандартов азербайджанской армии под нормы Североатлантического союза, а также на взаимный обмен офицерами связи, которые будут работать на постоянной основе.

Поступали сведения и об интенсивных контактах агентов ЦРУ с таджикской оппозицией. Несколько американских военных инструкторов побывали в ее боевых формированиях.

Не отставали от США и другие страны НАТО. Турция, например, предложила свои услуги Азербайджану в подготовке офицеров. Причем почти бесплатно. Россия же сократила число обучающихся в ее вузах военнослужащих стран СНГ с 1850 до 130 человек. Аналогичная ситуация складывалась и в отношении других республик Содружества. Это неизбежно вело к тому, что возможности влиять через национальные кадры на проведение нашей военной политики в странах СНГ серьезно сужались.

Создавалось впечатление, что мы умышленно вредили сами себе. Хотя наши эксперты понимали важность подготовки военных специалистов СНГ в учебных заведениях России. В одном из документов она рассматривалась как «важнейший инструмент обеспечения наших высших госу-

дарственных интересов». И в первую очередь — в области национальной безопасности и распространения своего влияния на международной арене.

Но пока мы лишь констатировали очевидное, военные посланники США, Германии, Франции, Турции не теряли время зря.

Натовцы всячески обхаживали военное руководство стран СНГ, преследуя свои цели. В наш Генштаб поступила информация: германский бундесвер предложил Казахстану и Киргизии 30 000 комплектов летнего и 90 000 зимнего обмундирования из запасов бывшей Национальной народной армии ГДР. Большую часть дара должен был получить Казахстан. Единственное условие. — самовывоз (без возмещения транспортных расходов бундесвером).

А уж об американцах и говорить не приходится. Они были везде. Не было такого министерства обороны в странах СНГ (за исключением разве что белорусского, таджикского и армянского), где бы они регулярно не гостевали.

На Арбат постоянно поступали сведения, что представители военных ведомств Запада все больше проявляют интерес к военно-техническому сотрудничеству со странами бывшего СССР. И чем слабее были контакты между ними и Россией, тем активнее укрепляли свои позиции в нашем ближнем зарубежье страны Североатлантического блока.

Сотрудничество это начинало стремительно развиваться и обретать самые разнообразные формы: помощь вооружениями и войсковым имуществом, консультантами и советниками, приглашение национальных кадров на бесплатную учебу в западные военные заведения, строительство или реконструкция военных баз, помощь в демонтаже объектов РВСН и ПВО бывшего СССР. Все это тоже серьезно подорвало влияние России в ближнем зарубежье.

Мы везде испытывали все более упорное сопротивление США и других стран Запада нашей военной интеграции с республиками бывшего Союза. Особенно это касалось Центральной Азии. В декабре 1995 года мне довелось участвовать в разработке аналитического документа, в котором, в частности, подчеркивалось:

«...В последнее время значительно активизировались экономические и военно-политические контакты государств региона со странами НАТО, в первую очередь — с США. Американские представители сумели добиться здесь конкретных договоренностей, касающихся, в частности, углубления и расширения амери-

кано-узбекского военно-технического сотрудничества. Политические аспекты данных контактов США направлены на поддержку доминирующей роли Узбекистана в регионе в обмен на свертывание военного присутствия России в Центральной Азии и постепенное ее вытеснение...»

Аналогичный подход Вашингтона становился все заметнее и в отношении Казахстана. Не обошли своим вниманием американцы и Киргизию, где под видом «оказания помощи в демократических преобразованиях» они намереваются закрепить свое военное присутствие. В середине 90-х годов стало известно, что США и Турция приступили к проработке совместного секретного плана размещения своих военных объектов на территории Киргизии.

Что касается Туркменистана, то его руководство за счет расширения связей с Турцией и Пакистаном пытается решить свои проблемы строительства вооруженных сил. Анкара и Исламабад проводят подготовку офицерских кадров туркменской армии и уже неоднократно заявляли, что «готовы предоставить военных специалистов и советников в интересах реорганизации национальной армии Туркменистана». Все это вело к тому, что туркменское правительство, по сути дела, только делало вид, что желает оздоровить двусторонние отношения с Россией.

И хотя официальный Ашхабад упорно твердил о своей нейтральности в сфере международной военной политики и заявлял, что будет всячески дистанцироваться от каких-либо блоков, такие утверждения все больше были похожи на плохо скрываемое лукавство. Высшее государственное и военное руководство Туркмении не устояло перед напором американских генералов, вынудивших его подписать Соглашение с так называемым Координационным центром по партнерству НАТО (директор — генерал Колстерен). В соответствии с Соглашением, содержащим более 20 разделов, офицеры вооруженных сил Туркмении и правительственные чиновники, осуществляющие контроль за силовыми структурами республики, будут направляться на натовские семинары и курсы повышения профессиональных навыков.

Военные интересы американцев в Туркмении тесно сопряжены с экономическими: США хотят контролировать строительство трубопроводов для транспортировки туркменского газа (а в перспективе и нефти) в Европу, Пакистан и страны Индокитая. США добились, чтобы была при-

нята американская, а не российская формула раздела Каспия и решения пограничного спора между Ашхабадом и Баку.

Россия же при этом все больше превращалась в беспомощного статиста. Даже тогда, когда Кремль по каналам СВР и ГРУ получал документально подтвержденную информацию о том, что США и НАТО уже давно поставили перед собой задачу любыми способами «свести к минимуму военное присутствие России в Центральной Азии».

Весной 1999 года МИД Туркмении поставил в известность Кремль, что Ашхабад в одностороннем порядке прекращает действие бессрочного Договора о совместной охране государственной границы Тукменистана и о статусе погранвойск России в республике. Нам указывали на дверь...

КИРГИЗСКИЕ ЭТЮДЫ

С момента образования Содружества военное присутствие России в Киргизии сильнее всего было заметно на ее государственных границах, где в соответствии с двусторонним договором между Москвой и Бишкеком несли службу российские пограничники. С годами, по мере того как киргизские «зеленые фуражки» поднабрались у нас опыта в охране своих кордонов, Бишкек все чаще давал понять Москве, что мы уже и «сами с усами» (тем более что киргизским властям в условиях допекавшего их экономического кризиса расплачиваться с Россией становилось слишком накладно).

К такому развитию событий приложили руку и американцы, предложившие киргизам льготный кредит в 1 млн долларов для закупки в США оборудования, средств связи и другой техники не только для пограничников, но и для армии. Более того, американцы предложили почти бесплатную помощь в формировании национальной погранслужбы Киргизии «на самом высоком уровне». В конце концов Москва была вынуждена принять решение о кардинальном сокращении своего пограничного контингента в республике.

В киргизское военное ведомство зачастили гости из высоких натовских штабов, особенно в период подготовки первых крупномасштабных учений альянса в этом регионе. Переговоры велись в обстановке высочайшей секретности, утечка информации была почти нулевой. Но и того, что

удалось пронюхать Москве, было достаточно, чтобы всерьез забеспокоиться.

...По сведениям источника, близкого к правительственным кругам Кыргызстана, руководство этой среднеазиатской республики проводит закрытое изучение возможностей размещения на своей территории военно-воздушной базы НАТО.

Как известно, экономика республики переживает очень тяжелый экономический кризис. Продолжается спад промышленного производства, до 70% предприятий и заводов, расположенных в столице республики Бишкеке, остановлены или работают только в дежурном режиме. Рост потребительских цен более чем в 2 раза превысил рост доходов населения.

В этих условиях, как полагает источник, положение президента Акаева, надеявшегося на солидную иностранную помощь, даже после положительного для него всенародного референдума, остается непрочным, а авторитет оппозиции растет. Чтобы поправить дела, президентское окружение предлагает заинтересовать представителей НАТО выгодным геополитическим расположением республики для крупной военно-воздушной базы. При этом инициаторы этой идеи исходят из того, что возможное размещение базы ВВС НАТО смогло бы оживить экономическую жизнь республики, так как потребуется определенная инфраструктура, создание которой невозможно без вливания иностранных инвестиций.

Такая информация не всегда была объективной. Случалось, что даже источники, «близкие к правительственным кругам», передергивали факты или намеренно сгущали краски, и становилось ясно, что информатор или противник Акаева и гонит дезу, или ее подбрасывают иностранные спецслужбы, то и дело, как говорили у нас на Арбате, «посыпающие дустом» отношения между Москвой и Бишкеком.

После того как информация такого рода была основательно проверена, подтверждалось главное: Запад все активнее ведет с Киргизией такие экономические и военно-политические игры, которые рассчитаны на то, чтобы оттеснить республику от России.

В конце 1998 года в Киргизии побывал директор Федеральной пограничной службы РФ генерал-полковник Константин Тоцкий. После того как он возвратился в Москву и доложил секретарю Совета безопасности Николаю Бордюже о результатах поездки, стало окончательно ясно, что в Бишкеке нас вежливо просят «на выход».

И тут наблюдалось скрытое и явное противостояние между Россией и США.

В мае 1999 года в Киргизии побывал руководитель Центрального командования вооруженных сил США генерал Энтони Зинни. И хотя его встреча с президентом республики Аскарком Акаевым происходила за закрытыми дверями, уже вскоре в Москве было известно, что в ходе почти двухчасовой беседы обсуждались вопросы подготовки в США военных кадров для киргизской армии, а также американской помощи киргизам в формировании Центрально-азиатского миротворческого батальона.

После встречи с Зинни Акаев выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что «военное сотрудничество Киргизии и США развивается успешно». Москва отреагировала незамедлительно. Уже вскоре в Бишкек прибыла делегация Минобороны России во главе с вице-адмиралом Юрием Кононовым. Стороны обсуждали возможности возобновления выпуска на оборонных предприятиях республики некоторых видов боекомплектов для ВМФ России. Это была еще одна попытка Москвы поставить хоть какие-то противовесы усилению военных позиций американцев в республике и реанимировать хиреющее военно-техническое сотрудничество России и Киргизии.

МОЛДАВСКОЕ ВИНО

...27 августа 1991 года Молдова объявила о своей независимости. Это известие многие офицеры Генштаба восприняли с хмурой ухмылкой, мол, «и молдаване туда же». Некоторые рассуждали так: о какой независимости может идти речь, если почти вся промышленность и сельское хозяйство республики «завязаны» на Россию? Было ощущение какой-то несерьезной политической игры.

Но это ощущение мигом испарилось, когда уже вскоре, 3 сентября, Кишинев объявил, что принял решение о создании собственной армии.

Офицеры Главного оперативного управления Генштаба дружно навалились на карты и документы, скрупулезно подсчитывая, что может достаться молдаванам, если они «приватизируют» все, что дислоцировалось на их территории. Даже беглое перечисление частей и объектов впечатляло. Три крупных и стратегически выгодных военных аэродрома вместе с самолетами и вертолетами, 300-й пара-

шютно-десантный полк, учебный центр Воздушно-десантных войск. Гарнизон Бендеры, в котором дислоцировалось 9 частей, плюс 237-я саперная бригада, ремонтно-кабельный батальон. Большое число штабных зданий, командных пунктов ставки Юго-Западного направления, складов боеприпасов, продовольствия и обмундирования.

Юго-Западному стратегическому направлению Генштаб придавал ключевое значение ввиду чрезвычайной важности театра военных действий (и особенно после того, как НАТО с начала 80-х годов стал наращивать силы на своем южном фланге). По этой причине в ЦК и было принято решение о размещении в регионе ставки Главного командования войск Юго-Западного направления.

А по мере вывода наших войск из Восточной Европы стратегическая роль нашей юго-западной группировки стала еще больше возрастать. Ее многократно усилили разнородными частями, оружием, техникой, боеприпасами. Территория Молдовы оказалась насыщенной огромным количеством всех этих «богатств», которых, по самым скромным подсчетам, в начале 90-х годов хватало на две армии.

Объявив о создании национальных вооруженных сил, молдаване поначалу не спешили форсировать вопрос о «приватизации» оружия, объектов и частей бывшей Советской Армии, дислоцировавшихся на их территории. Они словно прикидывали, что необходимо им оставить в своем распоряжении, а от чего отказаться. Но такая линия их поведения начала резко меняться в начале 1992 года.

30 декабря 1991 года представитель Молдовы на минской встрече глав государств СНГ многозначительно подчеркнул, что Кишинев «будет распоряжаться своими вооруженными силами самостоятельно» и не намерен пока связывать себя какими-либо обязательствами перед Содружеством.

В ту зиму молдавские власти резко ужесточили свои требования на причитающуюся им долю вооружений, техники, боеприпасов, неприкосновенных запасов. Регулярно наведывавшиеся в молдавские гарнизоны и штабы генералы и офицеры Минобороны, Генерального штаба, Главного штаба ОВС СНГ дружно докладывали начальству, что былая компромиссность представителей властей и военного ведомства республики напрочь исчезла.

Такие настроения молдаван в ту пору стали сильно подогреваться мощнейшей пропагандистской кампанией На-

родного фронта, активно ратовавшего за воссоединение Молдовы с Румынией. Параллельно поднялась невиданная по накалу злобы волна антирусских акций. Начались угрозы в адрес населения Приднестровья, которое не хотело и слышать о «возвращении в исконное румынское лоно». На этой почве между молдаванами и приднестровцами все чаще вспыхивали яростные свары из-за права владеть военными объектами, техникой и оружием, расположенными в регионе.

15 февраля 1992 года президент Молдовы Мирча Снегур издал указ о передаче комплекса зданий и сооружений Главного командования войск Юго-Западного направления министерству обороны Молдовы. Маршал Шапошников отреагировал незамедлительно. Он отправил Снегуру телеграмму, в которой просил его не делать поспешных и опасных шагов. Но эта просьба была проигнорирована. Более того, Кишинев представил в Москву список частей и объектов бывшей Советской Армии, которые немедленно должны отойти молдавской стороне. Все это явно указывало на то, что Молдова форсированными темпами стремится «накачать военные мышцы», имея далеко идущие планы...

Вооруженные стычки между молдаванами и приднестровцами, перерастающие иногда в полномасштабные бои, происходили все чаще. Число жертв начало расти.

Зрела гражданская война.

24 марта 1992 года Шапошников направил еще одну конфиденциальную телеграмму Снегуру, призывая его не допустить развития ситуации по самому страшному руслу. В телеграмме, в частности, говорилось:

«...Попытка разрешить проблему Приднестровья с применением вооруженной силы приведет к кровопролитию, новым жертвам среди мирного населения и разрушениям. Дальнейшая эскалация вооруженной борьбы породит молдавский «Карабах»...

Форсированное создание вооруженных сил Республики Молдова подталкивает власти Приднестровья к созданию собственных вооруженных формирований, усилению военного и политического противостояния...»

В те дни разведка 14-й общевойсковой армии, дислоцирующейся в Приднестровье (штаб — Тирасполь), доложила в Генштаб о секретных планах молдавского командования, предусматривавших удары по вооруженным формированиям приднестровцев на левом берегу Днестра. Особое вни-

мание наша разведка обращала на то, что в составе молдавской армии резко возросло число инструкторов-румын, боевых летчиков и снайперов.

В частности, на аэродромы Маркулешты и Бельцы было переброшено 32 румынских летчика для истребителей МиГ-29, которые там базировались.

От Москвы требовались срочные превентивные меры, которые могли сорвать эти планы.

1 апреля 1992 года по просьбе маршала Шапошникова Ельцин подписал указ о переходе войск, дислоцирующихся на территории Молдовы, под юрисдикцию России. Верный по сути (хотя и запоздалый) шаг тем не менее вызвал немалое удивление в Генштабе. Налицо была явная непоследовательность в действиях российской стороны. Ведь еще десять дней назад — 20 марта 1992 года, Главком ОВС СНГ Шапошников и председатель молдавского правительства Муравски подписали официальное Соглашение, в соответствии с которым в распоряжение минобороны Республики Молдова должны были поступить многие части, расположенные в гарнизонах Дубоссары, Бендеры, Бельцы и других.

Таким образом, получалось, что Москва противоречила сама себе.

Был и другой нелепый момент, на который обратили внимание в Генштабе: если Соглашение с молдавской стороны подписал глава кабинета министров, то с нашей — Главком Объединенных Вооруженных сил, не являвшийся представителем высшей исполнительной власти России.

А ведь речь в Соглашении шла об объектах, фактически и юридически принадлежащих уже Российской армии. Следовательно, документ (как минимум) обязан был подписывать представитель кабинета министров РФ (на этот вопиющий прокол Москвы справедливо указывал и командарм-14 генерал А. Лебедь в своей шифровке министру обороны РФ П. Грачеву от 24 сентября 1992 года: «При чем здесь ОВС СНГ, если это (наши части в Молдове, взятые под юрисдикцию РФ. — В.Б.) Российская армия...»

Появление президентского указа от 1 апреля свидетельствовало о том, что таким образом Кремль стремится остудить агрессивные намерения Кишинева силовым способом удержать приднестровцев в молдавской «узде». Хотя в то же время российские власти объявили, что 14-я армия не будет участвовать в боевых действиях: ей приказано соблюдать нейтралитет.

Но обстановка вокруг частей 14-й продолжала накаляться в связи с тем, что приднестровцы рвались к нашим арсеналам и складам, намереваясь таким образом получить оружие и дать отпор молдаванам, которые все чаще устраивали вооруженные провокации.

Отслеживая развитие ситуации в регионе, аналитики Генштаба все чаще обращали внимание на возможность катастрофы, которую несли в себе систематические обстрелы плотины в Дубоссарах с молдавской стороны. В случае разрушения плотины находящиеся в водохранилище 465 миллионов кубометров воды могли устремиться в низины. И тогда волна высотой примерно 20 метров (в районе Дубоссар) и около 10 метров (в Чобручах) могла снести 31 населенный пункт.

21 мая 1992 года Шапошников направил еще одно обращение к руководству Молдовы. В нем говорилось:

«...Неоднократные обстрелы снайперами военнослужащих в гарнизоне Бендеры, начавшийся с 18 мая обстрел из орудий и минометов военного гарнизона в Дубоссарах подтверждают вывод о том, что не военнослужащие начали опасные политические игры, приведшие к человеческим жертвам и распространению боевых действий...»

Что было потом — известно.

Потом был июнь.

Потом была война...

На пресс-конференции 4 июля 1992 года командующий 14-й армией генерал-майор Александр Лебедь говорил:

— Эти люди всегда жили между собой в мире. Здесь они родились, выросли, здесь могилы их предков. Здесь имеет место геноцид, развернутый против собственного народа... Здесь живут люди, которых систематически, иезуитски, зверски уничтожают. Причем уничтожают таким образом, что эсэсовцы образца 50-летней давности просто сопляки перед ними.

Только с приднестровской стороны количество убитых на 4 июля достигло 650 человек, а раненых — четырех тысяч. Подавляющее большинство убитых и раненых были мирными гражданами...

В период молдавско-приднестровского военного конфликта в Кремле состоялся прием по случаю очередного выпуска в военных академиях и училищах. Я был поражен безмерным обилием яств и выпивки. Но и при этом креп-

ко захмелевшим русским генералам и офицерам водки, разумеется, не хватило. Юные и розовощекие гонцы-литераторы и дело метались из Георгиевского зала за добавкой в буфет. Официанты были поражены тем, что имениннички дружно игнорировали батареи элитного молдавского вина. Официант сказал:

— А в прошлом году офицеры у нас только чернила не выпили...

В то время в Приднестровье шла война.

А молдавское вино было красным...

* * *

Летом 1992 года вода в Днестре смешалась с человеческой кровью, а берега реки почернели от великого множества свежих воронок и могил.

Когда затихли выстрелы и угасли пожары, когда по обоим берегам Днестра похоронили убитых, маршал Шапошников вспоминал: «...Через кровь и слезы, через сотни погибших и многие тысячи обездоленных, через исковерканные судьбы и разрушенные очаги — таков, к горькому сожалению, путь, предшествовавший подписанию президентами России и Молдовы соглашения об урегулировании приднестровского конфликта»...

Все верно.

Читая эти строки маршальского дневника, я снова думал о первоисточках этой нашей общенародной трагедии. Мысль снова возвращалась в декабрьский лес под Минском, где три президента с торжественно-счастливыми улыбками окропляли кипящим шампанским свой «тройственный союз». Возможно, тогда они думали, что стоят у исторического истока нового уклада межгосударственных отношений, а получилось — у колыбели неукротимого монстра, уже который год пожирающего людей или калечащего их на окраинах и в центре бывшей империи...

ЛЕБЕДЬ ПРОТИВ ГРАЧЕВА

И до, и после молдавско-приднестровской войны 1992 года часто невозможно было понять логику политики России в отношении ПМР. Москва упорно не признавала Приднестровье, но в то же время и не отворачивалась от него полностью.

Летом 1992 года в своих запредельно жестких обращениях к Ельцину Лебедь призывал российское руководство определиться в отношении Приднестровья: «Пора прекратить болтаться в болоте малопонятной, маловразумительной политики...»

В том же духе была выдержана и пресс-конференция командарма, которую он провел 4 июля 1992 года, сказав, в частности, что на благодатную приднестровскую землю «легла тень фашизма». А затем были сказаны слова, которые привели к шумному международному скандалу и злой перебранке между командармом и министром обороны.

Вот эта цитата-бомба, осколки которой мгновенно долетели до кабинета Павла Грачева.

Лебедь — о президенте Республики Молдова Мирче Снегуре:

«...Вместо державного руководства организовал фашистское государство, и клика у него фашистская...»

После этого между министром и командармом произошла очень темпераментная блиц-переписка. В секретном архиве Генштаба хранятся шифровки, рассказывающие о ее содержании. Заглянем в них.

Грачев — Лебедю:

«Категорически запрещаю выступать по радио, телевидению и в печати, давать оценку происходящим событиям.

Войдите в связь по телефону с президентом Молдовы Снегуром. Обменяйтесь мнением с ним по сложившейся ситуации».

Лебедь — Грачеву:

«В сложившейся обстановке считаю неприемлемыми и ошибочными с моей стороны какие бы то ни было контакты и разговоры с президентом Молдовы, запятнавшим свои руки и совесть кровью собственного народа».

Грачев — Лебедю:

«Вам было приказано вступить в переговоры с президентом Молдовы, однако Вы, глубоко не проанализировав политическую ситуацию, сложившуюся в последнее время между президентами России и Молдовы, ведете себя исключительно недальновидно.

На основании изложенного приказываю:

Выполнить мое требование, невзирая на Ваше субъективное мнение, о вступлении в контакт с президентом Молдовы Мирче Снегуром.

Об уяснении полученной задачи доложить».

Лебедь — Грачеву:

«При всем уважении к Вам, со Снегуром в переговоры вступать не буду. Я генерал Российской Армии и ее предавать не намерен».

Можно только дивиться выдержке Грачева, который долго не решался использовать силу своей власти против вызывающих капризов командарма.

Лебедею удалось остановить (или, как он говорил, «убить») войну на берегах Днестра. И хотя его политические противники до сих пор пытаются доказать, что это миф, факт остается фактом: только после появления Лебедея в Тирасполе молдавско-приднестровское побоище утасло. Безусловно, эта яркая страница в послужном списке генерала давала ему весомые основания для гордости. Но, вероятно, нимб национального героя, который зажгли над ним в ту пору приднестровцы, вскружил командарму голову до такой степени, что он уже позволял себе откровенно игнорировать приказы министра обороны. Это вызывало восхищение у его подчиненных и жителей ПМР — и понятное раздражение в Москве. Даже симпатизировавшие Лебедею офицеры-генштабисты стали называть его «хулиганом».

Лебедь не скрывал своей гордости тем, что благодаря его твердой позиции и жестким обращениям к президенту, МИДу, Министерству обороны России Москва вынуждена была искать политический компромисс с Кишиневом — 21 июля 1992 года было подписано Соглашение о мирном урегулировании конфликта, а 29 июля Россия ввела в Приднестровье свои миротворческие силы. Явно намекая на свою личную роль в таком повороте событий, Лебедь говорил: «Велика она все-таки сила слова, особенно вовремя сказанного...»

Однако ни это Соглашение, ни появление российских миротворцев на берегу Днестра не сняли с повестки дня самый трудный для отношений Москвы и Кишинева вопрос — о дальнейшей судьбе армии Лебедея.

Молдавское руководство продолжало активно настаивать на ее выводе из региона, российское — маневрировало, уходя от формулирования ясной позиции. Молдавские власти упорно давили на Ельцина и МИД РФ, все чаще привлекая на свою сторону страны Запада, руководство НАТО и Совета Европы.

После того как состоялась очередная встреча Ельцина и Снегура, по Генштабу поползли слухи, что якобы достигнута тайная договоренность о выводе 14-й армии из Приднест-

тровья. Эта весть мигом долетает до Тирасполя и вызывает бурное негодование среди подчиненных Лебеда.

16 сентября 1992 года командарм проводит офицерское собрание, которое принимает обращение к министру обороны России. В нем говорилось: «Не прекращается настойчивое муссирование различного рода слухов о судьбе 14-й армии, и прежде всего о выводе ее в ближайшее время на территорию России.

Дать нам ясность по этим крайне важным для каждого офицера, его семьи вопросам мы просим неоднократно, в том числе в своем открытом письме Б.Н. Ельцину 14.07.92 г., однако ответа не получили...»

И снова между командармом и министром обороны вспыхивает свара. 22 сентября Грачев направляет в штаб армии гневную шифровку, упрекая Лебеда в том, что он опасно «сует нос в политику». Министр пытается поставить подчиненного на место: «...Не вмешивайтесь никогда в дела, которые функциональными обязанностями Вам не определены. Я еще раз повторяю, политика — дело политического руководства и в некоторой степени министра обороны и все, запомните это раз и навсегда».

Отвечая Лебеду на поставленные в обращении вопросы, Грачев говорил: «Судьба 14 А. будет решаться после полного разрешения политическим путем судьбы Приднестровья... Армия выйдет только после согласия народа Приднестровья и Молдовы в целом».

В той же шифровке Грачев все шумные заявления Лебеда назвал «игрой на публику с целью приобретения дешевого капитала». И спрашивал у командарма: «Или меня вводят в заблуждение?»

В тот же день, 22 сентября, Лебедь ответил министру вызывающе кратко: «Вас вводят в заблуждение».

Забавная дуэль продолжалась.

На следующий день Грачев телеграфировал командарму:

«Ваш ответ настолько краток, что, учитывая среднее состояние моего ума, я ничего не понял.

Доложите конкретно по каждому пункту моих требований и какую работу проводите Вы, командующий, по искоренению истерии, бабских сплетен, выдержанных в духе лучших традиций бывших политработников... С кем Вы, кому подчиняетесь, в какой армии служите или желаете служить. Мне важна чистая правда для принятия окончательного решения о нашей совместной или раздельной службе».

Лебедь ответил министру огромной шифротелеграммой, в которой снова настаивал на том, чтобы руководство страны и Вооруженных сил дало ясные ответы на многочисленные вопросы личного состава армии относительно ее дальнейшей судьбы. В то же время он не скрывал своего возмущения тем, что Москва ведет себя слишком пассивно в решении назревших вопросов и этим ставит его армию в трудное положение. Лебедь спрашивал у Грачева: «Почему никто не ведет переговоры с Приднестровским правительством, признано оно или нет, оно есть...»

Отвечая на упреки министра в том, что он слишком увлекся политикой, Лебедь говорил: «Где тот мудрый дипломат, на которого я с огромным удовольствием свалил бы бремя расклебывания данной каши, которая здесь заварена, и снятия всех политических стрессов, которые возникают не только каждый день, но и по несколько раз в день...»

Командарм-14 предлагал свой план снятия напряженности, возникшей в армии и вокруг нее. Этот план Лебедь изложил 22 сентября 1992 года в секретной шифровке № 8/620/К на имя начальника Генерального штаба генерала В. Дубынина. В нем были конкретные предложения по реорганизации армии.

Обращаясь лично к министру, командарм писал: «Уверяю Вас — это взвешенные предложения, которые позволят закрыть рот Молдове, обозначив вывод, и Приднестровью...»

Получив это донесение Лебедея, Грачев в тот же день (24.9.92) ответил командарму: «Рад и обнадежен Вашим последним докладом.

14 А. стояла и будет стоять столько, сколько необходимо в интересах России. Успокойтесь сами и успокойте подчиненных. Освободитесь от ненужных армии подразделений, за их счет пополните боевые части.

Вы боевой офицер, а не бывший работник ЦК КПСС, я верю Вам и надеюсь на Вас...»

Но успокоиться Лебедею не удалось. Пройдет не так много времени, и Грачев под давлением Кремля и МИДа (на которых, в свою очередь, давил Кишинев) будет вынужден приступить к реформированию 14-й армии, которое Лебедь расценит как ее «сворачивание». Он будет упорно и шумно противиться этому.

После громких публичных свар Лебедея с Ельциным, Козыревым и Грачевым генерала с шумом вытурили из Тирасполя, и он строевым шагом бодро вошел в политику, при-

чиняя Кремлю еще большее беспокойство, нежели в своем приднестровском штабе...

* * *

...Был такой период, когда у нашей военной разведки создавалось впечатление, что румынские и американские военные спецы безвылазно живут в министерстве обороны Молдовы. Они учили молдаван тому, как надо давить на Москву, чтобы она быстрее выводила свою 14-ю армию из Приднестровья. До тех пор пока армией командовал Лебедь, затея эта, явно имеющая антироссийскую направленность, успеха не имела.

Но позиции генерала были прочны лишь до тех пор, пока он не стал люто враждовать с верхушкой ПМР. Почти непрерывные скандалы командарма с руководством непризнанной республики были на руку нашим общим недругам. И у некоторых генштабовских офицеров, курировавших Юго-Западное направление, стало закрадываться подозрение, что полные ненависти лебедевские пассажи в адрес президента ПМР Игоря Смирнова являются результатом специальной операции, умело проведенной западными спецслужбами, стремившимися рассорить этих людей.

Грызня командарма с президентом ПМР наносила серьезный ущерб нашим военно-политическим интересам в Приднестровье. Трагический парадокс состоял в том, что ненавидящие друг друга Лебедь и Смирнов в то же время стояли «по одну сторону баррикады», занимая позиции, выгодные России. Казалось бы, такие люди должны были найти общий язык, не ввязываться в склоки. К сожалению, многие поступки Александра Ивановича часто не вписывались в рамки нормальной логики. И было очень грустно наблюдать за тем, как он, вместо того чтобы пожать протягиваемую ему Смирновым руку, бил по ней.

Непредсказуемость — самая яркая черта Лебеда. Она не раз представляла наибольшую опасность для его противника на поле боя и обеспечивала генералу победы. Но та же непредсказуемость на поле политических битв есть самая большая опасность для его соотечественников, будь они его сторонниками или противниками. Наверное, поэтому политики, ревностно следящие за очередной попыткой восхождения генерала на вершину российской власти, так сильно пугают нас «опасностью, которую Лебедь несет России».

* * *

Когда Лебеда убрали с поста командующего 14-й армией и вытолкали на гражданку, Ельцин поручил Грачеву подобрать достойную кандидатуру на вакантную должность. Грачев долго не думал: командир Таманской мотострелковой дивизии генерал-майор Валерий Евневич умел безоговорочно выполнять приказы и тонко чувствовать политическую конъюнктуру.

Он никогда не перечил министру и числился в его команде одним из самых преданных «штыков» (что еще раз блистательно доказал в период октябрьских событий 1993 года, став Героем России). Вскоре министр щедро поощрил его еще раз, назначив на высокую должность в штабе Смоленской армии. Но не успел он там, как говорится, нагреть служебное кресло, как последовало новое назначение в Тирасполь на должность начальника Оперативной группы российских войск в Приднестровье (так стали называться остатки 14-ой армии).

Уже с первых дней пребывания в новой должности Евневич пытался показать и молдаванам, и приднестровцам, что «все будет не так, как при Лебеде».

Уже через неделю после приезда в Тирасполь Евневич во всеуслышание заявил, что у него нет проблем ни с молдавским, ни с приднестровским руководством. Казалось, что он лез из кожи вон, чтобы выглядеть лучше, чем Лебеда. Победные реляции шли в Москву одна за другой: налажены отношения с местным руководством, достигнуто взаимопонимание с молдавской стороной, расформированы лишние подразделения, успешно идет боевая подготовка. В ответ — еще одна генеральская звездочка.

Но купался в этой эйфории Евневич недолго: уже вскоре скачущего на белом коне генерала вышибла из седла очередная бомба молдавско-приднестровского конфликта. Не успел Евневич доложить в Москву, что отправил эшелон с инженерной техникой в Россию, как в молдавской прессе поднялся хай по поводу того, что генерал незаконно передает боевую технику приднестровцам.

Молдаване требовали свою долю, а приднестровцы и слышать об этом не хотели. Евневича втянули в дележные склоки, и его имидж справедливого дипломата стал тускнеть. Мне жалко было смотреть на него на пресс-конференции, где он плакался на «провокационные измышления молдавской прессы» и ловко уходил от цепких вопросов

журналистов о том, как будет передаваться причитающаяся Кишиневу часть боевой техники.

Ему тоже приходилось пробовать слишком горькую кашу, заваренную политиками. Но что мог поделать этот быстро растущий в должностях генерал, оказавшийся в самом кратере молдавско-приднестровского спора, если, казалось, в природе не было таких правил игры, по которым согласились бы играть обе конфликтующие стороны?

Главное отличие между Евневичем и Лебедем заключалось в том, что новый наш приднестровский военачальник готов был безропотно исполнять даже глупые московские директивы. Если Лебедь долгое время и слышать не хотел о «кастрировании» его армии, то Евневич с первого дня в новой должности безоговорочно стал решать эту задачу. Из-за этого многим у нас на Арбате казалось, что особым «секретным заданием», которое поручила Евневичу Москва, и было сворачивание армии в Оперативную группу, постепенное вытягивание ее из Приднестровья.

И тут снова вставал главный вопрос: какую же позицию занимают Кремль и МИД в отношении этого, стратегически важного для России региона? Мы уходим из Приднестровья и миримся с тем, что непризнанная республика возвращается в лоно Молдовы, или тут идет сверхсложная, умная и тонкая дипломатическая игра, в результате которой неминуемо победят интересы Москвы?

Но бесполезно искать бриллианты на куче битого бутылочного стекла. А Кишинев продолжал немилосердно давить на Кремль и МИД, требуя немедленного вывода наших войск с иностранной территории. Будто между Россией и Молдовой и не было Договора, в котором черным по белому значилось, что вопрос о выводе 14-й армии будет решаться только синхронно с политическим урегулированием проблемы.

...Руководитель Оперативной группы российских войск в Приднестровье генерал-лейтенант Валерий Евневич с утра до вечера пропадал на железнодорожной станции Тирасполя, стремясь во что бы то ни стало вытолкнуть в Россию еще один эшелон с инженерной техникой своей группы. Отправка эта имела пропагандистский характер — вскоре должно было состояться очередное заседание Совета Европы в Страсбурге. Именно в тот момент Москва гоняла телеролик, на котором российский воинский эшелон уползает из Тирасполя...

Вопреки мрачным ожиданиям, Тирасполь весьма благо-склонно отнесся к вывозу нашей инженерной техники из ПМР. Никто, как было обещано, на рельсы не ложился. Приднестровцы были очень довольны тем, что русские оставляют им понтоны, на которые давно претендовал Кишинев. Хотя по соглашению между Москвой и Кишиневом, наследство бывшей 14-й армии распределялось следующим образом: 65 процентов оставляла за собой Россия, 35 предполагалось передать Молдове. И это правило соблюдалось: треть ненужного Оперативной группе «багажа» оставалось там же, на территории Приднестровья. Когда генерала Евневича однажды спросили о том, как все это будут делить между собой кишиневцы и тираспольцы, он ответил:

— Это их внутреннее дело.

Но в Генштабе по-прежнему остерегались, чтобы не начались вооруженные схватки между молдаванами и приднестровцами за войсковое имущество. Военный советник главы администрации Приднестровья Игорь Кицак и слышать не хотел о возможной передаче какой-либо части техники и вооружений Молдове. «Ни одного винтика Кишинев не получит», — твердо сказал он. Еще один аргумент: Молдова-де получила от России приличный кусок пирога: боевую технику, вертолеты, самолеты, оружие, когда российские войска уходили из правобережной части республики.

Все это не сулило Москве ничего хорошего. И хотя Кишинев молчал, у нас в Генштабе прекрасно понимали, что это молчание временное. Все равно молдаване будут требовать свое. А за их спиной — румыны и уже давно приценивающиеся к Молдове натовцы. Вероятность нового вооруженного конфликта остается по-прежнему высокой. Кто же тогда и какими силами будет гасить его? Но уж никоим образом не генерал Евневич, который, блестяще выполнив задачу по сворачиванию армии, к тому времени, возможно, будет уже занимать высокую должность в Москве...

Размышляя о судьбе Евневича, я думал и о другом: во времена Ельцина в армии появился клан генералов, которые считались «своими» для Кремля — явление весьма опасное для единого военного организма государства. Опасное прежде всего потому, что высшая власть, начиная с 1992 года и до нынешнего времени, не имеет стопроцентной опоры в военной верхушке. Лояльность одной части высшего генералитета, купленная властью за счет «прикар-

мливания» его должностями и званиями, неминуемо порождает явное или скрытое недовольство другой части и ведет к расколу в армии.

* * *

Осенью 1995 года Россия предложила Кишиневу изменить статус своих войск в Приднестровье. Суть заключалась в том, чтобы вывести из ПМР наш миротворческий контингент, а его функции передать мотострелковой дивизии из состава Оперативной группы.

Судя по этой инициативе, Москва уменьшала свое военное присутствие в регионе. Там на короткое время появился советник президента по национальной безопасности Юрий Батулин, который проявил большую заинтересованность тем, как подрываются старые снаряды.

Вскоре после этого заместитель Главкома Сухопутных войск генерал-лейтенант Александр Соколов был откомандирован в Кишинев для переговоров с молдаванами.

Предложение России укомплектовать свои миротворческие батальоны военнослужащими Оперативной группы войск РФ в Приднестровье, привезенное из Москвы генералом Соколовым, сразу вызвало бурный протест у молдавской стороны. У молдаван было несколько возражений. Первое: миротворческие силы должны формироваться только из специально подготовленного контингента. Второе: миротворческие силы не должны включать представителей конфликтующих сторон. Третье: предложение Москвы противоречит достигнутым договоренностям сторон (от 21 октября 1994 года) о выводе российских военнослужащих с территории Молдовы.

Соколов уехал из Молдовы ни с чем. Но Запад продолжал активно давить на Москву и требовать от нее быстрее вывести свои войска, а не прибегать к различного рода ухищрениям. Особенно преуспевали в этом румыны и американцы.

В декабре 1995 в арбатских кабинетах часто можно было слышать разговоры, что ни МИД, ни руководство Минобороны РФ уже не знали, как подступиться к этой проблеме, если на ее решение бросали второразрядного генерала. Поскольку Кишинев упорно продолжал гнуть свое, в начале января 1996 года делегация МО и ГШ отправилась в Кишинев и Тирасполь, чтобы в очередной раз попытаться хоть как-то сбить остроту проблемы пребывания наших войск в ПМР.

Но что могли сделать эти люди (несколько генералов и полковников), наделенных мизерными правами и смутными полномочиями? Трудно ожидать успехов там, где завалы проблем нагромождают политики, а разгребают их военные. Такой подход в России стал почти системой. Он и приводит к тому, что впереди дипломатов начинают идти танки...

Весьма похоже, что при вялости и неопределенности российской внешней политики (в том числе и военной) мы вскоре будем вынуждены покидать выгоднейший плацдарм в Приднестровье. Вывод наших войск оттуда в Вашингтоне все чаще связывают с требованием соблюдать договоренности в рамках партнерства с НАТО и положениями Основного акта, который был подписан Ельциным в мае 1997 года в Париже.

Все более крепнущая дружба Молдовы с Североатлантическим блоком и перспективы полномасштабного принятия Румынии в НАТО не сулят нам ничего хорошего.

Есть и еще один важный аспект: поддержка России Западом все жестче увязывается с требованиями к Кремлю дать «определенные обещания» выполнить те или иные условия в сфере внутренней и внешней политики. И нельзя исключать, что требование раз и навсегда решить приднестровскую проблему, убрав оттуда все российские части, может быть одним из них.

Российским историкам еще предстоит написать много сенсационных статей и книг о том периоде, когда в годы правления Ельцина Россия нередко шла на военно-политические уступки Западу только потому, что от размеров его финансовой помощи зависела устойчивость режима.

За многие годы службы на Арбате у меня сложилось убеждение, что после выдворения Лебеда из Тирасполя наша военная политика в ближнем зарубежье нигде не проводилась с такой беззубостью, непоследовательностью и преступной авантюричностью, как в Приднестровье. Некоторые наши политики, наведывавшиеся в регион, словно соперничали меж собой в принятии решений, которые не укрепляли, а ослабляли там позиции России.

Например, еще в 1994 году Россия подписала с Молдовой договор о синхронизации политического урегулирования в регионе с выводом наших войск и вывозом техники и боеприпасов. Но этот ключевой принцип самой же Москвой был откровенно проигнорирован. О каком политическом

ком урегулировании можно было говорить, если уже шел 99-й год, а диалог между Кишиневом и Тирасполем по-прежнему был похож на общение слепого с глухим.

Президент Молдовы Петр Лучинский:

— Приднестровье должно рассматривать себя частью Республики Молдова.

Президент Приднестровья Игорь Смирнов:

— Мы за общее государство на равных правах, за конфедерацию.

Оценивая такие позиции, российские газеты писали: «Помочь договориться Лучинскому и Смирнову может разве что чудо».

И, несмотря на это, Москва с неуклюжестью медведя взялась по-своему решать деликатную и взрывоопасную проблему. Вице-премьер правительства РФ Вадим Густов, посетивший Молдову весной 1999 года, договорился о вывозе из Приднестровья 13 эшелонов российского вооружения и военно-технического имущества без участия официальных представителей Тирасполя, что являлось грубейшим нарушением Меморандума от 8 мая 1997 года. Молдавские власти и пресса с восторгом оценили эти действия Густова как «прорыв».

Вскоре в одном из аналитических документов российского военного ведомства появился такой вывод: «Опасно оставлять незамеченным подобный «прорыв», поскольку это прежде всего прорыв в системе безопасности самой России».

Командующий Оперативной группой российских войск в Приднестровье генерал Валерий Евневич на все вопросы корреспондентов о вывозе оружия отвечал одинаково: мол, я человек военный и действую по приказам.

Летом 1999 года во время встречи с Лебедем я спросил у Александра Ивановича, что он думает о позиции Евневича.

— Он добросовестно довершает развал моей бывшей армии, — сухо ответил генерал.

Вскоре на эту же тему я говорил со знакомыми генштабистами. Мне хотелось понять смысл политических и военных решений, на основе которых мы шаг за шагом сдавали свои позиции в регионе. Внятных ответов на свои вопросы я не получил. И не потому, что офицеры были со мной неискренни, — они и сами не могли понять, что в действительности происходит. Их возмущало появление какого-то «полуподпольного» графика поэтапного вывода наших

войск из Приднестровья, утилизации и реализации вооружений, военной техники и боеприпасов.

График этот не вписывался ни в один из ранее утвержденных российско-молдавских официальных договорных документов и не был утвержден ни президентом, ни правительством, ни парламентом РФ, но уже выполнялся. Создавалось впечатление, что этим процессом управляют привидения или какая-нибудь московская мафия, состоящая из правительственных чиновников и генералов, наподобие той, которая тайно перекачивала наше оружие в Армению в 1994—1996 годах (а количество «товаров», которые в соответствии с неким графиком подлежали вывозу с наших приднестровских баз и арсеналов, было более чем впечатляющим: только боевой техники почти 1100 единиц).

А тем временем наша разведка в регионе передала в Генштаб еще одну неприятную весть: молдаване и американцы разворачивали у берегов Днестра совместные учения, в эпицентре которых находился аэродром Маркулешты. На него готовился высадиться батальон американских десантников — штатовцы уже давно и основательно «пристрелялись» к этой молдавской военно-воздушной базе.

Накануне Тирасполь посетила американская делегация, состоящая из высокопоставленных госчиновников и замаскированных под них офицеров ЦРУ и разведуправления минобороны США. Американцы предложили властям ПМР 30 миллионов долларов «для вывоза и утилизации военного имущества», но с условием, что они будут допущены к этому процессу. Приднестровцы на это не клюнули. У заявившихся вскоре в Тирасполь генералов и полковников Минобороны РФ они уже в тысячный раз спрашивали:

— Считает ли Россия Приднестровье зоной своего влияния?

Московские военные удивлялись такой постановке вопроса, но отвечали невнятно.

Узнав об этом, я негодовал. Позвонил генштабовским направленцам по Молдове. Они что-то бубнили насчет «совкового сознания».

Я попросил перевести это на русский язык. Мне сказали: «Трагедия таких, как ты, мудаков старшего поколения состоит в том, что ваши амбиции времен СССР уже давно не соответствуют реальным возможностям России и ее армии».

Я это понял.

С такой банальной истиной трудно не согласиться.

Но согласиться — еще труднее...

ГРУЗИНСКИЙ ШАШЛЫК

После распада СССР в Закавказье была образована Группа российских войск. Вопрос о ее выводе в Грузии муссируется с осени 1991 года. Уже тогда Верховный Совет республики выдвинул требование о выводе наших войск с территории республики, объявив их «оккупационной военной силой». Местные националисты и сегодня все жестче требуют от властей немедленно «убрать вон русских солдат». Уже много раз случалось, что отношения между Москвой и Тбилиси из-за разных подходов к решению военно-политических вопросов на Кавказе доходили до опасной грани.

Летом 1992 года националистические силы Грузии спровоцировали военную агрессию против Южной Осетии. К пригородам Цхинвала (столица Южной Осетии) грузины подтащили системы залпового огня, танки и артиллерию и открыли огонь по жилым кварталам города.

Руководство Южной Осетии экстренно проинформировало об этом Кремль и попросило вмешательства. Ельцина в Москве не было. Он находился с визитом в США. «На хозяйстве» оставался вице-президент Александр Руцкой.

Руцкой приказал заместителю министра обороны генерал-полковнику Георгию Кондратьеву (отвечавшему в то время в Минобороны РФ за миротворческие акции) немедленно убыть в район Цхинвала, изучить ситуацию и принять меры «для предотвращения расстрела города».

Генерал Кондратьев с группой офицеров в тот же день вылетел на юг. Уже через четыре часа после вылета с подмосковного военного аэродрома Чкаловский Кондратьев по закрытой связи проинформировал Руцкого, что «идет массированный обстрел Цхинвала грузинскими боевиками». Несколько снарядов попали на территорию аэродрома, на котором базировался наш вертолетный полк. Руцкой и Кондратьев обсудили возможные меры, которые в той ситуации можно было оперативно принять, чтобы остановить бомбежку города и российских военных объектов.

Кондратьев, всегда отличавшийся решительностью, предложил поднять эскадрилью вертолетов и нанести ра-

кетные удары по позициям грузинской артиллерии. Вице-президент согласился. Но, перед тем как вертолеты изготовились к нанесению ракетного удара, Руцкой позвонил Шеварднадзе и предупредил, что, если бомбардировка города не прекратится в течение ближайших 30 минут, он отдаст распоряжение уничтожить подразделения грузинской армии.

Шеварднадзе заявил, что войска, которые штурмуют Цхинвал, «не являются грузинской армией».

Такое утверждение развязывало руки Руцкому, и он не без ехидцы сказал грузинскому президенту, что в такой ситуации ничего не сдерживает его от того, чтобы помочь «дружественному южно-осетинскому народу противостоять неизвестному агрессору». И тут же отдал приказ Кондратьеву:

— Вертолеты — огонь!

Авиаторы сработали снайперски, уже во время первого вылета сумев сжечь две установки «Град» и несколько танков. Как только генерал Кондратьев доложил о результатах работы вертолетчиков вице-президенту, в Кремле тут же раздался звонок из Тбилиси. Шеварднадзе потребовал от Руцкого «не вмешиваться во внутренние дела суверенного государства Грузия».

В ответ Руцкой в откровенно-издевательском тоне выразил удивление такой «отеческой заботой» Шеварднадзе о жизни и сохранности безымянной войсковой группировки. И более того, вице-президент приказал генералу Кондратьеву снова поднять в воздух вертолетную эскадрилью и еще раз нанести ракетный удар по артиллерии, обстреливающей столицу Южной Осетии.

Гневу Шеварднадзе не было конца. Он снова звонил Руцкому и, уже не слишком заботясь о дипломатических выражениях, кричал в телефонную трубку, требуя прекратить удары авиации. В свою очередь, Руцкой упорно требовал остановить огонь грузинской артиллерии по Цхинвалу. В конце концов, перемирие наступило...

Тогда, летом 1992 года, многие наши офицеры и генералы, пожалуй, впервые ощутили реальную возможность грузино-российской войны.

Вот как Руцкой вспоминал о последствиях своего участия в погашении грузино-южно-осетинского вооруженного конфликта:

— По приезде Ельцина Шеварднадзе не только нажало-

вался ему, но и опубликовал открытое письмо вице-президенту Российской Федерации с обвинением в агрессии против суверенного государства. С этого момента в глазах «демократов» я окончательно стал «партией войны» и «милитаристом с имперскими замашками». С Ельциным состоялся жесткий разговор, где я открыто заявил, что если бы президент державы вел себя соответствующим образом, а не заигрывал с суверенными феодалами и не раболепствовал с США, боясь, что не «поддержат», то не лилась бы кровь в Южной Осетии, Приднестровье; не вел бы себя так нагло Кравчук, хапнувший практически всю транспортную авиацию Военно-воздушных сил СССР, стратегическую авиацию с единственной эскадрильей новейших стратегических бомбардировщиков Ту-160, целую воздушную армию фронтовых бомбардировщиков Су-24; не претендовал бы на Крым и Черноморский флот; не отошли бы от нас исконно русские земли Гурьева, Уральска, Павлодара, Акмолинска (Целинограда), Семипалатинска, Усть-Каменогорска; не растащили бы по национальным квартирам армию. К миллионам наших соотечественников в ближнем зарубежье все относились бы уважительно, а не глумились бы над ними, лишая гражданских прав, как это происходит в Прибалтике... Ельцину, разумеется, очень не понравились мои высказывания. В его глазах была не только привычная ярость, но и ненависть ко мне.

* * *

И даже несмотря на то, что грузино-российские отношения частенько подвергались серьезным размолвкам, а требования националистов убрать «оккупантов» звучали все яростнее, тбилисские власти не спешили выталкивать наших военных за пределы своей страны. Тут у грузин были свои расчеты: с помощью российских частей, дислоцирующихся на территории республики, решить абхазскую проблему.

Как и в Приднестровье, позиции России в этом регионе не имели четких формулировок. Когда-то Клаузевиц назвал военную неразбериху «туманом войны». Нашу военную политику на Кавказе по этой аналогии можно было называть «туманом Москвы».

Российская политика в Грузии часто была похожа на человека, который сам с собой играет в шахматы: был период, когда наши подразделения воевали как на стороне гру-

зин, так и на стороне абхазов (1993 г.). В феврале 1996 года по этому поводу президент Грузии Эдуард Шеварднадзе не без раздражения говорил:

— В Абхазии из всего полумиллионного населения собственно абхазов было всего 17%. Физически невозможно, чтобы 17% устроили геноцид и этническую чистку остальным 83%. Так что помощь была огромная — и финансовая, и военная, и техника самая современная...

Москва на это заявление не реагировала. Ибо крыть было нечем. В архивах ростовских и московских штабов до сих пор хранятся секретные документы, в которых затейливо закамуфлирована наша помощь абхазам танками, самолетами, боеприпасами и людьми.

Непоследовательность нашей политики на Кавказе часто приводила к тому, что Тбилиси раздражала позиция Москвы, когда она порой на коротком отрезке времени предлагала принципиально разные подходы к разрешению грузино-абхазского конфликта. Бывая по делам в правительстве и в МИДе, я не один раз замечал, что там никак не могут найти ту осевую линию, которой надо строго придерживаться в отношениях с Грузией. Москва то и дело шарахалась из одной крайности в другую.

— Мы ведем себя, как проститутки, — так сказал русский полковник грузинскому репортеру, освещавшему визит военной делегации Минобороны РФ в Грузию.

Мой сослуживец полковник Владимир Уватенко сопровождал Павла Грачева во время его поездки в Тбилиси и переговоров с главой грузинского военного ведомства генералом Вардико Надибаидзе. Володя возвратился на Арбат с большой бутылкой грузинского вина и пригласил меня на дегустацию. На подоконнике его кабинета стояли два запяленных стакана. Полковник сполоснул их водкой из недопитой поллитровки. Двести граммов грузинского вина были очень похожи на сладкий поцелуй голодной любовницы.

— Ну, как? — в голосе и в глазах полковника такой переизбыток гордости, словно он сам делал это волшебное вино.

— Амброзия, — восхищенно говорю я, многозначительно подвигая свой стакан поближе к бутылке, — как там поживает солнечная Грузия?

Полковник смачно излагает свои впечатления.

Под сладким винным наркотозом воспоминаний мы с Во-

лодей побродили по узким улочкам древнего Тбилисо, мандариновым садам Абхазии и кахетинским виноградникам.

— Но это уже другая Грузия, — грустно сказал полковник, — она похожа на женщину, у которой завелся любовник.

— Что ты имеешь в виду?

— Кажется, мы потеряли то, что вряд ли теперь найдем...

Во время визита в Тбилиси Грачев несколько раз повторил:

— Надибаидзе — мой лучший друг.

Грузинский военный министр делал алаверды.

Но частые генеральские признания во взаимном почтении были уже чем-то похожи на древнее вино, разбавленное водой.

Другой была уже не только Грузия, но и Россия. Неизменным оставалось разве что колоритное остроумие грузинских анекдотов. Во время поездки в Тбилиси Володя пополнил ими свою богатую коллекцию: «Урок русского языка в грузинском военном училище. Преподаватель:

— Курсант Мамаладзе! Идите к доске — будем разбирать предложение по частям речи. Пишите: «Мужчина и женщина пошли в баню». Разбирайте.

Мамаладзе яростно чешет затылок и неуверенно бормочет:

— Мужчина... Мужчина... Это... надлежащее. Женщина — подлежащее. А «пошли в баню» — это предлог!

— Маладэц, Мамаладзе! Садытес — «четыре».

— Почему «четыре», если я маладэц?! — возмутился курсант.

Преподаватель:

— Потому что «пошли в баню» это не предлог, а местоимения!»

Все мы в разной степени поручики Ржевские.

...Сидя в грохочущем вагоне метро, я даже из сильно захмелевшей головы легко выковыриваю десяток грузинских имен царей, князей, графов и генералов, которые стали блистательными бриллиантами в богатой короне российско-грузинской истории. Теперь эта корона потускнела. А всех нас — и грузин, и русских — напоили дурманом...

В русской и советской истории нет такой области, где бы ни блистали грузинские самородки, от этого история самой Грузии не стала менее величественной. Теперь рус-

ские и грузины уже который год зло и жадно делят эту историю. Как потерявшие всякую человеческую пристойность родные братья делят меж собой богатое «отцовское наследство» — границы и корабли, дома и танки, самолеты и славу...

Испив ядовитого зелья мнимо-целительной независимости, народы наши начали харкать кровью, смотреть друг на друга волком и хвататься за стволы. Кому нужна такая свобода, если ее уже который год подряд окропляют горячие слезы русских, грузинских и абхазских матерей?

И в том, что произошло вчера и происходит сегодня, — отмщение не только Ельцину или Шеварднадзе — Грузии и России за легковверную измену пусть несовершенному, пусть «совковому» укладу жизни, который можно и нужно было лечить, но не рубить, как виноградник, под самый корень...

«Кажется, мы потеряли то, что вряд ли теперь найдем...»

Я помню мудрые и многозначительные слова Шеварднадзе: «Революция взрывает, эволюция — лечит...»

* * *

...Испуганный, жалкий, поцарапанный осколками стекла, в крови и саже Шеварднадзе сидит в грязной майке на медицинской каталке и, еще не выйдя из шока, уже в который раз бубнит что-то невнятное о своих противниках...

Это тот самый «белый лис», тот самый «Великий игрок», перед которым снимала шляпу мировая политическая элита, когда за его спиной был МИД СССР. Сейчас за его спиной маленькая Грузия, во главе которой он теперь «воюет» против той самой Москвы, интересы которой с одинаковым успехом некогда защищал и... «продавал» (в горбачевскую пору не без его участия Москва щедрой рукой отрезала американцам кусок своего шельфа в северных широтах Тихого океана, а потом оказалось, что там запасы нефти превышают кувейтские)...

После распада Союза отношения Москвы и Тбилиси в военной сфере часто носили откровенно конъюнктурный характер: «Мы вас не гоним, но рассчитываем на помощь в борьбе со строптивыми абхазами».

Политика — дело лицемерное. Чечня собралась выходить из состава России — в Тбилиси заговорили о «свободной воле народа». Абхазия собралась выходить из состава Грузии — в Тбилиси заговорили «о преступном сепаратиз-

ме». Борьба с этим сепаратизмом подразумевает и опору на русские штыки.

В 1995 году Россия и Грузия подписали соглашение о создании в этой закавказской республике четырех российских военных баз. После этого акта Эдуард Шеварднадзе многозначительно намекнул, что Грузия согласилась на такой шаг, «исходя из собственных национальных интересов». Он же открыто заявил, что «с участием России будет восстановлена территориальная целостность Грузии — это непереносимое условие договора о российских военных базах».

Подписывая соглашение с Грузией, наше военное и государственное руководство прекрасно понимало, что данный документ — это всего лишь «кредит», который Тбилиси дает Москве. И возвращать нам его придется прежде всего по «абхазским счетам»...

Подписанию соглашения предшествовала жесткая явная и скрытая борьба между Москвой и Вашингтоном за усиление своего влияния в Грузии. Тбилиси одно время попытался играть с русскими и американцами в игру «кто больше даст». Шеварднадзе обращался к Клинтону с просьбой оказать помощь в строительстве и оснащении грузинской национальной армии.

Когда информация об этом поступила в Кремль и Генштаб, сразу же были предприняты попытки заблокировать стремление США укрепить свои позиции в Грузии. Американцы, вероятно, уже располагали информацией о массивной работе русских в Грузии и потому мгновенно отреагировали. Они пообещали Шеварднадзе предоставить военных инструкторов, выделить льготный кредит, помочь техникой в оборудовании погранзастав и подарили медицинское оборудование для военного госпиталя.

Уже вскоре после этого начались активные «телодвижения» Москвы: побывавший с визитом в Грузии Виктор Черномырдин пообещал хозяевам «всяческую помощь». А министр обороны Грачев пошел еще дальше: он открыто заявил, что Москва «жизненно заинтересована в восстановлении железной дороги», ведущей из России через Абхазию в Грузию, потому как «доставлять военные грузы для российских войск в Грузии воздушным транспортом слишком дорого».

Становилось ясно, что «железнодорожная идея» в грузино-российских расчетах является частью плана возвращения Абхазии в лоно Грузии.

Ардзинба забил тревогу. А обрадованный Шеварднадзе в своих посланиях в Москву постоянно проводил мысль о необходимости более решительных действий со стороны России. На публике он обходил военный фактор и выражался несколько сдержаннее: «Восстанавливать территориальную целостность страны без поддержки России на данном этапе невозможно».

Когда Шеварднадзе вновь был избран президентом Грузии, то почти сразу объявил, что если не удастся восстановить территориальную целостность Грузии политическими методами, то будут найдены и другие, «вплоть до силовых»...

Я видел многие секретные документы, в которых бушевали дипломатические страсти Москвы и Тбилиси вокруг Абхазии. И когда подписывалось соглашение о размещении наших четырех баз в Грузии, представители грузинской стороны почти открытым текстом подчеркивали, что все это — серьезный аванс в расчете на мощное участие русских «в решении грузинских внутренних проблем».

Используя фактор российских военных баз, грузины умело давили на Москву, время от времени подталкивая наших политиков и военачальников к вмешательству в конфликт. Проблема идущей через Абхазию железной дороги была на руку Тбилиси: русские вынуждены были пользоваться транспортной авиацией, арендовать аэродром, который можно было в любой момент перекрыть, а поставки грузинского продовольствия в российские части сократить. Пользуясь этими и другими козырями, грузинские власти понуждали наших командиров к занятию более жесткой позиции в отношении абхазов.

Из рассказа Владислава Ардзинбы:

— 30 сентября 1995 года мы отмечали праздник. Из Тбилиси в Абхазию, даже не уведомив ее руководство, то есть, если хотите, тайно, приехал генерал Соколов, который непосредственно командует подразделениями миротворцев в Сухопутных войсках. Он прибыл в Гальский район и дал команду начать учения миротворческих сил.

В процессе этих учений так называемый Батумский батальон, входящий в миротворческие силы, должен был перейти на наш берег и блокировать город Гал. За его спиной с 28 сентября стояли 11-я танковая бригада, вертолетный полк и бригада ПВО из Тбилиси и дивизия охраны границы из Ахалцихе. Фактически это была группа вторжения.

У нее была задача взять под контроль Гальский район, ввести туда так называемое правительство автономной республики, которое никто не назначал, и установить там его правление. Если бы эта провокация была осуществлена, появился бы предлог для кровопролития. Только путем огромных усилий с нашей стороны его удалось предотвратить. Мы бы, конечно, не позволили Батумскому батальону перейти нашу границу. Миротворцы, которые находятся здесь, прекрасно знают, к чему могут привести подобные действия. Приказ об учениях был устный. Но начальник штаба миротворческих сил Куземчак за то, что он его не выполнил, отстранен от должности и должен отсюда отбыть. Наказан человек, который предотвратил кровопролитие, не дал использовать миротворческие силы вопреки их функциям.

Слушая пышащий обидой рассказ Ардзинбы, я вновь думал о многих десятках таких же, как и Куземчак, российских военачальниках, которые в разное время и в разных «горячих точках» бывшего Союза попадали в переплет межнациональных конфликтов. То были блестящие русские офицеры, профессионализм и отвага которых, проявленные не на московском штабном или кремлевском паркете, а в афганских или чеченских боях, не раз отмечались орденами. А попав на грязно-кровавые жернова разборок, подобных грузино-абхазской, они часто с легкостью необычайной ломали свои судьбы и карьеры — иные сдирали с себя погоны и уходили из армии навсегда...

И это тоже была слепая и несправедливая месть покойной империи людям, которые добросовестно гасили возникшие после ее крушения пожары и растаскивали завалы, хорошо понимая, что черная пружинистая подпись их Верховного Главнокомандующего на договоре в беловежском лесу была бикфордовым шнуром, ведущим к стенам крепости, которую была еще возможность капитально отремонтировать, а не взрывать.

Великое множество своих детей потеряла и Грузия под руинами с клеймом «СССР». Сок грузинских мандаринов теперь горек, как слезы грузинских матерей. Красный сок грузинских гранатов отдает вкусом человеческой крови. Грузинский лавровый лист и грузинский чай пахнут погребальным венком. Позолоченная стройная грузинка у фонтана «Дружба народов» на бывшей ВДНХ кажется мне печальнее всех...

...Российский министр обороны Родионов однажды в минуты откровения сказал мне: «У меня теплеет сердце при слове «Грузия». Служба в Грузии — лучшие годы всей моей жизни...»

Где бы ни служил генерал Родионов после Грузии, на его рабочем столе лежал бронзовый лев. Когда-то Игорь Николаевич нашел его на тбилисской окраине...

Прошлым летом на берегу Черного моря грузинский пацан крикнул мне вслед:

— Клеб мутели мугидхан мичури!

Услышав это не по-грузински злое, но по-грузински сочное ругательство, я подумал почему-то: «Лучше бы ты в меня, пацан, выстрелил...»

* * *

...Весь 1995 год наши генштабовские направленные по Грузии прожили в тревожном ожидании силовых акций со стороны Тбилиси против Абхазии. Заявления Шеварднадзе о необходимости «восстановления конституционного порядка» с каждым разом становились все жестче. Грузинские власти уже не стеснялись откровенно намекать нашим политикам и высшим военачальникам, что «надо бы полностью отдать долги».

Эти «долги» Москва начала отдавать еще с декабря 1994 года. Наши разведчики, работающие на Кавказе, по возвращении в Генштаб в течение всего 1995 года рассказывали, что Абхазия подвергается жестокой блокаде со стороны России: регулярно отключается электроэнергия, закрыт Сухумский аэропорт, ограничена доставка топлива, продуктов питания и медикаментов. Протокол о возобновлении железнодорожного движения на территории республики, подписанный абхазской и российской сторонами 20 октября 1995 года, не выполнялся из-за противодействия Грузии.

Явно антиабхазскую позицию к концу 1995 года стал занимать наш МИД: не без его ведома был запрещен выход в море из порта Сухуми абхазских судов, а с 5 января 1996 года порт вообще закрыли для входа и выхода всех иностранных кораблей. Наш МИД добился того, чтобы абхазские паспорта не признавались пограничными и таможенными службами России, в связи с чем граждане республики были лишены возможности выехать за границу с территории собственной республики.

Темные тучи, идущие не только со стороны Тбилиси, но и со стороны Москвы, все плотнее сбивались над Сухуми. Шеварднадзе выступил с требованием придать полицейские функции российскому миротворческому контингенту в районе конфликта. Ардзинба тут же обратился в ООН с требованием игнорировать такие призывы. Грузины все сильнее подталкивали наши миротворческие силы в Кодорском ущелье к тому, чтобы они оказывали давление на абхазов.

Командующий миротворческими силами генерал Василий Якушев заявил, что его задача — соблюдение нейтралитета по отношению к конфликтующим сторонам. Тогда член грузинского комитета по правам человека Сандро Кавсадзе прислал к нам в Минобороны письмо на имя Грачева с выражением протеста по поводу позиции Якушева: намечалась еще одна жертва внутригрузинских разборок.

В начале 20-х чисел января 1996 года в Москве состоялось очередное заседание глав государств СНГ. На нем была принята концепция предотвращения конфликтов на территории Содружества. Там же был принят и весьма странный документ, предусматривающий коллективные санкции против Абхазии (его не подписала только Белоруссия, которая категорически отказалась посылать своих солдат в чужие страны для погашения «разборок»).

Таким образом, к негласным экономическим и политическим санкциям Москвы против Абхазии подключалась уже целая компания эсэнгэшников. Это был уже, судя по всему, второй этап тайного грузино-российского плана умирения Абхазии.

Шеварднадзе не удалось протолкнуть идею придания миротворческим силам в районе конфликта полицейских функций или отмены миротворческого мандата вообще. Мандат нашим миротворцам был продлен до 19 апреля, причем в течение месяца Россия и Грузия должны были согласовать содержание мандата и представить его на утверждение главам стран СНГ.

Я зверел, слыша бесконечные жалобы наших генштабовских офицеров, курировавших миротворцев в зоне грузино-абхазской границы. Они называли себя «заложниками глупости» и говорили, что уже задыхаются под завалами новых проблем. Их работа чем-то напоминала мне солдата, который в одном из генштабовских подъездов в слякотную пору с унылым сознанием полной бесполезности своего труда

протирал шваброй гранитный пол — его тут же загаживали сотни ног.

Наверное, все мы чем-то похожи теперь на того солдатика: таскать — не перетаскать.

Я с ужасом думал, какую гигантскую работку своей армии в ближнем зарубежье подкинул Верховный Главнокомандующий. Она очень похожа на попытку загасить пожар чайной ложкой воды.

Но нам приказывали, и мы с энтузиазмом занимались очередной глупостью.

На подготовку нового миротворческого мандата давалось меньше месяца. Проект этого документа должен был рассылаться в столицы республик на рассмотрение. Там, естественно, будут свои поправки, причем, не исключается, кардинально меняющие принципы документа. Все это надо свести «в кучу», выработать оптимальный вариант и снова послать на рассмотрение. Опять замечания. Опять мучительный поиск консенсуса. Естественно, что Абхазия не будет сидеть и ждать решения своей судьбы, которая отдана кому-то «на утверждение». Она будет готовиться к худшему...

Наши генштабовские офицеры, наезжавшие в МИД по служебным делам, возвращались оттуда хмурые и злые: «Множество умных лиц и ни одной умной мысли».

Становилось ясно, что наш МИД явно химичит, стремясь снять персональную ответственность Москвы за урегулирование грузино-абхазского конфликта и спрятаться за спину «коллективного решения» глав государств СНГ. Такой ход Ардзинба моментально раскусил и прислал в Кремль и МИД соответствующее заявление. Замаячила перспектива еще одного провала российской внешней политики в ближнем зарубежье.

Куратор урегулирования грузино-абхазского конфликта замминистра иностранных дел Борис Пастухов, вероятно, понимал, что его новый шеф Примаков, будет недоволен. И тогда Пастухов выступил с резким заявлением: «Россия может отказаться от посредничества в урегулировании грузино-абхазского конфликта, если в этом процессе не будет никаких подвижек». По его словам, «если игнорируются усилия России, если по отношению к посреднику проявляется неуважение, то мы готовы сложить с себя эту миссию и вывести миротворческие силы из региона. Если мы почувствуем, что принципиальная позиция сменилась

политическим капризом, то у нас хватит гордости для того, чтобы не потакать такого рода вещам».

Наш МИД тоже «копошился под развалинами».

Когда я показал текст заявления Пастухова полковнику Валерию Атамасю, курировавшему в Главном оперативном управлении Генштаба наших миротворцев, он угрюмо сказал:

— Похоже, все идет к тому, что мы можем отдать Абхазию на растерзание грузинам. МИД отваливает в сторону, чтобы полностью развязать Шеварднадзе руки. Ведь должок за свои военные базы Москва до сих пор не отдала. Придется отдать...

Вскоре Грачев заявил, что будет настаивать на выводе наших миротворцев из зоны конфликта, если грузины и абхазы не договорятся между собой. На следующий день у нас на Арбате появился Ардзинба и стал уговаривать Грачева не делать резких движений.

По Генштабу пошли гулять разговоры, что в МИДе уже прорабатываются вопросы вывода миротворческих сил из зоны конфликта. Но я уже знал, что с ходу клевать на эти слухи нельзя: слухи в Генштабе иногда бывают частью какой-нибудь тайной информационной операции.

Но вскоре стало ясно, что игра идет всерьез. Командующий нашими миротворческими силами генерал Василий Якушев сделал официальное заявление в прессе, что «вывод миротворческих сил из зоны грузино-абхазского конфликта будет означать возобновление там боевых действий».

Якушев бил в «десятку».

* * *

Уже через несколько дней после встречи глав стран СНГ в Москве в январе 1996 года председатель парламента Грузии Зураб Жвания заявил, что руководство республики категорически настаивает на придании «голубым каскам» в зоне грузино-абхазского конфликта полицейских функций. В случае если руководство России не согласится с этим, Тбилиси примет решение о выводе миротворцев из зоны конфликта.

А это — новая война...

Не остались в долгу и абхазы. В те же дни первый вице-спикер абхазского парламента Станислав Лакоба на пресс-конференции в Москве заявил, что «в последние дни вокруг Абхазии вновь нагнетается напряженность, что связано

с разработкой президентом Грузии к новому саммиту глав стран СНГ специального плана полной изоляции Абхазии от России и остального мира, а также с его намерением добиться изменения мандата миротворческих сил». Он заявил также, что изменение мандата миротворческих сил будет означать провал миротворческой миссии СНГ.

На той же пресс-конференции министр иностранных дел Абхазии Леонид Лакербая подтвердил приверженность Абхазии тесным связям с Россией и напомнил, что «Абхазия вошла в состав России еще в 1810 году согласно манифесту Императора Александра I и до сих пор рассматривает этот документ как основополагающий».

У России и ее армии был и без того Атлантический океан проблем: бастовали угольщики и оборонщики, останавливались заводы и фабрики, зло играли желваками офицеры, а нам надо было то и дело влезать вот в такие разборки, бросать на усмирение дерущихся своих солдат, многие из которых получали пулю в лоб.

Девятнадцатилетних пацанов команды сопровождения то и дело привозили из зоны конфликта в гробах в русские города и деревни, а в это время их сверстник — холеный и самодовольный Боря Ельцин гарцевал на элитной лошади английского колледжа и пил эль.

Британские журналисты восхищенно называли Борю «внуком могильщика советской Империи»...

Боря Ельцин не знал, как свистят пули над головой, он ни разу не видел солдата, подрывающегося на mine, не собирал человеческие останки в плащ-палатку и не ел из котелка похлебку пополам с грузино-абхазским песком.

Внука могильщика эта участь не постигла.

Дай Бог, чтоб не постигла и правнука...

* * *

...Российских политиков и военачальников в Тбилиси принимали с легендарным грузинским гостеприимством. Изрядно захмелевшие московские гости порою в порыве благодарности хмельным язычком наплетали такое, что полдюжина их неосмотрительно-невежественных фраз в мгновение ока сводила на нет почти все, что было с огромным трудом добыто на ниве примирения грузин и абхазов.

Во время посещения Грузии в 1995 году спикер верхней палаты российского парламента Владимир Шумейко, явно в угоду Шеварднадзе, сравнил лидера Абхазии Ардзинбу с

преступником «масштаба генерала Дудаева» (его слова мигот радостно разрезали грузинская пресса, цитировались они и в российской). Это заявление с политической точки зрения было крайне вредно для стратегических интересов России на Кавказе. Своим заявлением Шумейко будто плеснул бензина в опасно тлеющий костер грузино-абхазской свары.

Кто бы и как бы ни относился к Ардзинбе, а такой «лейбл», приклеенный ему Шумейко, не только оскорблял абхазского лидера, но и взорвал даже тот хрупкий мост взаимопонимания, который другие наши политики и дипломаты с таким упорством наводили между конфликтующими сторонами.

Одни этот мост строили, другие — поджигали.

Уже вскоре в адрес Федерального собрания России поступило гневное письмо абхазских властей.

* * *

В январе 1996 года посол Грузии в России Важа Лордкипанидзе заявил, что «Грузия четко высказывается о том, что ее с Россией связывают узы стратегического союза... Мир и стабильность на Кавказе — это стратегические интересы и России, и Грузии».

И тогда у него спросили:

— А готова ли Грузия к стратегическому союзу с Россией в полном смысле слова, то есть военно-политическому?

Когда идея создания военно-политического союза прозвучала в сентябре 1995 года из уст Ельцина, а затем была развита Грачевым, Шеварднадзе отмолчался.

Лордкипанидзе ответил:

— Это очень сложный вопрос. Если мы сумеем наладить стратегическое сотрудничество и интеграционные процессы на взаимовыгодных условиях, на принципах взаимного уважения и прежде всего уважения территориальной целостности наших государств, можно будет рассматривать вопрос о военном союзе.

Еще раз становилось ясно, что Тбилиси отношения с Москвой рассматривает только через призму абхазской проблемы.

У меня мурашки пробежали по телу, когда Лордкипанидзе, отвечая на мой вопрос о том, что стало причиной столь яростного сепаратизма абхазского государства, холодно и сурово сказал:

— Государства Абхазия не существует.

20 мая 1998 года в ходе нового вооруженного конфликта погибли четверо абхазских милиционеров и семеро грузинских боевиков.

В тот же день (по чисто символическому совпадению) в российском парламенте начался очередной сбор подписей под требованием об отрешении Ельцина от должности. Он обвинялся, в частности, в том, что попрал волю народов СССР, высказанную на референдуме 1991 года, и тем самым «совершил государственную измену»...

Потуги депутатов благородны, но непростительно наивны. Для очистки совести это полезно. Как говорят, хотеть-то они хотят, да кто ж им даст? Это в Америке происходит: «Мораль сей басни такова, что зайцы хором в...т и льва».

В России это обычно делается после того, как лев становится чучелом и уже не страшен даже муравью. Легко предвидеть, как к хору инициаторов импичмента задним числом присоединятся целые армии невидимых нынче правдолюбцев, которые «откроют глаза» народу на то, что президента в 1996 году по честному счету не выбирали, а «купили», что вовсе он никакой не всенародно избранный, что во второй срок президентства он окончательно загубил Россию, и вообще все мы своим безмолвием позволили твориться произволу, который еще в 93-м надо было осудить Международным трибуналом в Гааге...

Россия всегда была сильна задним умом. Только с помощью этого бесхитростного инструмента и можно ее понять.

* * *

...Просматривая донесения нашей разведки с «кавказского фронта», я ловлю себя на мысли, что Грузия все больше становится похожей на красавицу-разведенку, знающую цену своим чарам и позволяющую себе сполна пользоваться этим, заигрывая с мужиками, способными на богатые подарки. Случалось, что она на какое-то время возвращалась и к бывшему «мужу», когда тот мог осчастливить ее каким-нибудь презентом в виде партии стареньких «калашниковых» или порядком поношенного катера береговой охраны.

Но заокеанский хахаль был вне конкуренции.

В марте 1998 года в Вашингтоне побывал министр обо-

роны Грузии Вардико Надибаидзе. Там он подписал новый план военного сотрудничества между США и Грузией.

Преувеличение собственных достоинств — национальная черта грузин. В том числе и в погонах. Они громко, чтоб донеслось до Москвы, объявили на весь мир, что в 1998 году будут проведены 23 совместных с американцами военных учения. В нашем Генштабе к этим играм уже давно привыкли и почти всегда делили такие заявления Тбилиси на 10 — такой прием помогал видеть истину.

Шла игра.

Из источников в Тбилиси:

«США в ближайшее время направят к берегам республики два сторожевых катера для патрулирования черноморского побережья республики... Американцы пообещали почти полтора миллиона долларов для приобретения грузинской армией новейших систем связи...»

Грузинскую «невесту» обхаживали не только американцы. К ней упорно сватались греки, турки, немцы. Группа грузинских офицеров была направлена на переподготовку в Германию. Из Германии поступила боевая техника бывшей армии ГДР. Греция передала в дар Грузии малый артиллерийский катер. То же самое сделала и Турция.

Многие офицеры спецназа Грузии прошли переподготовку в США. Американская разведка с гордостью докладывала Конгрессу: «На данный момент российское минобороны практически не контролирует степень военной координации НАТО и Тбилиси».

Получив такие сведения, Москва тут же снарядила очередную бригаду военных гонцов в Тбилиси — «выправлять положение».

Рекой лилась «хванчкара». Жалобно орал очередной баран, которому суждено было закончить жизнь на мангале во имя грузино-российского военного братства. Наутро грузинские и российские генералы, жадно высосав по две бутылки «боржоми», выходили к прессе. И мир облетала весть: «Между Тбилиси и Москвой устанавливается стратегическое партнерство».

Не успевал растаять в грузинском небе грохот турбин российского «Ил-62», как с другой стороны появлялся американский «Боинг-747»...

Рекой лился грузинский коньяк. Жалобно орал очередной баран, которому суждено было закончить жизнь на

мангале во имя грузино-американского военного сотрудничества. Наутро грузинские и американские генералы, жадно высосав по две бутылки «боржоми», выходили к прессе. И мир облетала сенсация: «Между Тбилиси и Вашингтоном устанавливается стратегическое партнерство!»

Москва снаряжала новую бригаду гонцов. В Вашингтон из Москвы летели дипломатические депеши с просьбой не ущемлять «стратегические интересы России в Грузии».

Вашингтон отвечал: «У России нет и не может быть никаких приоритетных прав на новые независимые государства... СНГ — это зона свободной конкуренции».

Американский сенатор Сэм Браунбек в ответ на просьбы Москвы померить «завоевательский» пыл Вашингтона в зоне ее стратегических интересов, открытым текстом заявил: «США должны в спешном порядке внедряться в регионы, оказавшиеся после распада СССР на историческом перекрестке главных сегодняшних мировых сил... Эту уникальную возможность нельзя упускать, так как потом будет поздно».

И американцы возможностей не упускали.

А стоило Москве хоть в малом оставить их с носом — тут же раздавался крик об «имперских амбициях».

Нас все больше вынуждали играть по правилам «провинциальной лиги». Москва упорно трепыхалась, претендуя на большее. Когда американцы провели с грузинами тайные переговоры о поставках своих вооружений, российские эмиссары тут же провели переговоры с бразильцами о пробной поставке всего лишь одного вертолета. Произошел «ядерный взрыв» американского дипломатического негодования. Мы поджали хвост и смиренно заняли место в отведенном для нас углу.

* * *

Весной 1998 года началась новая свара между Москвой и Тбилиси по поводу условий передачи Грузии российских военных объектов на ее территории. С другой стороны, Госдума ставила под сомнение законность решения, принятого в связи с этим высшей российской исполнительной властью. МИД Грузии распространил заявление, в котором выражал недоумение по поводу заявлений российского парламента. В заявлении грузинского МИДа отмечалось: «Военные объекты являются государственной собственностью страны и предоставлены российской стороне на временной основе».

Разгорался новый скандал, очередной в ряду тех, что все больше превращали трещину в ущелье, ущелье — в пропасть.

Закордонные военные аналитики бдительно следили за тем, чтобы не прозевать появление условий, при которых Россия и Грузия могли остановить эту разруху. «Одним из возможных путей решения данной проблемы, — говорилось в одном из пентагоновских документов, — могла бы явиться реинтеграция старых элементов советской структуры Вооруженных сил в рамках СНГ. Но деградация этих структур зашла слишком далеко. К тому же наши политические соображения делают это просто невозможным...»

Как говаривал мой генштабовский друг полковник Атамась, «нас бьют бескровно, но больно».

Летом 1998 года Шеварднадзе прислал Ельцину письмо, в котором потребовал созвать внеочередную встречу глав государств СНГ для срочного решения вопроса о возвращении беженцев в Абхазию. Тбилиси был крайне недоволен российскими миротворцами (обозвав их «мародерами») и наблюдателями ООН (обвинив их в «бездеятельности»).

Ельцину было не до того. Гигантский пресс российских проблем нещадно давил на него: даже если бы он имел бычье здоровье и мог работать 24 часа в сутки, то и тогда удалось бы решить лишь жалкую толику из всего сонмища неотложных внутригосударственных вопросов. Но здоровье его было уже неважным, а представления некоторых руководителей стран СНГ о силе его власти — иллюзорными. Шеварднадзе был в их числе. И чем чаще он слал почти панические письма в Кремль с просьбами усмирить абхазов, тем больше убеждался, что Ельцин уже мало что реально способен решить.

Осенью 1998 года истек срок действия мандата пребывания российского миротворческого контингента в зоне грузино-абхазского конфликта. Наши подразделения снова оказались в положении жильцов «без прописки». Мандат им обещали «подослать чуть позже».

И когда по каналам российской разведки в Москву поступила информация о том, что Тбилиси, разуверившись в возможностях Москвы, прощупывает в штаб-квартире НАТО в Монсе возможности разрешить грузино-абхазский конфликт с помощью миротворческого контингента блока, некоторые генштабовские аналитики восприняли эту весть даже с гордостью — такой поворот событий они уже давно предвидели.

Вскоре в Генштаб поступили новые сведения об очередных жертвах среди наших миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта.

Россия продолжала терять своих солдат...

* * *

Уже приближалась весна 1999 года, а статус российских военных баз в Грузии оставался неясным. Грузины по-прежнему настаивали на том, что все военные объекты России на территории республики — их собственность. К тому же в 1998 году был подписан соответствующий российско-грузинский Договор, к которому официальный Тбилиси постоянно апеллировал. Но Госдума его не ратифицировала, и даже обвинила правительство Кириенко (при котором Грузии было передано 10 объектов) и Минобороны в «самоуправстве».

На основании принятого российским парламентом постановления в Грузии длительное время работали сотрудники наших правоохранительных органов, которые должны были доложить Госдуме, законно ли грузины получили почти дюжину российских военных объектов. Комиссия, состоящая из гражданских и военных юристов, не горела желанием «копать под правительство» и потому откровенно тянула резину, с гораздо большим рвением занимаясь дегустацией грузинских вин, нежели инспекцией «ушедших» объектов. На все запросы из Госдумы члены комиссии отвечали: «Продолжаем работать». От неприятностей служителей Фемиды спасло 17 августа, после которого Госдуме уже было не до российской военной недвижимости в Грузии.

А Тбилиси продолжал давить на Москву, требуя скорейшей передачи оставшихся объектов. И хотя главное слово в решении международных проблем принадлежало президенту — и ему было не до того. Он уже длительное время болел. Курировавший самое тяжелое, южное, направление Борис Пастухов ушел в тень, так и не добившись каких-либо ощутимых результатов. Примакову тоже было не до грузинских проблем: надо было спасти экономику, бюджет, выпрашивать деньги у МВФ, отбиваться от провокационных происков московских политических интриганов, то и дело сталкивавших его с Ельциным.

Когда Кремль или МИД проваливали какой-нибудь международный вопрос, они часто бросали в прорыв представителей Минобороны. Так было и на сей раз. В середине

февраля 1999 года в Тбилиси был направлен статс-секретарь — первый заместитель министра обороны Николай Михайлов. Он должен был «уточнить новый перечень военных объектов, передаваемых Грузии». Очевидная глупость такой формулировки состояла в том, что по Конституции вопросы присутствия, функционирования наших военных объектов вне территории России должны решаться высшей исполнительной и законодательной властью, а не чиновниками военного ведомства.

Я уже давно заметил: как только для решения таких вопросов из Москвы в любую из республик СНГ отряжаются эмиссары МО — это значит, что их бросают разгребать завалы, сквозь которые не смогли пробиться наши дипломаты. Визит Михайлова не был исключением. Итоги его можно было смело предсказывать еще до начала. Он ничего конкретного не добился.

Мы уже давно проиграли почти все позиции в Грузии, но продолжали жить с упорной надеждой неизвестно на что. Было совершенно очевидно, что пребывание наших частей на грузинской земле становится лишь вопросом времени. И это тоже справедливая месть Москве за бездарную и немощную политику, которую при Ельцине проводили Кремль и МИД на Кавказе. Потеря «господствующих высот» в Грузии — один из самых позорных итогов нашей внешней политики ельцинского периода.

В декабре 1998 года наша разведка в Вашингтоне с чувством брезгливости наблюдала за визитом нового министра обороны Грузии Давида Тевзадзе к его американскому коллеге. Грузин вел себя как бедный родственник, попавший в дом богача: расточал комплименты и шаркал ножкой. Было подписано очередное американо-грузинское соглашение о военном сотрудничестве, в соответствии с которым США брали на себя обязательство оказывать Грузии помощь в строительстве ее национальной армии.

Американцы будут финансировать участие грузинских военных в зарубежных программах и учениях, а также окажут помощь в проведении первых на территории республики маневров в рамках НАТО. В 1999 году Пентагон отвалит на это более 3,2 млн долларов. США передают Грузии несколько военных кораблей и помогают наладить в стране собственную охрану сухопутных и морских границ (в феврале 1999 года российские пограничники начали поэтапно уходить домой).

Американцы поддержали идею грузинского министра обороны — создать миротворческий батальон причерноморских государств. Эта идея понравилась также Азербайджану и Украине: они решили пойти еще дальше, вместо батальона создать миротворческий полк для охраны южных маршрутов транспортировки каспийской нефти.

Министр обороны Грузии Тевзадзе одобрил все предложения по сотрудничеству в военной области, которые исходили от США. В то же время — не принял ни одного, которые инициировала Москва. Грузия вместе с Азербайджаном и Узбекистаном не подписала предварительный протокол о продлении срока действия Договора о коллективной безопасности. Срок действия этого Договора истекал в мае 1999 года. Было ясно: если Тбилиси его не пролонгирует, у Москвы останется очень мало юридических шансов держать свои воинские части на территории суверенной республики. Такой поворот событий был очень вероятным.

В феврале—марте 1999 года из Тбилиси все чаще раздавались заявления, явно указывающие на нежелание Грузии видеть себя в Содружестве. Таким поворотом курса ближайшего соседа решила мгновенно воспользоваться Турция. В грузинскую столицу прибыла представительная делегация турецкого Генерального штаба во главе с командующим войсками специального назначения генералом Энгином Аланом.

Почти в тот же мартовский день Москва получила сообщение от своих разведисточников в Закавказье, что уже в апреле начнется освоение гранта в 5,5 млн долларов, выделенного грузинской армии Анкарой. Турецкие власти выразили готовность профинансировать модернизацию полигона в Гори, переоснащение Тбилисской общевоисковой академии, строительство казарм, спорткомплекса, офицерской гостиницы, подготовку кадров в турецких военных вузах и передать медицинское оборудование для военного госпиталя.

По мере того как Грузия стремилась расширить сотрудничество с НАТО, власти и некоторые политические партии республики все более настойчиво ставили вопрос о сворачивании российского военного присутствия. Эта проблема стала особенно модной накануне парламентских и президентских выборов и, в конце концов, превратилась в составную часть внутригрузинской политической борьбы.

Наиболее рьяно требовал закрытия наших военных баз

«Гражданский союз». Один из его лидеров — председатель парламентского комитета по обороне Реваз Адамия — часто муссировал тезис о том, что Россия должна Грузии 3 млрд долларов «за незаконно вывезенное военное имущество» и аренду военных объектов. Шеварднадзе называл еще более крутую цифру — 10 млрд долларов (Россия действительно имела немалые долги перед Грузией, но цифры эти в Тбилиси явно брали с потолка).

Совершенно противоположную позицию по отношению к российским военным в республике занимали левые и центристы, группирующиеся вокруг аджарского лидера Аслана Абашидзе (организация «Союз возрождения»). Их умеренность предопределялась не только тем, что они традиционно ориентировались на Москву, но и опирались на «русский военный фактор» в своем явном и скрытом политическом противостоянии тбилисским властям.

Что же касалось Абхазии, то для нее уход российских военных предвещал самые мрачные перспективы. Тем более что после начала натовской агрессии в Косово, поддержанной Тбилиси, грузинский президент многозначительно предупредил абхазские власти о необходимости извлечь из этого «строгие уроки» и сделал толстый намек на то, что по такому же варианту может быть поставлен вопрос о вводе международных миротворческих сил в зону грузино-абхазского конфликта. Шеварднадзе сказал:

— Усилия международного сообщества на Балканах создают благоприятный фон для ускоренного решения абхазской проблемы...

Судя по конфиденциальной информации, в тот же период поступившей из Брюсселя в Генштаб, НАТО начинало прикидывать свои практические возможности вмешательства в грузино-абхазский конфликт. С этой целью в штаб-квартиру блока в Бельгии был приглашен председатель так называемого правительства Абхазии в изгнании Тамаз Надарейшвили. Ему была предоставлена возможность рассказать «о фактах геноцида и этнических чисток в Абхазии». Что он с большим вдохновением и сделал, упорно акцентируя внимание слушателей не только на сходстве сербско-албанского и грузино-абхазского конфликтов, но и на том, что «абхазских руководителей поддерживают влиятельные военно-политические круги России»...

Когда в 1995 году грузинские власти согласились на то, чтобы присутствующие на территории республики российс-

кие части получили на 25 лет статус военных баз, официальный Тбилиси, как я уже говорил, намеревался использовать этот фактор для восстановления целостности республики. Однако эти расчеты не оправдались (скорее наоборот, присутствие наших войск в Аджарии и Абхазии не раз играло на руку их властям). Грузинский парламент отказался ратифицировать соглашение с Россией о базах, а затем и вовсе поставил вопрос о выходе республики из Договора о коллективной безопасности СНГ.

После этого Тбилиси стал еще более открыто демонстрировать активное стремление к сближению с НАТО. Дело дошло до того, что президент и Совет безопасности Грузии согласились руководствоваться рекомендациями по укреплению обороноспособности республики, которые были выданы бывшим командующим Северного направления НАТО английским генералом Гарри Джонсоном. В качестве советников по реализации планов реформирования армии в Грузию были приглашены еще два натовских генерала, немец Хенниг фон Ондарца и американец Дэвид Окманек.

Как только прибывший на переговоры в Тбилиси специальный советник госсекретаря США Стивен Сестанович заявил о том, что «Грузия рассматривается Вашингтоном как потенциальный член НАТО» и пообещал грузинским властям 34 миллиона долларов на обустройство и охрану границ, МИД России был уведомлен о «желательном ускорении вывода пограничников РФ с территории республики».

К лету 99-го года стало известно о дальнейшем переводе грузинской армии на натовские вооружения: США пообещали Тбилиси поставить 10 военно-транспортных вертолетов «Ирокез», полдюжины десантных судов.

Пытаясь хоть как-то затормозить этот процесс, Москва еще в начале 98-го подталкивала Тбилиси к присоединению к объединенной системе ПВО СНГ. С этой целью грузинской армии было передано два дивизиона зенитных ракетных комплексов. Казалось бы, шаг многозначительный и верный. Грузины с признательностью приняли ЗРК и начали активно осваивать их. А через несколько месяцев случилось невероятное: несколько наших истребителей без предупреждения вторглись в воздушное пространство Грузии и чуть было не попали под огонь ПВО (а во время событий в Дагестане в августе 99-го наши самолеты по ошибке сбросили мины и фугасы на грузинское село).

Таковыми выходками Россия подталкивала Грузию в обя-

тия США и НАТО. Верхом «грузинского американизма» стало включение в состав комиссии по борьбе с коррупцией посла США в республике и руководителя тбилисского бюро ФБР.

Однажды, когда Москва в очередной раз показала свое недовольство такой политикой Тбилиси, Шеварднадзе ответил:

— Нас упрекают в Москве за иную ориентацию. Но что делать маленькой, голодающей стране, лишенной ресурсов, если помощь ей идет не из Москвы, а из Америки и Европы. Только США за последние 6 лет предоставили нам полмиллиарда долларов...

В российском Генштабе беспомощность и пассивность дипломатии Кремля, правительства и МИДа на грузинском направлении вызывала негодование. Пока Ельцин и его ближайшее окружение раз за разом погрязали в политических и кадровых интригах, пока «семья» расставляла своих контролеров за финансовыми потоками и тайком формировала свое «предвыборное движение», мы продолжали сдавать в Грузии одну позицию за другой.

Грузинские власти все чаще ставили вопрос о замене российских «голубых касок» в Абхазии на международные миротворческие силы. К лету 1999 года дошло до того, что наши миротворцы в районе конфликта несли службу без мандата — Тбилиси отказывался продлять его. На этом особенно яростно настаивало так называемое правительство в изгнании. Генерал-майор Сергей Коробко, командующий Коллективными силами по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта, в связи с этим говорил:

— Для этих людей главное — убрать отсюда российских миротворцев, затем добиться введения международных сил, на их плечах войти в Абхазию и вернуть ее под юрисдикцию Тбилиси. К сожалению, влияние этой прослойки, которая напирает на военное решение вопроса, очень сильно.

И чем ближе был финиш президентства Ельцина, тем очевиднее становилось, какие гигантские завалы проблем не только в Грузии, но и во всем СНГ он и его команда оставляют России и ее армии.

* * *

Чем сложнее ситуация в Грузии, тем чаще ее президенту мерещатся заговоры. Маниакальный страх Шеварднадзе перед покушениями давно стал в республике притчей во язы-

цех. В грузинских городах и селах ходят легенды о том, что президент даже в туалет не заходит без его предварительной проверки на наличие мин, что его охраняют десятки вооруженных до зубов телохранителей не только из родной грузинской службы безопасности, но и «быки» из американских спецслужб.

В роли привидений-заговорщиков обычно выступают старые или новые враги президента, за спиной которых неизменно маячат тени Игоря Георгадзе и российских спецслужб. После покушения на Шеварднадзе в феврале 1998 года «русский след» был мгновенно обнаружен традиционным дедуктивным способом: тбилисские газеты сообщили, что, оказывается, незадолго до этого находившийся в Боснии Евгений Примаков спросил у одного из офицеров наших миротворческих сил:

— Способен ли гранатомет пробить корпус бронированного «Мерседеса»?

Разоблачение очередного «военного заговора» против президента весной 1999 года и арест высокопоставленного генерала Курашвили были из той же серии. Но истинная подоплека этих событий была совсем в другом. Рассказывает хорошо посвященный в тонкости интриг при грузинском «дворе» Георгий Лихошвили:

— В последнее время на имя Шеварднадзе поступило несколько коллективных писем от офицеров грузинской армии, в которых на президента была возложена ответственность за развал и деградацию армии. А степень этих процессов чрезвычайна: восемь месяцев офицеры сидят без зарплаты, имущество и вооружение распродают, солдаты голодают. Даже форму военнослужащим приходится покупать за деньги. Коррупция разъела штабы и части. Это привело к тому, что офицерский корпус Грузии все сильнее дистанцируется от режима Шеварднадзе. И демонстративные аресты офицеров — это прежде всего попытка запугать, удушить протесты против правящего режима. Не случайно же в качестве «главного заговорщика» был арестован один из самых авторитетных грузинских генералов...

КАЗАХСКИЙ ЗОВ

Еще летом 1991 года многим в Генштабе стало ясно, что попытки Горбачева найти приемлемую для всех глав республик формулу нового союзного договора заходят в тупик.

Руководство Минобороны, хорошо осведомленное о ходе жарких дискуссий на эту тему, жило в мрачных предчувствиях грядущих перемен: дальнейший развал Союза грозил тяжелыми последствиями и армии. По генштабовским кабинетам расползались слухи, что выход из положения очень сильно тормозит явное и скрытое противостояние между Горбачевым и Ельциным.

И уже тогда было очевидно, что чем сильнее ситуация разворачивается в худшую сторону, тем больше личных политических выгод это сулит российскому президенту. Слишком заманчивые для него открывались перспективы...

Ельцин ловко маневрировал на переговорах, все чаще занимая сторону тех президентов, которые топили выработку конкретных конструктивных решений в пустых разглагольствованиях и таким образом давали возможность кризису развиваться дальше.

Когда «похоронили» и очередной проект союзного договора, резко вознегодовал Назарбаев:

— Что же мы за люди такие? Собираемся уже который раз и не можем подписать документ. Пусть его подпишут те, кто хочет. Кто не хочет — пусть отходит в сторону. Сколько можно топтаться на месте!

Этот призыв казахстанского президента на некоторое время пригасил бесплодные дискуссии. Вскоре появились первые наброски нового варианта договора. Только Ельцин и Кравчук по-прежнему воротили нос, упорно сея в рядах коллег сомнения в состоятельности тех или иных положений.

Августовские события все окончательно сломали и, как однажды признался Горбачев, «ускорили падение Союза, приведшее к беловежским соглашениям». Появилось СНГ. Вскоре после этого Ельцин получил сообщение: в Ашхабаде собираются руководители государств Средней Азии, чтобы подписать договор о своем Содружестве. При этом информация подавалась так, что поскольку в Белоруссии было образовано Содружество славянских государств, то в Ашхабаде произойдет объединение мусульманских.

Это сообщение вызвало в рядах ельцинской команды сильный переполох. «Азиатский противовес», в эпицентре которого маячила весомая политическая фигура Назарбаева, мог сильно подорвать значение беловежских решений. А о том, как Назарбаев отреагировал на них, в Москве знали многие: Нурсултан Абишевич три недели не звонил

Ельцину. Ельцин же не «снисходил» до того, чтобы самому позвонить в Алма-Ату и прояснить ситуацию.

На «разведку» был брошен маршал Шапошников. Он связался с Назарбаевым и стал зондировать почву:

— Правда ли, что в Ашхабаде собираются образовать Содружество мусульманских государств?

Назарбаев отвечал уклончиво. Мол, в Ашхабаде участники совещания постараются всего лишь «определить свое отношение к СНГ».

И недомолвки Назарбаева, и поступающие в Кремль сигналы о том, что сторонники инициативы казахстанского президента наряду с другими вопросами собираются основательно обсудить легитимность беловежских соглашений — все это сильно встревожило Ельцина. Он решил сыграть на опережение и обезопасить себя от возможных неприятностей. Когда вопрос касался устойчивости его позиций, он умел переступить через собственную гордыню. Связавшись с Назарбаевым, уломал его перенести ашхабадскую встречу в Алма-Ату и провести ее 21 декабря. Несмотря даже на то, что день был тяжелый: ему надо было прилететь в Казахстан напрямик из Рима.

Но его личное присутствие на алма-атинской встрече ничего не изменило. Самое существенное, чего он сумел добиться, так это то, что президенты по его предложению записали в итоговом документе проходную дипломатическую фразу: они «подтверждают заинтересованность в развитии дружбы и сотрудничества» и поддерживают предложение Бориса Николаевича назначить маршала Шапошникова Главнокомандующим Объединенными Вооруженными силами СНГ.

Назарбаев держался на встрече с несвойственной ему официальной сухостью, был необычайно осторожен в оценках происходящего. Он был похож на знающего себе цену человека, который затаил плохо скрываемую обиду.

* * *

Еще до того момента, как в Генштаб в начале января 1992 года по нашим разведканалам поступили первые сообщения из Алма-Аты о недовольстве руководителей республики тем, что ее президента «отсекли от выработки беловежских соглашений», на Арбате об этом уже многие знали. И в столице уже циркулировало множество противоречивых слухов — по части тиражирования сплетен граж-

данская и военная Москва мало чем отличаются друг от друга.

Говорили о том, что Ельцин якобы слишком поздно проинформировал Назарбаева о подготовке соглашения о «тройственном пакте» и обиженный Нурсултан Абишевич сам отказался лететь в Белоруссию. Говорили о том, что Назарбаев перед самым отъездом Ельцина в Беловежье был в Москве, смотрел документы, но не согласился с некоторыми принципиальными положениями (особенно — по военным вопросам) и потому отказался ехать с российским президентом в Минск.

Говорили и о том, что Ельцин в общем-то и не был заинтересован в присутствии Назарбаева в Беловежье, потому как казахский лидер отозвался об идее роспуска СССР как о поспешной и даже «опасной затее» и советовал продолжать поиск более мягких и менее болезненных форм нового устройства Союза.

В каждой глыбе этих слухов была доля истины.

Во время своих наездов из Москвы в Минск в декабре 1991 года Ельцин столкнулся с рядом серьезных проблем, относящихся к военной сфере, особенно по условиям дележа частей Советской Армии между республиками и нового порядка контроля над Стратегическими ядерными силами. У президента был не один разговор на эту тему с маршалом Шапошниковым.

После возвращения из Минска 8 декабря 1991 года Ельцин позвонил Шапошникову и сообщил о содержании договора о «тройственном союзе». И у Шапошникова вырвалось:

— А как отнесется к этому Назарбаев?

Такая реакция свидетельствовала о многом. Авторитет Назарбаева и его влияние в обществе не учитывать было нельзя. Но были и другие причины. Шапошников придавал серьезное значение «фактору Назарбаева» еще и потому, что на территории Казахстана находилась крупная группировка наших сухопутных и ракетных войск, Байконур, а также немало «завязанных» на ВПК предприятий и научно-исследовательских центров.

Когда случалось так, что маршал не присутствовал при обсуждении главами государств СНГ тех или иных проблем, он интересовался у Ельцина, какую позицию занимал Назарбаев. И потому в разговоре с Ельциным после минской встречи спросил у Б.Н., как, на его взгляд, отнесется Нур-

султан Абишевич к Договору и принципам раздела войск и вооружений.

Ельцин ответил:

— Назарбаев отнесся к Договору положительно. Позиции согласованы.

Возникал вопрос: а был ли искренен Ельцин?

Ведь если «позиции согласованы», то почему же все-таки Назарбаева не оказалось в Беловежье тогда, когда там подписывался приговор Союзу? А по Москве и Генштабу продолжали ходить разговоры о недовольстве Нурсултана Абишевича тем, что без его участия решалась в Белоруссии судьба СССР.

В те дни даже не слишком интересующийся тонкостями большой политики офицер Генштаба не мог не понимать, что отсутствие главы одной из крупнейших азиатских республик на историческом «мероприятии» в Белоруссии было не только загадочным, но и недобрим знаком...

В январе 1992 года в Кремле проходило Всеармейское Офицерское собрание. То был последний съезд офицеров приговоренной к роспуску Советской Армии. Почти пять тысяч делегатов и гостей «похоронного форума» с первых минут его работы пошли в атаку на «беловежских заговорщиков». В зале создалась неимоверно наэлектризованная, нервная обстановка. Офицеры демонстрировали неприличествующие их менталитету манеры: свистели, топали ногами, бросали злые реплики в адрес «могильщиков Союза» и даже угрозы, среди которых слышались и призывы к аресту.

Начало собрания было сорвано.

Офицеры потребовали, чтобы к ним прибыли президенты республик (в тот день в Москве проходило совещание глав государств СНГ) и объяснили, что творится со страной и армией. Председательствующий на собрании маршал Шапошников объявил перерыв. Но и в перерыве митинговые страсти не утихали. Наиболее рьяные ораторы выходили к трибуне и разбрызгивали по залу свои огненно-колючие речи. Когда дошла очередь до представителя казахской делегации, тысячи людей притихли. Казах сказал:

— Был бы в Белоруссии Назарбаев — не было бы Беловежской пуши.

И — бешеный всплеск аплодисментов.

В то время я не встречал ни одного генерала или офицера, который бы неуважительно отзывался о Назарбаеве.

Уважение военных к Нурсултану Абишевичу проявилось и тогда, в Кремле.

Появление Назарбаева на трибуне было встречено таким громом аплодисментов, какого, наверное, Кремль не слышал со времен ухода Брежнева (явление же Ельцина офицерам было встречено жидким рукоплесканием, чередующимся иногда с хулиганским свистом).

Выступление Назарбаева было недолгим. Он своим негромким голосом и «фирменным» трезвомыслием пытался внушить людям, что надо принимать свершившееся как реальную данность, что теперь надо привыкать жить и служить в новом политическом и военном сообществе.

Мне показалось, что Назарбаев сильно осторожничает в своих размышлениях, говорит с явной оглядкой на Ельцина.

Но даже блеск филигранной логики и прагматизма президентских мыслей не смог скрыть от людей того, что говорилось между строк его речи: резкие движения и спешка в большой политике опасны, интересы народов и армий должны быть выше личных интересов политических лидеров. «Казахстан будет делать свои выводы из всего, что произошло, и строить свою государственную и военную стратегию в соответствии с новыми реалиями...»

В этих, последних его словах, была явная смесь плохо скрываемой обиды и недовольства. И уже тогда легко было предположить, что и эта обида, и это недовольство, публично высказанные в корректной форме, будут иметь для Москвы серьезные последствия.

* * *

Ни титанические усилия маршала Шапошникова по налаживанию военной интеграции с азиатскими членами Содружества, ни многократные призывы Ельцина к углублению и расширению этой интеграции, существенных подвижек не давали. При этом все больше становилось заметно (я судил об этом по множеству аналитических документов ГШ и донесений разведки), что Казахстан все больше начинал играть роль азиатского лидера, на которого постоянно оглядывались республики-соседки.

Уже к осени 1992 года в российском Генштабе начали поговаривать, что Казахстан потихоньку превращается в самостоятельный «центр силы» в регионе. А разнообразная конфиденциальная информация о характере контактов за-

падных политиков и военных с Алма-Атой помогала видеть направление и цель их общего замысла: оторвать Казахстан от России.

Многие на Арбате поражались тому, что в этих условиях ни Кремль, ни правительство, ни МИД не принимали должных мер. Направление «главного контрудара» было очевидным — экономика. Вырвать инициативу у Запада, занять ключевые высоты и дать жизнь проектам, которые бы могли оживить экономику Казахстана и одновременно работать на пользу России. Такая политика неминуемо потянула бы за собой и военную интеграцию.

Однажды на совещании глав государств СНГ в Москве Назарбаев сказал: «Мы все должны понять, что никому так, как друг другу, не нужны. В противном случае жизнь вынудит спасаться поодиночке, искать новых партнеров».

Назарбаев на каждом таком совещании выдвигал интеграционные идеи. Но Москва его словно не слышала. Особенно активно он ратовал за создание Евразийского союза. В мае 1995 года на встрече с президентами ряда азиатских республик он вновь заявил об этом. Но Россия никак не отреагировала. Зато отреагировал Назарбаев.

Когда в Минске проходила очередная встреча руководителей стран СНГ, Назарбаев сослался на болезнь и в белорусской столице так и не появился. Затем не появился он и в Москве, сославшись на приступ радикулита.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Экземпляр №...

«...Скорее всего, по мнению информированных источников в Алма-Ате, «острый приступ радикулита» у казахского президента Нурсултана Назарбаева, о котором накануне московского саммита официально сообщил казахский вице-президент Эрик Асанбаев, носит характер «дипломатической болезни», чтобы окончательно не испортить своих отношений с Ельциным после возникшего конфликта между двумя президентами во время недавнего визита Назарбаева в Москву.

Как утверждают источники, поводом для конфликта послужило предложение Назарбаева о создании так называемого Евразийского союза, которое было высоко оценено в странах СНГ (кроме Кремля).

Через несколько дней после того, как президент Казахстана выступил со своей инициативой, у него состоялся телефонный разговор с Ельциным, в котором последний якобы высказал недовольство Назарбаеву за то, что тот предварительно не согласо-

вал с ним свою идею. Далее между двумя лидерами состоялся «крупный разговор». Утверждается, что в ответ Назарбаев якобы обвинил Ельцина в том, что Москва по-прежнему пытается управлять республиками бывшего СССР, подминая под себя инициативы, исходящие от руководителей других стран СНГ...»

Игры продолжались.

* * *

Многие сведения военно-политического характера, поступающие в Москву по конфиденциальным каналам из Казахстана, часто указывали на то, что официальная Алма-Ата бросается из одной крайности в другую в поисках надежных союзников. Из-за этого подчас довольно трудно было вычислить основной вектор внешней военной политики республики.

Попытка создания казахско-узбекско-киргизского военно-политического союза... Тайные переговоры в штабквартире ООН о создании совместного миротворческого батальона этих республик вне рамок соглашения о коллективных миротворческих силах СНГ... Все это свидетельствовало о замысловатой вязи военной политики Казахстана, не вызывающей, понятно, восторгов в российской столице.

В январе 1996 года многие офицеры Генштаба были сильно удивлены конфиденциальной информацией, поступившей из Алма-Аты. В сообщении нашего надежного источника говорилось, что казахское руководство готовило к подписанию соглашение о военно-техническом сотрудничестве с Китаем, в котором предусматривалось, что Казахстан будет поставлять в КНР военную радиоэлектронную продукцию, вооружения для сухопутных войск и ВМФ, системы ПВО и даже намерен развернуть совместное производство некоторых видов оружия и военной техники.

Все это свидетельствовало о принципиально новых моментах в военной политике Алма-Аты, которые Москва должна была учитывать.

* * *

Казахстан был одной из четырех республик бывшего СССР, на территории которых находилось ядерное оружие. Когда были приняты соглашения о передаче всего этого оружия под контроль России, начались сложные и опасные игры.

«Развод» России с Казахстаном в ядерной сфере получился запутанным и нечистоплотным. Каждая сторона стремилась получить из этого дележа свои выгоды. В частности, это было связано с «начинкой» ядерных боеприпасов.

...12 января 1994 года в газете «Известия» появилась статья о якобы критическом положении Стратегических ядерных ракет, дислоцирующихся в Казахстане. Приурочена она была явно к визиту Н. Назарбаева в США. И в том, как оказалось, был особый расчет...

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Экземпляр №...

25 февраля — 4 марта 1994 г.

«...Россия пыталась шантажировать Казахстан якобы неудовлетворительным состоянием ядерных боеголовок на территории республики.

Как стало известно, появившиеся недавно в российской прессе материалы о неудовлетворительном состоянии ядерного оружия и условиях его хранения на Украине и в Казахстане были инспирированы российской стороной, чтобы оказать давление на эти государства с явно конъюнктурной целью...

...По мнению алма-атинского источника, одним из инициаторов этой акции выступил начальник 12-го Главного управления Минобороны РФ (контролирует вопросы безопасности ядерных вооружений) генерал Евгений Маслин, который в последнее время активно ставит проблему критического состояния ядерных ракет и других вооружений, размещенных за пределами России. Накануне визита госсекретаря США в Киев Маслин совершил нерекламируемую поездку за океан, где, по некоторым данным, пытался «сгущать краски», чтобы вызвать озабоченность американской стороны техническим кризисом ядерных ракет, находящихся за пределами РФ...

Утверждается, что не случайным было и появление в газете «Известия» негативного материала о состоянии ядерного оружия в Казахстане перед визитом президента Назарбаева в США. По мнению источника, за этим опять-таки стоит руководство 12-го ГУ МО РФ. Эти «ядерные инсинуации» связаны прежде всего с тем, что российская сторона хотела бы не допустить продажи в США содержащегося в ядерных боеголовках высокообогащенного урана без своего участия...»

Ранее Москва и Алма-Ата обсуждали вопрос о том, что все ядерные боеголовки будут вывезены из Казахстана в Россию, где их размонтируют, а уран продадут в США. Однако Украина, настаивая на компенсации за содержание «своих» ядерных боеголовок, подала «дурной пример» Ка-

захстану, который тоже начал требовать своей доли доходов от продажи ядерной начинки ракет. В минобороны республики подсчитали, что если Назарбаев сможет договориться напрямую с американцами о сделке, то Казахстан получит от продажи урана около 250—300 млн долларов. А при посредничестве России эта сумма может быть в 2 раза меньше.

В этой связи российская сторона через прессу попыталась оказать давление на Казахстан, обвиняя его в неудовлетворительном техническом состоянии ядерных боеголовок, из-за чего, дескать, их и надо немедленно транспортировать в Россию...

На следующий день после публикации в «Известиях» на пресс-конференции в Алма-Ате государственный советник Тулеген Жукеев категорически опроверг сообщение газеты и заявил, что «стратегическое ядерное оружие на территории Казахстана находится в безопасности».

История постсоветских российско-казахских отношений пополнялась новыми фактами, явно указывающими на то, что бывшие «республики-сестры», устраивая дележку доставшегося им от СССР ядерного наследства, все чаще начинают заходить за ту грань, где бывшее родство все больше уступало место склокам, а то и вражде.

Наша разведка проморгала операцию, которую у нее под носом провернули казахи при содействии американцев. О том, что состоялась тайная сделка Алма-Аты и Вашингтона, связанная с продажей казахского урана, извлеченного из ракетных боеголовок, Москва узнала лишь тогда, когда контейнер с ядерными материалами был уже на борту американского самолета, летевшего над Тихим океаном в сторону США.

Осенью 1998 года во время поездки в Америку я вспомнил об этом в разговоре с офицером Разведывательного управления минобороны США, представившимся под именем «Кори». Он с гордой улыбкой победителя сказал мне, что тогда американцам действительно «удалось утереть нос русским».

* * *

Не встречая в Москве понимания своих инициатив, Назарбаев устал от бесполезных призывов к российскому руководству и словно в отместку, стал искать пути сближения с США.

На Арбат из Алма-Аты однажды поступила конфиденциальная информация о содержании закрытых переговоров президентов США и Казахстана во время их очередной встречи. Утверждалось, что Назарбаев высказался якобы за военное присутствие США в регионе Каспийского моря и даже призвал США участвовать в совместной охране морских границ республики и создании национальных вооруженных сил.

Все это выглядело неправдоподобно. И потому в Москве поначалу не придали серьезного значения этой информации: порой из Алма-Аты вместо правды запускалась деза, которая должна была провоцировать российскую сторону на то, чтобы она быстрее заглатывала казахскую наживку.

Но когда наши надежные источники подтвердили информацию, что американцы предоставили Казахстану финансовую помощь в 311 млн долларов, а затем безвозмездно передали полдюжины катеров береговой охраны, в Москве многие зачесали в затылке. Все это открывало путь к усилению влияния США в республике и ослабляло позиции России.

К тому же во время встречи в Вашингтоне с вице-президентом США А. Гором Н. Назарбаев заявил, что Алма-Ата как «опорный пункт демократии и реформ в Центральной Азии» рассчитывает на большее внимание Вашингтона.

США открыто перекупали у нас друзей, на что Ельцин на совещании глав государств СНГ в Москве в январе 1996-го многозначительно заявил: «Нас хотят поссорить»...

Ельцин знал больше, чем говорил.

Еще в начале января 1996 года из Вашингтона в МИД и Генштаб поступила информация, которая пролила свет на многое.

...В штаб-квартире ООН состоялась тайная встреча постпредов Узбекистана, Казахстана и Киргизии с Генсеком ООН Бутросом Гали. Постпреды обсуждали с ним вопрос о возможности создания совместного миротворческого батальона под эгидой ООН. Акцент делался на создании «независимой от СНГ» управленческой структуры для миротворческого подразделения вышеназванных республик. Гали с одобрением отнесся к этой идее и пообещал «основательно проработать ее».

Как этот, так и многие другие факты, о которых сообщалось ранее, свидетельствовали о развитии одной и той же тенденции — о сопротивлении интеграционной и миротворческой роли России в СНГ. Бывшая в ту пору по-

стпредом США при ООН Мадлен Олбрайт однажды в открытую заявила, что «Россия не должна претендовать на роль миротворца в границах СНГ».

* * *

...У меня давно лежал в сейфе документ одной из спецслужб, в котором на основании многих фактов доказывалось, что некоторые российские газеты играют роль иностранных «агентов влияния», активно работая против интеграции России с другими странами СНГ. Казахстан тут не был исключением.

В Генштабе не любят оперировать слухами. И потому, когда однажды я стал возмущаться происками врагов России, меня обозвали «банальным совком». Было обидно. Не хотелось быть похожим на тех, кто за каждым русским столбом видит еврейского диверсанта или американского шпиона.

И все же в реальной жизни происходило часто нечто такое, что снова поворачивало мозги в ту же сторону...

В аккурат к моменту очередного заседания глав государств СНГ в Москве (январь 1996 г.) и визиту министра обороны России Грачева в Алма-Ату в газете «Сегодня» (24.01.96) появилась статья ведущего научного сотрудника Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук Леонида Косалса «Попробуем восстановить Союз, что нам стоит?».

Статья была очень похожа на умело изготовленную агитку для стран СНГ, внешняя оболочка которой выкрашена в объективизм, но начинка явно «подстрекала» к неприятию интеграции с Россией. Наибольшее внимание уделялось Казахстану:

«...Взять Казахстан, страну, демонстрировавшую до последнего времени едва ли не наибольшую готовность к интеграции с Россией... Там реализуется по крайней мере два крупных международных проекта: 1) разработка нефтяного месторождения Тенгиз и 2) добыча цветных металлов. Ясно, что при вхождении в Союз они скорее всего подпадут под российский контроль, так как в Казахстане пока нет таких мощных корпораций, как, например, «ЛУКойл» или «ЮКОС» в России. Поэтому казахская национальная политическая и экономическая элита всеми силами будет сопротивляться вхождению их страны в Союз и объявит всякого, кто будет призывать к этому (будь это даже президент), предателем интересов своего народа...»

Внешне — соль. А возьмешь на язык — селитра...

Итак, запомним: всякого, кто будет призывать «к этому» (экономической интеграции России и Казахстана в освоении его богатых месторождений), — «назовут предателем»...

И вот 1997 год. Октябрь. Назарбаев заменил премьер-министра Акежана Кажегельдина на Нурлана Балгимбаева. Он известен проамериканскими взглядами. Учился в Масачусетском университете, проходил стажировку в крупнейшей американской нефтяной компании «Шеврон». Но это так, к слову.

Корпорация «Шеврон» одной из первых приступила к разработке нефтяных месторождений в Средней и Центральной Азии. Главным объектом ее интересов стало крупнейшее в мире месторождение нефти «Тенгиз» на западе Казахстана («Тенгиз» обладает запасами нефти в 1,5 млрд тонн, а его перспективность сравнивается с Кувейтом, но по данным специалистов США, запасы нефти там в два раза больше).

«Шеврон» разрабатывает проект по скорейшей перекачке нефти из Прикаспия на Запад. К выполнению этого проекта стоимостью 600 млн долларов американцы приступили еще в 1998 году. По следам «Шеврона» идут и другие американские корпорации — «Тексако», «Эксон», «Мобил».

И никто в республике при этом не называет свою политическую и экономическую элиту, услужливо открывающую казахские недра американцам, «предателями своего народа». А вот если бы открывали для России, непременно, оказывается, обозвали бы. Потому, что это — Россия.

Весной 1999 года в отношениях «Шеврона» с казахстанскими властями появилась глубокая трещина: прокуратура Атырауской области постановила свернуть работы совместного предприятия из-за грабительских подходов американцев к освоению Тенгизского месторождения. По утверждению прокуратуры, «эксплуатационная нагрузка на одну скважину в три раза превышает допустимые нормы, что может привести к техногенным катаклизмам». Если «Шеврон» свернет свою работу в Казахстане, это может стать серьезным экономическим ударом по интересам России, которая строит трубопровод Тенгиз—Новороссийск (мощностью 28 млн тонн ежегодно) и планирует с октября 2001 года получать серьезную прибыль...

Как это уже не раз бывало, малейший экономический

прокол в республике Вашингтон тут же стремился мгновенно компенсировать военными мерами: американцы сумели быстро договориться с Минобороны Казахстана о проведении совместных боевых учений «Жардем» и медицинских — «Баланс Кояк».

* * *

Долгое время Россия и Казахстан никак не могли договориться о том, как делить им легендарное «дитя любви от первого брака» — космодром Байконур. В Генштабе хорошо понимали, что если казахи полностью приватизируют эту космическую базу, многие наши программы (в том числе, разумеется, и военные) окажутся под большим вопросом.

И хотя некоторые наши специалисты поначалу хорохорились, говоря о том, что у нас-де еще есть Плесецк и реконструируется Свободный в Амурской области, все же ни один из них не мог сравниться с Байконуром. Его потеря грозила России сдачей стратегических позиций в военно-космической сфере и колоссальной потерей валютных доходов в госказну от коммерческих запусков.

Но и казахи понимали, что если им и достанется «с потрохами» весь космодром, то они будут похожи на собаку на сене: и сама не гам, и другим не дам (хотя над республикой витали воинственные призывы экологического движения Олжаса Сулейменова — вообще закрыть космодром).

После долгих раздумий и острых семейных споров Алма-Ата все же решила, что передача Байконура в аренду на определенных условиях позволит хорошенько «доить» Россию и существенно пополнять национальный бюджет. Договор с Москвой рождался в горячих спорах, и чем дольше они длились, тем заметнее было, как широко уже разверзлась пропасть между россиянами и казахами.

Только в 1994 году Москве удалось подписать межправительственное соглашение с Казахстаном об основных принципах и условиях использования космодрома. В соответствии с этим соглашением Россия арендовала Байконур сроком на 20 лет с ежегодной выплатой 115 млн долларов (кстати, это единственный в мире космодром, который одна страна арендует у другой).

К тому времени казахский долг Москве оценивался в 1,3 млрд долларов. Он был формально прощен в обмен на снятие Алма-Атой претензий по поводу экологического ущерба от эксплуатации Байконура.

Когда разговариваешь с нашими офицерами, которые служат на Байконуре, при упоминании миллионов и миллиардов долларов, которые должен приносить космодром, на лицах людей появляются скептические улыбки. Они не видят этих денег. Не видят их и казахи, которые нередко вырубают на космодроме свет из-за того, что русские не платят за аренду. Начальник космодрома генерал-майор Леонид Баранов понимал их:

— Нельзя же хорошо относиться к квартиранту, который за жилье не платит!

В 1996 году, когда министром обороны стал генерал армии Игорь Родионов, к нам на Арбат поступило несколько жалоб от офицеров Байконурского гарнизона и членов их семей. Было письмо и из военного ведомства Казахстана. Адреса разные — претензия одна: где деньги? Родионов дал команду разобраться. Поручение выполнял генерал-лейтенант. Но ему некоторые правительственные клерки отказывались предоставить необходимые документы. Мотивировали так — «государственная тайна».

Бьюсь об заклад — достаточно позвонить в офис любого иностранного военно-воздушного атташе страны НАТО в Москве, хорошенько попросить, и на другом конце провода сжалются — пошелестят бумагами, поклацают компьютерными кнопками и сообщат, что полет одного иностранного космонавта на орбиту с Байконура дает России примерно 150—160 млн долларов. Вывод спутника — от 40 до 80. Можно услышать даже и более пикантные подробности, которые в родных стенах считаются «совершенно секретными»: например, что в 1997 году на Байконуре из 24 пусков было 7 коммерческих, а в 1998 году их планировалось уже 10.

И это — «государственная» тайна?

Как говорится, и китайскому пьяному ежику ясно, что при таких расценках одних только коммерческих запусков с лихвой должно хватать и на арендную плату Казахстану, и на обеспечение нормальной жизнедеятельности контингента российских войск, «привязанных» к космодрому и зарабатывающих для государства гигантские деньги. Но сколько именно — командирам не велено знать.

Теперь — любопытная статистика. Начальник космодрома генерал Баранов летом 1998 года получал в месяц 3 млн 480 тысяч рублей. Вместе с пайковыми и санаторно-

курортными могло получаться свыше 4 млн. Но только их уже больше года не платили...

Если перевести зарплату генерала в валюту, то он получал (до августовского кризиса 1998 года) примерно 700 долларов в месяц. Кто-то ахнет: вот это деньжищи! Но завидовать Баранову никак нельзя: условия, в которых живет и служит генерал вместе с подчиненными, мягко говоря, нельзя назвать человеческими. Их называют «особыми условиями» — пыльные бури по несколько дней, тропическая жара...

Передовая линия «фронта» явного и скрытого соперничества между Россией и США в Казахстане пролегает уже и через Байконур.

На космодроме появилось подразделение НАСА. Американский морской пехотинец, охраняющий его, получает 90 долларов в час. В день — 700, т.е. месячная зарплата начальника космодрома. Казахская уборщица, работающая в офисах американцев на Байконуре, получает 20 долларов в час. В день — 160. Если умножить это на 30, то получается... Получается, что лучше быть казахской уборщицей, чем русским генералом.

Считать деньги в чужих кошельках неприлично. Я делаю это с одной лишь целью: на Байконуре идет грабеж людей средь бела дня. Плюс — явное одурачивание казахов лицемерными причитаниями об отсутствии денег за аренду. В российском бюджете была специальная «байконурская» статья. И когда в июле 99-го над Казахстаном взорвался наш космический корабль, о ней сразу «вспомнили» — казахи запретили нам запуски. После этого Москва сразу перевела первым траншем 10 млн долларов в Астану и запуски возобновились...

* * *

В Казахстане помимо Байконура находятся еще четыре российских военных объекта (в основном — испытательные полигоны). Арендную плату за них Россия стремилась частично погашать за счет поставок военной техники, запчастей и подготовки казахских офицеров в российских военных вузах.

Во время визита Грачева в Алма-Ату в январе 1996 года российская сторона намекала на возможность отказа от претензий на погашение задолженности, но при условии, если будет уменьшена арендная плата за полигоны и кос-

модром. Алма-Ата к этой идее отнеслась прохладно и ставила вопрос о наращивании Москвой поставок военной техники и запасных частей в счет ее долгов.

Январский визит Грачева в Казахстан вызвал серьезную обеспокоенность у тех наших оппонентов, которые уже длительное время «отсекали» Алма-Ату от Москвы. И надо сказать, что паниковать им было от чего.

В ходе визита Грачева и его переговоров с руководителем военного ведомства Казахстана Алибеком Касымовым было подписано 16 документов, касающихся развития двусторонних отношений в военной области. Среди них, в частности, соглашения по укреплению систем ПВО, созданию национальной военной флотилии Казахстана на Каспийском море, а также документы, регулирующие отношения военных ведомств двух стран.

Согласно подписанному протоколу о военно-морских силах, Россия обязывалась передать Казахстану пять катеров береговой охраны, которые должны стать основой создающейся в республике Каспийской флотилии. Россия обязывалась передать Казахстану также самолеты Су-25, Су-27 и МиГ-29 в качестве компенсации за перевод из Казахстана в Россию 40 стратегических бомбардировщиков Ту-95 МС.

Проведавшие о содержании этих российско-казахских военных документов иностранные журналисты с пометками «срочно» рассылали в свои редакции телеграммы: «Москва значительно активизировала попытки наладить более эффективные отношения с Алма-Атой в военной сфере...»

Стоило России чуть подсушиться, как уже вскоре со стороны ее конкурентов следовал контрход.

После того как Грачев совершил свой плодотворный визит в Алма-Ату, наши спецслужбы уже вскоре вновь стали отмечать наращивание контактов между военными ведомствами Казахстана и США, интенсивную проработку новых проектов. Один из них был связан, например, с проведением серии аэрофотосъемок «в чисто научных и экономических целях» с борта американского самолета.

Москва располагала информацией, что между министерством энергетики США и академией наук Казахстана был заключен договор об использовании самолета-разведчика Р-3 «Орион» американских военно-морских сил в целях, как отмечалось в документе, «развития сельского хозяйства и геологии, а также для планирования территории, транспортных коммуникаций и топографической съемки местности...»

Американский самолет, с которого даже не сняли развед-аппаратуру, облетел значительную часть Казахстана и сфотографировал сопредельные с Россией районы.

Москва тут же заявила протест в связи с тем, что полеты самолета планировались в зоне казахско-российской границы и могли использоваться в разведцелях. Казахи и американцы это, естественно, дружно отрицали, что лишь сильнее раздражало наших дипломатов и военных.

ОБИДА НАЗАРБАЕВА

Весной 1998 года в Москве состоялось очередное совещание глав государств Содружества, которое все больше хирело и все чаще превращалось в объект критики самих же его членов, охотно соперничающих между собою в хлесткости и желчности выражений. По согласованию с Ельциным Назарбаев подготовил обстоятельный доклад о путях вывода СНГ из кризиса и очень надеялся, что его выслушают и обстоятельно обсудят.

Но казахскому президенту даже не дали возможности толком изложить свои взгляды — отмахнулись. И Назарбаев, всегда умевший интеллигентно держаться «в свете», взорвался, когда журналисты попросили его оценить результаты встречи. С совершенно не свойственной ему резкостью он рубанул в телекамеру:

— Никаких результатов! Разъезжаемся ни с чем. Потрепались — и по домам...

И его можно было понять.

Главным «результатом» саммита стало единодушное продление мандата Ельцина как председателя Совета глав государств СНГ. Это очень напоминало мне избрание старого и больного Константина Черненко на пост Генсека после смерти Андропова...

Ельцин сильно сдал. Больше всего это было заметно в его походке: он стал ходить медленно, почти не отрывая от земли по-старчески полусогнутые ноги. На его одутловатом румяно-восковом лице все глубже прорезались ущелья морщин, свет глаз потускнел. Голос его ослабевал и «садился», мимика рта часто застывала в совершенно безобразном положении. Он все чаще с высоким и менторско-торжественным пафосом, неуклюже жестикулируя руками, говорил мелкие, ничего не значащие банальности, и это противоречие еще больше выдавало в нем спад интеллекта и самоконтроля.

Глядя на него, я думал о том, что и его президентство, и председательство в СНГ все больше превращаются в чисто символические, а сам он и власть его были уже орудием стоявших за его спиной кремлевских и иных людей, находивших свое, конъюнктурно-меркантильное упоение в таком положении вещей и страстно мечтавших о том, чтобы оно длилось как можно дольше.

И даже прекрасно зная, что Ельцин плох, что он может в любой момент «свалиться», что он все больше теряет рычаги управления страной, положение в которой становится все хуже, — люди эти из-за спины слабеющего президента время от времени бросали в народ лишённые разумности идеи о реальной возможности его «коронования» на новый срок: «Будем молить Бога, чтобы Борис Николаевич не снял с себя выдающуюся историческую ношу и отработал еще один срок».

Хотя мало кто не понимал или не догадывался, что и срок нынешний для Ельцина был «куплен» летом 1996 его кремлевским штабом, когда в бой за возведение Б.Н. на трон были брошены средства несметные... На них приобрели видимость почти всенародного волеизъявления, иллюзию победы большинства, которое, меж тем, шутило после, что «Ельцин похож уже на чемодан без ручки: и бросить жалко, и нести тяжело».

В сентябре 1998 года во время встречи с Александром Коржаковым в редакции «Комсомольской правды» я в лоб спросил его, сколько россиян, по его мнению, на президентских выборах 96-го реально проголосовало за Ельцина? Хорошо информированный Александр Васильевич ответил:

— В лучшем случае — 25 процентов.

Когда Ельцин уйдет с политической сцены, то в России найдется много «провидцев», которые будут с гордостью убеждать народ, что еще в 1996 году они видели, что Ельцин уже тогда перестал быть тем «центром силы», энергией которого в былые годы надежд на лучшее питалась страна. Она, стонущая и бастующая, через день хоронящая жертвы убийств и расстрелов, раздраженная и проклинающая режим, брела к подножию нового века во главе с предводителем, в котором давно разочаровалась.

...Возвратившись с московской встречи глав государств СНГ в Алма-Ату, Назарбаев не скрывал в президентском окружении своего недовольства тем, что с ним в российской столице обошлись по-свински.

Ельцин наверняка знал об этом: информация, поступающая из нашего посольства в Казахстане (и по другим каналам) в Москву, была систематической и достоверной. Хорошая возможность в какой-то мере пригасить недовольство Назарбаева у российского президента была в середине июня 1998 года, когда он получил приглашение прибыть на торжества по случаю переноса казахской столицы из Алматы в Астану. Приехали почти все президенты стран СНГ — не прибыл только Ельцин.

В тот же день в Кремль через МИД поступила информация о негативной реакции казахского руководства на игнорирование Москвой исторического события.

Еще один добросовестный «надежный источник» в Астане доложил даже некоторые фразы, подслушанные им в кулуарах торжеств. Одна из них звучала так: «Россия в Казахстане пожнет то, что сеет»...

БЕЛОРУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В январе 1992 года я был в командировке в Белоруссии. Встречался там со многими офицерами, с которыми еще недавно служил в Советской Армии. Полковники Григорий Соколовский и Сергей Посохов были моими стародавними друзьями. Первый — украинец, второй — русский. По этому поводу мы вволю подтрунивали друг над другом, когда заходила речь о том, что теперь придется тянуть лямку в разных армиях.

К нашим шуткам примешивалась изрядная доля легко объяснимой мужской грусти об офицерской молодости под боевыми стягами «непобедимой и легендарной». Друзья мои при всех изломах судьбы остались добросовестными пахарями, их золотые головы в Минске оценили по достоинству: Посохов стал военным советником президента республики, Соколовский — главным редактором газеты минобороны. Вместе с ними в белорусской армии остались служить сотни однополчан.

Пожалуй, больше ни в одной армии СНГ российские офицеры не встречают такого радушия и открытости, как во время встреч со своими белорусскими коллегами. От них не один раз доводилось слышать мне, что в 1991 году председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич поначалу очень осторожно реагировал на уговоры Ельцина собраться в Беловежской пуще для подписания

Договора. Слышал я и другое: «Шушкевича силком втянули в это дело»...

И даже тогда, когда Договор был подписан, когда лидеры других республик почти сразу же объявили, что будут создавать собственные армии, Шушкевич с такими заявлениями не спешил: он считал, что Белоруссия будет создавать свою армию в течение так называемого двухлетнего переходного периода.

Офицеры минобороны Белоруссии рассказывали мне об одном интересном эпизоде (конец 1991 года). Главком Объединенных Вооруженных сил СНГ маршал Шапошников крайне нервно отреагировал на то, что некоторые главы государств Содружества не поддержали его идею сохранить единую армию. Евгений Иванович в запале спросил у Шушкевича:

— Так что, и у белорусов будет своя собственная армия? Шушкевич ответил:

— Если у других будет — будет и у нас.

Шапошников наступал:

— А Вы будете ее Верховным Главнокомандующим?

Тут Шушкевич задумался и ответил не сразу:

— Понимаете, в своем деле я академик, а в военном — старший лейтенант запаса. Поэтому будет лучше, если командование Вооруженными силами поручить академику от армии.

Такой ответ Шушкевича был красивым, но неубедительным. Казалось, он не отдавал себе отчета в том, что никакими шуточками ему не отбояриться от серьезнейшего вопроса: глава государства не мог позволить себе отдать рычаги управления армией кому-то другому. Потому маршал уместно напомнил ему поговорку о грузде...

Вся дальнейшая политическая линия поведения Шушкевича была усеяна многими странностями и противоречиями, которые во многом изменяли представления белорусов и россиян об истинных достоинствах этого человека. Его причастность к «заговору беловежской тройки», на мой взгляд, решающим образом сказалась на том, что Шушкевич уже вскоре был сметен с белорусского политического Олимпа. Это очень сильно ударило по его самолюбию и потому, думается, некогда выдержанный, спокойный политик стал вступать в неллицеприятные склоки со своими оппонентами, опускаясь подчас до базарных перебранок. Иногда и вовсе создавалось впечатление, что им руководит

слепая злоба на людей, взявших руль управления страной в свои руки.

В 1998 году я видел Шушкевича на телепередаче «Как это было». У него допытывались о том, как именно проходило подписание беловежских соглашений, как он их оценивает. Шушкевич производил впечатление неискреннего человека, который любыми способами пытался обелить себя. Раньше я думал о нем гораздо лучше. А в тот день передо мной сидел человек, который совершенно не был похож на крупного политика: желчь некоторых его аргументов явно указывала на жажду мелкодушной мести тем, кто лишил его возможности сидеть в высоком кресле. По-моему, он очень похож на тех наших московских политических наперсточников, которые с пеной у рта оправдывают не только беловежские соглашения, но и расстрел парламента, и чеченскую войну.

* * *

Каждый раз, когда приходится бывать в Белоруссии, ловлю себя на странной мысли, что здесь мне гораздо теплее, чем на «исторической родине» — на Украине. Возможно, в этом чувстве отражаются последствия того печального отдаления, которое продолжает расти между россиянами и украинцами не без помощи собственных и забугорных политиков.

С белорусами у нас, слава Богу, отношения пока не отравлены до той степени, когда витает в душах людских холдная вражда.

...В одном из генштабовских документов говорилось: «В рамках СНГ в наиболее продвинутом состоянии находятся вопросы военной интеграции России и Белоруссии». И то была суцая правда. Москва и Минск нашли общий язык при подписании соглашений о российских военных объектах в этой республике, о координации разведывательной деятельности и многих других.

Во время встречи Ельцина и Лукашенко в Кремле в 1995 году российский президент поставил даже вопрос о разработке общих для двух республиканских армий воинских уставов, что явно указывало на готовность российской стороны сделать беспрецедентно широкий шаг к дальнейшему углублению военного сотрудничества.

С другой стороны, и Минск демонстрировал готовность к этому, создавал для Москвы режим наибольшего благо-

приятствования, когда возникала необходимость решать общие оборонные вопросы. Но, пожалуй, самое большое значение для военно-стратегических интересов России имело то, что с момента создания СНГ Белоруссия проводила честную и четкую военную политику, без спекуляций и «игры на два фронта», как делала это, скажем, та же Украина, лавируя между Россией и НАТО. Такая позиция Белоруссии стала играть для Москвы еще более важную роль, когда Североатлантический блок стал расширяться на восток.

У нас в Генштабе в условиях нависания НАТО над западными границами России хорошо понимали, что и территориальное положение Белоруссии, и ее военный потенциал, и оборонная политика имеют для России стратегическое значение.

Понимали это и наши недруги. Я часто убеждался в этом, имея возможность знакомиться с секретными донесениями и аналитическими материалами нашей (а порой и белорусской) разведки. Создавалось такое впечатление, что для западных спецслужб вопросом жизни и смерти были подрыв стабильности в Белоруссии, расшатывание власти Лукашенко, его дискредитация и устранение.

Информация, которой располагали разведывательные органы России и Белоруссии, все больше свидетельствовала о том, что США и другие страны Запада разворачивают политику тотального сопротивления интеграционным процессам между Москвой и Минском. В том числе, разумеется, и в военной области — решению этих задач было подчинено все. Количество иностранной агентуры НАТО в Белоруссии было раз в 20 больше, чем в любой другой постсоветской республике.

Зарубежные резиденты щедро оплачивали антипрезидентские акции белорусской оппозиции. Колоссальные суммы отваливались различным фондам и средствам массовой информации, которые исповедовали откровенно антилукашенковскую идеологию, стравливали народ с президентом. Радиостанция «Свобода» открыла специальную рубрику, под которой целенаправленно появлялись материалы откровенно антипрезидентского толка.

В эту работу систематически вносили свою лепту и некоторые российские СМИ. Долгое время, например, репортажи постоянного корреспондента НТВ по Белоруссии Ступникова исходили ядовитой желчью. Почти все его ма-

териалы о республике подавались в России исключительно в негативном ключе. Во время поездки в США я был удивлен, узнав о том, что некий фонд поддержки свободы слова намеревался отвалить «чернушнику» солидную премию. Белорусские власти справедливо вытурили его из республики «на историческую родину» — журналист имел израильский паспорт...

А потом был искусственно раздутый на ОРТ скандал с его корреспондентом Павлом Шереметом: журналист вызывающе нарушил пограничный режим и обязан был понести за это ответственность. Но вокруг этого случая поднялся нарочито громкий, но дешевый шум, принесший немало вреда российско-белорусским отношениям (это «по достоинству» оценили на Западе, наградив Шеремета какой-то малоизвестной премией, явно имевшей натужно-популистский характер)...

На этом фоне нередко подвергались нападкам со стороны белорусской оппозиции и некоторые важные шаги Минска и Москвы, направленные на углубление военной интеграции. Когда, например, было подписано межправительственное соглашение, согласно которому Россия получила в пользование на 25 лет станцию предупреждения о ракетном нападении в Барановичах и станцию слежения за подводными лодками в Балтийском море (Вилейка), белорусские националисты расценили это как «продолжение советской оккупации». Лидер белорусского национального фронта Зенон Позняк увидел в этом «признаки национального предательства».

Для России это соглашение было крайне выгодно: оно строилось на принципах «национального режима», т.е. российские войска и объекты находятся в Белоруссии на тех же условиях, что и белорусские. Они пользуются имуществом объектов и земельными участками, на которых расположены, без взимания налогов (за исключением налогов, связанных с хозяйственной деятельностью). К тому же ввоз на белорусскую территорию материальных средств, необходимых для функционирования этих объектов, осуществляется на беспошлинной основе. Естественно, наше военное присутствие в Белоруссии предусматривает и решение оборонных задач в общих интересах.

Однако было бы необъективным утверждать, что российско-белорусские отношения в военной области складывались так уж безоблачно. Время от времени возникали

проблемы, которые вызывали серьезную озабоченность сторон. В частности, у нас на Арбате одно время с большим возмущением говорили о том, что белорусы «подсунули нам свинью», когда затеяли тайную продажу за рубеж секретных частей и блоков зенитного ракетного комплекса С-300. Но зреющий скандал официальный Минск быстро загасил. Потом началась возня с квартирами наших офицеров в Белоруссии — они жаловались, что жилье у них отбирают. Дело дошло до суда.

В свою очередь, у белорусов были серьезные и справедливые претензии к Москве: она нерегулярно перечисляла деньги за содержание своих военных объектов. Но и при этом, в отличие, например, от Казахстана, белорусские власти никогда не допускали того, чтобы в отместку отключать электричество от российских военных баз.

Мне не однажды приходилось бывать в самых высоких натовских штабах и слышать там откровенные признания генералов, что они придают «должное» значение и российско-белорусскому военному сотрудничеству, и геостратегическому положению Белоруссии в условиях расширения Североатлантического альянса на восток. Хорошо понимали важность этого фактора и в российском Генштабе.

К сожалению, Кремль, МИД и правительство РФ нередко упускали возможность извлечь военно-политические выгоды из всего этого.

Поздней осенью 1996 года в российском Генеральном штабе многие специалисты говорили о том, что Кремль теряет великолепную возможность использовать к своей выгоде «белорусский ракетный фактор».

В условиях объявленного руководством НАТО расширения блока на восток в головах наших генштабовских стратегов не однажды мелькала мысль о том, что в качестве контрмеры Москва и Минск могли заявить о готовности пересмотреть свое отношение к Договору, в соответствии с которым российские части Ракетных войск стратегического назначения, дислоцирующиеся в Белоруссии, должны выводиться на территорию РФ. Что конкретно имелось в виду и почему ситуация требовала такой постановки вопроса?

С самого начала реализации натовского плана о расширении альянса на восток Кремль, правительство, МИД только и делали, что «выражали несогласие». Но натовское руководство не обращало на это внимания и упорно шло к

намеченной цели, игнорируя озабоченность России. Ритуальные вздохи Москвы не возымели действия. Но шанс переломить такую ситуацию был. И заключался он именно в том, чтобы на жесткость ответить жесткостью, ввести в «бой» козыри, которые заставили бы наших оппонентов остыть и продолжать поиск компромисса.

Шанс этот заключался в том, чтобы в условиях расширения НАТО на восток и приближения его к границам РФ приостановить вывод оставшихся в Белоруссии частей РВСН в Россию.

Кстати, президент Белоруссии Александр Лукашенко несколько раз давал понять Кремлю, что мыслит именно в таком направлении. К сожалению, он не встретил понимания. Позицию Лукашенко поддержал тогдашний министр обороны РФ Игорь Родионов. В том же духе высказывались и некоторые другие высшие генералы.

Однако наш МИД к этой идее отнесся почти панически, — это-де приведет к резкому обострению ситуации в Европе. Получалось, что НАТО обострять ее можно, а России — нет. Такая позиция и привела, в конце концов, к тому, что и Россия, и Белоруссия оказались в крайне невыгодном положении.

Генштаб — фирма всезнающая. У нас в Кремле и на Смоленской площади всегда было достаточно своих «агентов», которые и сообщили, что мидовские причитания об «обострении ситуации» — лукавство. Кремль и МИД боялись огрызаться потому, что опасались финансовых конгрмер со стороны правительств стран НАТО. Без их поддержки российские «реформы» (а значит, и режим) могли рухнуть (американцы открыто заявляли, что в случае агрессивного поведения Москвы они ее в «восьмерку» и на пушечный выстрел не подпустят).

Ситуация была идиотская: власть пыталась удержаться на плаву за счет уступок чужестранцам, а интересы собственного государства и его ближайших союзников при этом шли по боку.

Когда из Белоруссии в Россию 27 ноября 1996 года вывозилась последняя ядерная ракета и по этому поводу были организованы проводы в Лиде, Лукашенко не прибыл на это мероприятие. И его можно было понять.

В тот пасмурный день и настроение министра обороны России Игоря Николаевича Родионова соответствовало погоде (я сопровождал его во время визита в Белоруссию).

В самолете Родионов вызвал меня в свой салон и попросил дать ему еще раз взглянуть текст предстоящего выступления на проводах последнего эшелона наших ракетчиков. Меня это насторожило — текст был идеально «вылизан». Тем более что речь в нем шла о ракетах, а в таких материалах каждая буква многократно «берется на зуб», проверяется до той степени, когда с нее, как говорили у нас в Генштабе, начинала «мука сыпаться».

Родионов несколько раз перечитал текст. Потом взял ручку и вписал несколько строк. Затем возвратил текст мне. Дополнение состояло всего лишь из одного предложения. Суть его сводилась к тому, что народ Белоруссии должен быть всегда уверен, что даже если его страна стала безъядерной, верная Договору о коллективной безопасности СНГ Россия никогда не оставит Белоруссию в беде.

В тот день не видел я радости и на лицах пришедших на провода белорусов. И только лишь физиономии многочисленных западных военных атташе излучали какое-то злорадное торжество. Когда под торжественно-грустный марш «Прощание славянки» и жалобный гудок электровоза последний вагон с ракетой покати́л на восток, белорусские военные пригласили гостей в палатки, где были столы, щедро накрытые снедью и выпивкой. Водка быстро развязала всем языки.

Было много тостов, но я никак не мог понять, за что же мы пьем. Иностранные атташе говорили какие-то слова о новом мире, о конце холодной войны, о прозрении политиков. Звучало:

— За новую Европу!

А мне слышалось:

— За слабую Россию!

Не лезла в глотку водка. Болтливый и хвастливый польский военный атташе с жирными губами лез целоваться к американцу и даже будучи в сильном подпитии смотрел на меня, как царь на блоху.

Венгр в это время услужливо подкладывал в тарелку американца холодец и хрен.

А когда-то на учениях армий Варшавского договора он послушно мотался по моей просьбе за водкой...

Теперь я знаю, что самое страшное для офицера — когда твою страну перестают уважать. Сила порождает уважение. Слабость — пренебрежение. Слабая страна быстро теряет союзников. Они бегут к сильным. Остаются только

самые преданные. Как белорусы. Но мне при этом почему-то было стыдно смотреть в глаза белорусам. Было такое чувство, что мы, русские, их предали...

* * *

Еще до отлета Родионова в Белоруссию я знал, что во время своего кратковременного визита в Москву на нерекламируемых встречах с российскими политиками, дипломатами и генералами Лукашенко призывал их с максимальной выгодой для военно-стратегических интересов обеих республик разыграть «ракетную карту» в условиях продвижения НАТО на восток.

Насколько мне было известно, поначалу речь шла о переносе времени вывода оставшихся в Белоруссии частей РВСН на более поздний срок. Эта идея у нас в Генштабе многим понравилась.

Безусловно, такой шаг наверняка вызвал бы дружный волчий рык со стороны Запада. Но, с другой стороны, такая жесткая белорусско-российская позиция могла существенно повлиять на политику расширения Североатлантического альянса, которая наибольшие опасности создавала для Минска и Москвы.

Но Кремль отказался поддержать идею Лукашенко. Видимо, для Ельцина гораздо важнее было то, чтобы Запад не отказался от финансовой поддержки его режима.

Ельцин думал о себе.

Лукашенко думал о Белоруссии и России.

Судя по всему, даже через два года после вывода последней ядерной ракеты с территории его республики, Александр Григорьевич не оставил намерений самостоятельно использовать «ракетный фактор» в противостоянии рвущемуся на восток НАТО. Минобороны Белоруссии провело инвентаризацию стартовых площадок бывших частей РВСН (к тому времени была взорвана только одна из 81 площадок ракет СС-25). Как только такой сценарий развития событий пошел не по американскому варианту, штатовцы запаниковали. Помощник министра обороны США Эдвард Уорнер докладывал начальству: «Несмотря на многочисленные попытки, мы не смогли добиться от руководства Белоруссии доступа к этим стартовым площадкам и начать работу».

Меня часто поражала наглая самоуверенность, с которой американцы уже долгое время хозяйничали не только в

Белоруссии, но и во всех бывших республиках СССР. Они напоминали мне чем-то «новых русских», которые регулярно появляются на Тверской, чтобы купить себе подходящую проститутку. Наличие толстой пачки баксов не допускает и тени мысли о том, что желающие потрахаться могут получить по зубам. Но кто сегодня будет отрицать, что многие десятки политиков СНГ уже долгое время с готовностью ложатся под штатовцев?

Тут стоит вспомнить, что уже в начале 1992 года по рекомендации американской стороны Станислав Шушкевич настоял на том, чтобы Москва вывела с территории Белоруссии тактическое ядерное оружие. Уже 27 апреля того же года оно было полностью передислоцировано на территорию России.

В то время Шушкевич в интервью американскому телевидению рапортовал:

— Белоруссия намерена ускорить и вывод стратегических вооружений со своей территории.

И далее высказывался в том смысле, что, мол, наличие оружия массового поражения на территории республики «создает угрозу ее национальной безопасности».

За такие интервью американцы обычно отваливали крутые баксы.

Лукашенко — не Шушкевич. Не допустив американских специалистов к стартовым площадкам, белорусский президент еще раз доказал, что намерен проводить политику, не терпящую чьего-либо диктата. И многозначительно заметил при этом:

— Стартовые площадки Белоруссии не помешают. А оставлять после себя потомкам выжженную, искореженную землю мы не будем.

В Москве смотрели на это по-разному: одни с паническим страхом, другие — с тихим восторгом.

За 30 лет службы в армии я чаще всего бывал в командировках в Белоруссии. Остались теплые воспоминания. Добрый и трудолюбивый народ. А сейчас у меня такое впечатление, что по рукам, которые Белоруссия и Россия протянули навстречу друг другу, кое-кто на Западе и в России пытается усиленно бить дубиной.

Мне и без совсекретных документов разведки давно известно, что интересы Запада и белорусских националистов тут совпадают — не дать возродиться братству народов.

К сожалению, жесточайший кризис в экономике обеих

стран, недостаток финансовых средств, необходимых для их обороны, а также мощное воздействие белорусских националистов на правительство в Минске и боящихся «возрождения СССР» демократов в Москве сильно сдерживали восстановление естественного порядка вещей в отношениях двух братских славянских государств и их оборонной сфере.

Но генное стремление русских и белорусов навстречу друг другу не могли остановить никакие кризисы и провокационные восклицания о восстановлении «великой империи».

В российском Генштабе мало кто сомневался, что это лишь дело времени.

* * *

...Однажды я сопровождал двух немцев, генерала и полковника, которые по договоренности с Минском решили нанести визит в Белоруссию. Белорусы решили показать германцам Хатынь. Был теплый и светлый летний день, когда гости и хозяйева небольшой группой двинулись по ухоженной дорожке к центру мемориала. Впереди, у самой стезжки, размашисто орудовал звонкой косою дюжий мужичок.

Когда мимо него проходили группы экскурсантов, он останавливался и, сняв огромную соломенную шляпу, уважительно кланялся. Но при виде немецкой формы он лишь недобро сверкнул глазами, опустил голову и с каким-то злым, утрашающим напором стал двигаться на нас, широкими, мощными замахами срезая сверкающим на солнце лезвием косы густую зеленую траву.

Немцы перешли на другую сторону дорожки, подальше от грозно поблескивающего в траве лезвия. Набыченный косарь так и прошел мимо нас, не подняв головы. В тишине был слышен лишь густой хруст травяных стеблей и приглушенный звон металла.

Опешивший офицер-белорус, дабы сгладить некорректность момента, хотел что-то пояснить гостям, но немец-генерал тактично сказал ему по-русски:

— Не надо объяснят. Мы все харашо понимайт.

Приятно иметь дело с умными людьми...

* * *

Многие военно-политические идеи белорусского президента находили поддержку в российском Генштабе, но не в Кремле. Когда в Боснии мусульмане и хорваты при под-

держке натовской авиации продолжали бить сербов, уже не прислушиваясь даже к самым громким заявлениям Ельцина, в Москву срочно прибыл Лукашенко. Он стал убеждать российского президента хоть что-то сделать для пресечения такого развития ситуации на Балканах. Ельцин лишь пыжился, но на конкретные практические шаги не решался.

И явно раздосадованный такой ситуацией белорусский президент в ответ на это заявил:

— То, что происходит сегодня на Балканах, не могло случиться 10 лет назад, когда Советский Союз выступал гарантом стабильности в мире.

Сегодня этого гаранта нет...

Нельзя было не видеть, с каким огромным упорством Лукашенко прокладывал дорогу белорусско-российской интеграции, терпя постоянные унижения и оскорбления в России и Белоруссии. Этот человек у многих на Арбате вызывал чувство уважения.

Мы прекрасно видели и понимали тайный и явный смысл всех тех идеологических ухищрений, к которым прибегали известные политические силы в Москве, чтобы в уродливом виде представить России и ее армии главу белорусского государства. Чем чаще и нахальнее это делалось, тем большим чувством симпатии российские генералы и офицеры проникались к Лукашенко.

И тем большее чувство стыда испытывали мы за Россию, когда дорвавшиеся до своих микрофонов репортеры-юнцы, брызжа слюной, измывались над президентом дружественного государства.

Он долго терпел. И лишь однажды не выдержал, сказав корреспонденту НТВ:

— Почему вы клюете меня в хвост и в гриву? Ведь ни один из президентов СНГ так не стоит за интересы России?

Еще с весны 99-го российская пресса активно муслировала вопрос о том, какие ходы может использовать Ельцин для того, чтобы продлить срок своего президентства. В скудной обойме таких ходов снова начинала мелькать идея объединения России и Белоруссии. И в Генштабе все чаще поговаривали о том, что кремлевская «семья», ранее весьма прохладно относившаяся к этой идее, начала втихую подталкивать Б.Н. к ее реализации (ясно, что при этом свита заботилась и о сохранении своего положения при «дворе»).

Частенько наведывавшийся в Кремль маршал Сергеев был хорошо осведомлен о тонкостях закулисных игр и понимал, что закат его карьеры наступит вместе с уходом Ельцина (в отличие от «неадекватного» Бориса Николаевича, наивно верившего в маршальские сказки о военной реформе, в них, кажется, переставал верить уже и тот, кто их сочинял).

За два с лишним года пребывания на посту министра Сергеев хорошо научился улавливать настроения президента и его ближайшего окружения. И он уже знал, что именно надо сказать Верховному, когда тот в конце июня в очередной раз пригласил его в Кремль. Сергеев осторожно высказался о необходимости «объединения вооруженных сил Белоруссии и России в рамках проведенных на учениях операций». Эта приятная, но замысловато выраженная идея Ельцину понравилась.

Великие стратегические думы президента и маршала о будущем России и Белоруссии удачно сочетались с их тайными меркантильными мыслишками о собственном положении во власти.

За неделю до этого события замспикера Госдумы С. Бабурин в неформальной обстановке встречался с группой кадровых и отставных военных. Тогда я и спросил у него, что он думает о союзе Москвы и Минска и шансах Ельцина в связи с этим остаться в Кремле после июня 2000 года. Бабурин ответил, что российско-белорусский союз сейчас гораздо важнее продления срока президентских полномочий Б.Н.

Я давно знал, что авторитет Бабурина в армии высок. Он часто высказывал мысли, которые были полностью созвучны настроениям военных. И потому странно было слышать от него такой ответ. В Минобороны и Генштабе я слышал совсем другое: «Чем раньше уйдет Ельцин, тем лучше будет и для России, и для армии».

Пока очень трудно спрогнозировать, как будет складываться полномасштабный российско-белорусский союз. Но наверняка дело пойдет значительно живее, когда уйдет постоянно оглядывающийся на Вашингтон Ельцин, когда придет к власти менее зависимый от Запада и более решительный российский президент, и когда белорусским властям удастся эффективно противодействовать мощно проплачиваемой ЦРУ националистической колонне, действующей под руководством натовской резидентуры.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ МАНЕВРЫ

...Однажды теплым летним днем я поехал в Филатовскую больницу навестить своего сослуживца полковника Александра Лучанинова. Там и встретил своего давнего знакомого еще со времен службы на Дальнем Востоке полковника-азербайджанца Алика Хусейнова. Встреча оказалась безрадостной: полковник привез в Филатовку своего полуслеплого сына. Пацан перестал видеть после того, как во время бакинских событий 1990 года был ранен осколком снаряда.

Я слушал изможденного горем полковника, а у самого было такое чувство, что есть и моя вина в трагедии.

Алик все еще надеется на московских врачей-волшебников. Все-таки после нескольких операций сын его одним глазом стал различать свет и контуры предметов.

Когда оторвались от этой темы и заговорили о житейском бытѣ, Хусейнов тяжело вздохнул и сказал грустно:

— У вас плохо — у нас еще хуже. Перегрызлись все, воруют, убивают, поливают друг друга помоями. Что в Баку, что в Москве — один черт. А какая страна была...

* * *

Уже вскоре после образования СНГ и подписания в Ташкенте 15 мая 1992 года Договора о коллективной безопасности Запад начал вести с Москвой явную и скрытую борьбу за усиление своего влияния в Азербайджане. Стратегическая линия политических, экономических и военных «сражений», как и следовало ожидать, почти всегда пролегла через нефтяную сферу.

После августовских событий 1991 года российские власти долго пребывали в эйфории победы. И пока в Кремле и правительстве делили портфели, дипломатическая и иная проработка проблем укрепления наших военно-стратегических интересов не только в Азербайджане, но и в других республиках СНГ, была почти полностью заброшена. «Пустоту» стали мгновенно заполнять США, Турция и другие страны. Они к своей выгоде использовали пассивность Москвы, отталкивая ее от Баку.

Потерю российских военно-стратегических позиций в Азербайджане можно считать одним из самых крупных провалов России в ближнем зарубежье — такой вывод еще в 1993 году был сделан в одном из аналитических документов

Центра военно-стратегических исследований российского Генерального штаба.

Некоторое оживление наступило сразу после того, как после Козырева МИД возглавил Примаков. И Кремль будто проснулся. Создавалось впечатление, что там наконец-то осознали, что значит проиграть спор за азербайджанскую нефть. Главная цель — нефтепровод, который, по московским расчетам, должен был пройти через Чечню в Новороссийск.

18 января 1996 года подписывается соглашение между Москвой и Баку о транспортировке ранней нефти с азербайджанских нефтяных месторождений Азери, Чираг и Гюнешли по российскому нефтепроводу к терминалам на Черном море (предполагалось, что объемы транзита ранней нефти будут ежегодно возрастать и к 2002 году составят 5 млн тонн. Тариф за экспорт сырья с азербайджанских месторождений составит почти 16 долларов за тонну. — В.Б.). Вашингтон быстро сообразил, какие экономические, политические и военные дивиденды это сулит России, и тут же сделал ответный ход.

2 февраля 1996 года бакинский источник, работающий на Москву, информировал российские власти: от людей, близких к посольству Азербайджана в США, стало известно, что Клинтон подписал документ, выработанный совместной комиссией американского сената и Конгресса. Вопреки тогда еще не снятому эмбарго на американскую помощь Азербайджану (907-я поправка к решению Конгресса США 1994 года), президент США наделен правом помогать Азербайджану, если помощь, предоставляемую Баку неправительственными организациями, он сочтет недостаточной.

Группа сенаторов и конгрессменов настаивала на отмене эмбарго против Баку и предлагала альтернативный вариант — значительное увеличение помощи азербайджанским беженцам в связи с их бедственным положением.

Тот же наш источник утверждал: в МИД Азербайджана считают, что расширение помощи со стороны США стало результатом встречи американского и азербайджанского президентов в Нью-Йорке на юбилейных торжествах ООН.

Американцам было гораздо легче находить общий язык с Баку — у них были деньги. Деньги дополнялись чисто американским дипломатическим нахальным напором и экономическим расчетом. У России денег не было. Но не было

и напора. Зато было много возможностей для закрепления на «азербайджанском плацдарме» с помощью военно-дипломатических мер. Как говорил когда-то наш бывший начальник Генштаба Сергей Федорович Ахромеев, «иногда один подаренный танк заменяет тысячу дипломатов...»

Но Россия слишком медленно развивала военную интеграцию с Баку и зачастую очень невнятно формулировала приоритеты. К тому же у Москвы накопилось немало нерешенных проблем, связанных, в частности, с условиями размещения военных объектов в Азербайджане. По этой причине «висела в воздухе» станция наблюдения «Габала» — наши электронные глаза и уши на Юге: не были утрясены вопросы оплаты за использование Россией недвижимого имущества и земельного участка, за социальное обеспечение российского персонала объекта.

По этой причине азербайджанская сторона в одностороннем порядке неоднократно прерывала переговоры. Время уходило, проблем становилось все больше. Побывавшая в начале 1996 года в Баку российская военная делегация возвратилась домой с пустыми руками. Это и дало повод одному из членов делегации откровенно признать в прессе, что «в данный момент Азербайджан мы проигрываем».

Азербайджанские военные открытым текстом говорили нашим, что крайне недовольны и пассивностью Москвы в урегулировании карабахской проблемы, и особенно тем, что российское правительство и Генштаб тайком накачивают Армению своим оружием.

К тому же у азербайджанцев еще не зарубцевались раны памяти о кровавых событиях января 1990 года, когда в Баку были введены советские части и погибло много людей.

Американцы, казалось, не упускали ни единого шанса там, где предоставлялась возможность сблизиться с Азербайджаном еще хоть на миллиметр. В конце января 1996 года по нашим спецканалам из Баку поступила конфиденциальная информация о том, что в республике с частным визитом побывал Джон Мареска (он представлял США на переговорах по Нагорному Карабаху, где «провалился» и был освобожден от должности. В тот момент — директор Института исследований открытых средств массовой информации в Праге (OMR).

Мареска был принят Г. Алиевым и имел с ним продолжительную беседу. Алиев заявил, в частности, что «логика урегулирования затяжного конфликта (карабахского. —

В.Б.) первоначально грешила серьезными изъянами: природа и характер сепаратизма в регионе рассматривались в отрыве от вопросов территориальной целостности и незыблемости границ Азербайджана».

Мареска в ходе встречи с Алиевым и серии лекций, с которыми он выступил в Институте политологии и социального управления Азербайджана, заявил: «Россия считает, что закавказский регион относится к сфере интересов Москвы. США не приемлют этого». Он же открыто призвал, что «США заинтересованы в энергоресурсах региона».

Наш человек, возвратившийся из Баку, сказал, что Мареска в своих выступлениях «старательно унижал Россию».

* * *

...Знакомясь с некоторыми документами нашей разведки о ситуации в Азербайджане, я все чаще замечал, что власти республики стали акцентировать внимание на тех исторических фрагментах, которые явно были рассчитаны на негативное восприятие России. Это было заметно и в одном из указов Алиева, в котором шла речь о памяти жертв геноцида. В частности, в документе говорилось, что трагическое прошлое азербайджанского народа «связано с переделом исторических земель Азербайджана в XIX—XX веках после его аннексии Российской Империей».

Отмечалось также, что передел азербайджанских земель начался с подписанных в 1813 и 1828 годах Гюлистанского и Туркманчайского мирных договоров, в результате чего Россия получила ряд закавказских территорий. После этих договоров Азербайджан был разделен на две части: северная оказалась в составе России. Южная — Ирана. Утверждалось также, что «по личному указанию Ленина исторические азербайджанские земли Гейче, Зангезур, Эриванское ханство были переданы Армении».

Доставалось и армянам: особо подчеркивалось, что в феврале 1992 года «армяне учинили невиданную расправу над населением города Ходжалы... Эта кровавая трагедия завершилась истреблением тысяч азербайджанцев, их пленением, город был стерт с лица земли...». В указе Алиева отмечалось также, что итогом этой политики явилось «массовое переселение армян на азербайджанские земли».

Все это легко порождало мрачную догадку, что Баку усиливает идеологическую обработку населения, намереваясь добиваться «восстановления исторической справедливо-

сти». А решение таких проблем во все века пахло кровью и порохом...

Есть территориальные споры, которые, кажется, относятся к разряду неразрешимых. Азербайджано-армянский — один из них. Во времена СССР, вплоть до того времени, когда горбачевский Кремль был еще способен контролировать регионы, «джинна войны» удавалось удерживать в бутылке. Но она лопнула сразу, как только были взорваны твердыни «империи».

* * *

Когда Азербайджан по рецепту Ельцина «наглотался» суверенитета и стал похлопывать Россию по плечу, Москве это страшно не понравилось. И тогда начались коварные игры против первых лиц в республике. О них президент Азербайджана Гейдар Алиев однажды не без раздражения скажет:

— Чего стоит только попытка государственного переворота, которую предприняли российские спецслужбы, надеявшиеся привести к власти Муталибова. Я знаю об этом абсолютно достоверно. И говорил на сей счет с Борисом Николаевичем Ельциным, который, кстати, этого не отрицает.

Самая большая беда Алиева, на мой взгляд, заключается в том, что он стал заложником тех мировых запасов нефти, которые есть в его республике. Если бы Баку за годы демократии имел возможность нормально добывать и сбывать ее, республика давно бы превратилась в процветающую. В советские годы проблем контроля за доходами от азербайджанской нефти почти не было — Москва твердо держала руку на «кранике». После развала СССР Россия и США упорно тащат Азербайджан каждый в свою сторону, в результате чего ситуация в республике постоянно расшатывается. Стоит Алиеву сделать хоть полшага в сторону Москвы — Вашингтон тут же нагнетает ситуацию в стране. Аналогичным образом действует Москва.

Не без нашей помощи шел в свое время к власти мятежный полковник Сурет Гусейнов. Его потом объявили в Баку преступником, и он вынужден был покинуть республику и просить убежища в России. Его приютили. А когда Азербайджану стало известно о тайных поставках российского оружия в Армению и он затеял скандал, в Кремле и правительстве, казалось, готовы были пойти на все, лишь

бы замять его. Часть вины была искуплена — мы Гусейнова сдали. Российские спецслужбы сами надели наручники на полковника, мирно копавшегося на картофельной грядке под Тулой. Его услужливо передали в руки азербайджанских органов безопасности.

Когда к Гусейнову прибыли сотрудники ФСБ, Сурет был ошарашен. Ранее ему давали «твердые заверения», что никто его не тронет, лишь бы он не «светился» в Москве. В машине, в которой его везли в аэропорт, где мятежного полковника уже ждали офицеры службы безопасности Азербайджана, Сурет сказал нашим:

— Зачем вы меня предали?

Ему никто не ответил.

Российский адвокат, который защищал Гусейнова в суде, жаловался на то, что во время допросов Сурета жестоко избивали. Военный прокурор республики генерал Рамиз Рзаев категорически отрицал это. Главный аргумент — «первичные допросы проводил я сам». Вторым был его зам. — человек с самой знаменитой фамилией в Азербайджане — Алиев...

Вместе с Гусейновым были преданы суду и осуждены еще почти 300 человек. Но жизнь президента Алиева от этого не стала менее безопасной. Попытки переворотов в республике сменялись покушениями на главу государства. Среди заговорщиков все чаще обнаруживались военные, в том числе высокопоставленные генералы. За решетку попал и бывший министр обороны Р. Газиев с сообщниками (генералу удалось бежать).

2 июля 1995 года только резкая смена направления ветра над бакинским аэродромом спасла Алиева от смерти: засевшие в кустах террористы Фаик Бахшалиев и Гусейнбала Гусейнов уже изготовились шарахнуть по самолету президента из переносного зенитного ракетного комплекса «Игла» (кстати, купленного за 1400 долларов у начальника штаба одной из частей российского офицера Сергея Глебова). Лайнер зашел на посадку с другой стороны, и это сорвало покушение. Но преступники были задержаны.

В ходе следствия сыщики стали подозревать в причастности к подготовке теракта против президента начальника Генштаба вооруженных сил Азербайджана генерала Шахина Мусаева. Мусаев вынужден был бежать в Россию, где, по данным азербайджанских правоохранительных органов, сейчас и находится, получив политическое убежище. Но

если Кремль будет и впредь давать взятки Баку живыми людьми, дабы, как в случае с Гусейновым, загасить очередной скандал, то нельзя исключать, что Мусаева ждет печальная участь его соотечественника, преданного Россией...

А стоило Алиеву летом 1998 года отказаться от американских вариантов транспортировки сырой нефти из-за того, что такой вариант «не дает возможности быстрого получения доходов», как в Баку прошла цепь массовых выступлений оппозиции, что ставило под угрозу очередные президентские выборы.

Новое кровавое побоище между полицией и оппозицией, случившееся в центре Баку в начале ноября 1998 года, — еще одно подтверждение тому, что спокойной жизни Алиеву не будет.

Отношение азербайджанских спецслужб к нашим военным нередко зависело от того, насколько сильно Баку подозревал «происки» Москвы в республике (говорят, что именно по этой причине Алиев и создал подчиненное напрямую ему подразделение военной контрразведки). В отношениях Баку и Москвы было немало случаев, о которых по взаимной договоренности запрещалось распространяться. Расскажу об одном из них.

...Командующий Отдельной армией предупреждения о ракетном нападении генерал-лейтенант Анатолий Соколов вылетел на своем служебном самолете в Азербайджан для инспектирования дислоцирующейся там подчиненной ему части. Едва генерал успел сойти с трапа, как представитель службы охраны президента Азербайджана объявил ему, что он задержан. Соколова препроводили в специальное здание, где и продержали почти день.

Оказалось, что по чьей-то ложной наводке азербайджанские спецслужбы были убеждены, что Соколов прилетел в республику спасать одного из политиков, который входил в руководство самой опасной для Алиева оппозиционной группировки, — она якобы готовила вооруженный мятеж. Когда азербайджанское руководство убедилось, что это «деза», Алиев лично принес Соколову извинения и даже пригласил на чествование своей победы на выборах в кругу наиболее преданных людей. Когда дело дошло до тоста, генерал решил подыграть общему тону беседы, где говорилось много комплиментов президенту. Анатолий Васильевич рассказал «имениннику» кавказскую легенду о двух царях. Когда один из них попросил у соседа лучшего скаку-

на, а затем самую красивую жену из гарема, просьба была с радостью удовлетворена. Но когда просьба коснулась заболоченного клочка земли, — тут же была объявлена война...

Легенда очень понравилась Алиеву.

* * *

Политика — тоже бизнес. Товаром могут быть оружие, люди, принципы. Здесь тоже своя конъюнктура «рынка». Когда-то, на XXV съезде КПСС, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Г. Алиев патетически говорил:

— И сегодня от имени азербайджанского народа мы выражаем сердечную благодарность всем народам Родины, нашему старшему брату — великому русскому народу за бескорыстную помощь, за дружбу и братство... Мы будем всегда свято беречь и неустанно приумножать это великое завоевание...

Такие слова в докладе под кремлевскими сводами были столь же обязательными, как галстук при входе в приличный ресторан. Лукавая лесть приятно щекотала ушки московским партийным бонзам, которые аплодировали своим мифам и лжи тем громче, чем больше они были. Что в итоге их и погубило. «Великое завоевание» в Азербайджане испарилось на второй день после падения Союза. И тот же президент Алиев сурово сказал:

— Москва и в прежние времена в вопросах национальной политики во взаимоотношениях с другими государствами допускала серьезные ошибки. Продолжает их совершать и сейчас...

Этими ошибками пользуется и сам азербайджанский президент. Как говорится, на его месте так бы поступил каждый. Стоит ли доказывать, почему Азербайджан с его гигантскими запасами нефти (и не только поэтому) в политической стратегии России на Кавказе должен играть доминирующую роль? Но вместо того, чтобы ладить с Баку и строить с ним взаимовыгодные отношения, Москва два года по тайному решению черномырдинского правительства руками Генштаба набивает армянские арсеналы своим оружием. Реакция Баку естественна — возмущение.

Когда политики мутят воду, военные начинают показывать друг другу кулаки. Российско-азербайджанская военная интеграция часто похожа на зерна, брошенные на камни. Баку не только возмущается двурушничеством Москвы, он мстит ей за это.

В июле 1997 года Алиев в Москве произнес много хороших слов о российско-азербайджанских отношениях. Из Москвы он полетел в Вашингтон, где одобрил разработанный американцами суперпроект «Стратегия шелкового пути-97». Цель проекта — обеспечение монополии США в доступе к запасам нефти и газа, которые оцениваются в 4 триллиона долларов.

Американский проект — это строительство магистральных трубопроводов от Каспия на юго-запад, т. е. через Турцию к Средиземному морю. Именно то, что больше всего нежелательно для России, теряющей колоссальную экономическую выгоду.

Наши дипломаты прислали в Москву почти паническую депешу. Клинтон открытым текстом сказал, что район Каспийского моря Вашингтон рассматривает как зону своих национальных интересов «со всеми вытекающими отсюда последствиями»...

Похоже, что американцы своего добились: нефть потечет в обход России, через натовскую Турцию. И вот уже Алиев заявляет в Анкаре: «Я всегда в душе был на стороне Турции, поэтому буду стремиться, чтобы нефтепровод прошел через ее территорию».

* * *

У азербайджанской внешней политики (в том числе и военной) есть одна особенность — она «течет» в ту же сторону, что и нефть. Нефть эта уже, можно сказать, наполовину американская, наполовину турецкая. И в Вашингтоне, и в Стамбуле день и ночь зорко пекутся о том, чтобы Москва под видом укрепления военно-технической интеграции Содружества снова не повернула Баку лицом в свою сторону. С этой целью проводится соответствующая политика и обработка азербайджанского руководства. Результаты налицо. Гейдар Алиев: «Мы никогда не согласимся с попытками превратить СНГ в наднациональную структуру».

Кремль на весь мир недовольно ворчал, что Россия категорически против продвижения НАТО на восток.

Баку одним из первых поспешил заявить о полной поддержке продвижения НАТО на восток.

Баку без долгих раздумий выразил готовность активно участвовать в Программе НАТО «Партнерство во имя мира». И вот уже по просьбе Вашингтона в Азербайджане

в срочном порядке комплектуется и вооружается батальон по всем стандартам НАТО.

Создавалось впечатление, что Москва даже не пытается предпринимать хоть какие-то усилия, чтобы не выпустить Азербайджан из орбиты союзнических отношений. Наоборот, порой делались шаги, которые еще больше отталкивали Баку от Москвы. В конце 1998 года Россия решила поставить в Армению несколько зенитных ракетных систем С-300 и эскадрилью истребителей МиГ-29 (и хотя наши генералы твердили, что это оружие — для нашей базы, азербайджанцы не верили таким доводам). После громкого скандала 1997 года, связанного с тайными поставками российского оружия Еревану, такой ход вызвал еще большее негодование у азербайджанского руководства. И Баку предпринимает ловкий политический маневр, который очень похож на умышленно плохо замаскированную «месть» Москве...

17 января 1999 года в Анкару прибыл чартерный рейс из Баку. В аэропорту «Боинг-707» встречал сам президент Турции Сулейман Демирель. И хотя эта встреча была окутана завесой секретности, уже через полчаса Москва знала, что в Анкаре появился глава Азербайджана Гейдар Алиев. Еще через полчаса он оказывается в Стамбульском военном госпитале «Гюльхане». Турецкие информационные агентства сбивают всех с толку своими противоречивыми сообщениями: одни утверждают, что Алиев нуждается в помощи «после сердечного приступа», другие твердят, что у азербайджанского президента «обструктивный бронхит на фоне острой респираторной вирусной инфекции». Даже специалисты дивятся этим сообщениям: в Баку есть много медицинских светил, которым вполне по силам справиться с любым из этих заболеваний президента.

Президент Демирель оказывает Алиеву беспрецедентные знаки внимания, посещая его по два раза на дню. Алиев быстро идет на поправку — в турецких газетах мелькают сообщения, что у азербайджанского лидера якобы уже нет проблем с сердцем, всего лишь мелкий рецидив болезни легких, который удалось быстро и эффективно устранить. Некоторые российские комментаторы начинают подозревать во всем этом некую тайную «политическую болезнь». И они были близки к истине.

Алиев прибыл в Анкару за день до начала визита в Армению российской военной делегации во главе с Главного-

мандующим Военно-воздушных сил генерал-полковником Анатолием Корнуковым. В тот же период подходили к завершению переговоры Турции, Азербайджана и представителей консорциума нефтяных компаний, которые прорабатывали вопрос об экспорте каспийской нефти по трубопроводу, который будет проходить по «турецкому» маршруту. Львиную долю инвестиций в прокладку нефтепровода готовы вложить американцы. Но они боятся рисковать: нефтепровод будет пролегать неподалеку от района боевых действий. И потому откровенно намекают Баку, что им нужны гарантии, которые заключаются в «силовом прикрытии» нефтепровода, который сулит Азербайджану колоссальные доходы в казну. Экономическая и военная «целесообразность» сплетаются.

Всего лишь через неделю после возвращения Алиева из Стамбула советник президента по внешней политике Вафа Гулузаде публично заявил: «Для гарантированной безопасности Азербайджана США, НАТО или Турция должны установить здесь базы».

В тот же день российский МИД распространил официальное заявление своего безымянного представителя о том, что «подобные декларации ухудшают отношения между Азербайджаном и Россией».

В ответ на это МИД Азербайджана заявил резкий протест в связи с достигнутыми между Москвой и Ереваном договоренностями об усилении 102-й российской военной базы в Гюмри современными вооружениями (речь шла об уже упоминавшихся истребителях МиГ-29 и зенитных ракетных комплексах С-300). Всё это, отмечалось в заявлении азербайджанского внешнеполитического ведомства, «может вынудить руководство республики предусмотреть адекватные меры по надежному обеспечению безопасности страны, защите ее независимости и суверенитета». И там же: «Азербайджан рассматривает российско-армянское военное сотрудничество и российское военное присутствие в Армении как угрозу своей безопасности».

В том же ключе прозвучало вскоре и заявление министра обороны Азербайджана генерал-полковника Сафара Абиева:

— Азербайджан не может безучастно наблюдать за развитием неблагоприятной для него военно-политической ситуации и вынужден реагировать на нее адекватно. Продолжающиеся военные поставки России в Армению подрывают и без того хрупкую ситуацию в регионе.

Российская разведка (СВР и ГРУ) уже была хорошо осведомлена о том, что незадолго до этого своего заявления Абиев побывал в Турции, где провел секретные переговоры о возможности заключения военного союза между Баку и Анкарой.

В унисон министру обороны высказался и советник президента Азербайджана Вафа Гулузаде:

— Азербайджан просто вынуждают пойти на военное сотрудничество с Турцией и США, а также активизировать партнерство с НАТО. И если Азербайджан устремляется в НАТО, то винить надо не Азербайджан, а того, кто нас туда толкает.

К весне 1999 года стало абсолютно ясно, что Россия однозначно решила усилить свое военное влияние в Армении, отодвинув на второй план участие в урегулировании проблемы Карабаха. Тем не менее некоторые аналитики российского Генштаба склонялись к тому, что это — серьезный стратегический просчет. Но не военные определяли нашу политику в Закавказье. А от Кремля при постоянно болеющем Ельцине уже давно нельзя было услышать внятных установок о том, какой линии поведения должна придерживаться Россия.

Многие надежды после ухода Козырева высший российский генералитет связывал с МИДом РФ. Но там «дорогой Андрей» оставил столько завалов международных проблем (в том числе и военно-политических), что пришедший ему на смену Евгений Примаков, едва успев разобраться, что и к чему, стал премьер-министром. Новый глава внешнеполитического ведомства Игорь Иванов только вращался в должность и концентрировался на решении наших проблем прежде всего в отношениях с крупными странами Запада. Вопросы российско-азербайджанских отношений были на втором плане.

А тем временем Баку в политической игре с Москвой пускал в ход новые и старые козыри. После нефтяного, натовско-турецкого и армянского, вновь пришел черед габалинского. Вокруг радиолокационной станции в Габале вновь вспыхнула (явно искусственно подогретая) полемика. Опять пошли претензии к России за долги, за радиацию. Снова Баку стал требовать от Москвы быстрее решать вопрос об определении статуса РЛС. Если он будет определен «по-бакински», то стоимость этого объекта резко возрастет и наши долги Азербайджану намного увеличатся.

А мы уже и так задолжали почти 5 млн долларов. Но главным козырем в игре Баку против Москвы по-прежнему остается нефтяной. Как и прежде, разыгрывался он на американском поле.

Накануне визита Алиева в Америку в апреле 1999 года советник министерства торговли США по вопросам энергетики Ян Карецки заявил:

— Позиции Клинтона и Алиева по вопросам освоения энергоресурсов Каспия идентичны.

Это вскоре подтвердили и результаты визита: между Баку и Вашингтоном было заключено сразу три новых нефтяных контракта.

За многие годы службы в Минобороны и Генштабе мне не раз приходилось видеть конфиденциальные документы нашей разведки, в которых содержался вывод: США считают контроль над азербайджанской нефтью ключевым направлением своей политики на Кавказе. Это соответствовало американской секретной доктрине «стратегического выживания в XXI веке».

Нашей разведке было известно и другое: в соответствии с этой же доктриной американцы консервируют свои нефтяные месторождения и по демпинговым ценам скупают у нас оружейный уран, создавая огромные и дешевые запасы для своих атомных электростанций. Россия же активно истощала свои природные энергоресурсы, гоня их на Запад и допуская к ним все большее количество иностранных компаний.

Нельзя было не поражаться тому, как недальновидно и невежественно мы строили свои политические и военные отношения с Азербайджаном, обладающим гигантскими запасами нефти. Вместо того, чтобы по всем направлениям крепить союз с ним и содействовать справедливому урегулированию его территориальных конфликтов с соседями, российские власти с помощью Генштаба «накачивали» Армению оружием, что еще больше отталкивало Баку от Москвы и превращало Азербайджан из стратегического партнера в стратегического противника России.

Вывод о том, что Россия все явственнее теряет свое влияние в Азербайджане, уже давно «разгуливал» по аналитическим документам Генштаба. Но, кажется, только сейчас мы начинаем осознавать, какую гигантскую стратегическую потерю Москва допустила на Юге. Среди реальных союзников у России оставалось три республики: на Западе —

Белоруссия, В Закавказье — Армения, в Азии — Таджикистан.

* * *

После начала войны НАТО в Югославии Баку особенно яростно стал демонстрировать верность Западу и готовность поддерживать любую антироссийскую акцию. В то время, когда Москва с негодованием осуждала натовскую агрессию, Азербайджан приветствовал ее и даже заявил о готовности послать свое подразделение на «усиление войск НАТО».

Выступая 20 мая 1999 года в азербайджанском парламенте, посол США в этой республике Стенли Эскудеро заявил, что «Вашингтон особенно признателен Азербайджану за поддержку военной кампании НАТО на Балканах... Эта поддержка не останется без должного внимания». А советник госсекретаря США Стивен Сестанович высказался еще более откровенно: «США поддерживают позицию Баку, направленную на восстановление территориальной целостности страны». В апреле 99-го, во время празднования 50-летия НАТО, Клинтон долго тряс руку Алиеву и в порыве благодарности за «солидарность по Балканам» пообещал, что приложит все усилия, чтобы решить карабахскую проблему до истечения срока его президентских полномочий.

Наверное, все президенты чрезмерные оптимисты. Особенно, после большого фужера «огненной воды».

Но в российском Генштабе не исключали, что такое внимание США к давней «головной боли» Баку может всерьез выразиться в поддержке силовых операций Азербайджана, намеревающегося таким образом положить конец своему трагическому спору с Арменией из-за Нагорного Карабаха. Тем более что в Баку уже и не скрывают, что все больше склоняются к силовому варианту разрешения конфликта. Принимая летом 1999 года делегацию вооруженных сил Пакистана, министр обороны Азербайджана Сафар Абиев открыто заявил об этом.

Воинственность таких заявлений становится тем громче, чем больше укрепляется азербайджанская армия, насчитывающая уже больше 72 тысяч человек. Более 5 тысяч военнослужащих прошли офицерскую подготовку в Турции, США и других странах НАТО. В нарушение квот, определенных Договором об обычных вооруженных силах в Европе, Баку еще к началу 1994 года вместо 225 положенных имел 300 танков.

Москва была прекрасно информирована обо всем, что происходило в Азербайджане, в том числе, и за закрытыми дверями самых высоких бакинских кабинетов. Такая осведомленность россиян иногда приводила в бешенство президента, членов парламента и кабинета министров. Чтобы оправдать бесконечные утечки государственных секретов и проколы в работе спецслужб республики, министр национальной безопасности Намиг Аббасов однажды публично заявил: «В Азербайджане на сегодняшний день действуют сотни агентов Главного разведывательного управления Генштаба России. Их имена нам известны». Но при этом не назвал ни одного российского шпиона. И потому его утверждения выглядели блефом. Зато подчеркивали высокий класс работы тех наших людей, которые оставались в тени...

ТАДЖИКСКИЕ ЖЕРНОВА

В Генштабе есть небольшой отдел, который курирует наши миротворческие подразделения в «горячих точках». Он же ведет учет погибших и раненых российских военнослужащих. Погибших и раненых (если не считать чеченскую войну) больше всего в Таджикистане. Мой генштабовский друг полковник Валерий Атамась скрупулезно вел учет потерь — это его обязанность. Его лицо словно от острой зубной боли хмурилось, когда он вписывал новые цифры в список убитых. Вписал цифру — вычеркнул человеческую жизнь. Полковник мрачно говорил:

— Похоже, что наших снова таджики втягивают в свои внутренние разборки. Число трупов растет...

В Таджикистане наши миротворческие части и подразделения уже длительное время находятся в жерновах местных военно-политических сражений. Жестокое противостояние между силами власти и оппозиции продолжает уносить жизни наших воинов. Только за 1995 год было убито более 10 российских военнослужащих. Уже стало своего рода приметой: как только начинаются межтаджикские переговоры — жди терактов.

Во время очередного раунда были убиты капитан Евгений Усиков и старший лейтенант Станислав Куряев. В день начала пятого раунда погиб солдат-контрактник Владимир Довбдня. Был случай, когда таджикские бандиты убили сразу нескольких жен офицеров нашей 201-й миротворческой дивизии. Офицеры требовали дать им авто-

маты — хотели мстить. Командующий миротворческими силами генерал Виктор Заварзин, чтобы предотвратить новое ЧП, собрал убитых горем подчиненных и успокаивал, гуляя с ними водку всю ночь. Только так и удалось сдерживать офицеров от их яростного и злого стремления учинить кровавый самосуд... Россия продолжает платить по самым дорогим счетам за то, чтобы закрепить свои позиции в регионе.

* * *

...Я вспоминаю совещание у министра, на котором Грачев говорил, что наши войска в Таджикистане будут занимать нейтралитет, не вмешиваться во внутреннюю политику страны пребывания. Но сегодня говорить о том, что «семейные дела» таджиков не наше дело, — смешно.

В политике есть соображения, о которых не принято говорить публично или, по крайней мере, не формулировать их суть с той высшей правдой, которая начинает скрипеть, как песок на зубах.

А правда заключается в том, что власть Рахмонова во многом держится на наших войсках. Не будь их, оппозиция и поддерживающие ее «резервисты» по ту сторону границы с Афганистаном давно бы растерзали и Рахмонова, и его плохо вооруженные и слабо обученные правительственные войска.

Наш Генштаб давно и хорошо просчитал, какие колоссальные военно-стратегические выгоды будет иметь Россия, если закрепится в Таджикистане. И потому мы тихо, но верно наращивали свой кулак в виде 201-й мотострелковой дивизии Коллективных миротворческих сил и пограничников.

Таджикская оппозиция, естественно, всему этому яростно противилась. Но деваться нам было некуда. Мы по-прежнему теряли в Таджикистане своих военнослужащих и членов их семей, мы терпели провокации боевиков, их вооруженные нападения, но продолжали оставаться.

К осени 1995 года стало ясно, что наша помощь в становлении таджикской армии все еще недостаточна. Надо было придумать еще какие-нибудь новые и вполне законные формы помощи, которая была бы не столь раздражительной для оппозиции. И одна из них была найдена. Генштаб подал идею: будет неплохо, если наши офицеры и прапорщики станут работать в таджикской армии на правах

советников и инструкторов. Такая форма помощи не противоречит международным нормам и во времена СССР весьма успешно прошла обкатку во многих десятках стран мира.

Сказано — сделано. Соглашение между Москвой и Душанбе было подготовлено. Его ратифицировали наша Дума и таджикский парламент. В статье второй этого документа говорилось:

«...Российские военные советники и специалисты будут оказывать практическую помощь командованию Вооруженных сил Республики Таджикистан в организации боевой подготовки и полевой выучки штабов, совершенствовании организационной структуры войск и управления ими, в разработке оперативных и мобилизационных документов, подготовке национальных военных кадров и других вопросах строительства и укрепления вооруженных сил Республики Таджикистан. Непосредственного участия в боевых действиях российские военные специалисты не принимают».

Ну, это еще бабушка надвое сказала. Таджики на наших глазах будут гибнуть, а мы лишь давать советы куда пушки направлять?

Узнав об этом документе, таджикская оппозиция подняла страшный вой и заявила, что после его ратификации «Таджикистан прекратит свое существование как суверенное государство». Были мысли и покруче: о том, что «чужая армия и чужие военные станут высшей исполнительной властью, а их содержание — основной расходной статьей таджикского бюджета».

Таджикская оппозиция с легендарной азиатской коварностью провоцирует ненависть людей к существующей власти и пугает их «русскими оккупантами».

* * *

Директор Федеральной Пограничной службы России генерал-полковник Андрей Николаев в интервью «Аргументам и фактам» с беспрецедентной прямоотой сказал о необходимости укреплять позиции России в ближнем зарубежье. Когда корреспондент заговорил с Николаевым, в частности, о Таджикистане и напрямую спросил, не лучше ли нам оттуда уйти, ответ генерала был запредельно откровенным:

— Любой нормальный человек не должен даже и мысли допускать, чтобы мы оттуда ушли. Ведь Россия вложила

туда громадные средства, труд и кровь многих поколений. Но наше пребывание там должно быть не физическим, а скорее функциональным. То есть мы должны научить их самих защищать себя и участвовать в этой работе, обеспечивая свои российские национальные интересы.

По данным Главного штаба Федеральной Пограничной службы РФ:

«...За два последних года (1993—1995. — В.Б.) на таджикско-афганской границе задержано 799 нарушителей, предотвращено 582 попытки прорыва боевиков, которые 260 раз перерастали в боевые столкновения. Около 700 раз российские пограничники подвергались обстрелам. Многократно предотвращались попытки контрабанды большого количества вооружений, в частности, 127 орудий и минометов, 100 гранатометов, 290 единиц стрелкового оружия, более 15 тысяч снарядов и мин...»

Вооруженная таджикская оппозиция, засевшая в Афганистане, непрерывно терзает наших пограничников. День и ночь не прекращаются попытки «накачать» оружием оппозиционные отряды, сформированные в республике. Перспективу угадать не трудно — создается армия, которая будет противодействовать правительственным и нашим войскам. А это — гражданская война.

Наши гарнизоны — кость в горле оппозиции. Но реагируют они лишь при прямых нападениях на них. Из-за этого нашу военную политику в республике таджики называют «полубеременной». Мы постоянно действуем с оглядкой на «международное общественное мнение», у которого чаще всего — американское лицо. Наш МИД уже на протяжении длительного времени проявляет неспособность расчитать политический плацдарм для приемлемой с любой точки зрения формы военной помощи Таджикистану.

* * *

В январе 1996 года в Таджикистане вновь резко обострилась обстановка. Оппозиция опять стала мутить воду. Вооруженные группировки, руководимые бывшим мэром города Турсунзаде Ибодой Бойматовым и полковником Махмудом Худойбердыевым, вышли из подчинения центральным властям и потребовали от Рахмонова отставки нескольких высокопоставленных правительственных чиновников. Наши генштабовские направленные на Таджикистан стали активно «вытряхивать» из разведчиков информацию о развитии ситуации в республике.

Я знал, чем вызван этот ажиотаж: опасались прозевать момент, когда мог случиться переворот. И тогда — гражданская война, в которую неминуемо будут втянуты наши миротворцы и пограничники. А по большому счету — Россия. Россия сама еще никак не могла оправиться от собственной войны — чеченской. А не за горами — президентские выборы.

Ельцин был крайне недоволен такой ситуацией и на встрече с главами государств СНГ в Москве (19 января) высказался по этому поводу весьма резко: «Сколько можно нянчиться с Рахмоновым?». Рахмонов обиделся. Вскоре после его отъезда из Москвы по нашим разведканалам прошла из Душанбе настораживающая информация: один из чиновников таджикского правительства во время встречи с командующим миротворческими силами генералом Виктором Заварзиным открытым текстом дал понять, что если Кремль поворачивается спиной, то Рахмонов вынужден будет искать новых союзников. А когда следом поступила еще и информация о подготовке таджикской делегации к «незапланированному» визиту в Иран, в Кремле и в МИДе всерьез засуетились. Первым в прорыв было брошено Министерство обороны.

Прибывший в Душанбе с визитом Павел Грачев привез «горячий братский привет от Бориса Николаевича» Рахмонову и передал ему слова Ельцина: «Мы Таджикистан в беде не бросим». В секретной папке Грачева был целый букет предложений Москвы, направленных на значительное укрепление таджикской армии и границы Таджикистана с Афганистаном. Но были там и иные соображения. Рахмонову советовали гибче строить отношения с оппозицией.

Чтобы не допустить перерастания мятежа в гражданскую войну, Рахмонов пошел на ряд уступок мятежникам и отправил в отставку несколько министров и главу президентской администрации. Восставшие возвратили свои подразделения в места постоянной дислокации.

В российском Генштабе внимательно следили за развитием событий в Таджикистане и прогнозировали их. Нетрудно было предположить, что в случае дальнейшего разрастания напряженности и, не дай Бог, гражданской войны, «второй Афганистан» нам гарантирован. Наша разведка особое внимание обращала на тех, кто стоял во главе взбунтовавшихся вооруженных группировок. Одним из них был полковник Худойбердыев.

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»**Характеристика-ориентировка**

Полковник Махмуд Худойбердыев окончил Алма-Атинское высшее командное общевойсковое училище. Три года находился в составе Ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан. За это время дорос до командира роты. В боевой обстановке проявил себя решительным, дерзким командиром. Награжден тремя боевыми орденами СССР, был несколько раз ранен. В результате последнего тяжелого ранения был признан ограниченно годным к строевой службе и в 1991 году (в звании старшего лейтенанта) был направлен для дальнейшего прохождения службы в должности заместителя военного комиссара Курган-Тюбинской области. Там сплотил вокруг себя большую группу кулябцев («юрчиков», сторонников светского государства), которые в 1991—1993 годах вели активную вооруженную борьбу против исламистов («вовчиков») Курган-Тюбинской области...

Худойбердыев вместе с бывшими военнослужащими 201-й российской миротворческой дивизии прапорщиком Туловым и лейтенантом Мирусмоновым и несколькими другими военнослужащими угнал из расположения полка этого же соединения три танка и БМП.

Исламистам в те дни удалось захватить дом Худойбердыева, в котором находились его беременная жена и двое маленьких дочерей. Худойбердыев сел в танк и отбил свой дом у исламистов, выпустив по ним 8 снарядов и вынудив противника бежать.

После победы кулябцев старший лейтенант Худойбердыев был представлен к досрочному присвоению звания «полковник» и назначен на должность командира 1-й бригады национальной армии Таджикистана. Президент РТ предлагал ему должность заместителя министра обороны, но он отказался, мотивируя это тем, что лучше «держат в своих руках реальные войска, а не кресло, потому что война еще не закончилась».

По утверждению самого Худойбердыева, «за заслуги на гражданской войне» в 1993 году он был награжден министром обороны РФ генералом армии Грачевым П.С. Орденом Мужества (информация не подтвердилась. — В.Б.). Таджикское правительство в том же году наградило Худойбердыева 6 автомобилями «Жигули» и 2 автомобилями «Волга».

Во время боевых действий подразделения бригады Худойбердыева уничтожили большой отряд (150 человек) моджахедов на таджико-афганской границе. После этого в отрядах таджикской вооруженной оппозиции в Афганистане Худойбердыева стали звать Махмудханом.

Худойбердыев неоднократно вступал в вооруженные конфликты с командованием соседней 11-й бригады минобороны РТ, которое, по его мнению, поддерживало «мафию» в Курган-Тюбе

и в центральном правительстве. В конце 1995 — начале 1996 года Худойбердыеву удалось взять под контроль Курган-Тюбе и стать там ключевой фигурой, с которой вынуждены были считаться власти Таджикистана, — 11-ю бригаду расформировали»...

Через некоторое время Худойбердыев вышел из-под контроля центральной власти республики. Его обвинили в организации вооруженных провокаций против правительственных войск и включили в список «особо опасных». Полковник ушел со своим отрядом в горы, откуда стал совершать набеги на мелкие армейские и пограничные гарнизоны.

Когда за ним началась тотальная охота, он сбежал в соседний Узбекистан. В ноябре 1998 года крупные бандформирования боевиков под командованием Худойбердыева ворвались в Ленинабадскую область и взяли под контроль крупный район. Правительственные войска и подразделения специального назначения в результате многодневной операции окружили отряды Худойбердыева и уничтожили большинство боевиков. Мятежный полковник снова исчез...

В 1999 году наши спецслужбы засекли несколько случаев, когда эмиссары Худойбердыева посещали таджикских беженцев в России и за большую плату предлагали им возвратиться на родину и вступить в ряды его вооруженных формирований. Некоторым предлагали «работать» в России: распространять наркотики, которые поступали с юга.

Этот «бизнес» все активнее развивался по мере того, как таджикская оппозиция стремилась занять ключевые посты в органах власти и готовилась к свержению Рахмонова. Для получения высоких должностей, приобретения оружия и содержания отрядов боевиков ей необходимы были большие деньги, которые и приносила наркоторговля. Российские и таджикские пограничники, а также спецслужбы все чаще перехватывали крупные партии опиума, героина и гашиша. Только одна такая партия, общим весом 500 килограммов, предназначалась для Свердловской области.

* * *

...Наверное, нет ничего тоньше азиатского коварства. Был бы жив Шекспир, ему бы, наверное, в Таджикистане стало стыдно за прямолинейность описанных им английских дворцовых интриг.

Наша военная поддержка Рахмонова бесит таджикскую оппозицию. Не имея возможности свергнуть власть силой, она идет на различные ухищрения, втягивает российских политиков, дипломатов, военных в тонкие сети своих интриг, вбивает клинья между нашими командирами и руководством республики. С этой целью активно использовалась дезинформация. Случалось, что она неожиданно поступала из какой-нибудь третьей страны. И, признаться, липа иногда выглядела классно — не сразу удавалось отделить правду от лжи и понять откуда дует ветер.

Помню, как поздней осенью 1992 года по Арбату стали ходить упорные слухи о тайном визите Главкома ОВС СНГ Евгения Шапошникова в Душанбе, где он якобы вел секретные переговоры с лидерами оппозиции. А в результате, дескать, — резкое обострение ситуации в республике. Невольно напрашивался вывод: военное вмешательство России в конфликт еще больше дестабилизирует ситуацию.

По такой же схеме была построена и деза о том, как бывший спикер парламента Сафарли Кенджаев готовил свой поход на Душанбе. А Россия, мол, была готова его поддержать. Доказательства? «Рекомендации» российского посла в Таджикистане Вячеслава Сенкевича. Плюс то, что за несколько дней до готовящегося переворота представитель Минобороны России генерал-полковник Воробьев предрекал падение власти в Душанбе.

Однако в последний момент позиция России изменилась. 201-я дивизия вынудила путчистов покинуть столицу. Кенджаев обвинил командира дивизии генерала Ашурова в обмане.

После этого российские военные заявили, что они не допустят кровопролития в городе. Однако вскоре они-де спокойно пропустили в город формирования Народного фронта, включая танки и БТР, что привело к многочисленным жертвам и разрушениям.

Российские войска оказались вовлеченными не только в гражданскую войну в Таджикистане, но и впутанными в сети политических провокаций оппозиции. Ее агитаторы внушали обывателям, что российский воинский контингент в республике становится союзником тех сил, которые ему больше платят. Так рождались грязные легенды о том, что танк в Душанбе стоит всего 6 миллионов рублей и, как сказал один из депутатов душанбинского горсовета, «его может купить любой».

* * *

Поздней осенью 1996 года в Душанбе состоялись переговоры министра обороны России И. Родионова с Рахмоновым. Обстановка в республике была сложной. Рахмонов постоянно подчеркивал, что российская помощь в урегулировании внутритаджикского конфликта играет решающую роль. И, как мне показалось, все время остерегался, что Родионов объявит ему о сокращении российского воинского контингента в регионе. Когда же Игорь Николаевич успокоил его, таджикский президент весь засветился.

Я несколько раз разговаривал с Рахмоновым и во время переговоров, и во время полета на одну из застав, и на торжественном ужине. Этот человек с усталыми мудрыми глазами и такими же мудрыми мыслями вызывал уважение. Невольно возникало к нему сочувствие при мыслях о том, какие тяжелейшие испытания ему пришлось пережить в последние годы. Конечно, мало кто не понимает, что он держится во многом благодаря нашей помощи. Но и отрицать того, что он пользуется огромным авторитетом у многих своих соотечественников, нельзя.

Так велено, наверное, самой таджикской историей, что в этот тяжелейший для республики период бурь и социальных потрясений у ее руля оказался Рахмонов. Мне все чаще думалось о том, что окажись на его месте другой человек, Таджикистан давно бы весь утонул в крови и давно бы стал вторым Афганистаном.

* * *

Родионов вместе с Рахмоновым встречались в Доме офицеров с личным составом 201-й мотострелковой дивизии. Сидевший со мной рядом начальник Главного управления международного военного сотрудничества МО генерал Леонид Григорьевич Ивашов сказал мне:

— Посмотри вверх.

Над сценой висел огромный лозунг из лепных букв: «За нашу Советскую Родину!».

Мы улыбнулись.

Все было как в недавние времена.

Марш «Прощание славянки» навевал острые ностальгические чувства.

Новой была лишь полковая церковь, куда батюшка пригласил Родионова на молебен.

Мы поставили свечи за упокой души наших погибших воинов.

Я слушал молебен с закрытыми глазами и мне казалось, что русская полковая церковь на таджикской земле есть что-то высокое и символическое, что освящает наше военное присутствие здесь...

Чтобы упрочить свои военные позиции в Таджикистане, Москва предложила Душанбе подписать Договор о придании 201-й дивизии статуса российской военной базы. Но против этого резко выступил президент Узбекистана Каримов. Он заявил:

— Наличие базы спровоцирует ответную реакцию со стороны Афганистана.

Каримов явно лукавил: уже долгое время занятому внутренней войной Кабулу вряд ли было принципиально важно, какой статус имеет наша 201-я дивизия — главное, что она была. А укрепление ее положения было невыгодно прежде всего таджикской оппозиции и афганским наркобаронам. А негативная реакция Каримова, скорее всего, объяснялась его ревностным отношением к упрочению российского военного присутствия на территории соседнего государства.

Критическая позиция узбекского руководства на некоторое время породила растерянность в Кремле — Ельцин не решился подписать с Рахмоновым договор (для дополнительной проработки документа в Душанбе был командирован маршал Сергеев). Но даже после визита Рахмонова в Россию летом 1999 года Договор о статусе и условиях пребывания нашей базы на территории РТ не был подписан...

УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

Еще с осени 1991 года Украина, в отличие от других республик бывшего Союза, с бешеной скоростью торопилась закрепить суверенитет по всему «фронту» — в том числе и в области обороны. Несмотря на яростные призывы маршала Шапошникова не спешить с этим, украинские власти уже 3 января 1992 года начали формирование собственной армии.

Во время визита в Киев в начале 1992 года Шапошников не скрывал, что его удручает такая позиция украинцев. И потому в беседе с депутатами Верховного Совета он в лоб спросил их:

— Зачем вам своя армия?

Вопрос вызвал удивление:

— Как зачем? А какое же это государство без армии?

В то время по всем военным округам и флотам бывшей Советской Армии уже гулял громкий клич Киева, обращенный к военнослужащим-украинцам, — бросать службу «москалям» и «вэртатыся до нэнькы». А тем, кто уже служил на Украине, но был другой национальности, открыто советовали «вйобуваты гэть».

На совещании у президента обсуждался вопрос о министре обороны Украины. Накануне Кравчук пригласил к себе на беседу командующего войсками Киевского военного округа генерал-полковника Виктора Чечеватова и предложил ему этот пост. Чечеватов поблагодарил Леонида Макаровича за такое доверие и попросил время подумать над предложением, чем вызвал не только удивление, но и недовольство президента.

Было несколько причин, которые заставляли Чечеватова не спешить принимать «царский подарок». Он понимал, что должность военного министра для него, русского генерала, будет кратковременной — слишком сильно кадровая политика в руководстве украинской армии ориентировалась на «лиц коренной национальности». Но сильнее всего его заставляло колебаться другое: министр обороны был обязан принести присягу на верность президенту и народу Украины. И это значило бы, что той клятве, которую рядовой Советской Армии Чечеватов дал почти три десятка лет назад, он изменял.

Чечеватов позвонил в Москву Ельцину и попросил его помочь перевестись служить в Россию. Ельцин отнесся к его просьбе с пониманием, обещал помочь, но сказал, что надо подождать — пока нет подходящей вакантной должности. Через некоторое время Б.Н. предложил генералу должность командующего войсками Дальневосточного военного округа. Чечеватов согласился.

Многим известным в армии военачальникам приходилось в то время делать свой выбор. Но при этом одни руководствовались принципами офицерской чести, другие — меркантильными соображениями, третьи — «зовом предков».

Некоторые генералы-украинцы, служившие в то время на территории России, дружно рванули в Киев, надеясь отхватить там престижные должности в минобороны Украи-

ны, хотя и в Москве занимали не слабые. Генерал-лейтенант Иван Бежан, например, был у нас первым заместителем начальника Генштаба. А в Киеве был выдвинут с ходу на пост замминистра обороны. Часто наблюдая за ним на российско-украинских военных переговорах, я дивился тому, с какой страстью Иван Васильевич «воевал» со вчерашними российскими сослуживцами, отстаивая интересы своего государства.

Но такое было время — политика разводила нас по национальным углам.

Не только генералы, но и многие старшие офицеры, с которыми я был знаком с курсантских лет, были выдвинуты на высокие должности: полковник Александр Нездоля, например, стал начальником службы безопасности президента Украины, а полковник Григорий Кривошея — начальником управления в украинском МО.

* * *

В марте 1992 года состоялась очередная встреча глав государств СНГ в Киеве. Огромные толпы митингующих встречали гостей-президентов и сопровождающих их лиц лозунгами «СНГ — геть з Києва!».

Вечером на пресс-конференции один из журналистов спросил президента Украины Леонида Кравчука:

— Что такое СНГ?

Он ответил:

— СНГ — фикция!

Украинские генералы и офицеры не один раз игнорировали совещания, на которые их приглашали по линии Главкомата ОВС СНГ. Случалось, что даже министр обороны Украины Константин Морозов пропускал мимо ушей указания своего президента и Верховного Главнокомандующего в обязательном порядке прибыть на совещание глав военных ведомств Содружества (даже в качестве наблюдателя). Был случай, когда Морозов только после личного обращения маршала Шапошникова убыл с подчиненными в российскую столицу.

Офицеры «неукраинской национальности», которые по разным причинам (чаще всего — из-за жилья) вынуждены были остаться служить на Украине, во время приездов в Москву рассказывали грустно-комичные истории: один никак не мог сдать тест на знание украинского языка, другой засыпался на экзамене потому, что не знал биографий Пет-

люры и Бендеры, третий с треском провалился на детекторе «украинского национального самосознания»...

* * *

Когда пришла пора «развода» с Украиной, в нашем Генштабе скрупулезно подсчитали, что досталось этой республике от общего скарба Советской Армии. Список был внушительным. Ни одна другая бывшая республика СССР не получила такого жирного военного наследства. К Украине отошли Киевский, Одесский, Прикарпатский военные округа вместе со всем, что было на их территории. Только основной список «приватизированного» Киевом (без стратегических запасов продовольствия и военного имущества, учебных центров и полигонов) включал в себя:

— 176 межконтинентальных баллистических ракет (СС-19, СС-24);

— 1280 ядерных боеголовок;

— 43 тяжелых стратегических бомбардировщика Ту-95 и Ту-160 с 600 крылатыми ракетами воздушного базирования;

— 20 мотострелковых и танковых дивизий;

— 4013 танков Т-64 и Т-72, 5050 бронированных машин БМП-1 и БМП-2, БТР-70, БТР-80;

— 3 воздушно-десантных соединения;

— 3 артиллерийские дивизии (всего 4040 артиллерийских систем);

— 4 воздушные армии (230 истребителей, 620 штурмовиков);

— армия ПВО;

— 6 вертолетных полков (330 машин);

— 300 боевых и вспомогательных кораблей Черноморского флота.

* * *

Очень серьезные споры между Москвой и Киевом поначалу вспыхнули из-за самого грозного оружия — стратегических ядерных ракет. Между Евгением Шапошниковым и министром обороны Украины Константином Морозовым возникла острая перепалка по поводу системы контроля над Стратегическими ядерными силами, дислоцирующимися на Украине.

Шапошников настаивал, чтобы этот контроль (оперативный и административный) безраздельно принадлежал Цен-

тру, но Киев с этим не соглашался. И хотя украинское руководство официально объявило, что республика будет придерживаться безъядерного статуса, в его рядах образовалась группа политиков, которая явно не спешила идти к этой цели (ее поддерживали и некоторые высшие генералы украинского МО).

Более того, наша разведка вскоре стала располагать сенсационными сведениями о том, что в Киеве пытаются расшифровать ядерные коды и полетные задания ракет, расположенных на Украине. Это явно свидетельствовало о намерении вторгнуться в систему управления ядерным оружием.

А специалистов по этой части в Киеве, Днепропетровске и Харькове хватало. К тому же большая группа генералов, ранее служивших у нас в Минобороны и Генштабе, перешла в МО Украины.

Не успела Москва урегулировать эту проблему (хотя Киев яростно отрицал свое намерение расшифровать коды) — возникла новая, не менее опасная. Украинцы стали срывать сроки вывоза ядерных боеголовок на территорию России. Мир мгновенно заговорил о том, что Украина намеревается получить статус ядерной державы. Тем более тогда, когда даже президент Леонид Кучма проговорился, что его стране желательно попридержать у себя 46 межконтинентальных ядерных ракет СС-24.

Но тут шла совсем другая игра.

Украинцы намеревались продать оружейный уран, имеющийся в ядерных боеголовках, напрямую в США, без участия России, где осуществлялась разборка боеприпасов. Некоторые видные украинские политики посчитали, что 175 миллионов долларов, которые Киев должен был получить в качестве компенсации за ракеты, — цена смехотворная. И стали настаивать на 2 миллиардах долларов, когда узнали о контракте между Москвой и Вашингтоном, в соответствии с которым Россия намеревалась продать США 500 тонн оружейного урана.

И опять разгорелся конфликт между Москвой и Киевом.

Однажды дело дошло до того, что Морозов и Шапошников в письменном виде стали выяснять друг у друга «кто и куда» их ведет. Вволю поупражнявшись в эпистолярном жанре, полководцы тихо спрятались за широкие спины своих президентов...

После громких препирательств конфликт был улажен. Тем более, что украинцев страшно напугал инцидент, слу-

чившийся в ядерном арсенале в Первомайске: там была допущена шестикратная перегрузка ядерных боеголовок в хранилище, из-за чего произошел их разогрев (такие ЧП случались позже и в России, но их в Минобороны и Генштабе хранили в строжайшей тайне).

Закончилась украинская ракетная эпопея тем, что был устроен «образцово-показательный» подрыв ракетных шахт. На торжества по этому поводу прибыли министры обороны России Павел Грачев и США — Уильям Перри.

Я был поражен, когда узнал, что ракетные «колодцы» украинцы доверили взрывать американским специалистам. В украинской армии было и есть много отличных профессионалов по этой части. Они могли стереть в пыль любую шахтно-пусковую установку (ШПУ). Доверять подрыв забугорным саперам было делом унижительным. Но здесь опять-таки существовала своя «подлянка» — унижали больше всех нас.

Американские подрывники твердили, что украинцы не владеют технологиями таких работ, хотя на самом деле тут было совсем другое — штатовцы добивались, чтобы ШПУ нельзя было восстановить. Украинцы, мне показалось, не чувствовали угрызений совести. У них была своя выгода — не надо было тратиться на пластик...

* * *

Есть известный анекдот про украинца, которого спросили, сможет ли он съесть вагон яблок. «Нет, — ответил он, — зыбисты не зможу, но зато хоть понадгрызаю...» Я не раз вспоминал его, когда украинские власти отвечали категорическим отказом на упорные просьбы Москвы отдать ей четыре десятка стратегических бомбардировщиков, которые достались Киеву во время «приватизации» частей бывшей Советской Армии.

Украинские генералы отлично понимали, что небо их государства очень тесно для «тукачей», которые к тому же нуждались в серьезном ремонте. Но сначала украинское МО категорически отказывалось даже на приемлемых бартерных условиях передать самолеты России. Затем нам стали предлагать выкупить самолеты, но цену заломили сумасшедшую. В конце концов, после шести лет бесплодных переговоров и споров Киев понял, что вместо стратегических бомбардировщиков у него может остаться поржавевшая рухлядь. Несколько самолетов уже пустили под гильотину...

Летом 1999 года, когда до наших генштабовских начальников после войны НАТО в Югославии дошло, что надо пересматривать доктрину и взгляды на роль стратегической авиации, в Киев спешно убыла группа генералов МО и ГШ. Украинцы предложили нам выкупать бомбардировщики...

ЧЕРНОМОРСКАЯ САРКОМА

Уже который год не прекращается грызня России и Украины из-за Черноморского флота. Она войдет в историю как одна из самых позорных страниц российско-украинских отношений конца XX века, как кость раздора, которую мы не можем поделить до сих пор.

Еще в начале 1992 года Кравчук в беседе с маршалом Шапошниковым настаивал на том, что Украине нужен свой Черноморский флот, но в каком составе и под какие задачи — сформулировать не мог. И высказывался странно: «Весь флот, как и его половина, Украине не нужен».

В то же время министр обороны республики и другие члены правительства считали, что Украина должна получить 50 процентов флота. Однажды, пытаясь выяснить окончательную позицию украинского руководства, маршал Шапошников обратил внимание министров на серьезное расхождение их взглядов с президентом республики. Один из них, когда остался с глазу на глаз с маршалом, сказал ему ошеломляющую фразу: «Кравчук может сказать вам одно, а нам — другое».

Непоследовательность, шарахание из стороны в сторону наблюдались и в позиции российского президента. Часто делалось это с подачи военных. Весной 1992 года Шапошников убедил Ельцина подписать указ о том, что весь Черноморский флот является составной частью Вооруженных сил России. Ельцин указ подписал. В ответ Киев поднял такой громкий шум, что российский президент пошел на попятную и отменил свой указ.

Тогда Шапошников предложил новую формулу выхода из положения — не делить флот, а оставить его в подчинении Главного командования ОВС СНГ. Но и этот вариант украинцы отвергли. Тогда маршал пошел в атаку с третьей стороны: подал идею разделить ЧФ между всеми республиками СНГ, поскольку все они в той или иной мере были причастны к его созданию.

Однако при внешней справедливости такого варианта, по сути он был смешным: для чего нужны подводные лодки и крейсера Туркмении, Узбекистану или Таджикистану? Когда и эта идея была отвергнута, предложили ее усовершенствованный вариант: во имя сохранения единства Черноморского флота Россия соглашалась отдать каждой республике причитающуюся за него долю в виде танков, самолетов, пушек, запчастей. И снова кто-то соглашался, кто-то нет. Казалось, нет в мире мудреца, который мог бы положить конец этой бесконечной скандальной дележке...

* * *

После первых лобовых атак друг на друга в попытках к своей выгоде решить проблему флота Украина и Россия стали менять тактику. В недрах правительств и военных ведомств обеих республик начали разрабатываться секретные планы «обходов и внезапных ударов». Но обо всех этих намерениях и тайных замыслах «противника» у нас в Минобороны и Генеральном штабе частенько становилось известно в тот же день, а порой через час.

Точно так же и украинцы были хорошо осведомлены почти обо всех конфиденциальных замыслах России. Объяснялось это просто: на высоких должностях в российском военном ведомстве много украинцев, а в украинском — русских. И были среди них такие, для которых интересы СВОЕЙ Родины стояли выше клятвенных обещаний беречь военную и государственную тайну страны, на службе которой человек оказался.

Забегая вперед, скажу, что в Москве и Киеве некоторое время делали вид, что не обращают внимания на этот «фактор конвергенции». Однако с годами подход стал меняться. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте. Когда я стал пресс-секретарем министра обороны РФ, в комиссии по высшим воинским званиям и должностям при Президенте России должен был решаться вопрос о присвоении мне генеральского звания. Однако его даже не довели до стадии обсуждения, сообщив мне, что «необходимо по новым требованиям послужить год в новой должности» (хотя при этом некоторые полковники получали генеральские звания, не прослужив в должности и трех месяцев).

Лишь позже «свои люди» в Кремле сообщили мне по большому секрету, что некоторые члены комиссии засомневались: «Может ли украинец быть пресс-секретарем ми-

нистра обороны России?» Хотя для Игоря Николаевича Родионова такой проблемы не существовало.

Но вернемся к Черноморскому флоту.

...В конце весны 1992 года наши источники в министерстве обороны Украины передали в Главный штаб ВМФ России информацию о том, что в ходе очередного российско-украинского раунда переговоров по ЧФ в Севастополе киевляне собираются осуществить план молниеносного присвоения флота «на законных основаниях». Весьма возможно, что если бы наши осведомители в украинском военном ведомстве не сработали заблаговременно, то дележ флота мог бы принять еще более трагичный характер.

Вспоминает бывший Главком ВМФ РФ адмирал флота Владимир Чернавин:

— Стало известно, что в Севастополь приезжает большая комиссия, которую возглавляет Дурдинец, первый заместитель председателя Верховного Совета Украины. С ним министры обороны, внутренних дел и так далее. Узнаю, что они везут указ президента Украины о приватизации Черноморского флота. Я вышел на Шапошникова, доложил ему обо всем. Шапошников спрашивает: «Ну, что делать?»

Я ему предложил, что нужно немедленно издать указ нашего президента о том, что Черноморский флот переходит под юрисдикцию России. Всю ночь переговаривались с Шапошниковым, и в конце концов он связался с Ельциным.

Ельцин отнесся к такой идее положительно. Но те уже приезжают, а у нас еще ничего нет. Фактически проект указа был подготовлен непосредственно в Севастополе, и я передал наши предложения министру обороны.

Начались переговоры, на которых украинская сторона сразу заняла наступательную позицию. Возглавляя нашу делегацию, я чувствовал, что они вот-вот доберутся до указа своего президента. Опять наступила бессонная ночь, опять переговоры с Шапошниковым. Наконец Шапошников говорит: «Президент сказал, что утром подпишет указ».

Утро. Уже 10 часов, а указа еще нет. Начинаю уклоняться от переговоров, потому, что знаю: когда они прочитают свой указ, а мы будем с пустыми руками — дело будет сделано. В конце концов с опозданием на час с лишним прибываю к месту переговоров, чем вызываю страшный всплеск раздражения. Но я приехал уже с указом прези-

дента в кармане, он по телефону был мне зачитан. Тут встает Дурдинец и говорит, что так как мы не можем найти путей соприкосновения интересов, он сейчас официально зачитает указ президента Украины Леонида Кравчука. И читает с пафосом указ. Но мы были уже к этому готовы. И когда он произносит: «И мы приехали сюда, чтобы этот указ исполнить, здесь все люди, которые правомочны это сделать» — я встаю и зачитываю указ президента Ельцина. Это было похоже на взрыв бомбы!

Украинская делегация в замешательстве: что же делать? Указ на указ. И долго все сидели и мрачно молчали. Потом начали между собой переговариваться. И вот Дурдинец заявляет мне: «Владимир Николаевич, мы не можем не выполнить указ нашего президента». Говорю ему в ответ: «А мы не можем не выполнить указ нашего президента. Учитывая же, что Черноморский флот сегодня в моем подчинении, мы также не дадим выполнить указ вашего президента».

Переговоры с этого момента стали бесполезными, все должно было решаться уже на другом уровне.

* * *

О, знал бы тогда адмирал флота Чернавин, какими экспрессивными эпитетами награждал его украинский президент Кравчук в телефонном разговоре с Ельциным! С того момента Владимир Николаевич, по мнению Леонида Макаровича, превратился в главного виновника новой тупиковой ситуации на российско-украинских переговорах. Срыв «блиц-приватизации» ЧФ, которую с такой тщательностью готовили в Киеве, надеясь на полный успех, был очень болезненной пощечиной украинским руководителям.

С того времени они стали рассматривать Чернавина в виде «камня, который лежит на дороге», ведущей якобы к успеху в решении проблемы дележки флота. Под этим соусом фигура Чернавина стала подаваться украинцами в ходе последующих раундов переговоров по ЧФ. И самое досадное, что российские власти клюнули на эту удочку (тут стоит заметить, что таким же образом Киев действовал и тогда, когда его не устраивали командующие флотом — мы к этому еще вернемся). Неуступчивость Чернавина стала не устраивать уже не только Кравчука, но и Ельцина. «Камень» (а точнее — бастион) с дороги вскоре убрали.

Адмирал флота Владимир Чернавин — один из первых

российских флотоводцев, которые были «казнены» режимом за то, что яростно сопротивлялись не только уступчивости Кремля и МИДа на Черном море, но и развалу всего бывшего Великого Российского Флота.

Вслед за Чернавиным пришла очередь командующего ЧФ адмирала Игоря Касатонова, которого тоже по тайной просьбе Киева сместили с поста. Его назначили в Главкомат ВМФ.

Хорошо помню какая возня шла в наших политических и военных верхах вокруг адмирала Касатонова, когда он восстал против растаскивания ЧФ. Но спалить его вообще в Кремле побоялись — адмирал пользовался большой поддержкой личного состава флота. В то время мне довелось видеть документ, подготовленный аналитической кремлевской службой. В нем звучали откровенные намеки на то, что в случае «неаккуратного обращения» с командующим ЧФ, он может встать чуть ли не во главе бунта. Был тут и еще один немаловажный фактор, сдерживающий Кремль от расправы с адмиралом: Касатонов принадлежит к славной династии российских флотоводцев и сметать его с должности в лоб было очень рискованно.

* * *

Брошенный президентом на прорыв, Павел Грачев по возвращению из Севастополя провел в МО пресс-конференцию. И справедливо сетовал на ней, что за несколько лет переговоров по ЧФ стороны не сумели договориться даже до того, какой смысл вкладывать в те или иные термины, используемые в документах.

Однажды дело дошло до того, что министр обороны Украины генерал Виталий Радецкий чуть не сорвал переговоры с Павлом Грачевым из-за того, что бирка на двери комнаты его российского коллеги оказалась на два сантиметра больше. А когда Грачев вместе со своей свитой покинул переговоры, Радецкий «отомстил»: задержал взлет самолета с российской делегацией, из-за чего люди были вынуждены целый час мерзнуть на холодном аэродромном ветру.

* * *

После очередного раунда переговоров по флоту летом 1995 года Ельцин и президент Украины Леонид Кучма дружно и радостно объявили о том, что «над этой пробле-

мой поставлена точка» (хотя о такой «точке» заявлялось еще в период президентства Кравчука). Генералы и офицеры МО и Генштаба, Главного штаба ВМФ РФ, непосредственно занимавшиеся этой проблемой, отлично знали, что мажорные президентские утверждения не соответствовали действительности. А если говорить прямо, то был очередной политический блеф: военно-политических завалов на пути решения проблемы ЧФ оставалось еще очень много...

9 июня 1995 года Борис Ельцин и Леонид Кучма подписали соглашение о разделе плавсредств и вооружений Черноморского флота (по формуле 50х50), затем эксперты правительств Украины и РФ определили перечень военных кораблей и судов, военной техники и средств обеспечения береговой обороны и морской авиации наземного базирования ЧФ, которые после раздела флота должны были перейти в подчинение российскому и украинскому командованиям флота.

Оставалось технически осуществить раздел до 1 января 1996 года, как это и предусматривалось в соглашении. Но гладко было на бумаге...

Российское и украинское военно-морское начальство снова (в который раз!) встряло в многомесечную свару, предъявляя новые обвинения друг другу. Она продлилась до самой зимы. В чем же была суть нового конфликта?

4 января 1996 года председатель комиссии по разделу ЧФ первый заместитель командующего флотом адмирал Геннадий Сучков заявил, что украинская сторона экономически не готова к приему передаваемых ей объектов: «К настоящему времени из 117 предусмотренных к передаче ВМС Украины военных городков принято лишь 42».

В ответ на это украинцы раздраженно заворчали: «Полуразграбленные городки принимать не собираемся».

Братья-славяне продолжали яростно грызться на теплых берегах Черного моря. Иногда эта грызня обретала форму лютой вражды и доходила до того, что древние родственнички начинали хвататься за стволы.

Наблюдая за всем этим позорищем, я с грустью думал о том, что нет в мире более эффективного способа превращения братьев в лютых врагов, чем дать им возможность делить родительское наследство.

* * *

В конце ноября 1995 года Москва попыталась в очередной раз сделать прорыв в российско-украинских военных отношениях. Министр обороны Грачев, взявший с собой в Сочи беспрецедентно большую группу высшего генералитета, представляющего все виды войск (за исключением Сухопутных), явно намеревался выжать максимум пользы из этого визита.

Как это не раз бывало и раньше, иногда теряя чувство реальности, когда надо объективно оценить результаты сделанного им, наш министр объявил, что результаты переговоров «коренным образом изменят военно-политический климат в отношениях Украины и России» (у нас в Москве все визиты и переговоры почему-то всегда оцениваются не меньше, чем «исторические»).

В Сочи было принято небывало большое число договоренностей. Это и совместные учения миротворческих сил, и переговоры между Генштабами обеих армий, и совместное проведение расширенных коллегий министерств обороны. За два дня совместной с украинцами работы российской военной делегации удалось подписать разом столько документов, сколько не удавалось за четыре года после развала СССР. Но парадокс давно состоял в том, что количество договоренностей сильно контрастировало с их эффективностью.

Грачев отметил, что позиции Москвы и Киева по вопросу о фланговых ограничениях вооружений совпадают. В ответ на это министр обороны Украины Шмаров сказал, что «как для России являются неприемлемыми фланговые ограничения на Северном Кавказе, так для Украины — в Одесском военном округе». И выразил надежду, что на переговорах в Вене по ОБСЕ предложения Москвы и Киева по этому вопросу наверняка «будут учтены».

Столь яростное братание военных после долгого периода прохладности, отчуждения и даже конфронтации имело глубокий подтекст: обе стороны все явственней начинали понимать, что их армии докатились до ручки, что многими десятилетиями наработанные связи российского и украинского военно-промышленного комплексов порушены настолько, что давать распадаться им и дальше — значит подрывать обороноспособность обеих стран.

Для Москвы братание с Киевом по широкому фронту вопросов было необходимо и еще по одной причине.

28 ноября Грачев намеревался отправиться в Брюссель на переговоры с руководством НАТО, где ему надо было предстать в облике политика, способного делать реальные шаги по созданию нового военно-политического союза в противовес продвижению НАТО на восток. Там же ему предстояло договориться с НАТО о способах политического контроля над операцией миротворческих сил в Боснии. А имея за спиной «поддакивающую» Украину это было делать легче...

* * *

Когда встречаются высшие генералы России и Украины, я всегда испытываю какое-то странное чувство, похожее на смесь ностальгии и неловкости. Эти люди служили когда-то в одних частях, в одних штабах, хорошо знали друг друга. Эти люди бок о бок когда-то воевали в Афганистане и даже спасали друг друга от смерти. Многие из них родились в одних городах и деревнях, а некоторые — и породнились. Все они принимали одну и ту же Присягу — Советскую.

И вот теперь — разные армии, разные формы одежды, разные интересы. И скрытое противостояние, которое свойственно военным людям, отстаивающим интересы своих государств.

Что-то противоестественное, дикое было во всем этом, что разъединило, разбросало военных людей, некогда объединенных священным боевым братством.

Когда на переговорах в Сочи рассматривались вопросы международного характера, девять человек, включая нашего министра обороны Грачева, решили выяснить, кто какой национальности. И каково же было их удивление, когда единственным «русаком» оказался лишь... министр обороны России.

Когда-то наступит время, и прежде всего славянские наши народы — российский, украинский, белорусский выйдут из этого, противного их природному естеству состояния и вновь обретут великое и святое чувство единения.

А их примеру последуют и многие азиатские и кавказские народы, перешагнув через зловонные барьеры национализма. И возврат к бывшему межнациональному братству, который обошелся всем нам многими сотнями тысяч смертей родных и близких, гражданскими войнами и вооруженными конфликтами, вновь будет свидетельствовать о торжестве разума.

* * *

Уже через несколько дней после того, как в конце ноября 1995 года министр обороны России завершил переговоры с украинцами в Сочи, на Черноморском флоте стало происходить что-то непонятное. Туда прибыла комиссия Главного штаба ВМФ и спешно начала процедуру передачи Крымской военно-морской базы и Керченского гарнизона. Это выглядело странно: в моем сейфе лежали копии документов, подписанных Кучмой и Ельциным во время переговоров в Сочи, и в них говорилось об иных сроках и ином порядке поэтапной передачи Украине объектов ЧФ.

Настораживали и сигналы, поступавшие в Генштаб от некоторых офицеров штаба ЧФ. Они сообщали, что началась «нерекламируемая и противозаконная» передача объектов флота украинской стороне. И подтверждали: все оговоренные нашим президентом сроки и условия грубейшим образом нарушались. Создавалось впечатление, что сочинские соглашения превращаются в фикцию.

Я несколько раз звонил знакомым адмиралам в Главный штаб ВМФ, чтобы прояснить ситуацию. И неожиданно натолкнулся на дружную перепуганность людей. Все юлили и не хотели говорить откровенно. Все цеплялись за один аргумент: действия комиссии с Верховным и министром обороны согласованы. Невозможно было разгадать тайну происходящего. А ведь все было похоже на то, что Черноморский флот России как полноценная стратегическая единица сворачивался и «разламывался».

В Главном оперативном управлении Генштаба данные о будущем составе Черноморского флота держались в строгом секрете. А на пресс-конференции в Киеве украинские адмиралы всю цитировали документы, свидетельствующие о том, что «российский огрызок ЧФ» будет состоять из Севастопольской базы, двух аэродромов (в поселках Кача и Гвардейское), двух бригад десантных и разведывательных кораблей, плюс — исследовательский центр в Феодосии.

В 1991 году на флоте служило около 70 тысяч человек. На декабрь 1995 года ЧФ насчитывал уже 35 тысяч. В 1996 планировалось сократить еще около 6 тысяч. Но самое печальное ждет нас впереди: существует некий секретный план, в соответствии с которым Черноморский флот России к 2000 году будет насчитывать всего 19 тысяч человек. Когда однажды сослуживец, видевший этот план, сказал мне, что, согласно ему, в России к началу будущего века

вместо четырех флотов останется только два (Тихоокеанский и Северный), а вместо Балтийского и Черноморского флотов будут образованы флотилии, я подумал, что он не протрезвел после вчерашнего...

Но когда в конце 96-го увидел некоторые документы, поступившие в Генштаб из Совета обороны РФ, я еще раз убедился, что этот орган (упразднен в 1997 г. — В.Б.) принадлежит к разряду тех, где многие слухи ничем не отличаются от правды. Наше военное присутствие на Черноморском флоте сводилось к минимуму. Мы сдавали позиции, которые Россия добывала столетиями. О плачевном положении флота свидетельствовали и документы, поступающие из его штаба.

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Штаб Черноморского флота

10 декабря 1995 года

...Во многих экипажах надводных кораблей флота осталось по 25 — 30 процентов личного состава. Из-за отсутствия топлива почти 20 процентов боевых упражнений были сняты с планов. Из-за частых отключений воды и электроэнергии более 50 процентов военнослужащих вынуждены заниматься работами, не связанными с функциональными обязанностями. Лишь 20 процентов кадрового состава флота оценивают свое материальное положение как удовлетворительное, 70 процентов — как плохое и 10 процентов — как очень плохое...»

Через несколько месяцев всем этим, изможденным безденежьем и бесквартирьем людям предстояло подойти к избирательным урнам и проголосовать за того, кого они считали наиболее достойной кандидатурой на президентский пост. В июне 1996 года в Генштаб из штаба ЧФ поступило сообщение, что моряки-черноморцы «в подавляющем своем большинстве» проголосовали за Ельцина. Эта радостная весть будет мгновенно доложена в Кремль. То была циничная ложь, изготовленная в недрах Главного управления по работе с личным составом (ГУВРа).

Я был членом комиссии ГШ РФ по организации выборов в армии и мне была хорошо известна «кухня», на которой варганилась такая бессовестная деза. Некоторые офицеры Генштаба, тайком оказывавшие помощь кандидату в президенты Лебедю, регулярно «таскали в клювике» в штаб Александра Ивановича копии документов об истинных результатах голосования в войсках и на флотах. Это и дало ему основания заявить однажды, что дугые данные — «результат бурного воображения руководства ГУВРа», отвечающего за политические настроения личного состава армии.

Давно ожидавшееся подписание «большого договора» между Россией и Украиной в первой половине 1996 года замышлялось в Кремле как составная часть предвыборной кампании Ельцина. Еще накануне встречи Ельцина и Кучмы бывший заместитель министра обороны, депутат Госдумы генерал-полковник Борис Громов публично предупредил:

— Раздела Черноморского флота не должно быть. Ельцин и его команда пошли на сговор с украинским руководством. Если мы подпишем российско-украинский политический договор, после этого никто с нами не будет разговаривать о Черноморском флоте.

Когда уйдет Ельцин, появится много генералов, которые хором будут возмущаться тем, что натворил президент с армией и флотом. Громов был среди тех российских военачальников, которые бросали в лицо рыцарский вызов здравствующей власти, когда она ошибалась. Открыто делая смелые и честные упреки наломавшему дров Кремлю, Борис Всеволодович рисковал многим. Я не раз видел бледнеющих арбатских генералов, которые после гневных звонков из президентского аппарата в связи с очередным выпадом Громова в адрес Верховного Главнокомандующего, панически кричали: «Когда же он закроет рот?»

Именно тогда я особенно ясно понял, что самые бесполезные и даже опасные генералы те, которые трусливо держат язык за зубами, когда Россию и армию уродуют невежественные реформаторы.

Было бы несправедливо умолчать еще об одном человеке, который еще с 1991 года открыто протестовал против политики Кремля, ведущей к развалу военно-морской мощи государства. Он тоже вел личное сражение за спасение Черноморского флота. Им был бывший командующий ЧФ адмирал Калинин. Он стоял в одном ряду наших патриотов, много сделавших для возвышения морской мощи России, которую теперь безропотно растранили московские соглашатели во фраках и мундирах с золотыми галунами, демонстрирующие всегдашнюю готовность услужливо выполнить любой приказ.

Пройдет время и этот бесхребетный люд предстанет перед судом соотечественников, старшие поколения которых столетиями потом и кровью поднимали морскую Россию.

Придет время, когда России вновь придется возвращать себе звание могучей морской державы мира. Но каких ко-

лоссальных усилий, скольких столетий и человеческих жизней это будет стоить? И потомки наши, задумываясь о том, почему им приходится возрождать то, что до них добротнo было сделано, проклянут разрушителей...

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»

Из выступления начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Петра Святашова на закрытых слушаниях в Государственной думе РФ

Февраль 1996 года

...Черноморский флот в ходе его дележа ослаб до предела. Разрушены все ударные группировки. Уже практически нет плавающих подводных лодок и морской ракетной авиации. Уничтожены системы базирования, наблюдения и разведки. Разрушена гидрографическая система, обеспечивающая безопасное плавание по всему Черному морю, особенно на его сложных участках — в устье Дуная и в Керченском проливе. Участок, который мы можем контролировать, составляет узкая полоска у входа в Севастополь. Сворачивается судоремонт, корабли стареют, нет топлива. Даже дежурные силы флота стоят на базе... Огромное количество побережья практически бесконтрольно и не охраняемо. Через Абхазию и Грузию ввозится контрабанда, в том числе и наркотики. Есть угроза российскому торговому мореплаванию...»

Я снова задавал себе мучительный вопрос: почему Москва с такой преступной легкостью, оптом и в розницу сдает Украине Черноморский флот? Мотивировать это только глупостью было очень просто. Ответы на такие вопросы никогда не лежат на поверхности.

Мне приходилось порой по пылинке, по молекуле выдирать, выкачивать, выклянчивать информацию у людей из президентских, правительственных структур, чтобы докопаться хотя бы до «первого слоя» истины.

Однажды догадка, одновременно похожая на озарение и на бред, сверкнула в мозгу: «Ельцин закладывает Черноморский флот в киевский ломбард под свои президентские выборы».

Ему нужны были деньги. Очень много денег. Столько — сколько было президентских обещаний. И нужен был еще и так называемый резервный президентский фонд, чтобы дать денег бастующим учителям, шахтерам, учителям, ученым, авиадиспетчерам, метростроевцам. И нужно было выполнить президентское обещание — в марте погасить все долги по зарплате бюджетникам.

А это — гигантские, астрономические суммы. Часть их и было решено заработать «нестандартным» методом.

На очередных переговорах с украинцами по ЧФ произошла странная метаморфоза: если раньше российская делегация чем-то напоминала мне отважных защитников крепости, которые и пяди не хотели сдавать противнику без боя, то на этот раз мы выбросили белый флаг и вышли встречать атакующих с хлебом-солью.

Мы уступили почти всем требованиям украинцев.

Киев в ответ на это пообещал резко снизить тарифные пошлины на нефть, которую Россия гнала через украинскую территорию. Снижение тарифов давало возможность Кремлю и правительству получать колоссальный навар и копить деньги под президентские обещания.

Таким образом «полуразодранный» российский ЧФ стал выгодным товаром, выручка от которого обращалась на то, чтобы Ельцин еще четыре года оставался президентом.

А по Министерству обороны и Генштабу будто редкостное преданье из уст в уста передавались слова, принадлежащие одному из руководителей российской делегации на переговорах с украинцами по нефтяным тарифам: «За эту нефть я был бы готов отдать два Севастополя, два флота и двух Балтиных».

АДМИРАЛ БАЛТИН

Приближался март 1996 года. Ельцин должен был прибыть с визитом в Киев и подписать Большой договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Украиной. Четыре года возни Москвы и Киева вокруг Черноморского флота, многократные публичные клятвы Ельцина перед соотечественниками о том, что в споре о ЧФ «поставлена точка» и следующий затем новый всплеск грызни — все это явно мешало желанному успеху во время очередного «исторического» визита в Киев.

Кучма же открыто давал понять, что будет поддерживать кандидатуру Ельцина на выборах, чем явно ласкал слух хозяина Кремля. Но предпраздничную картину подготовки к очередному «историческому прорыву» в российско-украинских отношениях под водительством Бориса Николаевича сильно портили жесткие и громкие заявления командующего Черноморским флотом адмирала Эдуарда Балтина о том,

что флот прекратит свое существование, если Москва согласится с условиями украинской стороны.

Киев скрипел зубами и все чаще в секретных дипломатических депешах накануне визита Ельцина в украинскую столицу выражал негодование в связи с тем, что командующий ЧФ своими заявлениями, «идушими вразрез с намерениями президентов, Верховных Главнокомандующих», может поставить под угрозу срыва подписание договора и его выполнение.

А потом и вовсе открытым текстом из Киева стали раздаваться требования убрать командующего. «Идя навстречу» украинским властям, Ельцин Балтина убрал. Таким образом, можно было считать, что командующий ЧФ стал разменной монетой, которой Ельцин оплачивал поддержку со стороны Кучмы на своих предвыборных торгах.

Парадокс: адмирал Балтин, многократно заявлявший о том, что Севастополь — город русской славы, что именно в этом городе имеет право базироваться штаб ЧФ, вылетел из кресла «по просьбе друзей». А мэр Москвы Юрий Лужков во время поездки на ЧФ допускал еще более крутые «националистические» выражения по поводу российской принадлежности Севастополя, но его президент в знак особого уважения посадил в собственную машину.

Кто-то из наших, генштабовских, по этому поводу сказал: — В России помимо нормальной политической логики существует еще и кремлевская.

А мой друг и духовный наставник отставной полковник Петрович многозначительно добавил:

— В Кремле — как на Луне, земные законы не действуют...

В Генштабе не было человека, который бы не знал, что российский президент убрал Балтина не без «помощи» Кучмы, который к тому же принародно посоветовал русскому адмиралу «заниматься своим делом, а не политикой». Ельцин убрал Балтина со свойственным ему волюнтаризмом, можно сказать, за рюмкой водки во время дружеского застолья.

Кучма затем даже похвастался на пресс-конференции, что «я с Борисом Николаевичем подписал совместный наш указ об отстранении Балтина от должности».

Балтина убрали без объяснения причин, без беседы, без соблюдения многих других процедурных и обязательных в армии и на флоте норм.

Но даже и после этого в беседе с председателем Госдумы Геннадием Селезневым Ельцин не постеснялся заявить, что «решение по Балтину далось мне нелегко». А министр обороны Грачев не приминул лишний раз продемонстрировать непревзойденное умение «добывать» попавших в немилость Верховному главнокомандующему и отправил на флот шифровку, в которой приказал Балтину в 10-дневный срок сдать должность.

Это было похоже на грубое начальственное невежество: даже командиру батальона положено больше времени на сдачу своего хозяйства.

Трагедия Черноморского флота была прямым следствием разрушительной и невнятной политики, грубо и бездумно ломавшей оборонные редуты России и судьбы тех, на ком они держались. Адмирал Балтин был одним из них.

Бывший Главком ВМФ адмирал флота Владимир Чернавин выступил на защиту сослуживца:

— Глубокая преданность Эдуарда Дмитриевича флоту, его принципиальность и профессионализм оказались не только ненужными, но и вредными с точки зрения руководства Украины. Видя, что делают политики с Черноморским флотом, как его губят, как сводят к нулю его боеготовность и боевую мощь, как пытаются вытеснить из Крыма, лишить веками создаваемых мест базирования, он не смог с этим смириться и поднял свой голос против произвола. И тут же стал негодным для руководства Украины. Мне эта линия украинских руководителей хорошо известна. Но удивляет наша российская позиция в этом вопросе. Почему мы постоянно уступаем незаконным националистическим претензиям украинских политиков в ущерб интересам России? Кому не ясен вопрос с Крымом вообще и с Севастополем и Черноморским флотом, в частности? Кто не знает историю Очакова, Николаева, Измаила, Херсона? Кто не ведает, что это русские земли, обильно политые кровью и наших далеких предков, и наших отцов и братьев в Великую Отечественную? Ведь совершенно ясно: какие бы разговоры ни велись политиками, для каждого россиянина Крым, Севастополь — земли русские и ничьи больше. Да, одним махом этого вопроса не решить, но и уходить от него, завязывая узелки будущих конфликтов для наших детей, внуков и правнуков во имя кажущегося сиюминутного личного благополучия, нельзя. Попустительство, потакание, заигрывание всегда приводят к худшему.

Нынешняя ситуация с командующим Черноморским флотом тому подтверждение... Я думаю, что допускать подобное нельзя. Нам надо защитить и отстоять командующего Российским Черноморским флотом. Ведь мы же не указывали Украине, кого и когда нужно снимать или назначать командовать Украинским флотом. Почему же мы себя и здесь поставили в неравное, подчиненное положение?

Но защищать командующего было поздно — адмирал Балтин уже вешал на гвоздь свой флотский мундир.

В начале февраля 1996 года адмирал Балтин прощался с флотом. По этому поводу собрался Военный совет. Говорилось много хорошего о командующем. И пожалуй, впервые за годы ельцинского режима высший коллективный орган флота, каковым является Военный совет, единодушно выразил недоумение в связи с решением Президента — Верховного Главнокомандующего о смещении Балтина.

То был грозный сигнал Кремлю.

На прощание Балтин сказал сослуживцам, что директивные указания из Москвы не соответствовали его личным убеждениям:

— Поэтому я считаю, что меня освободили от угрызений совести, — сказал адмирал. — С сокращением флота должность его командующего становится все более номинальной, и я счастлив, что не стал последним. Если нет флота, нет и командующего. Одной бухтой и десятком кораблей может руководить и командир базы.

* * *

С протестом против отстранения от должности адмирала Балтина выступил Союз офицеров Москвы и Московской области. В заявлении Союза говорилось:

«...Оторвали от флота одного из наиболее профессионально подготовленных и опытных военачальников. Он стал жертвой политических маневров президентов Украины и России, которые совместными усилиями разрушили морской щит наших стран на южном фланге НАТО. Правящий режим России без боя сдает Черноморский флот и русскую славу Севастополя. Адмирал Э. Балтин пытался воспрепятствовать этому процессу, за что и был наказан...»

* * *

Еще до отставки Балтина ему прислал телеграмму председатель Либерально-демократической партии Владимир

Жириновский. В телеграмме, в частности, говорилось: «...Хоть пушки не стреляют, но сражение идет, решающее сражение, и ведете его Вы один. Ваше имя навечно сохранится в истории отечественного флота и в памяти потомков».

Владимиру Вольфовичу лучше всего удаются патетические речи на поминках жертв демократии.

Но все было сказано правильно.

Я не первый раз видел подобные телеграммы Жириновского, адресованные нашим солдатам, офицерам и военачальникам в пиковые моменты конфликтов. Особенно запомнилась та телеграмма, что была послана нашим летчикам, когда они нанесли несколько ракетных ударов по приграничным лагерям таджикских боевиков в Афганистане. Такой же высокий и горячий публицистический слог, безудержный патриотический напор. Жириновский тогда назвал наших боевых пилотов славными соколами России.

И все же какая-то глубокая загадка, какая-то противоречивая тайна, до сих пор не разгаданная, витала в армии вокруг Жириновского. О нем говорили так: «Балтина защищает — свой мужик. Но почему он на стороне провалившегося Грачева? А ведь и Ельцин за Грачева. Значит, тут что-то нечисто...»

* * *

Уже шел 1997 год, а Россия и Украина даже после многочисленных фальшиво-мажорных заявлений своих президентов о том, что, в конце концов, удалось найти общий язык в спорах из-за дележа Черноморского флота, продолжали погрязать в сварах. И конца-края им не было видно.

15 июля 1997 года министр обороны России генерал Игорь Сергеев подписал директиву №8 о разработке проектов дополнительных соглашений по Черноморскому флоту. Эти проекты были направлены в МИД и там долго находились на согласовании.

Мидовцам было над чем поломать голову. Украина не учитывала статуса Севастополя как города совместного базирования флотов и приглашала иностранные делегации (в том числе и военные) без согласования с российской стороной. Украина отказывалась от уже утвержденной договоренности о совместном использовании полигонов. Она отказывалась определить зоны ответственности флотов.

Авиации российского ЧФ так и не выделили коридоры

для пересечения воздушного пространства государственной украинской границы.

Украина уклонялась от взаимодействия с российской ПВО.

Киев отказывался оплачивать лечение военнослужащих-отставников, принявших украинское гражданство.

Клубок все больше запутывался...

И я снова вспоминал простые и мудрые слова моего друга и духовного наставника Петровича: «У нас три-четыре авантюриста в один присест могут на сто лет вперед задурить голову сотням миллионов».

* * *

Корабли на Черном море мы кое-как поделили. Но, наверное, еще очень долго неизвлекаемой занозой у Москвы и Киева будет главная проблема флота — базирование российской части ЧФ и статус Севастополя. Тут — тупик...

В марте 1998 года я был в Севастополе. Видел, как сиротливо болтаются у причальных стенок ржавеющие корабли. Командующий ЧФ адмирал Виктор Кравченко (ныне — начальник Главного штаба ВМФ. — *В.Б.*) со своим штабом из всех сил поддерживали в боеготовности то, что осталось от флота.

Моряки храбрились, пыжились, натужно говорили о «бессмертии» ЧФ. Но реальность уже такова, что по строгому счету от флота осталась флотилия.

На Черном море мы теперь стоим убого. В газетах и на улицах — крик патриотов, не желающих смириться с тем, что легендарный русский флот унижен и слаб, что уже турки плюют на нас с верхней палубы.

Я долго стоял на одной из севастопольских площадей, над которой возвышается редкостной красоты памятник великому русскому герою-флотоводцу адмиралу Павлу Степановичу Нахимову. Это он во время Крымской войны (1853—1856) своей эскадрой разгромил турок в Синопском сражении и возглавлял героическую оборону Севастополя. Русской кровью щедро окроплены берега и воды Черного моря. Да и не только русской.

Разглядывая детали великого памятника, я вдруг почувствовал, что мне стыдно смотреть в глаза бронзового адмирала...

В январе 1999 года, в один и тот же день, московский журналист брал интервью у нового командующего Черно-

морским флотом вице-адмирала Владимира Комоедова и командующего Военно-морскими силами Украины вице-адмирала Михаила Ежеля. Обоим задал одинаковый вопрос:

— Раздел флота завершен?

Комоедов:

— Я пришел на уже разделенный флот.

Ежель:

— Нельзя говорить, что раздел флота уже завершен...

Шел седьмой год дележки.

* * *

В соответствии с российско-украинским соглашением по флоту, подписанным 28 мая 1997 года, наш ЧФ мог состоять из 338 кораблей и судов. Однако возможности России содержать такую группировку с каждым годом уменьшались, и к лету 1999 года мы имели на Черном море всего 50 боевых и 120 вспомогательных кораблей. К началу будущего века их станет на флоте еще меньше. Уже сейчас Россия на Черном море более чем в 2 раза уступает Турции по военному потенциалу (у нее 118 боевых и 265 вспомогательных кораблей — такого преимущества над Россией в этом веке она никогда еще не имела)...

Мне много раз приходилось встречаться с адмиралами и офицерами Черноморского флота и в Москве, и в Севастополе. Когда бы и о чем бы ни заходили у нас разговоры (в штабах или на кораблях, в банях или на рыбалке), трезвыми ли или хмельными они были, но никогда не миновали самого большого вопроса: почему мы теряем свой флот на Черном море?

И те же самые адмиралы, которые при встречах с президентом, министром обороны или начальником Генштаба, пересиливая себя, бодро рапортовали: «Трудно, но держимся!» — эти же самые люди в иной обстановке метали жуткие проклятия и матюги в адрес Верховного из-за того, что некогда положил начало этой губительной для России и ее армии порухе, а затем обманывал моряков клятвенными заверениями о полном урегулировании споров с Киевом по Черноморскому флоту.

А Киев продолжал строить козни против нашего флота, зачастую руководствуясь уже не собственными злонамерениями, а стремлением угодить НАТО. Когда весной 1999 года группа кораблей ЧФ засобиралась к берегам истязаемой

натовскими ударами Югославии, украинское правительство, «идя навстречу» тайным просьбам командования блока, приняло 19 мая постановление, которое явно было рассчитано на то, чтобы затруднить выход кораблей ЧФ для выполнения задач в Адриатике.

И только после того как Москва выразила резкое недовольство этим и даже пригрозила сокращением поставок нефти и газа, Киев пошел на попятную и отменил постановление. Но этот демарш был продиктован вовсе не тем, что украинские власти признали грубые нарушения основных принципов международных отношений на море. Тут было иное — приближались президентские выборы, и Кучма явно не хотел портить отношения с огромным «русскоязычным» электоратом республики.

По той же причине Киев неожиданно для Москвы объявил, что готов предоставить воздушный коридор российским военно-транспортным самолетам, которые должны перебросить десантников в Югославию. Затем — больше: Украина отказалась участвовать в военно-морских учениях НАТО «Кооператив-партнер», которые проводились в Черном море у берегов Болгарии.

Этот отказ Киева вызвал недовольство в штаб-квартире альянса. Вскоре туда из украинской столицы поступило сообщение, в котором туманно разъяснялись «временные трудности финансового характера» и подтверждалось, что Киев «не собирается пересматривать Хартию об особых отношениях с НАТО».

Постоянная игра на противоречиях между Североатлантическим блоком и Россией была частью украинской политики. НАТО с таким же успехом «использовало» Киев в своих явных и скрытых военно-политических операциях против Москвы.

ЗАПАД

Еще до роспуска СССР в Генштабе было хорошо известно, что спецслужбы Запада яростно и изощренно подогревали антирусские настроения на Украине. Активнее всех усердствовали американцы. Они использовали любую возможность, чтобы вбить клин между двумя самыми близкими славянскими народами и их армиями. Как и в Белоруссии, мощной опорой западных спецслужб на Украине были крайние националисты.

Особенно большая волна антирусских настроений в республике поднялась весной и летом 1992 года в связи с дежбой Черноморского флота, а затем, зимой 1994—1995 годов, после ввода российских войск в Чечню. Кстати, уже в самом начале чеченской войны наша разведка располагала неопровержимыми сведениями об участии украинских националистов в боях против российских частей. В плен было захвачено несколько украинских наемников.

В середине лета 1995 года в Министерство обороны стали часто поступать тревожные сведения об очередном националистическом гвалте, поднятом в украинских средствах массовой информации. Вот один из таких документов:

**«КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
В Министерство обороны РФ
Штаб Черноморского флота**

...В последнее время средства массовой информации Украины усилили антироссийскую кампанию, направленную, в первую очередь, на дискредитацию внешнеполитического курса, экономических преобразований, проводимых руководством России, на углубление противоречий, существующих во взаимоотношениях двух государств. Все это подтверждается следующими фактами:

1. Одна из наиболее популярных на Украине газет «Киевские ведомости» опровергла известную аксиому о том, что преступность не имеет национальности, поместив 28 июня с.г. на первой полосе материал под заголовком «Киевские сыщики взяли российских киллеров».

2. В одном из июньских номеров «Киевские ведомости» утверждали, что «стабилизация рубля не означает оздоровления российской экономики». Эту же мысль неоднократно высказывали в программе «Украинские телевизионные новости» эксперты рубрики «Финансовый обзор».

3. Со страниц украинских газет не сходит чеченская тема. События в Чечне подаются исключительно с точки зрения сторонников Дудаева. Центральные украинские газеты предоставляют трибуну для выступлений не только Дудаеву, но и его родственникам и соратникам. О содержательной стороне этих публикаций и их направленности можно судить по заголовкам с антироссийским подтекстом:

— «Я не видела большего аскета, чем мой отец» (интервью дочери Дудаева парламентской газете «Голос Украины» от 27.05.1995).

— «Джохар Дудаев: ракетами выталкивают людей из родного гнезда под видом эвакуации...» (Интервью с Дудаевым опублико-

вано «Киевскими новостями» 2 июня — за несколько дней до сочинской встречи президентов России и Украины.)

— «Дудаев славит Шамиля, но пример с него не берет» («Голос Украины» от 8.6.1995 — накануне встречи в Сочи).

О «зверствах российских солдат в Чечне» на двух полосах «Киевских новостей» 19 мая с.г. повествует материал «Война в Чечне глазами Насти Сильченко», снабженный фотографиями с кричащими подписями: «Эта чеченская крестьянка убита бомбой, сброшенной с российского военного самолета на животноводческую ферму. Еще две женщины ранены», «Человек с вырезанным сердцем».

4. Украинские средства массовой информации не только не пропускают, но и активно комментируют практически любое противоречие между Россией и Украиной, когда-либо существовавшее в истории отношений двух стран:

— 29 июня по 1-й программе украинского телевидения в вечерней информационной программе прозвучало сообщение об открытии в Киеве научно-практической конференции «Конотопская битва и ее значение в национальном развитии Украины». Предметом «научной дискуссии» стала победа украинского казацкого войска под командованием гетмана Ивана Головського над российским войском в 1659 году. При этом ни организаторов конференции, ни журналистов украинского телевидения не смутили отсутствие хотя бы формального повода, например, юбилея — для упоминания об этом событии, а также тот факт, что эта битва произошла после Переяславской Рады и явно не соответствовала заключенным тогда между Россией и Украиной договоренностям.

— Сообщение о праздновании 400-летия со дня рождения Богдана Хмельницкого сопровождалось в средствах массовой информации комментарием, в котором подчеркивалось, что булава в руках скульптуры гетмана на одной из площадей Киева предостерегающе направлена в сторону Москвы.

...Скрытая и явная антироссийская пропаганда, осуществляемая средствами массовой информации Украины, ведет к негативным последствиям в сознании простых украинцев.

Так, в Киеве неизвестными лицами отбиты сплетенные вместе руки двух скульптур, стоящих над аркой российско-украинской дружбы и символизирующие нерушимое единство российского и украинского народов.

Вышеупомянутые факты нельзя охарактеризовать как случайные после выступления президента Кучмы перед дипломатическим корпусом на совещании в МИДе Украины в конце июня с.г., на котором украинский лидер поставил Россию на второе место в перечне внешнеполитических приоритетов после стран «большой семерки». На третьем месте президент Украины видит отно-

шения с теми странами, «которые готовы оказывать Украине активную моральную, техническую и финансовую помощь в вопросах укрепления суверенитета и нерушимости границ», т.е. со «странами-донорами».

Анализ сообщений украинских средств массовой информации показывает, что данная кампания по созданию образа врага в лице России является частью государственной политики Украины и имеет тенденцию к усилению...»

МЫСЛИ НЕПОСТОРОННИХ

Я внимательно прислушивался к нашим наиболее авторитетным генералам, которые все чаще выступали в защиту восстановления единого оборонного пространства. Одним из них был бывший замминистра обороны России генерал-полковник Валерий Иванович Миронов.

Став главным военным экспертом правительства, Миронов словно вышел из тени и уже не оглядывался на капризные реплики министра обороны, болезненно реагировавшего на любые «высовывания» своих замов по вопросам, относящимся к сфере высшей военной политики. Он открыто призывал к немедленному воссозданию единого оборонного пространства:

— Если мы хотим обеспечить хотя бы минимальный уровень военной безопасности, нужно воссоздать единое оборонное пространство, необходим оборонительный союз. В противном случае ни одно из государств СНГ не может гарантировать собственную военную безопасность. Ни одна республика, за исключением России, не имеет собственной военно-промышленной базы, способной самостоятельно производить конечные образцы вооружения и военной техники. Если сегодня все это не воссоздать, развал структур военной безопасности любого государства неизбежен. Этот шаг обойдется всем государствам гораздо дешевле, чем строить новые системы безопасности.

Слушая Миронова, я думал о том парадоксальном наваждении, которое постигло Россию: умных людей много, а политика глупая.

А ведь многое еще на заре нашей псевдодемократии предвидели и те, кого давно привечали при кремлевском дворе. Лет семь назад у маршала авиации Шапошникова спросили, каким он видит будущее Содружества. Евгений Иванович ответил удивительно пророчески:

— Развитие событий возможно в двух вариантах. В первом — Содружество возможно только в «аморфной» форме, когда координирующие органы отсутствуют или существуют номинально. Их деятельность фактически сводится к подготовке совещаний и встреч. То есть на них попросту неоправданно тратятся народные средства. Это — путь в никуда, а точнее — к отмиранию Содружества. Он невероятно труден для народов, главная его опасность — дальнейшая дезинтеграция не только экономики, политики, в том числе — военной, но и исторической общности народов. Такой путь может заразить бактериями национализма нынешнее поколение людей, а жизнь последующих поколений превратится в ад. Второй вариант — это эффективное и жизнеспособное Содружество в форме тесного экономического и военно-политического союза с сильными, наделенными определенными правами координирующими органами.

Еще в декабре 1991 года, словно предчувствуя, что жизнь народов бывшего Союза пойдет «по первому варианту», маршал Шапошников написал свой знаменитый рапорт на имя глав государств СНГ, в котором отказывался быть исполнителем политики, толкающей народы и армии Содружества к разброду.

Но Ельцин уговорил его отказаться от своих намерений.

В отличие от маршалов, История не поддается конъюнктурным соображениям и не способна пятиться назад по просьбе президентов...

УЗБЕКСКИЕ ЭТЮДЫ

Врезался в память давний эпизод: Ташкент, штаб Туркестанского военного округа. Уже бродят по кабинетам слухи, что со дня на день придется сдавать здание узбекам, которые решили разместить здесь свое министерство обороны. Прослышавшие об этом нетерпеливые узбекские начальники послали двух рабочих на крышу штаба снимать вывеску и щит с изображением орденов, которыми был награжден ТуркВО. Во дворе штаба появляется командующий войсками военного округа генерал-полковник Георгий Кондратьев и его порученец полковник Александр Лучанинов. Завидев рабочих, орудующих молотками, командующий свирепо приказывает им не трогать ордена:

— Сами, когда надо, снимем!

Но узбеки продолжают колотить молотками.

Кондратьев выхватывает из кармана пистолет и кричит узбекам, что будет стрелять. Побросав молотки, узбеки мигом смываются с крыши...

Всякое было.

За годы службы я не один раз бывал в командировках в Ташкенте. Люблю этот теплый город с его пестрыми рынками, забитыми овощами и фруктами, с колоритными аксакалами, восседающими возле пирамид из желтых дынь и зеленых арбузов. В мае 1992 года выпала возможность еще раз побывать в узбекской столице. Там должно было состояться историческое событие, свидетелем которого мне суждено было стать: в Ташкенте главы государств Содружества решили подписать Договор о коллективной безопасности.

Когда весной 1992 года в Кремле и МИДе готовился проект этого Договора, ни Минобороны, ни Генштаб Вооруженных сил России официально еще не существовали — указ Ельцина об образовании Российской армии был подписан 7 мая, за неделю до поездки российской делегации в Ташкент.

По этой причине львиная доля работы по подготовке документа ложилась на плечи маршала авиации Шапошникова. Министр обороны России еще не был утвержден — на этот пост своим указом Ельцин временно назначил... себя, что вызвало на Арбате много едких пересудов.

Когда стало известно, что местом для подписания Договора избран Ташкент, у многих генералов и офицеров возник естественный вопрос, почему выбор пал именно на этот город? Любопытство было не праздным. Место подписания документа, который, по замыслу его идеологов, должен был сыграть историческое значение в жизни СНГ, не могло определяться случайно. В этом тоже отражение большой политики.

Многие в Генштабе с большим скепсисом отнеслись ко всей этой затее. И прежде всего потому, что она была очень похожа на исправление беловежской ошибки, после которой единое оборонное пространство бывшего Союза стало бурными темпами рассыпаться (именно об этом Назарбаев и предупреждал Ельцина, когда накануне отъезда Бориса Николаевича в Белоруссию в декабре 1991 года прибыл в Москву).

Когда же после подписания «тройственного пакта» президенты бывших союзных республик бросились в спешном

порядке формировать собственные армии, уже вскоре и в Кремле, и в МИДе поняли, что при таком развитии событий Россия получит самый большой удар по своей военной безопасности.

Президент Украины Леонид Кравчук уже вскоре после Беловежья объявил себя Верховным главнокомандующим вооруженными силами, хотя между тремя подписантами «пакта» была договоренность не предпринимать шагов, которые начнут «разрывать» ОВС СНГ. Но личные политические и военные выгоды уже были дороже не только Кравчуку. Мы начинали курить табачок врозь.

Вот почему многие на Арбате считали, что если уж Кремль задумал с помощью Договора о коллективной безопасности СНГ хоть в какой-то мере исправить ошибку, то надо делать это именно там, где она была допущена, — в Белоруссии. В этом был и еще один очень важный военно-политический резон: дать понять НАТО, что мы придаем особое значение военным угрозам, перед которыми оказалось Содружество, с Запада. Однако в то время козыревский МИД развернул активную прозападную политику, и на Смоленской площади о некоторых генштабовских предостережениях по поводу столь опасного крена отзывались, как о «совковых»...

По замыслу Кремля и МИДа, избрание Ташкента местом подписания Договора о коллективной безопасности должно было свидетельствовать о том, что южное направление для оборонного альянса СНГ считается приоритетным, в то время очень модным было выражение «южное подбрюшье», а в аналитических генштабовских материалах часто муссировался «фактор активизации ислама», обязательным блюдом был и тезис о непредсказуемости афганской военной политики. Хотя нельзя было объяснить, как с помощью военной силы можно было влиять на сдерживание экспансии ислама.

В качестве места подписания Договора о коллективной безопасности СНГ предлагались также Киев, Алма-Ата и Тбилиси. Но Украина и Грузия в то время не выказывали горячего желания активно участвовать в военной организации Содружества. А по поводу Алма-Аты у Москвы были ревнивые соображения: Назарбаев активно проталкивал свою идею о Евроазиатском союзе, и в российской столице опасались, что это может привести к «опасному возвышению» Нурсултана Абишевича.

...Бродя по майскому Ташкенту, я несколько раз наткнулся на признаки антирусских настроений. Памятник Максиму Горькому был густо заляпан красной краской, в обезображенном состоянии находился и памятник легендарному первому председателю ТуркЦИК Всеволоду Вотинцеву (скульптор Рябичев), возле него митинговала толпа националистов с плакатами, призывающими власти снести монумент (его позже снесли). В некоторых местных газетах мелькали призывы противостоять «руке Москвы». Там же сплошь и рядом были материалы, свидетельствующие о яростных внутренних политических разборках между партиями и движениями, кишел компромат на тех, кто еще недавно «прислуживал Москве».

В Узбекистане был типичный для постсоветских республик «разгул демократии».

Узбекские офицеры и солдаты демонстративно не отдавали честь нашим генералам и полковникам, прибывшим в узбекскую столицу на церемонию подписания Договора.

В министерстве обороны республики, разместившемся в здании бывшего штаба ТуркВО, я встретил многих из тех, с кем познакомился на афганской войне, во время службы на Дальнем Востоке и в Германии. Были среди них капитаны и майоры, которые не имели академических дипломов, толком еще не покомандовали ротами и батальонами, но уже получили высокие посты в военном ведомстве.

Те, кто понимал несуразность столь стремительного служебного взлета, держал себя стеснительно-скромно. Иных же распирало от гордости, — видел много я таких и у нас на Арбате в августе 1991-го...

Узбекские офицеры воодушевленно рассказывали мне о перспективах строительства своей армии, о том, что она будет состоять из сухопутных войск, ВВС, ПВО, специальных войск и национальной гвардии. Общее количество — 35 тысяч человек.

Кто-то заметил: «Если Россия нам поможет...»

Уже вскоре группа офицеров министерства обороны Узбекистана приедет в Москву на переговоры о налаживании поставок российских вооружений для своей армии. Они дружно жаловались на то, что половину скатов колесных бронетранспортеров «уже съели мыши», что танки стоят на приколе из-за отсутствия запчастей и аккумуляторов.

Узбеки просили у нас помощи. Но российская сторона заламывала такие цены, которые вызывали у посланцев

Ташкента удивление. И было ясно: такие финансовые аппетиты с нашей стороны вредят укреплению военно-политических позиций России в Узбекистане. В республике было немало предприятий, оставшихся ей в наследство от советского военно-промышленного комплекса. Они производили продукцию, которая нужна была для поддержания боеготовности не только Российской, но и других армий СНГ.

И можно было понять узбеков, когда они отвечали и Москве, и другим столицам Содружества той же «любезностью», выставляя мировые цены за свой военный товар.

Признание этого факта — в одном из конфиденциальных документов Совета коллективной безопасности СНГ:

«...При производстве вооружения, военной техники и другой продукции военного назначения не используется в необходимой мере мощный, глубоко и всесторонне интегрированный в прошлом военно-промышленный и научно-технический потенциал государств—участников Договора. Взаимные поставки вооружения и военной техники, комплектующих изделий, другой продукции военного назначения между государствами ведутся по мировым ценам, со взиманием существенного налога на добавленную стоимость. В целом это приводит к значительному превышению цен над ценами, существующими в торговле с третьими странами...»

Дипломатическим языком такое положение можно было назвать «существенными просчетами». А если содрать кожу с дипломатической казуистики, то звучало бы это не иначе как «добросовестное взаимное вредительство».

* * *

В российском Генштабе еще с лета 1992 года внимательно наблюдали, по какому военно-политическому курсу идет Узбекистан. Строительство его национальной армии мало чем отличалось от подходов, которые использовали соседние республики бывшего СССР. Это подтверждала и принятая Ташкентом военная доктрина. В ее основу была положена миролюбивая политика, которая отвергает войну как средство достижения политических и других целей.

Определялось также, что главные военно-политические задачи республики в мирное время — поддержание ее обороноспособности на уровне, гарантирующем неприкосновенность и территориальную целостность. С этой целью, отмечалось в доктрине, армия всегда должна быть в готов-

ности к отражению возможной агрессии как самостоятельно, так и во взаимодействии с вооруженными силами государств—участников ташкентского Договора о коллективной безопасности.

Изучая аналитические генштабовские материалы по военной интеграции или просматривая очередную депешу разведки с юга, я приходил к выводу, что самым большим «вредительством» было безволие высших политиков. А генералы не имели права бежать впереди них. Военная интеграция могла быть только той ниткой, которая входит в разорванную ткань следом за иголкой.

В январе 1996 года был подготовлен очередной аналитический документ Генштаба об основных проблемах военного сотрудничества России со странами СНГ. В нем, в частности, отмечалось:

«...Все более зримо выпадает из поля нашего военно-политического влияния Узбекистан. Видя почти полную отрешенность России от вопросов взаимоотношений с Центральной Азией, Ташкент разработал собственную концепцию, во многом заменяющую роль и место Москвы в этом регионе...»

Информация, поступающая по нашим конфиденциальным каналам, свидетельствовала о том, что все больше разрасталось влияние военных ведомств США, Турции и других стран НАТО на оборонную сферу Узбекистана.

В строительстве национальной армии Ташкент во многом ориентируется на Вашингтон. В российском Генштабе хорошо знают о многих деталях этого процесса. Например, о том, что уже более шести лет парк военной техники узбекской армии пополняется боевыми машинами США, что несколько десятков узбекских офицеров обучаются в американских военных вузах за счет МО США, что уже неоднократно главы американских военных делегаций, посещающих Ташкент, ставили перед И. Каримовым вопрос о создании военной базы США в республике...

Наши источники в Ташкенте все чаще слали в Москву сообщения о росте внимания официальных лиц США к Узбекистану — они «челночным способом» регулярно навевались в республику. В 1995 году были побиты все «рекорды»: в апреле там побывал министр обороны США Уильям Перри с дюжиной своих генералов, в сентябре — еще одна группа высокопоставленных чиновников МО США (7 чел.), в декабре — делегация представителей 16 крупнейших аме-

риканских компаний, годовой оборот которых превышал 50 миллиардов долларов.

Для нашей разведки не осталось незамеченным, что особенно большое внимание американцы уделяли конверсии оборонной промышленности Узбекистана. Гости демонстрировали удивительную осведомленность о продукции предприятий, участвовавших в закрытых программах военно-промышленного комплекса бывшего СССР. Было совершенно очевидно, что американцы намерены «перекрыть дышалку» российско-узбекской военной кооперации.

В ноябре 1998 года власти Таджикистана обвинили Ташкент в том, что банды полковника Махмуда Худойбердыева перед набегом на Ленинабадскую область укрывались на территории Узбекистана. Узбекистан это категорически отрицал. Получалось, что несколько сот боевиков Худойбердыева свалились на таджикскую территорию с Луны. Но по мере того, как Душанбе муссировал «узбекскую версию», позиция официального Ташкента становилась все более жесткой. Во время своего визита в Бишкек в конце ноября 1998 года президент Узбекистана Ислам Каримов заявил:

— В Таджикистане идет клановая борьба за власть, очень жестокая, переходящая в вооруженные столкновения, а определенные силы хотели бы перевернуть ход событий в межнациональное и межгосударственное противостояние и, пользуясь случаем, нашли общего врага, пытаясь на этой основе объединить тех, кто собрался у кормушки власти. А помогают им в этом некоторые спецслужбы России.

Каримов назвал даже конкретное лицо — бывшего полковника КГБ Таджикистана, а ныне сотрудника ФСБ Резо Турсунова, который якобы получал даже «спецзадание в качестве координатора операции по дальнейшему обострению отношений между Таджикистаном и Узбекистаном».

В тот же день через своих людей на Лубянке я попытался выяснить, существует ли в природе названный Каримовым Турсунов. Мне подтвердили, что «такой гражданин Российской Федерации в Таджикистане имеется и является служащим ФСБ».

Другие вопросы задавать было бесполезно.

Но и так становилось ясно, что грызня между Ташкентом и Душанбе грозит стать еще одной «горячей точкой» на территории бывшего СССР.

Ташкент все чаще выказывал свое недовольство политикой России в регионе. В конце 1998 года премьер-министр

Узбекистана «из-за болезни» не прибыл в Москву на совещание глав правительств Содружества. Не прибыл он и в январе 99-го.

Более того, из Ташкента в Москву, где проводилось январское совещание глав кабинета министров, поступило официальное письмо президента Узбекистана, в котором Каримов высказывал свое резко негативное отношение к политике России в Содружестве и открытым текстом давал понять, что его республика не видит больше смысла участвовать в Договоре о коллективной безопасности.

Каримов с беспрецедентной резкостью критиковал политику Москвы на Кавказе и в Югославии, в Таджикистане и исполнительных органах СНГ. Узбекский президент обрушился с критикой на Москву из-за того, что она навязывает своим коллегам по Содружеству стиль отношений с НАТО. Это была бомба.

Исполнительный секретарь СНГ Борис Березовский по понятным причинам «забыл» огласить текст письма участникам совещания. Шеф президентской администрации и секретарь Совета безопасности РФ генерал Николай Бордюжа заявил журналистам, что ему «неизвестны причины отсутствия узбекского представителя» в российской столице.

Когда-то Бордюжа среди хорошо знающих его офицеров слыл человеком честным, искренним и порядочным. Но после того, как он перешел на службу в Кремль, все чаще приходилось слышать, что «Николай Николаевич перестал быть собой». Жалко было смотреть на него, когда во время интервью «Итогам» секретарь Совбеза отводил в сторону или опускал глаза и твердил, что Ельцин, который лежал в ЦКБ с язвой желудка, активно работает с документами.

Бордюжа — банальная жертва интриг кремлевской «семьи». Иностранное, чужое тело, которое при его уровне совести должно было погореть неминуемо — говорят, что у него дрожали руки, когда он показывал Скуратову порнокассету. Он слишком поздно понял, зачем был нужен Кремлю генерал с хорошей репутацией. Ему поручили грязную роль. Он согласился. Россия брезгливо удивилась...

Но еще больше удивлял Березовский. Этот человек, уже несколько раз выставленный за ворота Кремля и вновь туда упорно продирающийся, продолжал твердить о какой-то реформе СНГ. Березовский на посту исполнительного секретаря СНГ — это примерно так же, как Мавроди — директор Центрального банка.

Тот, кто был хорошо осведомлен о бурной деятельности Бориса Абрамовича в качестве придворного советника по политическим технологиям президентской кампании 1996 года, нисколько не сомневался, что свою должностенку Б.А.Б. получил в знак благодарности за большой **личный ВКЛАД** в повторное возведение Ельцина на кремлевский трон.

Тут был явный расчет и на то, что, получив еще более широкий простор для своей «экономической деятельности», Березовский увлечется этим и отойдет от «семьи». Некоторые президенты стран СНГ за глаза признавались, что не воспринимают Бориса Абрамовича в его новой ипостаси.

О масштабах его гигантского финансового состояния, сколоченного на мутной заре дикого российского рынка, ходили легенды. О его фантастических способностях влиять на высшую власть рассказывали небылицы. Время от времени в России и за рубежом вспыхивали сенсационные криминальные истории, в которых мелькала его фамилия. Наверное, в нормальном государстве он давно бы и долго сидел далеко от Москвы. «Семья» слишком много знала о нем. Но еще больше он знал о ней. Потому и был непопулярным.

Грязная власть вынуждена мирно сожительствовать с теми, кто держит ее на крючке...

Этот человек с хитро бегающими глазками и многословно-лопотливой речью вызывал большую настороженность в некоторых столицах СНГ. Там говорили, что объединительную роль в Содружестве должен играть человек с совершенно иной репутацией и жизненным прошлым.

Будущие (да и настоящие) историки не обнаружат каких-либо заметных следов деятельности Березовского на посту исполнительного секретаря СНГ. Время, на протяжении которого он занимал эту должность, не принесло существенных дивидендов Содружеству. Когда Березовского сняли, многие с облегчением вздохнули. Тот самый случай, когда потерю не отличить от находки...

АРМЯНСКИЕ СТРАЖНИКИ

Когда вскоре после объявления декларации о своей независимости Армения приступила к созданию собственных вооруженных сил, в Минобороны России и Генштабе многие отнеслись к этому с большой настороженностью. Всем

было понятно, что в условиях конфликта Еревана с Баку из-за Карабаха это лишь усилит «тротилтовую массу» на Кавказе (тем более что и Азербайджан уже полным ходом комплектовал собственную армию).

Еще в конце 1991 года Евгений Шапошников в конфиденциальных докладах Ельцину, на совещаниях в МО и ГШ, во время поездки с российским президентом в Минск высказывал крайне отрицательное отношение к тем стахановским темпам, с какими Ереван и Баку спешили обзавестись собственными армиями. Шапошников настаивал на том, чтобы в этот взрывоопасный регион были введены коллективные миротворческие силы СНГ, способные пресечь войну.

Но эта здравая идея уже была беспомощной перед жестокими реалиями жизни: ослепленные взаимной ненавистью, армяне и азербайджанцы продолжали время от времени яростно колошматить друг друга...

Офицеры Генштаба и Главного штаба ОВС СНГ, навещавшиеся в штабы армянской и азербайджанской армий, в один голос твердили, что если Россия упустит контроль за развитием ситуации в регионе или, не дай Бог, займет чью-либо сторону в сваре Еревана и Баку, то Карабах может превратиться в «вечный вулкан».

Конечно, так судить с нашей «арбатской колокольни» было легко. Мне часто вспоминалось застолье в одной из минских гостиниц, где армянские офицеры угощали членов нашей военной делегации старым коньяком. Кто-то из моих сослуживцев решил поработать дипломатом и стал уговаривать армян пойти на мировую с азербайджанцами. Армянский полковник сухо и твердо ответил ему:

— Армения — наша родина и позвольте нам заботиться о ее защите так, как мы считаем нужным.

Он был, конечно, прав.

За короткое время были сформированы министерство обороны и главный штаб вооруженных сил Армении. Ереван намеревался иметь 3 мотострелковых бригады, 2 парашютно-десантных полка, авиационный полк, бригаду армейской авиации и 2 укрепрайона. В перспективе планировалось сформировать еще 2—3 мотострелковых дивизии.

Как и в других республиках Кавказа, в Армении национальные вооруженные силы создавались на базе воинских частей бывшей Советской Армии. Армяне очень ревниво относились к тому, что Москва «обделила» их оружием и

боеприпасами (особенно — по сравнению с азербайджанцами), и потому старались найти «нестандартные» подходы к нашим командирам, понуждая их к различного рода уступкам.

Некоторые российские военачальники не сумели устоять перед соблазном взяток и других посул — по этой причине они проявляли необычайно трогательную заботу о щедром снабжении армянской армии оружием, боеприпасами, горючим, обмундированием сверх установленных лимитов. Иногда доходило до того, что откровенно игнорировались директивы российского Генштаба. Одна из них, например, предписывала передислоцировать артиллерийскую часть в Россию, но когда документ поступил в штаб ЗакВО, артполк был уже армянским.

Бывший в ту пору начальником ГШ генерал-полковник Дубынин вознегодовал, узнав про это. Он приказал немедленно назначить служебное расследование и завести уголовное дело. Но генералам и полковникам Генштаба, прибывшим в Ереван для выполнения этого указания, руководство ЗакВО и армянских вооруженных сил дружно навешивало лапшу на уши, щедро сдабривая ее элитным коньяком. Расследование продвигалось крайне медленно — наши люди явно не горели желанием докапываться до истины.

В конце 1992 года мне довелось видеть генштабовскую справку о численности армянских вооружений: 120 танков, 164 боевых машин пехоты, 56 бронетранспортеров, 75 бронетягачей, 225 артсистем различного калибра, 38 самоходных артиллерийских установок, 47 реактивных систем залпового огня «Град», 19 крупнокалиберных минометов, 105 противотанковых пушек, 45 противотанковых реактивных комплексов, 100 зенитно-ракетных комплексов, 5 штурмовиков Су-25, 1 истребитель МиГ и 1 учебно-боевой самолет Л-29, 28 вертолетов (из них 12 — ударные Ми-24).

Для республики, которая намеревалась иметь 50-тысячную армию, не так уж и мало. И все же, значительно меньше, чем у азербайджанцев, война с которыми из-за Нагорного Карабаха могла снова вспыхнуть в любой момент. Армяне стремились активно наращивать боевой потенциал своих вооруженных сил. Главная ставка в этом по-прежнему делалась на Россию.

Тайные визитеры из Еревана регулярно навещались в Москву. Вскоре в российском правительстве стали происходить странные вещи: появились на свет два секретных по-

становления, о существовании которых в кабинете министров знал лишь узкий круг лиц. В соответствии с этими постановлениями начальник Генерального штаба генерал Михаил Колесников (он стал НГШ после смерти Дубынина) издал директивы, окончательно открывшие в 1994 году «зеленый свет» для тайных поставок российских вооружений в Армению.

Поначалу оружие переправлялось мелкими партиями, и это позволяло проворачивать операции скрытно. Затем объемы поставок стали увеличиваться — Генеральный штаб дал даже официальное разрешение на использование военно-транспортной авиации для переброски боевой техники на юг.

А поскольку самолеты и эшелоны уходили на Кавказ, где наши части дрались с чеченцами, то этот фактор долгое время играл роль отличной «крыши» — даже офицеры контрразведки не сразу вычислили, что у них под носом вершится загадочное дело.

Когда я собственными глазами увидел генштабовские документы, касающиеся наших тайных оружейных поставок в Армению, у меня не возникло и тени сомнения; что все это крамола. Когда ты долго служишь на Арбате, то поневоле привыкаешь к тому, что в решениях твоего начальства всегда таится глубокий смысл, отвечающий высшим интересам государства и непременно освященный Кремлем.

Но даже в самую серую генштабовскую голову не могла не вкрадываться мыслишка: если мы тайком накачиваем оружием Армению, то это рано или поздно станет ведомо Азербайджану, и тогда скандал вселенский неминуем. Так во имя чего мы так сильно рискуем? А ведь уже и без того ни Кремлю, ни правительству никак не удалось договориться с Баку, чтобы нефтепровод с азербайджанской нефтью шел через российскую территорию.

Когда полковник Владимир Уватенко, сопровождавший Грачева во время его очередного визита в Армению, с восхищением рассказывал мне, что был потрясен количеством роз, которыми армяне устлали путь российского министра обороны от аэропорта до резиденции Петросяна, я уже понимал, почему ереванцы с такой необузданной щедростью встречали Павла Сергеевича (на одном из застолий его даже назвали «национальным героем Армении»).

Поставки российских вооружений в Армению сыграли немалую роль в том, что Ереван легко согласился на разме-

шение нашей военной базы на территории республики. Это был большой успех — мы укрепляли свои позиции в стратегически важном регионе. Однако генштабовские аналитики видели здесь и серьезные минусы. В одном из документов ГШ отмечалось:

«Соглашение между РФ и Арменией о размещении наших военных баз в этой республике, с одной стороны, укрепило военные позиции России на Кавказе, а с другой — послужило новым фактором напряженности между Москвой и Баку. Наличие проблемы Нагорного Карабаха заставляет Азербайджан крайне ревностно реагировать на упрочение российского военного присутствия в Армении...»

Ревность эта все чаще принимала «материализованный» характер. Азербайджанские власти отказались от транспортировки своей нефти через территорию России. Это решение у нас в Генштабе обозвали «нефтяной мстостью».

В середине лета 1998 года в Армении побывал с визитом министр обороны РФ маршал И. Сергеев. Знакомый офицер Генштаба, входивший в группу сопровождения министра, долго и путано рассказывал мне о туманном результате визита. Пока самому, видимо, не стало стыдно от демагогии: «В общем, один треп о дружбе, о партнерстве... Даже документ о дальнейшем сотрудничестве не постыдились подписывать в ресторане».

Но я знал и другое: там же, в ресторане, маршал Сергеев раздавал армянам российские награды.

А коньяк был очень вкусный...

По мере того как Россия «накачивала» армянскую армию оружием и укрепляла боевую мощь своей военной базы в республике, учащались обстрелы азербайджанской территории и вооруженные вылазки армянских подразделений в приграничных районах. В середине июня 99-го почти полдня длился бой между армянами и азербайджанцами на севере Карабаха, в районе села Ашагы Оратаг. Армянские формирования предприняли несколько попыток захватить позиции азербайджанских войск. Были человеческие жертвы.

Один из наших «источников» в Баку сообщал: «В Минобороны Азербайджана такой поворот событий увязывают с реализацией давней мечты Армении — захватить Тертерский и Евлахский районы и отрезать Гянджу от остального Азербайджана... В МО также считают, что эти события

происходят под диктовку военных кругов России... Утверждается, что военное руководство Армении не может принимать решение о наступлении без ведома российских коллег».

Читая это сообщение, я вспомнил слова Льва Рохлина: «Россия совершает преступление, когда хотя бы на один миллиметр склоняется на Кавказе на чью-либо сторону. Когда такое происходит, мы создаем предпосылки для новых войн».

За активным оснащением армянской армии российским оружием и крепнущими связями Еревана и Москвы бдительно следила Турция. Стамбульская газета «Милетт» однажды спросила у президента Армении Роберта Кочаряна: «Создается впечатление, что Армения связала свою судьбу с Россией. Есть ли необходимость столь тесных связей?»

Кочарян ответил:

— Армения сама должна решать, с кем и какие отношения устанавливать.

ОСКОЛКИ ИСТОРИИ

Еще в начале 1998 года Москва получила от своих источников за океаном сообщение, что президент США Б. Клинтон подписал «План объединенных командований», устанавливающий зоны ответственности американских вооруженных сил во всех регионах мира. А вскоре этот документ стал «достоянием» наших военных аналитиков. Бывший заместитель начальника Генерального штаба СССР (ныне президент Академии военных наук России) генерал армии Махмут Гареев так прокомментировал план, утвержденный Клинтон:

— Новый план вытекает из американской политики отсечения России от ее ближнего окружения. Последствия могут быть катастрофическими. Особенно в том, что касается Украины и Белоруссии. Если, например, Белоруссия будет вырвана из зоны военно-политического влияния России, то мы полностью лишимся надежных границ на западе и важнейших компонентов обороны, прежде всего ПВО. А если и Украина будет развернута Западом против нас, то положение достигнет критической точки...

Гареев еще во время службы в Генштабе часто демонстрировал способность точно прогнозировать развитие событий в сфере военной политики, он был типичным представителем старой гвардии советского генералитета, который

часто отличался блистательным умением «видеть то, что временем закрыто».

Примерно через неделю после того, как Гареев огласил свой прогноз, я встречался с офицерами военной разведки Белоруссии, которые и рассказали мне, как Запад с помощью своих спецслужб «вырывает» их республику из зоны военно-политического влияния России.

Почти по той же схеме шла «работа» и на Украине.

В июле 1998 года прибывший с визитом в Киев генсек НАТО Хавьер Солана привез в украинскую столицу план дальнейшего «развертывания» Украины в свою сторону (благодаря своим «надежным источникам» в Киеве о содержании этого плана Москва узнала уже вскоре после того, как он был оглашен шефом Североатлантического альянса за закрытыми дверями в ходе конфиденциальной беседы с президентом Леонидом Кучмой и министром обороны генерал-полковником Александром Кузьмуком).

Однажды я спросил Игоря Николаевича Родионова, почему мы не деремся за союзников, не бьем недругов по рукам, они ведь откровенно вредят нам. Почему мы сдаем наши позиции в ближнем зарубежье под нахальным напором более проворных, более наглых и напористых конкурентов?

Министр со снисходительной улыбкой посмотрел на меня и печально сказал, что когда интересы политического выживания власти выше интересов государства, такая власть прислушивается не к собственному народу, а к тем, кто проплачивает ее выживание валютой.

Я помнил и другие слова Родионова о том, что Россией, «стоящей на коленях», легче управлять.

Вскоре стало известно, что более динамичное сокращение российских вооруженных сил было одним из условий выделения очередного финансового кредита руководством МВФ.

* * *

За последние годы я побывал почти во всех республиках бывшего СССР. И нигде не слышал радостных од по поводу кончины Союза. Дружный интернациональный стон все чаще начинает переходить в ритуальные проклятья и злобные упреки бывших «сестер» друг другу. Больше всего достается России из-за того, что она вместо объединяющей сыграла разрушительную роль.

Говорит один из наиболее авторитетных политических аналитиков в странах Азии, доктор исторических наук, профессор Нурбалат Масанов:

— Все понимают, что Советский Союз был разрушен не Литвой, не Арменией, не Грузией, а самой Россией. Это результат борьбы Ельцина, представителя новой коммунистической элиты, против элиты старой. Его попытки прийти к власти через союзные органы не увенчались успехом. Тогда Россия просто подыграла «мятежным» республикам и таким образом инициировала развал страны.

В старом, двадцатилетней давности, методическом пособии ЦРУ по свержению политических режимов есть такой вывод: «Только дезинтеграция СССР может открыть путь к дезинтеграции России».

В США есть много людей, способных не только предвидеть развитие истории других стран, но и направлять ее по нужному руслу.

На пользу своей собственной истории.

Глава 2 КАК ВООРУЖАЛСЯ КАВКАЗ

ТАЙНЫЕ МИССИИ

Мрачной зимой 1995 года, в самый разгар чеченской войны, на Арбатской площади по вечерам частенько стали ошиваться одетые с европейским шиком мужчины. Смуглый цвет лиц, тонкие усы и по-ястребиному цепкий взгляд выдавали в них кавказцев. Люди эти почти сразу попали в поле зрения нашей контрразведки — еще ранней осенью 1994 года из ФСК в Минобороны и Генштаб поступила информация, что из Чечни в столицу зачастили тайные посланники дудаевских вооруженных формирований, выдававшие себя за представителей отрядов так называемой вооруженной оппозиции. Цель наездов этих людей в Москву уже была хорошо известна на Лубянке.

Наблюдательные кавказцы засекали, что некоторые наши офицеры после службы заглядывают в кафе расположенного неподалеку Центрального Дома журналистов. Военные были уже навеселе и навевались в ЦДЖ, чтобы «добавить», русским офицерам всегда не хватает.

В полутемном, шумном и прокуренном кафе-подвале продавались дешевая водка и бутерброды с тонким, как лавровый лист, кружком колбасы. Кавказцы тоже стали появляться в этом питейном заведении, любимом месте небогатых, но любящих выпить людей. «Там некогда бывал и я...»

Чтобы проникнуть в ЦДЖ, надо было иметь журналистский документ. Его отсутствие могло возместить личное знакомство с хорошо натасканной на «чужаков» бдительной вахтершей или обладателем членского билета Союза журналистов. Некоторые репортеры и писатели перли в подвал, как к себе домой. Небрежно бросая вахтерше «Здрась», они явно считали постоянным пропуском сюда свою профессиональную известность, хотя чаще всего в пределах ЦДЖ у них была устойчивая репутация пропойц.

Пропуском для веселых офицеров служила форма. Но и смуглые люди с тонкими «дудаевскими» усами не имели проблем с проходом в ЦДЖ, хотя ни у одного из них не было журналистских «корочек». Репортерской известности, разумеется, тоже. Зато было старинное волшебное средство, которое легко открывало путь и в репортерский кабак. Не вынимая руки из карманов, кавказцы на ощупь определяли размер чаевых швейцару в юбке.

Южане обычно сидели в подвальном кафе за отдельным столом, а наши офицеры в ожидании свободных мест вынуждены были некоторое время торчать у стойки бара.

Улучив момент, когда крепко захмелевшие арбатские стратеги начинали шарить по карманам и кошелькам, чтобы в очередной раз скинуться, кавказцы вступали с офицерами в контакт. Затем звучало предложение сдвинуть столы и демонстрировалась традиционная безмерная щедрость южных людей: появлялось немереное количество вин и яств, и таким образом военные доводились до нужной их новым и хлебосольным знакомым кондиции. Однажды попав в такую компанию, я был ошарашен внезапным комплиментом:

— Ты похож на молодого Ленина, — уважительно сказал мне один из смуглых собутыльников, хотя мою нетрезвую физиономию трудно было с кем-либо сравнивать — она наверняка уже отсутствовала.

Полковника Мухлина тот же кавказец сравнил с Розенбаумом, хотя он всегда казался мне вылитым Берией в период полового расцвета.

Так завязывались теплые знакомства, которые перерастали в бурную дружбу. Пользуясь ею, люди «из Надтеречного района Ичкерии» с лисьей осторожностью вынюхивали возможности офицеров помочь им добыть оружие за хорошую плату. Но эта опасная затея уже была под невидимым, но прочным «колпаком».

Вскоре по кабинетам Генштаба расплозлась сенсационная весть: двое полковников (к которым подключился и генерал, служивший в одной из столичных военных академий) не устояли перед соблазнительным предложением чеченцев и стали искать подходы к знакомым сослуживцам в штабах Московского и Северо-Кавказского военных округов. Особенно к тем, которые имели доступ к складам со стрелковым оружием. Все эти люди, возмечтавшие существенно поправить свое убогое финансовое положение та-

ким рискованным способом, уже вскоре дрожащими руками писали объяснительные записки сотрудникам управления военной контрразведки ФСК. Некоторым пришлось поставить крест на военной карьере.

Но не все дельцы в погонах, под шумок чеченской войны таким же образом рискнувшие серьезно улучшить личный бюджет, попадались в сети контрразведки. До сих пор так и осталась неразгаданной детективная история, связанная с появлением нового экспериментального бронетранспортера в боевых порядках чеченских войск. И было ясно, что кто-то сработал по-крупному: в то время даже за обычный «броник» (БТР-80) чеченцы давали порою по 250—300 млн, а уж за такой, какого в российских частях еще не видели, наши «продавцы» наверняка заломили по 400.

Сыщики мгновенно метнулись на военный завод, где им показали подтверждающие документы: да, экспериментальная машина ушла на обкатку в одну «авторитетную силовую структуру» в Москве. Но в столице БТР не оказалось. Не нашли его и на полигоне бронетанкового НИИ под Кубинкой, где устраняют «сырые» места на новой технике. И хотя бронетранспортеры, скорее всего, надо было искать южнее Грозного, эту затею вскоре оставили (или остановили?), потому что докопайся наши пинкертонеры до истины — шума было бы много.

Когда скандальная информация появилась в газетах и пошли непрерывные звонки в Минобороновскую пресс-службу, наше начальство приказало опровергнуть «гнусную ложь».

За многие годы службы на Арбате я не однажды видел, как варится «лапша», которую затем старательно вешают на уши соотечественников. Не прошло и недели после нашего опровержения «провокационных слухов», а в некоторых газетах уже появились фотографии, на которых чеченцы гордо восседали на новом БТР.

Когда-то о потерянном на Кавказе табельном пистолете командира взвода или солдатском автомате в Генеральном штабе узнавали через час. Иногда целые полки командиры ставили на уши, обшаривая горы, леса и долины. И чаще всего находили оружие. А после распада Союза стали сотнями исчезать на Кавказе стволы и даже вагоны с боеприпасами, но все порою будто сквозь землю проваливалось.

Иногда случалось и так, что в тех управлениях Минобороны и Генштаба, которые отвечали за учет стрелковых и

тяжелых вооружений в наших частях на Кавказе, уже не могли свести концы с концами и точно доложить министру, что у нас там в действительности есть, а что исчезло. Однажды в ходе проверки фактов, названных в скандальных статьях «Московского комсомольца» и «Вечерней Москвы», я был поражен содержанием документов, которые одновременно были представлены в пресс-службу МО из Главного автобронетанкового управления МО и штаба Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ). Данные расходились на сотни единиц стрелкового и многие десятки — тяжелого оружия.

Этот разноречивый случай случался не потому, что наши московские начальники или командиры частей ГРВЗ были не способны наладить учет оружия и контроль за ним. В условиях передислокации частей в Россию или с места на место в кавказском регионе, нападений на склады и колонны и «оружейного бизнеса», к которому пристрастились наши военнослужащие, этого и нельзя было сделать. В течение длительного периода округ рвали на части местные власти и различного рода сепаратистские и националистические вооруженные формирования.

Был период, когда по приказу из Генштаба территория вокруг наших складов минировалась и об этом оповещалось местное население. Но даже это не останавливало рвущихся к оружию людей. В одном из наших гарнизонов в ГРВЗ они сделали подкоп под складом и полностью опустошили его.

Великий хаос, в который после «закрытия» Союза были ввергнуты наши кавказские полки и дивизии, обладавшие гигантской массой оружия и боевой техники, часто нельзя было остановить даже открытием огня по ворами и мародерам, прущим на густой аромат оружейной смазки, как акулы на запах крови.

В том бардаке, который порождала правовая неурегулированность дележки оружия и техники, некоторые генералы ГРВЗ и их генштабовские покровители не устояли перед соблазном поиметь собственную выгоду за счет тайных оружейных сделок, прикрывая их некими «указаниями» российского правительства или «политической целесообразностью», будто бы продиктованной государственными интересами России на Кавказе. А когда следователи начинали разматывать уголовные дела, то оказывалось, что эти «указания» московские начальники давали в устной форме и таким образом найти крайних было невозможно.

Из этой серии — громкий скандал, который разразился в начале 1997 года: незаконные поставки оружия из России на Кавказ длительное время проворачивались по директивам ГШ и тоже якобы с благословления правительства (а когда у некоторых министров следователи пытались брать показания, те открещивались от генералов, как черти от ладана).

И тут уже никто из руководителей МО и Генштаба не возмущался и не говорил, что «этого не может быть», не требовал от пресс-службы немедленных опровержений «провокационных слухов». Потому, что знали: есть документы, завизированные первыми лицами Генштаба, есть неопровержимые факты, есть много свидетелей.

Некоторые наши известные деятели частенько плачутся: «У России нет никакой политики на Кавказе».

Политика все-таки есть. Но от нее веет не глубокой государственной мудростью, а разит оружейной смазкой и она часто измеряется толщиной брони и пачек денег, калибром автоматов и пушек, количеством вагонов боеприпасов, цистерн с горючим.

ТРАУРНАЯ АРИФМЕТИКА

Уже который год на Кавказе то стихают, то с новой силой разгораются межнациональные конфликты и гражданские войны. Только-только мы вздохнули после окончания российско-чеченской войны, как вновь «заговорил» тлеющий вулкан азербайджано-армянского конфликта из-за Нагорного Карабаха. Потом — очередная перестрелка в зоне грузино-абхазского конфликта. За ним чередой пошли кровавые вооруженные стычки на границе Дагестана и Чечни.

Растет число убитых, раненых, инвалидов, похищенных, без вести пропавших, беженцев. Только в период кратковременной войны между грузинами и абхазами с обеих сторон погибло более 1000 человек и свыше 1300 было ранено...

За 2 тысячи зашкалило число погибших военнослужащих всех силовых структур России, воевавших в Чечне (хотя знающие люди в Генштабе утверждают, что это — лишь «официальные данные»). А потери самих чеченцев, по данным их же госорганов, составили почти 80 тысяч человек. В ходе вооруженного конфликта Москвы с Грозным

было ранено свыше 10 тысяч военных и почти 100 тысяч гражданских людей.

Общие людские потери на Кавказе за последние 10 лет не поддаются точному подсчету. Международная группа так называемых независимых экспертов попыталась сделать это. Было установлено, что все участвовавшие или участвующие в вооруженных столкновениях стороны потеряли почти 150 тысяч человек убитыми и около 300 тысяч ранеными. Более 2 тысяч человек пропали без вести.

Эти данные все еще уточняются, и специалисты не исключают, что они неполные. Дело в том, что пока ни в России, ни в других республиках бывшего СССР нет органов, занимающихся учетом гражданских и военных жертв. А имеющаяся статистика часто тенденциозна: в одних случаях количество жертв по политическим или военным соображениям умышленно завышается, в других — занижается. В России до недавнего времени число военнослужащих, погибших в ходе вооруженных конфликтов, вообще считалось государственной тайной.

Первая попытка решить эту проблему была предпринята года четыре назад, когда Государственная дума РФ инициировала вопрос об издании Закона об обязательном опубликовании списков погибших военнослужащих. Но поскольку высшие исполнительные власти страны и силовые ведомства были не заинтересованы в этом, они явно и скрыто противились принятию такого Закона. Его до сих пор нет.

Когда власть не способна принимать нужные обществу правовые акты, начинается самодеятельность. Появляются так называемые внеправительственные органы, общественные комиссии, инициативные группы, которые начинают делать то, чего не делает государство.

В России, несмотря на отсутствие Закона об обязательном опубликовании списков военнослужащих, погибших в ходе боевых действий, после чеченской войны такие списки все же были обнародованы по инициативе газеты «Комсомольская правда» в 1996 году (на их основе была издана Книга памяти, первое после революции 1917 года подобное издание).

Но какую бы благородную дань мы ни воздавали мертвым, к жизни их не вернуть.

Можно понять смерть людей от несчастного случая. Но самое трагичное, когда таким «несчастливым случаем» со

страной становятся ошибки высшей государственной власти, по воле и вине которой вспыхивают войны. Однажды Ельцин сказал:

— Чеченская война — моя самая большая ошибка.

Такие ошибки невозможно отличить от преступлений.

Когда комиссия Государственной думы по этой причине затеяла запоздалый импичмент Ельцину, многие его сторонники с наглой ухмылкой твердили в телекамеры: «Ничего из этого не получится». Развязать, понимаешь, «по ошибке» преступную войну — получается. Нести за это ответственность — хрен вам.

Клинтон несколько раз засунул член практикантке Белого дома в рот — его прокуроры наизнанку вывернули. А у нас невозможно даже представить такое, чтобы Ельцин давал Генпрокурору показания. Наоборот — да. У нас президент выше Закона.

ОРУЖЕЙНЫЙ КЛОНДАЙК

Даже после нескольких войн на Кавказе (армяно-азербайджанская, грузино-абхазская, чеченская) и многочисленных вооруженных конфликтов, которые продолжаются до сих пор, там не уменьшается, а растет количество танков, артиллерийских орудий, реактивных установок, стрелкового оружия, боеприпасов, боевых машин, гранатометов. Возникают резонные вопросы: откуда в этом регионе столько оружия? Где берутся запчасти для боевой техники, боеприпасы, 95% которых производится только в России?

В советскую пору Генеральный штаб всегда придавал особое значение Кавказу, рассматривая его как стратегическую крепость на юге Союза. После Второй мировой войны в штабах наших вероятных противников разрабатывались сотни возможных планов боевых действий на случай вторжения в СССР, но не было ни одного, в котором бы не предусматривались отсечение и захват Кавказа.

Особым военно-стратегическим значением региона объяснялось и то, что здесь была нагромождена беспрецедентная по уровню концентрации масса вооружений и боевой техники, военных арсеналов, баз, складов. Закавказье на душу населения (более 16 миллионов человек) и на единицу площади (186 тысяч квадратных километров) было и остается одним из самых милитаризованных регионов не только в бывшем СССР, но и во всем мире.

В полосе шириной 300 и протяженностью 700 километров были созданы инфраструктура и запасы для Закавказского военного округа, в состав которого входило три объединения: 4-я общевойсковая армия (дислоцировалась на территории Азербайджана), 7-я общевойсковая армия (Армения), 31-й армейский корпус (Грузия), а также части и соединения 19-й отдельной армии ПВО, 34-й воздушной армии, Каспийской флотилии, бригады кораблей Черноморского флота (штаб — Потти) и большого числа частей, баз, arsenалов центрального подчинения.

Мощь нашей закавказской группировки была такой, что она могла бы на протяжении года автономно вести полномасштабные боевые действия против любого противника на Южном стратегическом направлении.

Не менее внушительной в советские времена была и группировка войск Северо-Кавказского военного округа (он вплоть до конца 80-х годов входил во второй эшелон и считался тыловым). После распада Союза и образования Российской армии положение СКВО на южном фланге кардинально изменилось. Из тылового он превратился в передовой, по этой причине Генштаб принял решение многократно повысить его боевую мощь. По количеству вооружений и боеприпасов СКВО стал примерно в 8 раз превосходить все вместе взятые национальные армии республик Кавказа.

По мере того как во второй половине 80-х годов на Кавказе стали усиливаться сепаратистские тенденции и международные конфликты, интерес к нашим войсковым арсеналам со стороны различных региональных националистических группировок (в том числе — и криминальных) резко повысился. Но в то время советское руководство еще было способно держать проблему под контролем своих силовых ведомств, местных органов власти и спецслужб. Попытки насильственного захвата оружия жестко пресекались.

В архивах Минобороны и Генштаба до сих пор хранятся секретные шифрограммы, подписанные министром обороны СССР маршалом Язовым и начальником ГШ генералом армии Моисеевым, в которых командующим войсками Закавказского и Северо-Кавказского военного округов, Каспийской флотилии и Черноморского флота строжайшим образом предписывается обеспечить надежность хранения оружия, техники и боеприпасов. Но по мере ослабления

центральной власти вооруженные грабители все чаще стали совершать нападения на войсковые и морские арсеналы.

Августовские события 1991 года в Москве резко стимулировали сепаратистские и националистические настроения в республиках Кавказа. Местные власти все чаще выступали с требованиями о приватизации «причитающихся» им воинских частей и арсеналов Советской Армии, дислоцирующихся на территориях республик.

В Минобороны и Генштаб шли потоки шифровок командующих войсками военных округов с просьбами «на высшем политическом уровне» решить проблему и остановить беспредел. Но высшая российская исполнительная власть в ту пору (да и во все последующие годы) концентрировалась прежде всего на решении проблем собственного политического выживания, и у многих генералов и офицеров на Арбате создавалось впечатление, что ей было совсем не до того, что происходило с частями Вооруженных сил на окраинах бывшей «империи».

В то время когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич осенью 1991 года обменивались конфиденциальными посланиями и уточняли сроки встречи в Белоруссии, с Арбата в штабы СКВО и ЗакВО новый министр обороны Евгений Шапошников продолжал слать строгие шифровки с требованиями «принимать все меры для сохранности вооружений, техники и боеприпасов». На Юг все чаще снаряжались минобороновские и генштабовские комиссии. Но они уже были не способны помешать разгулу «оружейного мародерства».

Идея роспуска Союза, к которой пришел Ельцин, требовала плана. Причем такого, чтобы можно было заблаговременно и надежно заблокировать легко прогнозируемые захваты оружия и вооруженные конфликты. Эта опасная тенденция наиболее бурно развивалась на Кавказе. Даже обыватель, не имеющий представления о количестве и содержании оружейных арсеналов в этом регионе, и тот легко мог предвидеть, что может начаться там, где все громче раздавались воинственные кличи сепаратистов и националистов «восстановить историческую справедливость в советской резервации».

Открывался широкий простор вооруженным кавказским междуусобицам. А там уже давно «точили ножи» на соседей местные князьки, отцы или братья которых не успели в советскую пору совершить кровную месть.

Я уже говорил о том, как сильно противился маршал

Шапошников созданию вооруженных сил Азербайджана и Армении на базе 7-й и 4-й армий. И не было у нас на Арбате генерала или полковника, который бы не поддерживал в этом Евгения Ивановича. В условиях азербайджано-армянского конфликта из-за Нагорного Карабаха и не провидец мог понять: как только образуются национальные армии, война обретет еще более жестокий характер.

Но и Баку, и Ереван активно формировали свои армии, особенно после того, как их «старшие братья» подали в Беловежской пуще пример «проглатывания суверенитетов».

19 февраля 1992 года маршал Шапошников направил обращение к главам государств СНГ. В нем говорилось: «...Реализация этих намерений (создание армянской и азербайджанской национальных армий. — В.Б.) приведет к втягиванию в боевые действия регулярных частей и соединений Закавказского военного округа и неизбежно превратит конфликт в крупномасштабную братоубийственную войну»...

Но было поздно.

Процессы милитаризации республик зашли уже слишком глубоко, чтобы их можно было быстро и эффективно затормозить.

Разумный призыв Шапошникова к главам государств СНГ о формировании в Закавказье контингента межгосударственных или миротворческих вооруженных сил в регионе остался неслышанным. Маршал признавался:

— Каких-нибудь ощутимых последствий этого моего обращения я не увидел...

Вооруженные захваты складов с оружием продолжались.

Но после того как в ряде гарнизонов часовые открыли по людям, проникшим на военные объекты, огонь на поражение, обстановка вокруг наших частей стала невыносимой. Произошла серия убийств наших военнослужащих и членов их семей.

Начиная с сентября 1991 года Минобороны и Генштаб разрабатывали концепцию сохранения единых Вооруженных сил. А в это же время на Краснопресненской набережной уже тайно прорабатывали план создания некоего «тройственного союза» с участием России, Украины и Белоруссии. Лишь позже станет известно, что военные аспекты этого плана в его первоначальном виде касались лишь Стратегических ядерных сил (да и то в самых общих чертах). И ни слова — о судьбе обычных Вооруженных сил,

об условиях их раздела, который после подписания документов в Беловежье стал неизбежен...

Совещание лидеров трех республик в Белоруссии в декабре 1991 года готовилось втайне даже от руководства ГШ, которое продолжало активно разрабатывать концепцию сохранения единых Вооруженных сил и негативно относилось к любым идеям, которые губили это единство. Словно предчувствуя недоброе, начальник Генштаба генерал армии Владимир Лобов даже пытался отказаться от визита в Англию, который, на его взгляд, был «несвоевременным в складывающейся политической ситуации».

Я был поражен, когда узнал, что Ельцин во время своего первого выезда в Минск в конце 91-го не посчитал необходимым пригласить туда и маршала Шапошникова, без которого вряд ли можно было квалифицированно обсуждать военные аспекты роспуска СССР.

И лишь после возвращения из Белоруссии президент позвонил маршалу и сообщил ему о военных вопросах дискуссии, зачитав Шапошникову соответствующий раздел из подписанного им документа.

А в это время по каналам наших спецслужб Кремль, Лубянка и Генштаб стали получать информацию, что в столицах союзных республик уже подыскиваются свои министры обороны, свои начальники генеральных и главных штабов, командующие армиями и дивизиями.

Многие в Генштабе хватались за голову от одной мысли, чем все это может обернуться, если вдруг придется раздирать единую гигантскую армию. К тому времени на Арбате уже как к сводкам о погоде привыкли к частым шифровкам из войск Закавказского и Северо-Кавказского военных округов о продолжающихся нападениях на оружейные склады и на наших военнослужащих, о захватах боевой техники и боеприпасов.

А руководство Минобороны и Генштаба по инерции требовало от командиров всех рангов «принимать все меры» для сохранности вооружений и имущества, писало руководителям республик СНГ многочисленные письма и обращения о «недопустимости беспредела».

Но эти требования были уже невыполнимы.

Мои сослуживцы по Генштабу, курировавшие Южное стратегическое направление, лучше других знали, чем «начинен» Кавказ. Они хорошо представляли, что может начаться там, если будет продолжаться бандитские захваты

вооружений и их растаскивание по региону. «Роспуск Союза — война на Кавказе» — такой вывод в различных вариациях содержался в то время во многих аналитических материалах Генштаба.

Сколько будут существовать Россия и бывшие ее «сестры», столько и будут, наверное, длиться споры о том времени, когда в начале 90-х годов XX века Союз оказался перед историческим выбором — реформироваться или распускаться. Ельцин выбрал второй вариант и повел Россию к порогу нового тысячелетия по пути, на котором до сих пор слышны одновременно возгласы восхищения и проклятья.

В конце 1991 года руководство Минобороны многократно обращалось к Горбачеву и Ельцину с тревожными предупреждениями об очень вероятных тяжелых последствиях зреющего раздела Вооруженных Сил СССР. Многие республики уже по своему усмотрению национализировали части и вооружения, боевую технику и боеприпасы.

Но этот процесс из Центра уже никто не мог остановить: к декабрю 1991 года Горбачев уже ничего не решал, а Ельцин не мог решать все.

Уже тогда многие аналитики Генштаба достаточно точно предвидели, какое мрачное будущее ждет Кавказ, если Москва не позаботится о всестороннем контроле над вооружениями.

И в сообщениях нашей разведки с Кавказа то и дело подчеркивалось: в регионе динамично развиваются сепаратистские настроения, усиливаются территориальные претензии республик друг к другу, идет тайная «накачка» стволами, тяжелым оружием и боеприпасами различного рода националистических и криминальных формирований.

Генштаб обращал внимание Кремля на то, что ослабление центральной власти неминуемо приведет к возрождению воинствующего национализма и сепаратизма на окраинах Союза. Кавказ все чаще хватался за оружие. Снова, как и в давние времена, республики начали выяснять «истинную принадлежность» тех или иных территорий, селений, «старшинство» наций, родов и тейпов.

Во времена Советского Союза, вплоть до середины 80-х годов, центральная власть на Кавказе была еще достаточно сильна, чтобы удерживать народы от взаимных территориальных притязаний и межнациональных войн.

Со времен глубокой старины Кавказ был головной бо-

люю властей, гигантской мясорубкой, в которую много раз заталкивались русские полки и дивизии, вплоть до тех времен, когда царская, а затем советская власть не навели там свой порядок.

Сегодня можно много говорить о методах наведения этого порядка, о том, силком или добровольно входили в свое время некоторые республики Кавказа в состав СССР, можно без конца дебатировать о сталинской политике геноцида, осуждать преступные методы решения национального вопроса на Кавказе во времена Союза.

Но в конце концов, переступив через многие перегибы (к сожалению, не обошлось без больших человеческих жертв), Москва все же сумела взять под контроль гремучую смесь кавказского национализма и сепаратизма и долгие годы не давала возможности этой страшной заразе выползть на поверхность. Именно в советское время, вплоть до горбачевской перестройки, Кавказ, пожалуй, самый долгий период за последние столетия, не испытывал горя от братоубийственных войн (нынешняя демократическая Россия сама разожгла ее там в декабре 94-го).

Советская власть на Кавказе доказала свою способность удерживать его от проявления зверских инстинктов поножовщины и кровной мести. Малейшее ослабление контроля над этими инстинктами, а тем более над гигантскими арсеналами оружия Советской Армии, открывало самые мрачные перспективы.

Кончина советской власти на Кавказе предвещала войны.

Генералы и офицеры Минобороны и Генштаба жили с мрачным предчувствием грозящих стране и армии катаклизмов. Почти каждый рабочий день оперативных дежурных ГШ начинался с того, что они получали длинный перечень новых сообщений из войск Закавказского и Северо-Кавказского военных округов о нападениях на наши части, захватах оружия и гибели людей...

ГОЛОВОЛОМКА

Когда стало ясно, что дележки вооружений и боеприпасов на Кавказе уже не избежать, в Генштабе начали прорабатывать варианты решения этой проблемы еще до того, как она достигла своего пика. На сей счет существовало несколько точек зрения.

Первая — экстренно приступить к массовому вывозу наземным и воздушным транспортом оружия и боеприпасов из частей, дислоцирующихся в регионе. И прежде всего, из наиболее взрывоопасных в политическом отношении районов.

Вторая — во избежание сопротивления местных властей вывозу оружия и боеприпасов, оставить кавказским республикам минимум техники и оружия (в первую очередь — устаревших образцов), а остальное — под усиленной охраной перебрасывать в Россию.

Третья — вывезти с Кавказа максимально возможное количество новых боеприпасов и оружия, а устаревшие оставить в крупные «узловые» базы и содержать там до принятия политических договоренностей между властями России и республиками региона.

Была в Генштабе и четвертая, негласная, точка зрения на решение проблемы: пользуясь тем, что нападения на наши склады учащаются, оцепить для безопасности районы и имитировать несколько подрывов тех арсеналов, в которых боеприпасы имели наибольший срок хранения, и выдать все это за диверсию.

Но удалось осуществить лишь часть этих замыслов. Руководство Минобороны и Генштаба, командование СКВО и ЗакВО уже было не в состоянии в полном объеме реализовать задуманное: многие наши гарнизоны и склады на Кавказе все чаще попадали в окружение местных националистических формирований. Командиры наших частей и дивизий в авральном порядке принялись вывозить на территорию России все, что можно было вывезти без больших эксцессов. Часто было не до оружия — прежде всего надо было думать о спасении людей.

Судя по некоторым выступлениям Евгения Шапошникова, он тогда еще и сам не верил, что маховик раздела Вооруженных сил закрутится с такой быстротой. Положение вокруг наших частей на Кавказе развивалось так, что на него уже нельзя было повлиять ни президентскими указами, ни министерскими приказами, ни генштабовскими директивами.

Мне кажется, будь в ту пору на месте Шапошникова кто угодно, результаты его усилий были бы такими же: слишком глубоко зашел процесс.

Только 19 марта 1992 года войска Закавказского военного округа перешли под юрисдикцию Российской Федера-

ции на основании указа президента России №260. Но эта мера мало что изменила в положении дел вокруг наших частей — инерция «растаскиловки» вооружений и боеприпасов была уже столь сильной, что ни республиканские власти Закавказья, ни российские командиры уже были не в силах остановить эту вакханалию.

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ПРИДАНОЕ

Когда началась, так сказать, официальная дележка советского оружия между республиками, в наибольшем выигрыше оказался Азербайджан. На его территории дислоцировалось больше войск бывшей Советской армии, чем в Грузии и Армении. Он по количеству тяжелых вооружений, боевых самолетов, вертолетов, складов боеприпасов, запасных частей к ним, а также запасам горюче-смазочных материалов значительно превосходил своих соседей.

Например, тяжелых вооружений (танков, БМП, БТР, артиллерии, танковых мостоукладчиков) в Азербайджане находилось примерно на 15% больше, чем в Армении, и на 27% больше, чем в Грузии.

Приблизительно такое же соотношение было и по количеству стрелкового оружия (автоматы, пулеметы, гранатометы, карабины, снайперские винтовки и др.).

В бывших советских частях и на базах, размещенных в Азербайджане, насчитывалось более 160 тысяч единиц стрелкового оружия. Россия успела вывезти лишь процентов 30—40. Оставшегося хватало Азербайджану для того, чтобы вооружить примерно 7 дивизий по штатам военного времени. Одна только дислоцирующаяся в республике 4-я армия имела 1310 единиц тяжелого вооружения. Львиная их доля была национализирована или захвачена.

В соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в 1992 году были установлены квоты для всех закавказских республик: Азербайджан, Армения и Грузия получили право иметь по 220 танков, 222 бронемшины, 285 артсистем, до 100 боевых самолетов и 50 вертолетов.

Бдительно наблюдавшие за выполнением квот иностранные военные наблюдатели и комиссии уже в то время с тревогой констатировали, что «проконтролировать этот вопрос в полном объеме не представляется возможным». Да это при всем желании и нельзя было сделать. И не только

потому, что наблюдателей зачастую не допускали в зоны военных конфликтов, где концентрировались техника и оружие. Была тут и другая, более существенная причина.

В ташкентском Соглашении (от 15 мая 1992 года), которое было заключено странами СНГ с учетом положений ДОВСЕ, говорилось: «Договаривающиеся Стороны передают друг другу по взаимному согласию и с соблюдением норм сокращения и других требований Договора и связанных с ним документов обычные вооружения и технику...»

Но в этом Соглашении не были определены условия и порядок передачи оружия и боеприпасов. К тому же ДОВСЕ был ратифицирован Верховным Советом РФ только 8 июля 1992 года. А только в феврале 1993 года распоряжением правительства РФ № 92 было определено, что на МО России возлагаются функции государственного органа, несущего основную ответственность за выполнение ДОВСЕ.

Из этого следует главный вывод: с декабря 1991 года (с момента официального роспуска СССР) до февраля 1993 года контроль за расползанием оружия бывшей Советской Армии по Кавказу был формальным. Более того, оружие нередко передавалось национальным армиям без соответствующих санкций российского правительства. Бывали и такие случаи, когда руководство Минобороны РФ и Генштаба по собственному усмотрению, в обход президента и кабинета министров, совершало такие шаги.

Судя по некоторым документам, в то время иностранные спецслужбы гораздо лучше, чем некоторые наши военачальники, были осведомлены о количестве и состоянии азербайджанских, грузинских или армянских вооружений. Иногда бывали забавные случаи: некоторые должностные лица МО и Генштаба, в чью компетенцию входили вопросы контроля за вооружениями на Кавказе, пользовались данными, добытыми нашими зарубежными «компетентными источниками» у иностранных коллег.

В частности, таким путем были получены сведения, что в Азербайджане в конце 1992 года было: танков — 325, боевых машин пехоты — 344, 78 боевых машин десанта, 38 разведывательных, 329 бронетранспортеров и бронетягачей. Артиллерия: 343 гаубицы и самоходных артиллерийских орудия, 63 реактивных установки «Град», 52 миномета. ВВС: 35 истребителей МиГ, 7 фронтовых бомбардировщиков, штурмовик Су-25 и 52 учебно-боевых самолетов

Л-29, 18 ударных вертолетов МИ-24 и 15 военно-транспортных. ПВО — до 100 зенитно-ракетных комплексов.

По ряду вооружений Азербайджан намного перекрывал ограничения, установленные Договором ОБСЕ. Но неоднократные попытки международных контрольных органов привести их в соответствие с этим Договором успехом не увенчались.

В архивах Минобороны РФ и Генерального штаба хранится много документов, которые очень колоритно и убедительно передают атмосферу той вакханалии и морального разложения, которая царила в уже взятых под российскую юрисдикцию частях, дислоцировавшихся в то время в Азербайджане. Вот один из них:

**«МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Из доклада штаба 4-й армии

20 июля 1992 года

...С 10 июня (1992 года. — В.Б.) в связи с резким обострением обстановки в Нагорном Карабахе по требованию МО Азербайджана ему были переданы части дислоцирующейся в Баку 295-й мотострелковой дивизии (два мотострелковых полка и отдельный батальон материального обеспечения), захвачен 23-й военный судоремонтный завод.

Ракетные части удалось вывезти с территории Азербайджана эшелонами. С 18 часов 20 июня 1992 года была блокирована вооруженными формированиями и населением 23-я мотострелковая дивизия (г.Гянджа) с требованием незамедлительной передачи техники и вооружений азербайджанской армии. Командование дивизии, чтобы исключить ненужные жертвы, уступило требованиям и в воскресенье 21 июня 1992 года, к исходу дня, передача техники каждого полка практически была закончена.

Соседняя воздушно-десантная часть в данный процесс не вмешивалась и продолжала заниматься повседневной деятельностью. На сегодняшний день все объекты дивизии захвачены (переданы) и находятся под контролем национальной армии (включая и контрольно-пропускной пункт дивизии), функционирует лишь штаб дивизии, занимающийся оформлением различных документов по расформированию и ликвидации дивизии.

Укомплектованность соединений и частей 4-й армии личным составом на начало июля 1992 года составляла: офицерами — 63 процента, прапорщиками — 69 процентов, солдатами — 5—15 процентов. Войска 4-й армии не получают пополнение с весны 1991 года. В каждой части и гарнизоне личный состав находится на грани возможного, чтобы не только обеспечить охрану и обороны объектов, но и защищать себя и свои семьи.

Социальное самочувствие личного состава и членов семей осложняется тем, что все жизненно важные социально-бытовые объекты 4-й армии (продовольственные и вещевые склады, все коммунально-эксплуатационные части, четыре военных госпиталя, склады горюче-смазочных материалов, гарнизонные Дома офицеров) находятся в руках национальной армии и местных властей. Имеющиеся в 4-й армии запасы продовольствия, горючего и материальных средств при минимальных расходах позволяют обеспечить оставшиеся части армии, не переданные Азербайджану, в течение 40—60 суток. Отдельные виды продуктов отсутствуют полностью. Практически невозможным стало обеспечение офицеров продовольственным пайком. Офицеры и их семьи не могут получить квалифицированную медицинскую помощь, денежное довольствие задерживается.

Руководство Азербайджана обещало выплатить компенсацию военнослужащим за оставленное жилье, однако еще никто из офицеров до настоящего времени ее не получил из-за отсутствия наличных денежных средств в финорганах Азербайджана.

На 10 июля 1992 года были эвакуированы 3468 семей, необходимо обеспечить отправку еще 970 семей. При отправке домашних вещей офицеров местными властями осуществляется произвол и откровенный грабеж. Подавляющее большинство оставшихся офицеров живет без семей и элементарных условий на протяжении 5—6 месяцев и более в ожидании перевода. Среди офицеров, выводимых в Россию, 92 процента не имеют жилья и многим просто некуда отправить вещи.

Дезертирство солдат и офицеров стало обычным явлением. Только за последние 5 месяцев покинули части 153 офицера и 300 военнослужащих срочной службы. Наблюдается резкое расхождение среди офицеров по национальному признаку, особенно в связи с проявлением реальной заботы об украинских офицерах.

По словам помощника командующего армией по работе с личным составом полковника Хвостикова Юрия Петровича: "Люди находятся в отчаянном положении. Если их будут задерживать, то офицеров заставят шантажом, подкупом, обещаниями и другими средствами воевать в Карабахе. И они становятся изгоями в России и чужими здесь".

Состояние брошенности, безысходности, разрушение в сознании всех идеалов о «добре и зле», чести и достоинстве, проволочки с назначениями и отправкой толкают некоторых офицеров искать "счастье" в боевых действиях на стороне азербайджанской армии. Имеются среди них уже и погибшие: майор Элькин А.А., ст. лейтенант Левкович, лейтенант Ермаков. У двух из них остались семьи с малолетними детьми, которым не могут материально помочь, так как они исключены из рядов Российской армии.

Передача техники и вооружения происходит как унижительная процедура и напоминает скорее сдачу оружия "победителю" или "Рижский рынок". Чем воспользовались разного рода проходимцы (некоторые начальники тыла и служб), чтобы списать все свои издержки, включая продажу и воровство. На этом фоне безнаказанности происходит разрушение у офицеров понятий о чести, порядочности, преданности Присяге и войсковому товариществу. Бациллы стяжательства, торговой психологии, устойчивые слухи о взятках при переводах и назначениях в верхнем эшелоне руководства, неопределенность положения, длящаяся месяцами, способны разрушить любой воинский коллектив и превратить его в толпу.

Морально-психологическое состояние в частях 4-й армии близко к критической отметке. Значительную часть офицерского состава, рабочих и служащих охватило отчаяние и озлобленность от безрезультатных комиссий, приездов высоких руководителей и пустых обещаний. Очень многие разочаровались в военном и государственном руководстве России, которое, по их мнению, не способно принимать своевременные разумные решения и доводить их до конкретного результата...»

* * *

Летом 1992 года обстановка в наших закавказских частях была такой, что многим у нас в Генштабе казалось — еще немного и командиры частей либо прикажут подчиненным стрелять в людей, разворовывающих оружие и технику, либо сами будут стреляться. Что-то гигантское, жестокое, бесчеловечное обрушилось на наши войска, которые молили Москву о помощи. На глазах у солдат, офицеров и их семей азербайджанцы голодными злыми волками набрасывались на наши военные городки, базы и арсеналы, шло наглое и циничное мародерство.

Папка с секретными шифровками наших «азербайджанских» командиров в Генштаб разбухла, как на дрожжах. Каждая строчка — крик возмущения и просьба вмешаться. Поначалу — лишь намеки на «родоначальников» такой ситуации. Затем — уже открытым текстом пошла хорошо известная всем фамилия.

Окажись в ту пору Верховный главнокомандующий в азербайджанской Гяндже, где стояла наша 23-я мотострелковая дивизия генерал-майора Юрия Пахомова, за его жизнь нельзя было поручиться.

Комдив Пахомов прислал в штаб ЗакВО секретную шифровку, в которой, возможно, впервые за многие годы

службы метал грома и молнии в российские государственные «верха»:

«...Я неоднократно докладывал о тяжелом положении вокруг дивизии. Я не могу принять решение на открытие огня по народу, хотя у меня лично, подчиненных командиров и личного состава хватило бы мужества отстоять дивизию.

Когда, наконец, будут принимать решения в верхах для того, чтобы не доводить до подобного своих подчиненных, их семьи?!

Кто-то же должен нести за это ответственность!..»

Такие телеграммы в ту пору и к нам на Арбат шли почти ежедневно. Командиры поначалу дружно молили свое высшее государственное и военное руководство о помощи. Потом так же дружно крыли матюгами. Но Кремль, Минобороны и Генштаб были бессильны.

Пожалуй, нигде так, как на Кавказе, дивизии и полки нашей армии не испытывали таких жестоких мстительных последствий крушения Союза и преступной бестолковости новой власти в России, оставившей наши части на произвол судьбы и растерзание местными националистами.

Пока еще не рассекречены многие документы Генштаба, подтверждающие это. Когда же придет время и потомки наши узнают всю правду, они ужаснутся от фактов, которые показывают, сколь авантюрна и эгоистична была высшая российская власть, денно и ночью пекущаяся о своем собственном положении и забывшая о своих солдатах.

* * *

Еще более внушительным у Азербайджана было превосходство над соседними республиками по запасам боеприпасов. Их у него было больше, чем у Армении и Грузии вместе взятых. На его территории находились 1 стратегический, 2 окружных и 3 дивизионных склада боеприпасов.

На стратегическом складе в Киязи было свыше 7200 вагонов, на окружных складах в Агдаме и Насосном — примерно по 1100 вагонов на каждом из дивизионных складов (Гюздек, Гянджа, Ленкорань, Нахичевань) — по 150—200 вагонов боеприпасов. В общей сложности — свыше 11000 вагонов.

Чтобы представить, что стоит за этими цифрами, достаточно сказать, что азербайджанской армии хватило бы и 1 тысячи вагонов, чтобы в течение года вести ежедневные боевые действия высокой интенсивности. И если взять те-

перь все количество боеприпасов и прикинуть, на сколько лет их хватит азербайджанцам, то получится, что их армия не будет испытывать голода в боеприпасах еще, по крайней мере, лет десять.

Некоторые российские офицеры, служившие в те годы в Азербайджане, полагают, что «не за красивые глаза» оружие из наших arsenалов нередко доставалось азербайджанцам. Например, со складов воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся в Гяндже.

С некоторых окружных складов оружие и боеприпасы азербайджанцы среди бела дня вывозили грузовиками. В частности, в ходе следствия было установлено, что 23 февраля 1992 года без всякого сопротивления со стороны российского подразделения был сдан азербайджанским боевикам склад боеприпасов в городе Агдам. И таких случаев были десятки.

К тому времени не только азербайджанский, но и почти все парламенты бывших союзных республик приняли постановления, в соответствии с которыми вся боевая техника, находящаяся на их территории, переходила в собственность этих стран (ташкентское Соглашение от 15 мая 1992 года, предусматривающее дележку только по взаимному согласию сторон, все дружно «забыли»).

И даже компромиссное предложение Москвы поделить все оружие по принципу 50 на 50, не нашло отклика в Баку, как, впрочем, и в других столицах Кавказа.

Кавказ пользовался моментом и лихорадочно вооружался.

Но не все российские командиры безучастно взирали на то, как разворачивались или захватывались вооруженными группами местных «патриотов» войсковые arsenалы. Бывало так, что целые бригады и полки поднимали боевые знамена и колоннами, с полным вооружением прорывались в Россию.

А дома вместо благодарности наших командиров ждали выговоры и даже угрозы начальства отдать под суд.

Один из командиров авиационных частей самостоятельно поднял в воздух весь полк и рванул на авиабазу в Краснодарском крае. А вскоре пришла в штаб ГРВЗ из Генштаба грозная шифровка с требованием «несанкционированными действиями не создавать напряженности...».

После таких случаев в Азербайджане все аэродромы и дороги для «отхода» наших войск были заблокированы.

Рассказывает генерал-майор Геннадий Климентьев,

бывший заместитель командующего войсками Закавказского военного округа по боевой подготовке:

— Министерство обороны поставило задачу — создать оперативные группы по передаче и вывозу части вооружений с территории закавказских республик. Командовать было поручено мне... Вооружение вывозили теми же способами, которые использовали в свое время азербайджанские национальные силы. Ночью, без предупреждения, въезжали, можно сказать, врываются в воинскую часть, вскрывали склады и грузили в основном стрелковое оружие в машины. Прикрывала нас группа спецназа. Оружие переправляли на вертолетах в район Краснодарского края, в арочное укрытие, предназначенное для самолетов. Как только укрытие заполнялось, ворота заваривались, вокруг устанавливали мощное минное поле, ставили специальные таблички... А бронетехнику, наиболее новые санитарные машины, «Уралы», «КамАЗы» вывозили на ИЛ-76... Это продолжалось до тех пор, пока не произошло следующее. Однажды я приехал на аэродром, чтобы встречать наши самолеты из России, прибывающие за вооружением. Оружие, которое мы хотели переправить, спрятали в кустах, чтобы азербайджанцы ничего не заподозрили. И вот самолет заходит на посадку, вырубивает на стоянку. И вдруг на полосу въезжают две военные машины с вооруженными азербайджанцами. Одна из них останавливается перед носом самолета, другая сбоку. Азербайджанцы высаживают экипаж самолета, подводят к ангару и ставят к стенке. И меня вместе с ними. Начинают оскорблять... Даже открыли огонь поверх наших голов... Когда они стрельбу прекратили и нам разрешили повернуться, я увидел среди них бывшего капитана Советской Армии и спросил: «Чего вы хотите?» Он ответил, что было получено задание арестовать экипаж самолета и людей, встречающих его, а затем отправить всех под арестом в одну из воинских частей...

* * *

Так вчерашние сослуживцы становились врагами.

Еще недавно они стояли в одном боевом строю и готовились к защите одной Родины. Теперь они все чаще направляли оружие друг на друга. За спиной у каждого уже была своя Родина, которая ненасытно объедалась суверенитетом и жадно глотала независимость...

Вчерашние кавказские республики-сестры лихорадочно

расхватывали и грабили советское военное наследство, еще недавно считавшееся общим, и со злой, подчас иезуитской ревностью следили за тем, чтобы в этом мародерстве кому-то не удалось хапнуть больше. И часто в ход пускались жалобы и доносы Москве друг на друга, в которых вероломная ложь перемешивалась с желчной обидой, предательство — с провокационными фантазиями.

Ереван, который крайне ревниво отнесся к тому, что шустрый Баку сильно объегорил его и Россию по части «прихватизации» советского оружия, на весь мир заявил, что Азербайджан закупил у Украины 150 танков и 10 боевых самолетов и что это грубо нарушает Договор по обычным вооружениям в Европе.

Баку молча проглотил эту пилюлю и стал с пристальностью разозленной кобры поджидать момента, когда ему удастся нанести ответный удар. И такая возможность ему через некоторое время представится. Удача привалила такая крупная, что азербайджанцы стали похожими на очумевших от нежданной удачи рыбаков, которые вышли в море половить мелкой кефали, а в их сети неожиданно попался многотонный кит. Причем данные о засекреченной афере генералов Минобороны и Генштаба, несколько лет подряд эшелонами и военно-транспортными самолетами переправлявшими оружие и боевую технику «в район Арарата», азербайджанцы получили не от своей разведки, а из Москвы, от людей, которые давно и отважно боролись с военной мафией (о подробностях этой крупномасштабной операции я расскажу чуть позже)...

Читая секретные донесения нашей разведки на Кавказе и докладные записки тамошних наших командиров о разграблении оружейных арсеналов местными захватчиками, я часто думал о том, что ничто так не доводит людей до полуживотной злобы и вражды, как политические решения, которые разъединяют народы и их армии.

Когда-то я считал самыми вкусными азербайджанские яблоки и армянский коньяк.

Сейчас почему-то они кажутся мне кислыми и горькими...

ГРУЗИНСКАЯ ДОЛЯ

...На похоронах Советской Армии было чем поживиться и Грузии.

Только один дислоцировавшийся на ее территории 31-й

армейский корпус имел почти 1000 единиц тяжелых вооружений, и только процентов 20 их было вывезено на территорию России. Остальное сосредоточили на складах в Кутаиси и многих других гарнизонах, где все это «добро» уже вскоре стали втихаря распродавать местным жителям наши командиры. Да и сами грузины стахановскими темпами потрошили наши военные городки и склады с оружием.

Одним из первых объектов нападения грузинских боевиков стал склад в Ахалцихе. Охраняли его 6 офицеров и 22 солдата. У них были изъяты 36 автоматов, 18 пистолетов и 2 ручных пулемета. Со склада было увезено огромное количество боеприпасов для стрелкового оружия. После инцидента бывший в ту пору министром обороны Грузии Тенгиз Китовани официально сообщил, что склады взяты под совместную российско-грузинскую охрану и что все боеприпасы возвращены.

Однако наши офицеры заявили своему командованию в штабе ГРВЗ, что это ложь.

Как в Азербайджане и Армении, насильственные захваты российских военных арсеналов долгое время и тут были обычным явлением.

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ВС РФ
АРХИВ

Из сообщения сотрудника Главного управления прокуратуры РФ, специалиста по надзору за соблюдением законов в Вооруженных силах РФ полковника юстиции Виктора Крука:

...При попустительстве, а зачастую и с санкции органов управления Грузии и местных властей участились и становятся все более дерзкими захваты с применением оружия военных городков, складов, арсеналов, грузов боевой техники и иного вооружения российских войск. Такие же данные есть у нас и по Азербайджану, и по Армении.

Мы располагаем данными, что склады в Ахалцихе, а также склады 34-й воздушной армии в Тбилиси захвачены по прямому указанию министра обороны республики (эти данные военный юрист докладывал в середине 1993 года. — В.Б.)...»

Только в 1991 году в Грузии было зафиксировано около 30 случаев вооруженных нападений на российские части и арсеналы. В 1992 году число их увеличилось уже в 2 раза. И только в 1993-м число нападений на склады и базы с оружием и боеприпасами пошло на убыль — российские часовые, охраняющие склады и арсеналы дислоцирующихся

там частей, уже не имитировали огонь на поражение, а прицельно били по грабителям.

Только в 1991 году в результате вооруженных нападений на наши объекты в Грузии исчезло свыше 60 тысяч единиц стрелкового оружия, более 300 тысяч гранат, десятки миллионов патронов, сотни автомашин, бронетехники, тяжелого вооружения. Материальный ущерб, нанесенный нашей армии, исчислялся миллиардами рублей.

Казалось бы, Грузия вооружила себя до зубов. А в 1993 году Эдуард Шеварднадзе просил от нас «более эффективной» военной помощи. Почти 70% национализированных вооружений и боевой техники преждевременно вышли из строя в результате неграмотной и небрежной эксплуатации. Большая часть была уничтожена или повреждена в ходе грузино-абхазского вооруженного конфликта.

Легкость, с которой зачастую в Грузии захватывались российские вооружения, нередко вызывала серьезные подозрения у российских спецслужб и сотрудников правоохранительных органов. Они обратили внимание на то, что в некоторых случаях слишком уж откровенно наши командиры проявляли халатность при организации охраны оружия и техники.

Вспоминает офицер разведотдела бывшей 19-й отдельной армии ПВО майор Александр Тимофеев:

— В конце декабря 1992 года грузинские спецназовцы без особых усилий захватили 7-й дивизион 144-й зенитной ракетной бригады. При этом в расположении дивизиона остались только два офицера. И это несмотря на то, что министр обороны России строго требовал не спускать глаз с оружия и боевой техники, организовать усиленную их охрану и оборону (все еще действовали официальные указания Грачева открывать огонь на поражение и минировать подходы к арсеналам). И только потом я понял, что идет большая игра в поддавки...

Некоторые наши гарнизоны под прицелами грузинских танковых пушек получали ультиматум немедленно сдать оружие. Выбор у командиров был небольшой: или вступить в бой, или выполнять продиктованные условия. А за спиной офицеров были семьи и солдаты.

Бывали ситуации, когда судьба подразделений и частей зависела не от директив и приказов Генштаба, а от последнего решения командира. Некоторые брали на себя ответственность даже в безвыходном положении принимать бой.

13 июня 1992 года на российский учебный танковый

полк в Гори было совершено нападение. Около 200 грузинских гвардейцев из Хашурского, Каспского и Горийского батальонов национальной гвардии ворвались на территорию полка, чтобы захватить оружие. Российским военным удалось отразить нападение. При этом 12 грузинских гвардейцев погибли, 20 были ранены и 28 взяты в плен. Русские потеряли убитыми 2 офицеров и восьмилетнюю Марину Савостину, дочь одного из военнослужащих.

После этой трагедии из Москвы поступило странное указание командирам частей «действовать по обстоятельствам, избегая человеческих жертв». Что-то вроде «переходите реку вброд, не замачивая ноги».

Проведавшие об этом грузины стали охотиться за российским оружием уже без боязни получить пулю в лоб.

Офицеры 19-й армии ПВО засыпали Минобороны и Генштаб жалобами на варварские грабежи их частей грузинами. Но Москва проявляла спокойствие, похожее на равнодушие. 19-я армия оказалась полностью разграбленной. И на то была своя причина: наше военное и политическое руководство полудобровольную сдачу вооружений и войскового имущества грузинам обменивало на гарантии лояльности Тбилиси к россиянам в Грузии. Хотя у российских частей там было достаточно сил и средств, чтобы отбить любые нападения на наши склады, арсеналы, части. Однако нет для армии ситуации более идиотской, чем оказаться на положении квартирантки в зарубежной стране и при этом молча сносить издевательства хозяев над собой.

Пожалуй, ни одна наша армия на Кавказе не пострадала от ненасытного мародерства местного населения так, как 19-я. Один из офицеров штаба армии рассказывал мне, что вооруженные и невооруженные грабители стремились поживиться всем, чем могли, — от зенитно-ракетного комплекса до пачки скрепок в столе командира дивизии.

Из штаба армии шли к нам на Арбат леденящие душу шифровки. Офицеры штаба армии слали многочисленные просьбы о помощи в Кремль и правительство. Их обращение появилось в редакциях многих российских газет. Но его печатали только те издания, которые были независимы от Кремля и правительства. Яростней всех, пожалуй, бил в колокола начальник разведки 19-й армии полковник Валерий Симонов, до сих пор помню его рапорты и письма.

Полковник дрался в арьергарде своей разгромленной армии «до последнего патрона».

Грабительская вакханалия становилась обычным и тотальным явлением. Одновременно открылась гигантская «золотая жила» для нечистых на руку российских военнослужащих. Некоторые военные следователи вынуждены были признать, что установить, за какую сумму денег или за какое иное вознаграждение российские военнослужащие передавали вооружения и боеприпасы местным жителям, оказалось делом невозможным.

В материалах уголовных дел по фактам дележки оружия то и дело мелькала фраза «Передано незаконно».

Таких фактов незаконной передачи оружия и техники только в 1991—1992 годах минобороновскими комиссиями было установлено более 100. Специалисты правоохранительных органов считают, что их было гораздо больше.

В начале октября 1992 года грузинские гвардейцы во главе с генералом Каркарашвили оцепили, а затем разграбили военные склады 34-й воздушной армии с авиационными запчастями и теплым обмундированием. Не только в Грузии, во всем Закавказье активно развивалась эпидемия растащивки.

В материалах расследований уголовных дел фигурируют фамилии многих наших военачальников, которые в период грабительской национализации частей Советской (затем — Российской) Армии находились в эпицентре драматичных событий на Кавказе.

ГЕНЕРАЛ РЕУТ

...Еще в начале 90-х, когда генерал Федор Реут возглавлял 7-ю общевойсковую армию, стоявшую в Армении, многие у нас на Арбате знали, что командарму удалось наладить добрые отношения с армянским руководством. В Минобороны и Генштабе поговаривали, что благодаря дипломатическому искусству командарма Москве и Еревану удалось избежать многих конфликтов, связанных с разделом частей и вооружений бывшей Советской Армии. Хотя там, как и в других закавказских республиках, обстановка была тоже сложной.

Однажды группа армян напала на наш склад и утащила штук сто автоматов и пистолетов. Реут обратился в МВД республики и потребовал вернуть стволы. Какие слова и аргументы он при этом использовал, было неизвестно, но реакция армянских властей на ЧП была запредельно жест-

кой: министр внутренних дел Серж Саркисян объявил, что если к указанному сроку оружие не будет возвращено на армейский склад, преступников найдут и покарают — «вплоть до расстрела». И проблема была снята.

И все же время от времени нет-нет да и приползали с Кавказа на Арбат некоторые пикантные сведения, что умение Реута находить с армянами «оружейные компромиссы» якобы строилось на его чрезмерной уступчивости, связанной-де с некоторой личной выгодой...

Такие разговоры, похожие на сплетни, сильно контрастировали на фоне воспоминаний наших офицеров о генерале Евгении Мещерякове, который командовал 7-й армией до Реута.

Был случай, когда армяне возмутились не согласованным с ними внезапным отлетом нескольких наших «вертушек» на аэродром за пределами республики и в отместку за это взяли Мещерякова в заложники, требуя возвратить боевые машины.

Ситуация накалилась до того, что во избежание покушения террористов на семью командарма офицеры штаба были вынуждены взять ее под усиленную охрану и упрятать подальше от дома.

Генерала Мещерякова армяне почти два дня держали в заточении, да так, что он поначалу не мог сориентироваться, где находится. И лишь когда поутру услышал стук мячей, догадался, что узилище его — под трибунами футбольного стадиона.

Подчиненные командарма-заложника рыскали по Еревану в поисках генерала. В случае его обнаружения они намеревались провести вооруженную операцию, чтобы высвободить командарма из плена, но Генштаб категорически запретил это делать, поскольку могли быть человеческие жертвы и громкий «международный» конфликт.

В штабе армии придумали хитрый ход, вынудивший армян пойти на компромисс. Поскольку боевые вертолеты, внезапно «бежавшие» из Армении, были почти новыми (это и заставило генерала Мещерякова спасти их), на одном из наших аэродромов были оперативно подготовлены их «дублиеры»: несколько старых машин такого же типа быстро переокрасили и нарисовали соответствующие бортовые номера.

Как только «вертушки» возвратились в Армению, командарм-заложник был отпущен на волю. Но обиду на него

армяне все-таки затаили. Не лучшие чувства испытывал к своим обидчикам и Евгений Иванович. Особенно — к министру обороны Армении Саркисяну, на которого Мещеряков поначалу даже собирался подать в суд.

И когда генерала Мещерякова перевели к новому месту службы, у нас на Арбате многие поговаривали, что таким образом руководство Минобороны России хочет погасить напряженность в отношениях с Ереваном. Когда генерал Мещеряков появился в Москве, многие офицеры с восхищением смотрели на него.

Новый командующий 7-й армией генерал Реут тоже имел солидный послужной список и в представлении на новую должность характеризовался во всех отношениях положительно. И, наверное, не только меня удивляло то, что его имя то тут, то там начали потихоньку «стирать» в связи с тем, что новый командарм, в отличие от прежнего, якобы иногда неоправданно потрафляет армянам, когда они начинают вымогать технику и оружие.

В конце лета 1992 года, улучив подходящий момент, я спросил начальника Генерального штаба Дубынина, что он думает о Реуте.

С Виктором Петровичем Дубыниным я был знаком еще со времен афганской войны, по служебным делам он не один раз вызывал меня к себе в кабинет, где мне довелось слышать многие сенсационные откровения НГШ. Я очень дорожил доверием человека, занимающего один из высших постов в армии. Его огромная информированность о положении дел в стране и войсках в сочетании с житейской мудростью и железной логикой суждений частенько спасала многих генштабистов от поспешных или односторонних выводов, помогала отделять зерна от плевел.

О Реуте Дубынин отозвался осторожно и корректно, заметив, в частности, что не следует клевать на провокационные слухи, многие из которых специально запускают западные спецслужбы или силовые ведомства бывших союзных республик, пытающихся уличить Россию в тайной военной помощи их противникам. Такая деза, например, не однажды запускалась из Баку, где очень ревниво относились к необычайно теплым отношениям армянского руководства с новым командующим 7-й армии.

Однажды начальнику Генштаба позвонил кто-то из высших чинов Минобороны Азербайджана и возмущенно стал доказывать, что он располагает «абсолютно точной конфи-

денциальной информацией»: не без ведома руководства 7-й армии оружие и техника армянам не только официально передавались, но и продавались. Тот же источник утверждал, что армянам была сдана «внаем» российская вертолетная эскадрилья.

Наиболее достоверно всегда выглядит та «конфиденциальная информация», в которой ловко смешивается правда и ложь. В данном случае так и было. Восьмерка наших вертолетов МИ-24П действительно использовалась для обучения армянских летчиков. Но делалось это на основании официальных договоренностей между правительствами и военными ведомствами России и Армении.

Через некоторое время — новый звонок Дубынину из Баку. Снова те же возмущенные упреки:

— Почему по приказу Реута российские боевые вертолеты используются армянами против нас?!

Дубынин приказал подчиненным немедленно проверить сигнал. Проверили. Оказалось, что по просьбе минобороны Армении одна из наших «вертушек» была выделена для перевозки армянского генерала, инспектировавшего свой войска.

И все же во время армяно-азербайджанского вооруженного конфликта из-за Нагорного Карабаха не раз бывали случаи, когда командование армянской армии пыталось вовлечь наших вертолетчиков в боевые действия против азербайджанцев. Однажды в Генштаб из разведуправления Главного штаба Сухопутных войск поступило сообщение, что группе наших летчиков-инструкторов армяне за «большие деньги» предложили вылететь на бомбардировку позиций азербайджанских частей. Получив категорический отказ, армяне страшно обиделись.

Во время нашей беседы Дубынин сообщил мне, что все же поручил группе офицеров Главного оперативного управления Генштаба проверить некоторыестораживающие сведения, в которых фигурировала фамилия генерала Реута. Информация была получена из штаба ГРВЗ.

Генерал Дубынин был человеком сдержанным, но приходил в ярость каждый раз, когда за каким-нибудь военачальником волочился шлейф недобрых слухов, особенно тех, которые были связаны с моральной нечистоплотностью. Такие полководцы, естественно, упорно пытались опровергнуть аксиому «нет дыма без огня», но в конце концов некоторые из них становились фигурантами уголовных дел.

За многие годы службы на Арбате мне приходилось не раз видеть их полные лживого возмущения глаза и слышать патетические клятвы в невинности, которые на поверку оказывались дешевым враньем...

Есть генералы с плутоватыми глазами вороватых буфетчиц.

Когда рухнул Союз, в армии появилась целая когорта генералов, которые стремились на полную катушку воспользоваться моментом к собственной выгоде. В условиях вакханалии, особенно сильно царившей на Кавказе в период раздела вооружений бывшей Советской Армии, такие люди находили свой Клондайк. Но когда военные следователи и прокуроры хватали их за одно место, они доказывали, что все их действия определялись «исключительно высшими военно-политическими» интересами России.

Основательно проверить настораживающие сигналы, касающиеся генерала Реута, офицеры Главного оперативного управления ГШ и Главной военной прокуратуры не успели: в августе 1992 года генерал В. Дубынин подписал директиву № 314/03/0772 о расформировании объединения. Реута перевели в Тбилиси с повышением, он стал командующим войсками Закавказского военного округа.

И все же некоторые любопытные моменты вызывали у генштабистов подозрения и определенные догадки. Было непонятно, например, из каких побуждений расщедрился президент Армении Левон Тер-Петросян, когда с его подачи в распоряжении генерала Реута оказался джип «Тойота». И дураку понятно, что такие царские подарки просто так не делаются. Когда у Тер-Петросяна однажды поинтересовались, за что он так осчастливил русского генерала, тот ответил:

— За выдающийся вклад в укрепление братской дружбы между российским и армянским народами.

Генерал Реут на кляче не ездил, командующему полагалась машина. И она у него была. Однако красавец-джип выглядел престижней отечественной тачки. Но когда наши генштабовские начальники и следователи стали въедливо интересоваться реутовским джипом, то произошла внезапная метаморфоза: оказалось, что иномарку генералу армянский президент не подарил, а якобы всего лишь «выделил во временное пользование».

Это круто меняло дело. И прежде всего давало Реуту весомое юридическое алиби, хотя не уменьшило количе-

ство пересудов среди людей, хорошо понимавших скрытую сторону этой игры.

Только слишком наивный человек способен поверить в то, что президент иностранного государства может, как говорится, «за красивые глаза» или от избытка природной щедрости осчастливить российского генерала престижной иномаркой. Даже на время.

Пока шла проверка этого и других фактов, «доброжелатели» командарма подбросили некоторым московским газетам и Минобороны РФ новые: они утверждали, что это не без ведома Реута Ереван получал не только «внеплановое» оружие, но и продовольствие, вещевое имущество и топливо.

Зачастую невозможно было понять, где проходит граница между правдой и ложью, между фактами и домыслами (тогда я еще не знал, что за хорошую плату некоторые столичные газеты охотно предоставляли место для компромата на некоторых наших «кавказских» генералов, не устраивавших конфликтующие стороны).

Иногда случалось и такое, когда очевидная несогласованность между Минобороны и Генштабом давала возможность недругам Реута инкриминировать ему игнорирование директив Генерального штаба и уличать в незаконной якобы передаче частей и вооружений армянам. Суть этого скандального случая состояла в следующем.

30 июля 1992 года Дубынин подписал директиву, в соответствии с которой 943-й и 217-й артиллерийские полки должны были передислоцироваться из Армении в российский гарнизон Урюпинск. Но осенью того же года выяснилось, что обе части... уже переданы армянским вооруженным силам в соответствии с перечнем, утвержденным в начале того же месяца министром обороны П. Грачевым.

По чьей вине получился этот серьезнейший прокол? Снова всплыла фигура Реута. Он, дескать, приложил к этому руку, поскольку «подыгрывает» армянам (некоторые московские газеты охотно стали муссировать эту сенсацию). А когда Главная военная прокуратура разобралась, то выяснилось, что два артиллерийских полка достались армянам из-за несогласованности между руководством Генштаба и Минобороны РФ. Реут был тут ни при чем.

В период развала Союза и после не было ни одного командующего ЗакВО-ГРВЗ, который бы не ушел с должности без серьезных неприятностей. После трагических со-

бытий в Тбилиси (1989) был покаран «ссылкой» на неприметную должность командующий войсками округа генерал-полковник И. Родионов. Во время грузино-абхазской войны тбилисские власти предъявили серьезные претензии Москве за то, что российские части в Грузии якобы подыгрывали абхазам — вскоре был смещен с должности другой командующий, генерал-полковник А. Патрикеев. Дольше всех продержался Реут, сумевший найти общий язык с политической командой Шеварднадзе. Но и его карьера там закончилась безрадостным указом президента об освобождении от должности.

В штабе ГРВЗ слышал я фразу: «Легче плавать в серной кислоте, чем быть генералом на Кавказе». Президенты, правительства и военные министры тамошних республик с начала 90-х и до сих пор требуют от нашего командования «своей доли» оружия, боевой техники, имущества. А поскольку бесконечная политическая борьба то и дело переходит в военную, горячие кавказские головы раз за разом обращают жадные взоры на наши полки, дивизии и базы. И каким лисьим политическим нюхом, какой угриной дипломатической изворотливостью надо обладать, чтобы избежать конфликтов и натянутых отношений с хозяевами дома, в котором наш генерал со своим войском живет, в сущности, на положении квартиранта?

Многие офицеры, служившие под началом Реута в ГРВЗ, говорили мне, что его умение ладить с республиканскими властями спасло не один десяток человеческих жизней. Но иной вопрос, какова та, другая, скрытая цена этого лада? И не только Реут много раз оказывался перед тяжелым выбором — «одолжить» ли местным военным несколько боевых машин или — в противном случае — терпеть вместе с подчиненными неизбежный террор и издевательства со стороны разгневанных «союзников»?

Втихаря переданный грузинам или армянам автомат всегда можно обосновать «государственными интересами России на Кавказе». Но ничем нельзя оправдать смерть российского солдата или офицера, погибшего от рук озверевшего националиста, требующего у «оккупантов» свою долю оружия.

Слухов о Реуте в Генштабе ходило много. К ним на Арбате даже стали привыкать. Но не один раз случалось так, что арбатские пересуды об опасных «шалостях» многозвездных генералов в конце концов оборачивались уголовными

делами. Так случилось и с Реутом. Очень вероятно, что этого могло и не произойти, если бы летом 1993 года командиром одной из дивизий Группы российских войск в Закавказье не был назначен полковник Владимир Гладышев, вскоре ставший генералом.

С именем этого человека связан один из самых крупных скандалов в российском военном ведомстве, эхо которого не погасло до сих пор. Появление Гладышева в Грузии привело его не только к драматичному столкновению с командованием Группы войск, но и с собственной совестью.

Командир дивизии уже вскоре после прибытия на Кавказ был поставлен перед трудным выбором — поступать ли по законам офицерской чести или безмолвно выполнять сомнительные приказы начальников, которые под прикрытием тех же «высших интересов России» не без выгоды для себя стремились распорядиться оружием и подчиненными, ввязываясь в трагические перипетии грузинской внутриполитической жизни.

И он, Гладышев, по воле судьбы и обстоятельств не мог оставаться безучастной фигурой, когда оказался в самом кратере интриг, противостояний, вооруженных конфликтов и действовал по совести. И он стал еще одним российским генералом, блистательная карьера которых была сломана в жерновах грузинской и российской политики.

Впрочем, предисловие, кажется, затянулось...

КАВКАЗСКАЯ ЭПОПЕЯ ГЕНЕРАЛА ГЛАДЫШЕВА

До назначения на Кавказ Гладышев служил в Прибалтике, был заместителем командира 242-го учебного центра ВДВ (так именовалась учебная дивизия, дислоцировавшаяся в Литве). К тому времени Владимир Петрович побывал во многих горячих точках, несколько лет воевал в Афганистане и еще там обрел репутацию офицера решительного, рискованно-смелого и несговорчивого с начальниками, особенно с ловкачами, ищущими свои служебные и материальные выгоды за спиной подчиненных.

По этой причине еще с лейтенантских времен частенько доставалось ему от вышестоящих командиров, больше всего от тех, которым он не «гладил голенища», а посылал по популярному среди мужчин адресу, когда сталкивался с хамством, дурью или трусостью.

Тем не менее каким-то чудесным образом все это ему

сходило с рук: в работе он давал результат, который устраивал начальников. И даже имевшие на него острый зуб вынуждены были воздавать должное подчиненному — раза четыре за 25 лет службы очередное воинское звание ему присваивали досрочно.

Оказавшись в Прибалтике в самый разгар выхода тамошних республик из СССР, Владимир Петрович порою выходил из себя, когда видел, что некоторые мямли-командиры смиренно терпели провокации, которые чинили прибалтийские националисты вокруг наших частей.

В ту пору командиром его десантной дивизии был полковник Виталий Раевский. После автомобильной аварии он серьезно болел и потому фактически руководил соединением его зам, полковник Гладышев. Раевский был человеком крайне осторожным, конфликтов с прибалтами побаивался, да и к тому же втайне уже вынашивал планы перевода на родину, в украинскую армию.

...В тот день литовцы совершили бандитскую выходку, захватив в заложники командира соседней дивизии береговой охраны полковника Ивана Черных. Когда-то служивший в подчинении Гладышева сержант-литовец, ставший районным полицейским начальником, позвонил ему на квартиру и наглым голосом предупредил:

— Готовься, скоро и твоя очередь. Вместе с выводком...

Гладышев приказал выставить вооруженную охрану в жилом городке, а сам метнулся в штаб дивизии. А там — звонок из штаба ВДВ:

— ...Вашу мать, нашего полковника прибалты посадили в клетку, а вы и не чешетесь!

Гладышев — к Раевскому:

— Надо действовать.

Раевский пугливо посмотрел на зама и сказал: мол, давать из Москвы советы легко, а тут можно нарваться на серьезные неприятности. Лучше переждать.

А из Москвы снова звонок, похожий на приказ:

— Немедленно вызволяйте Черных!

Гладышев сказал Раевскому, что негоже отсиживаться в кустах. Получилась крутая мужицкая свара с матюками и криком. Пока они спорили, контрразведка доложила в штаб ВДВ о ситуации. Командование ВДВ приказало Гладышеву взять управление дивизией на себя — Раевского временно отстранили.

Гладышев собрал офицерское собрание, которое тут же

направило по факсу ультиматум президенту Литвы В. Ландсбергису с требованием немедленно выдать полковника Черных. А чтобы у литовцев не возникло иллюзий насчет серьезности требований десантников, Гладышев приказал объявить по дивизии тревогу и вытягивать колонну бронетехники вместе с вооруженным личным составом «головой» на столицу Литвы.

Часа через полтора Гладышеву сообщили по телефону из Вильнюса, что полковник Черных отпущен. Проверили — точно.

Но литовцы не простили этой выходки Гладышеву. Они вскоре расклеили в городах и селах листовки со списками «русских оккупантов, которые должны быть покараны». В длинном списке была и его фамилия.

Возможно, его не тронули потому, что уже вскоре стало известно — 242-я учебная дивизия ВДВ выводится из Прибалтики в Россию. Офицеры и солдаты радовались возможности послужить на Родине. Им это удалось, Гладышеву — нет.

Весной 1993 года ему позвонил первый зам командующего ВДВ генерал Освальд Пикаускас и сказал, что у начальства «есть мнение» назначить полковника Гладышева командиром 145-й дивизии, стоящей в Грузии (штаб — Батуми, Аджария). Такая перспектива не радовала. В пору офицерской молодости Владимир Петрович почти 7 лет отрубил на Кавказе, когда там было спокойно. Тогда назначение на юг считалось даже престижным. Теперь — почти как наказание. И потому Гладышев сказал Пикаускасу:

— А если я не соглашусь?

— Тогда так и умрешь замом комдива и полковником, — то ли пошутил, то ли всерьез ответил Пикаускас и в том же тоне добавил, — а если и согласишься, то мучиться будешь недолго — там быстро сгоришь или сожрут...

Перспектива была нерадостная, но он все же согласился. Вскоре его вызвали в Министерство обороны, где Грачев поздравил его с назначением и поставил три главных задачи: сделать полуразвалившуюся дивизию боеготовой, не допускать вооруженных конфликтов в месте ее дислокации и поддерживать прочные отношения с властями Аджарии.

То, что Гладышев увидел на новом месте службы, больше напоминало шарашкину контору, нежели дивизию. Вместо 7 тысяч личного состава от силы была тысяча, да и то не бойцы, а сторожа, занимавшиеся главным образом

тем, что охраняли 15 военных городков и складов, разбросанных на большом расстоянии друг от друга.

Вокруг многих уже не было даже заграждений — грузины растащили. А на складах — стрелковое оружие, боеприпасы, боевая техника. Тысяч 25 автоматов и гранатометов, около 100 танков, свыше 60 боевых машин пехоты, гаубицы, тягачи... С учетом ствольной артиллерии — единиц 200—250. Учет велся лишь по количеству — никакого номерного учета не было, что являлось грубейшим нарушением.

Плюс к этому на складах дивизии хранилось стрелковое оружие нескольких ранее расформированных частей бывшего Закавказского военного округа. Самой большой головной болью Гладышева стали склады расформированного 31-го корпуса. Они временно находились в Кутаиси под охраной малочисленного подразделения 35-го мотострелкового полка. Всякого армейского добра было там навалом: только гусеничной и колесной техники свыше 1000 единиц. Плюс оружие и боеприпасы. И многое уже разграблено грузинами или распродано им нашими военнослужащими.

— Поднимаешь капот «КамАЗа», — рассказывал Гладышев, — а движка нет, колеса без резины, пушки — без прицелов...

Гладышев решил сосредоточить оружие и технику поближе к штабу дивизии, в Батуми. Тем более что 35-й полк расформировывался и склады в Кутаиси могли остаться без охраны.

Операцию по вывозу спланировал в летнее время — день долгий, тепло, дороги сухие. Но из штаба ГРВЗ разрешение на перевозку оружия и техники из Кутаиси в Батуми почему-то долго не давали. А дело шло к осени. Гладышев звонил в штаб Группы в Тбилиси и возмущался: разумно ли тащить колонны под дождями, по скользким горным дорогам, а путь не короткий — 120 км. Да и к тому же все чаще происходили вооруженные столкновения между правительственными войсками и отрядами Гамсахурдиа — пахло настоящей войной. А маршрут колонн гладышевской дивизии пролегал через «линию фронта».

Комдив Гладышев тогда еще не догадывался, что, оттягивая перевозку оружия его соединения на осень, некоторые старшие начальники таким образом намеревались подыграть войскам Шеварднадзе (был тут и другой расчет:

если колонна с оружием и боевой техникой попадет в зону боевых действий, легче будет списать то, что уже распродано или разворовано).

— Самое интересное в этой истории, — рассказывал Гладышев, — это то, что генералы Лабутин и Потапов, которые там сидели, с первых же дней сказали мне: «Ты отсюда ничего не вывезешь». Я ответил: «Вывезу все, что смогу». Они говорят: «Таких героев тут было много».

То, что его подчиненных пытаются втянуть в боевые действия на стороне правительственных войск, Гладышев поймет позже.

Предвидя возможность нападения на колонны с оружием во время прохождения зоны боевых действий, Гладышев приказал сформировать сильные группы сопровождения, в которые входили танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты и реактивные установки «Град». Его расчет оказался верным.

Когда из Кутаиси на Батуми двинулась первая колонна, она уже вскоре столкнулась с серьезными преградами: на блок-постах ГАИ, стоящих на горных дорогах, путь боевой технике преградили мощные фундаментные блоки, преодолеть которые не могли и танки. Движение затормозилось, образовалась пробка — идеальное положение для нападения. Гладышев приказал старшему колонны не прекращать движение. Передовой танк разворачивал пушку назад и сносил с дороги помещение поста ГАИ — грузины еле успевали разбежаться. Путь колонне был открыт.

В другом месте колонну остановили предупредительными выстрелами с окружающих высот. Прибывшие гонцы потребовали передать им часть оружия и боевой техники. И тогда Гладышев приказал дать несколько устрашающих выстрелов из «Града» по прилегающим высотам. Грузины разбежались в разные стороны. Движение колонны возобновлялось.

В дальнейшем, чтобы напрочь исключить возможность вооруженных стычек со сторонниками Гамсахурдиа, Гладышев договорился с его «министром обороны» — Лоти Кабаля:

— Ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя.

Кабаля согласился, но на прощанье сказал комдиву:

— Тебя все равно заставят воевать против нас.

Гладышев дал ему слово офицера, что этого не будет. А через несколько дней заместители Гладышева полковни-

ки Кужеев и Любутов доложат ему, что получен негласный приказ из штаба ГРВЗ: «Ночью направить подразделение, сопровождающее колонну, в боевые порядки правительственных войск».

Гладышев категорически отказался делать это и напомнил, что есть строжайший приказ Грачева соблюдать нейтралитет и беречь людей. Тбилиссские начальники негодовали. Комдив не уступал:

— Сегодня ночью я буду стрелять в звиадистов, а завтра утром мне проходить через их боевые порядки? Да пошли вы на...

Гладышева и его подчиненных много раз пытались превратить в орудие внутригрузинских вооруженных разборок. И чем чаще случалось, что комдив отказывался играть эту роль, тем большее недовольство им вызревало в высоких правительственных кабинетах республики. Слухи об этом стали доходить до комдива. По той же причине у него не заладились отношения и с командованием ГРВЗ, явно склонявшимся на сторону Шеварднадзе.

Руководство республики не один раз откровенно давало понять командованию Группы, что российские войска, дислоцирующиеся на территории Грузии, должны играть по правилам, выгодным ее властям.

Когда в очередной раз подчиненные Гладышева уклонились от ввязывания в боевые действия на стороне правительственных войск, комдив получил выговор. Такое начало службы в Грузии не предвещало для Гладышева ничего хорошего...

* * *

Осенью 1993 года командующий ГРВЗ генерал Реут дал распоряжение Гладышеву передать большую партию стрелкового оружия и боеприпасов аджарцам. Реут предупредил комдива:

— Передать только сверхштатное и не самое лучшее.

Автоматы, пулеметы, гранатометы (всего около 1500 стволов и свыше 1 млн патронов) аджарцам со складов дивизии Гладышева передавали круглосуточно в течение трех дней. Тайны из этого комдив не делал. Офицеры контрразведки были хорошо осведомлены об операции.

Гладышев выполнил задачу, поставленную ему командованием ГРВЗ. По этому поводу он говорил:

— Я считаю, этот приказ был правильным. Охранять

такое количество оружия в Батуми у меня не было сил. И если бы подразделения Гамсахурдиа или правительственных войск вошли в Аджарию, они забрали бы это оружие. Поэтому приходилось выбирать: или вооружить аджарские силовые структуры, чтобы они не пускали подразделения воюющих сторон и противостояли разграблению наших складов, или население само начнет грабить оружейные склады, чтобы защищаться от нашествия грузинских войск. Мы выбрали лучший вариант. Войны в Аджарии не было.

Гладышев, словно предвидя недоброе, до отправки учетных документов в Тбилиси о переданном оружии сделал дюжину их ксерокопий (это его потом, когда началось уголовное расследование, и выручило, хотя в штабе ГРВЗ наряды «не могли найти»).

В октябре 93-го года из штаба Группы последовал новый приказ Гладышеву: передать 5 новеньких танков Т-72 МВД Грузии. Тут Гладышев уперся. Опять стычка с генералами Потаповым и Лабутиным.

Генерал Реут приболел, его обязанности исполнял генерал-лейтенант Борис Дюков. Гладышев позвонил ему. Тот подтвердил, что есть указание сверху пять машин передать. Комдив сказал Дюкову: «Пока не будет письменного приказа — танки не отдам».

Гладышев рассказывал:

— Вскоре из госпиталя позвонил Реут: «Выполняй приказ!» Я — ему: «Дайте бумагу!» Он: «Бумагу тебе подошлют». Потом они все-таки прислали мне бумагу, что-то типа расписки, и эти танки я вынужден был отдать.

Когда Гладышев из-за танков схлестнулся со своими начальниками из штаба Группы, те, как говорится, между строк дали ему понять, что существует некая «высшая воля», которой они руководствуются.

Все это сильно не понравилось комдиву, и он решил, что надо доложить в Москву, начальнику Генштаба генералу Михаилу Колесникову. Но права самостоятельного выхода на НГШ он не имел. А если бы и попытался сделать это, в штабе ГРВЗ мгновенно засекали бы: связь шла через Тбилиси.

И тогда он сделал так, чтобы сам начальник Генштаба вышел на него (передал свою просьбу через офицера, уезжавшего в командировку в Москву). Колесников вскоре позвонил. Гладышев рассказал ему о пяти танках. НГШ был в ярости и зло кричал в трубку:

— Это что ж получается? Меня надувают?

«Вот тебе и “высшая воля”», — недоуменно думал Гладышев.

Колесников был до того встревожен информацией Гладышева, что приказал комдиву два раза в день, утром и вечером, докладывать ему о положении дел в дивизии. И обещал всыпать командующему и прислать генштабовского инспектора.

Гладышев понимал, что после разговора с ним НГШ устроит головомойку командованию Группы, и потому, чтобы не чувствовать себя стукачом, сам позвонил начальнику штаба ГРВЗ генералу Юрию Балуевскому (сейчас — начальник Главного оперативного управления ГШ. — *В.Б.*) и рассказал о разговоре с Колесниковым. Тот отреагировал с холодным спокойствием и попросил Гладышева сообщать ему о содержании докладов Колесникову:

— Чтобы дуть в одну дуду.

Но даже и после этого Гладышев продолжал жить с сомнениями: искренни ли перед ним начальники? Не получается ли так, что его держат за простофилю, имитируя возмущение?

Он не знал всей правды, но о многом уже догадывался...

Через несколько месяцев после того, как Гладышев передал МВД Грузии пять танков, ему позвонил генерал Дюков и встревоженным голосом спросил:

— Владимир Петрович, а куда делись твои пять танков? Гладышев чуть со стула не упал:

— Товарищ генерал, вы же сами приказывали танки отдавать!

Дюков сорвался:

— Вы что там, совсем охерели? Это не я, а Реут приказывал!

Гладышев понимал, что идет какая-то игра, в которой тбилисское начальство отводит ему роль «крайнего». Опять ввязываться в свары было бессмысленно — это сулило новые неприятности по службе. Но он понимал и другое: неприятности могут быть гораздо серьезнее, если танками займутся следователи.

* * *

После случая с передачей пяти танков грузинам Гладышев жил с плохими предчувствиями. И хотя его отношения с командованием Группы на некоторое время вроде бы выровнялись (Владимиру Петровичу даже присвоили звание

генерала), все же ощущение того, что он кому-то «вверху» сильно мешает, не покидало его. К тому же он раз за разом натыкался на следы различного рода тайных махинаций, которые были совершены в дивизии еще до его прихода.

В Батуми находилась база хранения медицинского имущества ГРВЗ (так называемое «меддепо»). Оборудования там было в свое время аж на 12 военно-полевых госпиталей. Когда же возникла необходимость где-то размещать оружие и технику, которые Гладышев стаскивал в Батуми из корпусных складов в Кутаиси, он вспомнил о шести огромнейших ангарах, оставшихся от депо. Осмотрев его, ужаснулся. Там уже почти ничего не осталось. Ангары вместе с оборудованием и имуществом уже были проданы грузинам, которые приспособили базу под свои нужды и выставили вооруженную охрану. Ее комдив изгнал с территории и выставил свою.

Вскоре к комдиву явился разгневанный грузин-покупатель и стал стращать генерала. Намекал даже на то, что и его семье может не поздоровиться.

Гладышев не выдержал. Выхватил пистолет и приставил его к голове коммерсанта, пообещав сделать ему «вентиляционное отверстие», если он не оставит его в покое. Грузин заскулил и признался, что выкупил помещения и медицинское оборудование через штаб Группы за 25 тысяч долларов. И просил вернуть ему хотя бы часть этих денег.

Так тайное стало явным.

Гладышев позвонил Реуту и доложил о ситуации. Командующий его действия одобрил. Но по тону его голоса Гладышев понял, — доклад командующего насторожил.

На вопрос Гладышева, как быть теперь с грузином, который справедливо требует возврата хотя бы части уплаченных им денег, командующий ответил уклончиво.

Конфликт был спущен на тормозах.

Но Гладышев заметил, что в штабе Группы его некоторых начальников раздражает то, что подчиненный докопался до сделки, о которой лучше бы молчать. Теперь он был не только подчиненный, но и неугодный свидетель.

Штабные начальники, наезжавшие в дивизию из Тбилиси, казалось, только и искали повод, чтобы в чем-то его ущучить. Не гнушались даже мелочами. Однажды заму командующего генералу Лабутину вовремя не подали обед. Он с упреком сказал Гладышеву:

— Когда я был комдивом, то перед обедом члена Военного совета каждую вилку и тарелку лично проверял!

Гладышев отрезал:

— Я комдив, а не холуй.

На следующий день Гладышев сдавал проверку по тактике. Отвечал без подготовки — вопросы знал назубок. Зам командующего все-таки недостаток нашел: «Слабо использует руководящие документы». Гладышев снова вспыл:

— Что же для вас важнее — суть дела или цитаты?

И опять разговоры на повышенных тонах. Когда Лабутин обозвал соединение Гладышева «мандариновой дивизией», комдив не выдержал и обматерил начальника.

Расстались, не пожав друг другу рук...

* * *

В Грузии затевалась новая вооруженная заваруха — власти были недовольны слишком самостоятельной «сепаратистской» позицией председателя Верховного Совета Аджарии Аслана Абашидзе. Зная об этом, Грачев и сказал Гладышеву в день его назначения комдивом:

— Владимир Петрович, не допускай, чтобы Аджарию втянули в вооруженные разборки. Иначе — вторая Абхазия...

Обо всех тонкостях грузино-аджарских военно-политических игр руководство Минобороны РФ и Генштаба было хорошо осведомлено. Еще в день знакомства Абашидзе сказал Гладышеву:

— Сейчас в Грузии не осталось неразграбленной и неподконтрольной определенным группировкам отрасли. Для этих людей с автоматами Аджария — как запах крови для акул.

«Этих людей с автоматами» возглавлял Георгадзе. Абашидзе однажды сделал сенсационное публичное заявление, что шеф МБ Грузии готовил на него покушение.

Возглавив дивизию в Батуми, Гладышев оказался в положении, при котором ему отводилась одна из ключевых ролей в остром противостоянии между Тбилиси и Батуми. И ему уже вскоре пришлось заявить «о большой паутине», которую стал плести вокруг него Георгадзе.

Во время приезда главного военного инспектора генерала армии Константина Кобеца в Батуми Абашидзе говорил ему:

— Если учесть тот факт, что дивизия Гладышева охраняет склады с огромным количеством оружия, и коррупцию, существующую в штабе ГРВЗ, то всем станет понятно, чего мы больше всего опасаемся. Слишком много жадных рук тянется сейчас к оружию, которое хранится здесь.

Одна из оппозиционных грузинских газет писала о министре безопасности республики: «За короткое время не без помощи командующего ГРВЗ генерала Федора Реута он (Георгадзе. — *В.Б.*) создал мощное, хорошо вооруженное бронетехникой специальное подразделение. На его создание, как заявляет сам генерал, из бюджета «не затрачено ни одного цента».

Таким образом российское оружие становилось важным «инструментом» силового давления, под которым Тбилиси постоянно держал Батуми, имея далеко идущие планы. Сознывая опасность этого фактора, Абашидзе и стремился делать свои ставки на дивизию Гладышева, которого иногда стал многозначительно называть «министром обороны Аджарии».

Батуми не раз слышал от Тбилиси обвинения в сепаратизме и прямые требования «не уклоняться от военных забот». Абашидзе уклонился. Он публично заявил: «Если у нас найдутся люди, которым есть за что воевать, пусть идут сами. Но от Аджарии в войне не будет участвовать никто».

Но аджарцев упорно понуждали к тому, чтобы они не отсиживались в кустах. Иногда это принимало откровенно провокационные формы.

...В марте 1994 года у границ Аджарии появились вооруженные грузинские подразделения. Дивизионные разведчики доложили Гладышеву о скоплении бронетехники и большого количества людей. Было похоже на подготовку ввода войск на аджарскую территорию. Гладышев запросил штаб ГРВЗ — что происходит? Оттуда ответили неуверенно: «По неподтвержденным данным, это маневры подразделений министерства безопасности». И предупредили:

— Тебя не трогают — не вмешивайся. Пусть грузины сами меж собой разбираются.

Но Гладышев понимал: начнется вооруженный конфликт — его дивизия в кустах не отсидится. Если пойдет резня, аджарцы неминуемо будут искать защиты у российских солдат. К тому ж и сами уже не слабо вооружены (те самые полторы тысячи стволов).

Решил сработать на упреждение. Поднял по тревоге бронегруппу и послал ее к границе. А там уже «правительственные войска» перестраивались в боевые порядки.

У Гладышева был радиотелефон, и он давно знал, что его грузины прослушивают. Набрал номер дежурного по МБ и сказал:

— Если хоть палец в Аджарию сунете, оторву вам головы!

А для подтверждения серьезности своего обещания приказал шарахнуть несколькими залпами «Градов» вдоль моря.

Большое «скопление бронетехники и живой силы» быстро ретировалось...

На следующий день в грузинских газетах появились сообщения, что МБ республики проводило операцию по уничтожению «оставшихся банд Гамсахурдиа», выдавливая их в сторону моря.

Лукавость такого заявления была очевидной: бронеколонны МБ намеревались войти в Аджарию со стороны моря, и таким образом получалось, что воображаемые «банды» заталкивались в глубь страны.

* * *

Гладышев становился неугодным не только некоторым высоким начальникам в штабе ГРВЗ, но и руководству Грузии.

И все чаще начинал замечать, что его начинают потихоньку «выдавливать» из ГРВЗ. Однажды начальство внезапно и категорично приказало ему отправиться в отпуск. Он наотрез отказался — «афганцы» имеют право выбора время отпуска. Затем в штабе Группы и в дивизии стал усиленно муссироваться слух, что комдива скоро отправят на учебу в академию Генштаба. А потом произошел случай, который помог ему окончательно понять, что он не нужен здесь ни своим начальникам, ни тбилисским властям.

Однажды Гладышеву «свои люди» дали магнитофонную кассету, на которой была записана конфиденциальная беседа командующего с людьми, говорящими с грузинским акцентом. Они жаловались генералу Реуту, что Гладышев сильно мешает.

— Когда ты уберешь этого козла?

В ответ на это на пленке прозвучало:

— Он уже и нам надоел...

* * *

В октябре 93-го года грузинские штурмовики Су-25 раздолбали российскую погранзаставу Анаклия (в районе Поти). Но обошлось без человеческих жертв, несколько бойцов получили ранения различной степени тяжести. Потери тогда могли быть гораздо больше, но пограничников выручило то, что почти весь личный состав нес службу на участках.

В то время шли бои между отрядами Гамсахурдиа и правительственными войсками. Из каких-то источников (нельзя исключать — провокационных) грузинам стало известно, что на погранзаставе скрываются «враги режима». Было решено нанести внезапный удар.

Вскоре к Гладышеву прибыл командир погранотряда полковник Сергей Шаншин, стал просить у комдива несколько зенитных установок:

— Грузинам оружие передаете, а свои люди от грузинских самолетов будут гибнуть? У меня обученные стрелки-зенитчики есть.

Гладышев ответил, что без приказа из штаба Группы сделать это не может. К тому же над заставой проходила авиационная трасса, не дай Бог, пограничники по ошибке пальнут по пассажирскому самолету.

Через некоторое время Шаншин снова заявился с той же просьбой. Гладышев позвонил Реуту, объяснил ситуацию.

— Разрешите я выделю несколько «Шилок».

— Ты что, в тюрьму хочешь? Запрещаю!

Шаншин снова ушел ни с чем.

А через две недели еще одну его заставу грузины разнесли теми же штурмовиками в пух и прах.

Вообще во время вооруженной борьбы с отрядами Гамсахурдиа у грузинских военных некоторое время была своего рода мода атаковать российские заставы под предлогом того, что там скрываются боевики. Однажды к генералу Реуту обратился министр безопасности Грузии Игорь Георгадзе с просьбой выделить два военно-транспортных вертолета для проведения спецоперации против «незаконных вооруженных формирований». Реут в то время лежал в госпитале. Георгадзе «достал» его и там.

Командующий выделить вертолеты разрешил, поручив проконтролировать этот вопрос начальнику штаба ГРВЗ генералу Юрию Балуевскому. Тот, понимая серьезность за-

теи, приказал вместе с грузинскими спецназовцами посадить в каждый вертолет по четыре автоматчика ГРВЗ «для обеспечения охраны боевых машин» во время операции. Цель ее была прежней — атака погранзаставы, где якобы прячутся боевики. Лихая атака закончилась тем, что четыре российских пограничника были тяжело ранены, но при этом и командир отряда спецназовцев получил пулю в грудь.

«Боевиков» на заставе не оказалось.

Некоторую экзотичность этим смертельным играм придавало то, что против российских пограничников вместе с грузинами участвовала российская боевая техника и восемь российских мотострелков...

* * *

В конце декабря 1994 года в Тбилиси состоялся военный совет ГРВЗ. Гладышев вместе со своим адъютантом старшим лейтенантом Муратом Мамаладзе остановился в гостинице в Вазиани. На другой день к комдиву заглянул давний сослуживец. Как водится, по такому поводу — по пять капель. На столе уже стояла початая бутылка водки — Гладышев потом сто раз жалел, что не придал этому значения...

Слишком нагружаться было нельзя: утром совещание, беседы с начальниками.

Потому ограничились тем, что было.

Когда сослуживец ушел, Гладышев почувствовал, что ему становится плохо. Пошел озноб, появились красные пятна на лице, стал задыхаться. К утру потерял сознание.

Пришел в себя уже в госпитале. Колят какие-то уколы, дают таблетки. Гладышев спросил у врача о диагнозе. Тот ответил:

— Кто-то напоил вас клофелином.

Комдив тогда и вспомнил о бутылке, которую оставил в его номере бывший сослуживец...

Втайне от врача заглянув в историю болезни, Гладышев прочел совсем иной диагноз — алкогольное отравление.

После этого, оставшись с подполковником-медиком с глазу на глаз, спросил у него в лоб, как все это понимать? Тот ответил что-то невнятное.

Невнятного было много: вместо терапевтического Гладышев оказался в психоневрологическом отделении, где и

узнал, что на него заведено две истории болезни с разными диагнозами.

Дальше — больше: возле его палаты появилась охрана из подразделения «Летучие мыши» (что-то вроде спецназа штаба ГРВЗ). Среди охранников был давно знакомый Гладышеву майор Зубчук, его бывший комбат. Однажды Гладышев вызволил его из грузинского плена, обменяв на партию боеприпасов. Генерал напомнил майору об этом эпизоде:

— И ты теперь меня сторожишь?

Зубчук раскололся и рассказал, что вокруг комдива «затеваются что-то темное».

Гладышев понял, что надо смываться из госпиталя. Но тогда достанется людям, которые приставлены к нему надсмотрщиками. Пока продумывал план побега, прилетела в слезах из Батуми жена, так запаниковала, что Абашидзе даже дал свой самолет.

Было это 31 декабря 1995 года. Гладышев решил отпра- ситься у врачей на праздник домой. Те наотрез отказали. Тогда он позвонил генералу Реуту и попросил разрешения. Сказал, что чувствует себя нормально, что за ним прилетела жена. Реут запретил ему уезжать из госпиталя. Опять пошел разговор на высоких тонах. Командующий бросил трубку. А Гладышев собрал вещи и рванул на такси в аэропорт.

От госпиталя до самолета его сопровождал «хвост»: две машины, в которых сидели люди в форме спецназовцев. «Очень похоже, что это подчиненные Георгадзе», — сказал Гладышеву сопровождавший его офицер. В тот день генерал понял, что против него открыли «второй фронт».

Прилетев в Батуми, узнал, что приказом командующего ГРВЗ он отстранен от должности...

* * *

После встречи Нового года он собрал штаб дивизии и рассказал офицерам все, что с ним произошло в Тбилиси. Было решено, что комдиву необходимо срочно доложить об этом министру, начальнику Генштаба и Главкому Сухопут- ных войск генералу Владимиру Семенову. Гладышев на- диктовал на магнитофонную ленту почти часовую исповедь и с офицером, улетающим в Москву, передал три кассеты. В них рассказал обо всем: как его втягивали в войну, как заставляли передавать стрелковое оружие и боевую технику, как распродается имущество...

Первым откликнулся Семенов и сообщил, что отменяет приказ Реута об отстранении Гладышева от должности. Владимир Петрович оказался в идиотском положении: штаб Группы отдавал приказы заместителю Гладышева, а штаб Сухопутных войск слал директивные телеграммы на имя штатного комдива.

Когда в дивизию заглянул корреспондент московской газеты, комдив пригласил его к себе и излил душу.

Министр и начальник Генштаба продолжали молчать.

У Грачева долго не доходили руки до кассеты Гладышева, зимой 1995 года он с головой ушел в чеченскую войну и долгое время почти безвылазно находился в Моздоке, в штабе Оперативной группы. По той же причине молчал и НГШ генерал Колесников.

Как только начальник аппарата министра обороны генерал Валерий Лапшов доложил Грачеву о содержании кассеты, тот приказал немедленно вызвать комдива в Москву.

Обрадованный таким поворотом дела, Гладышев позвонил столичному журналисту, которому давал интервью, и попросил подождать с публикацией материала — дескать, посмотрим, как отреагирует Грачев...

Прибыв в Москву, Гладышев остановился в военной гостинице. До поздней ночи смотрел в номере телевизор. Шел обзор прессы. Вдруг — на весь экран огромный заголовок: «Генерал Гладышев обвиняет...» И голос диктора: «Очередной громкий скандал в армии. Командир 145-й мотострелковой дивизии ГРВЗ генерал-майор Владимир Гладышев обвиняет в коррупции свое начальство и рассказывает о действиях “вооруженческой мафии” на Кавказе...»

И тут же — телефонный звонок. Взволнованный голос Главкома Семенова:

— Чего ты раньше времени высунулся, мудака!

Утром Гладышев был «на ковре» у Грачева. Тот был усталым и раздраженным:

— Еще один «писатель» нашелся! Мне Лебедь уже в печенках сидит!. А теперь еще и ты туда же...

Был долгий разговор. Гладышев рассказал министру все, как на духу. Грачев несколько раз вскакивал из-за стола, чертыхался и грозил со своих «тбилисских» генералов содрать шкуру.

В конце беседы Гладышев спросил у Павла Сергеевича, как ему теперь быть — Реут отстранил от должности, грозил вообще снять.

— Поезжай на место и продолжай командовать дивизией, — заключил Грачев, — я тебя назначал, я тебя, когда надо будет, и сниму.

Самолет до Батуми, в котором улетал из Внуково Гладышев, уже подруливал к взлетно-посадочной полосе, когда командиру корабля приказали остановиться и ждать. Гладышев спросил у штурмана, в чем дело. Тот ответил:

— Заходит на посадку литерный из Тбилиси. Срочно почему-то летят в Москву почти все силовые министры — Надибаидзе, Георгадзе...

Смутная и тревожная догадка обожгла генерала.

Предчувствие не обманывало его...

* * *

Вскоре одна за одной повалили в штаб Группы и дивизию высокие московские инспектора — генералы Константин Кобец, Антон Терентьев. Копали все основательно, но о выводах никто ничего Гладышеву не говорил. Вскоре его снова вызвали к Грачеву. Перед тем, как зайти к нему в кабинет, Гладышев заглянул к Лапшову. В прошлый раз начальник аппарата, казалось, был идеалом вежливости, а тут сразу попер на комдива:

— Ты чего на Реута наезжаешь?! Скандал развел...

Гладышев в ответ сказал ему что-то резкое и вышел из кабинета. Было ясно, что ситуация разворачивается не в его пользу. Комдив догадывался, что Реут, Надибаидзе и Георгадзе, побывавшие у Грачева, «обработали» министра соответствующим образом.

На этот раз Грачева будто подменили: от былой благожелательности не осталось и следа. Он свирепо стал доказывать Гладышеву, что тот не понимает ситуацию в Грузии и мешает командованию Группы работать.

Сенсационные признания и обвинения генерала Гладышева, содержащиеся в газетной публикации, наделали немало шороху не только в Минобороны и Генштабе, но и в Кремле. Грачев получил команду «разобраться, доложить, наказать». В штаб ГРВЗ в Тбилиси и в дивизию Гладышева прибыла высокая московская комиссия. Следом за ней — ревизоры управления вооружения ГРВЗ, затем появился военный прокурор.

Гладышев доказывал всем, что действовал по приказам из штаба ГРВЗ. А в штабе ГРВЗ «не могли найти» этому документальное подтверждение. Отношения между коман-

дующим ГРВЗ генералом Реутом, его некоторыми заместителями и Гладышевым стали похожими на плохо скрываемую вражду. Особенно после того, как Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело в отношении комдива: ему инкриминировались незаконные действия при передаче вооружений...

Вскоре в документах минобороновской комиссии, представленных Грачеву, появился такой вывод: «В связи с конфликтом между командующим ГРВЗ генерал-полковником Ф. Реутом и командиром 145-й дивизии генерал-майором В. Гладышевым целесообразно перевести Гладышева на равнозначную должность в один из внутренних военных округов или отправить на учебу в академию Генерального штаба».

Гладышев сказал Грачеву:

— В таком случае я уйду из армии.

— Ты что, с ума сошел?

— Я уйду...

Грачев все еще надеялся удержать его в армии. Вывел Гладышева в свое распоряжение, временно перевел в Москву и приказал кадровикам подыскать комдиву подходящее место. Те предложили ему «пасьянс» из нескольких должностей во внутренних военных округах. Но пока он раздумывал, получил повестку из Главной военной прокуратуры. Когда прибыл туда, ему объявили о возбуждении уголовного дела.

Начались допросы и очные ставки...

В конце 1995 года Гладышев подал рапорт на увольнение, который был удовлетворен.

После отставки генерала Гладышева по Аджарии прокатилась волна многотысячных митингов, на которых его часто называли «Аджарским Лебедем». Мешками собирались подписи людей под обращением к Ельцину не смещать Гладышева с должности. Скандал принял широкомасштабный характер — его активно начали комментировать российские СМИ. В те дни «Независимая газета» писала: «Отстранение опального генерала Гладышева в Аджарии объясняют происками «злого гения» (под ним явно подразумевался Георгадзе). Газета «Труд» высказывалась на сей счет более конкретно и называла еще одно лицо: «Может быть, у командующего ГРВЗ генерала Федора Реута есть свои взгляды на способы поддержания мира в Аджарии. Иначе чем объяснить целую акцию по дискредитации командира дивизи-

зии?» Осторожничили «Московские новости»: «Интрига против генерала Гладышева с последующим его снятием с должности осуществлена, скорее всего, Георгадзе при содействии руководства ГРВЗ и лично ее командующего».

А сторонников генерала Гладышева уже потихоньку убрали из Батуми: начали с командира 90-го полка полковника Игоря Броницкого (перевели в Ахалкалаки). Полк Броницкого был лучшим в Сухопутных войсках, как и дивизия в целом. И это еще ярче высвечивало направленность интриги.

Я часто думал, почему два российских генерала, которым, казалось, априори служба предписывала быть полными единомышленниками, оказались, как говорится, по разные стороны баррикады? Наверное, у Реута и Гладышева были разные позиции потому, что они служили в одной армии, но в разных Грузиях.

* * *

Весной 1996 года в России вовсю кипела предвыборная президентская кампания. Лебедь стал секретарем Совета Безопасности. Он хорошо знал Гладышева по Афганистану и совместной службе в ВДВ. Когда проведал, что Гладышев не у дел, пригласил его к себе на Старую площадь и предложил Владимиру Петровичу высокую должность. Гладышев колебался. Лебедь сказал:

— Ты сейчас фактически безработный, а я тебя хочу назначить на высокую должность. И ты еще раздумываешь?

Гладышев поблагодарил за доверие и признался, что на него заведено уголовное дело.

Лебедь задумался. Пристально посмотрел на Гладышева и сказал:

— Володя, я тебя с лейтенантских времен знаю и не верю, что ты мог запутаться с оружием... Давай работать, а прокуратура пусть разбирается.

Прокуратура разбиралась до конца 1996 года. В ноябре в материалах ГВП появился вывод: «Уголовное дело в отношении генерал-майора В. Гладышева прекратить в связи с отсутствием в его действиях состава преступления».

Состав преступления следователи обнаружили в действиях командующего Группы российских войск в Закавказье генерал-полковника Федора Реута. ГВП возбудила в отношении его уголовное дело — № 31/00/0014-96 (в нем шла

речь о незаконной передаче оружия Грузии и Армении). В связи с этим Реут в марте 1997 года был смещен с должности.

«Обвиняемый» Гладышев теперь превращался в свидетеля. Снова пошли вызовы в ГВП. Однажды следователь сказал генералу, что будет устроена личная ставка между ним и Реутом...

* * *

...Они встретились в Главной военной прокуратуре. Оба были в штатском. Реут еще не знал, что Гладышев уже служит в СБ.

— Здравия желаю, товарищ командующий!

— Привет, Володя. В штатском ты совсем изменился — другой человек.

Гладышев ответил тем же (хотя думал о другом):

— И вы совсем другой...

Их усадили лицом к лицу. Начался перекрестный допрос. Следователь — Реуту:

— Товарищ генерал-полковник, вы давали приказ командиру 145-й мотострелковой дивизии, тогда еще полковнику Гладышеву, на передачу оружия аджарцам?

Реут:

— Нет, не давал.

Следователь — Гладышеву:

— Товарищ генерал-майор, вы, будучи командиром 145-й дивизии, получали распоряжение от командующего ГРВЗ о передаче оружия аджарской стороне?

Гладышев:

— Да, получал.

Реут:

— Владимир Петрович, ты же генерал! Зачем неправду говоришь?

— Федор Иванович, вы тоже генерал. Только у меня одна, а у вас — три звезды. Почему вы неправду говорите?

Когда протоколы допроса были готовы, оба в напряженной тишине подписали их.

Затем Реут дал понять, что хочет поговорить с Гладышевым с глазу на глаз. Гладышев придумал повод, чтобы избежать неприятной беседы.

Выйдя вскоре из прокуратуры, Гладышев заметил Реута. И хотя дорога к метро вела в его сторону, Владимир Петрович пошел в другую.

Разные у них были дороги...

Даже после того, как Главная военная прокуратура признала Гладышева невиновным и у него были все основания продолжать службу, он решил повесить генеральский китель на гвоздь. На все уговоры старших начальников отвечал одинаково:

— Нет, в такой армии служить не буду...

* * *

...Уже лето 1999 года. Расследование уголовного дела, в котором генерал Реут выступает одним из главных фигурантов, продолжается. Виновен он или нет, следователям еще предстоит доказывать. Пока он всего лишь подозреваемый.

Некоторые офицеры штаба ГРВЗ, которые служили с Реутом, говорят, что он не тот человек, который способен по собственной инициативе ввязываться в опасные аферы с незаконной передачей оружия армянам и грузинам. Но это — всего лишь субъективное мнение нескольких бывших подчиненных генерала. Другие же (тот же Гладышев) считают, что командующий все же «прикладывал руку» к передаче оружия. Но следствие оперирует не мнениями, а фактами, которые и дали повод подозревать в действиях Реута состав преступления.

К тому же обнаружили некоторые тайные нити, которые из штаба ГРВЗ тянулись в Генштаб и Минобороны. И это заставляет следователей искать ответы на новые вопросы в деле Реута. Как квалифицировать его действия, связанные с передачей оружия тем же грузинам? Что это — исполнительность или криминал по собственной инициативе, мудрый ход военного политика или банальное меркантильное стремление поживиться за счет «лишних» стволов и пушек?

Когда-то начальник Генштаба Дубынин говорил, что у Реута есть «свои секреты» умения ладить с властями закавказских республик. Более того, в Тбилиси и Ереване некоторые высокопоставленные политики и военные сравнивают Реута даже со светлейшим князем генералом-фельдмаршалом Иваном Федоровичем Паскевичем, фаворитом и наместником Николая I на Кавказе.

Сравнение, конечно, лестное, но слишком смелое. Ибо несравнимы доблести и заслуги Паскевича и Реута перед Россией. Да и не нужно много ума для того, чтобы с помощью оружейных подачек грузинам или армянам прослыть среди них «своим» человеком или гибким дипломатом.

Российская военная история что-то не донесла из глубины прошлого века слухов о том, что генерал-фельдмаршал Паскевич пытался «обходным маневром» получить на юге престижную квартиру. А генерала Реута уличили в этом. И хотя он тут же возвратил ее, повод для нелицеприятных пересудов среди подчиненных дал серьезный.

Но лишь единицы в МО и Генштабе знают, что когда Реут обратился к Грачеву с просьбой выделить ему квартиру в Москве, министр написал на его рапорте: «Служи пока». Эта резолюция была очень похожа на отказ. Обиду Реута можно понять. Нельзя понять его стремления сомнительным путем получить квартиру на юге.

На допросах в прокуратуре он нещадно курит. Даже принес свою пепельницу. К концу допроса окурки лежат в ней горой.

В кабинете следователя ему приходится вести тяжелые оборонительные бои. Самое неприятное начинается тогда, когда его спрашивают, кто именно из высших военачальников Минобороны и Генштаба давал команду на передачу оружия. Он никого не сдает...

Такие люди, как Реут, — винтики большого механизма, генератор которого находится в самом «верху». И тот, кто способен держать за зубами язык, считается самым доблестным солдатом этой системы. Она и спасает их, на время выключая человека из своей шальной игры в экстремальных условиях, которые сама же создала.

УПРЕКИ

С начала 1992 года и до сих пор Тбилиси частенько упрекает Москву в том, что она несправедливо поделила оружие и боеприпасы. Даже после длительного периода мародерства, устроенного грузинами во многих гарнизонах, после многочисленных захватов складов с оружием и техникой, выяснилось, что Грузия действительно оказалась сильно обделенной. Особенно — по тяжелым вооружениям.

В республиканской армии, насчитывавшей в 1992 году около 20 тысяч человек, было всего 40 стареньких танков Т-55 и 8 — Т-72. Но и содержание такого количества тяжелого оружия вызывало немалые проблемы (особенно — с его эксплуатацией и ремонтом). Мало-помалу к грузинам приходило понимание, что с русскими надо искать другие формы взаимодействия...

В соответствии с Договором об обычных вооружениях в Европе для каждой страны были установлены определенные квоты (Грузия, например, имела право держать на своей территории не более 150 танков, 60 бронемашин и 115 артсистем). Однако молодая грузинская армия еще не имела в ту пору достаточного количества специалистов по эксплуатации этих вооружений, их надо было готовить. Иначе даже самая современная техника в руках дилетантов быстро превращается в металлолом.

С другой стороны, российские части на территории Грузии имели избыточное количество тяжелых вооружений, не вписывающееся в Договор об ОВСЕ. Между Москвой и Тбилиси была достигнута договоренность, что Грузия передаст России часть своих квот на вооружения.

Получив дополнительную часть квот, Россия получила и право держать на территории Грузии сверх нормы 115 танков, 160 бронемашин, 170 артсистем. В результате этого российский контингент превысил квоты по танкам на 50 единиц, примерно на столько же по артсистемам, а по бронемашинам — на 300 (что, по мнению сотрудников правоохранительных органов, и провоцировало нечистых на руку генералов ГРВЗ искать личные выгоды в тайных передачах «лишнего» оружия Грузии и Армении).

По мере того как в республике нарастало вооруженное сопротивление сепаратистов властям, грузинское политическое и военное руководство стремилось наращивать боевой потенциал своей армии за счет России. К тому же у Тбилиси для этого был очень сильный козырь, с помощью которого он часто и успешно «давил» на Москву: судьба российских военных баз и объектов. Как только возникало напряжение в отношениях между Тбилиси и Москвой, сразу ставился вопрос о наших базах. Снималось напряжение чаще всего с помощью новой партии российского оружия. Так было, например, летом 1995 года. Тогда Россия передала Грузии танковый батальон (31 танк Т-72). И то был не единственный случай...

Проблема вооружения грузинской армии после падения Союза попортила немало крови грузинским и российским политикам и военным. Поначалу отказавшись от вступления в Договор о коллективной безопасности СНГ, Тбилиси пытался проводить независимую военную политику, нередко заигрывая с Западом в чисто конъюнктурных политических целях. В результате этого бывали случаи, когда в гру-

зинском минобороны одновременно работали американские и российские военные советники.

В Москве ревниво следили за тем, как американцы пытались «купить» грузинское военное ведомство с помощью подачек. Однажды из США поступило оборудование для военного госпиталя. Грузинские военные во время визитов в США не раз поднимали перед американцами вопрос о поставках современных вооружений. Однако в Пентагоне отказывались даже говорить об этом — Белый дом категорически запрещал поставлять оружие в страны, где происходили вооруженные конфликты.

Стремление Тбилиси самостоятельно решить проблему перевооружения армии закончилось лишь тем, что минобороны осилило покупку лишь небольшой партии автоматов, приобретенных в одной из стран Восточной Европы. Серьезные трудности возникли и тогда, когда военное ведомство попыталось наладить на Тбилисском авиационном заводе выпуск штурмовиков Су-25. Но этот завод был «завязан» на многие российские предприятия, что опять-таки лишало грузин возможности начать самостоятельный выпуск авиационной техники. Возможностей закупать ее тоже не было.

С боеприпасами проблема стояла менее остро: на территории республики размещались 2 окружных и 3 дивизионных склада общей емкостью более 2 тысяч вагонов боеприпасов (окружной склад в Ахалцихе — 650, окружной склад в Хашури — 800, и на каждом из трех дивизионных складов — по 200 вагонов). На всех аэродромах Грузии, где базировались российские части, было в среднем по 5 авиационных боекомплектов, в общей сложности 15—20 тысяч авиабомб. Это было в 5 раз меньше, чем у Азербайджана. Но таких запасов боеприпасов, даже с учетом уже израсходованных во время войны с абхазами, республике хватит еще на десятки лет...

БАРТЕР

В конце 1995 года все участники Договора об обычных вооружениях в Европе должны были привести свои вооружения в соответствие с предоставленными квотами. Для России это значило уничтожить или вывезти из Закавказья значительное количество «избыточной» боевой техники. В противном случае на наших военных базах в регионе (в

том числе, разумеется, и в Грузии) эти вооружения фактически оказывались вне закона.

Как я уже говорил, передав России часть своих квот на вооружения, Грузия в немалой степени снимала для нас эту проблему. Но не без собственной выгоды.

Грузия согласилась содержать на своей территории 3 российских базы. После подписания Договора между РФ и РФ в 1995 году Эдуард Шеварднадзе многозначительно намекнул, что Грузия согласилась на такой шаг, «исходя из собственных национальных интересов» и что «с участием России будет восстановлена территориальная целостность Грузии — это неперемutable условие Договора о российских военных базах»...

Подписывая Договор с Тбилиси, наше политическое и военное руководство прекрасно понимало, что данный документ — это всего лишь кредит, который придется оплачивать.

Так, присутствие российских войск в Грузии все больше использовалось в интересах республиканских властей для разрешения внутривластного конфликта.

...Шеварднадзе и Ардзинба намертво сцепились между собою. Ардзинба бился за самостоятельность и не хотел быть под колпаком Тбилиси. Начались вооруженные схватки.

Москва долгое время невнятно маневрировала. Но долго так продолжаться не могло. Надо было сказать и грузинам и абхазам, какова же наша позиция. Ведь и грузины, и абхазы по-прежнему претендовали на наши войсковые арсеналы, базирующиеся в регионе. Тбилиси крайне жестко реагировал на любую постановку вопроса даже о теоретической возможности передачи оружия Абхазии. И это можно было понять: такой шаг означал бы, что Москва поощряет «вооруженный сепаратизм» Ардзинбы. Вот что говорил по этому поводу Грачев: «Мы не имеем права передавать Абхазии оружие через голову правительства Грузии, поскольку Абхазия считается составной частью этого государства».

И тем не менее, когда грянула грузино-абхазская война, в армии Ардзинбы были десятки танков, бронетранспортеров, артиллерийских систем, с помощью которых были обращены в бегство грузинские части (у абхазов было примерно 50 танков, более 80 БМП и около 75 артустановок). Вот тогда и выяснилось, что не все это было захвачено в

российских частях, дислоцированных на территории республики. Многие абхазам досталось «официально и законно»...

На аэродроме «Бомбора» базировались российские боевые самолеты Су-27 и Су-25, вертолеты Ми-24. Спецслужбы Грузии установили, что с этого аэродрома уходили российские штурмовики на бомбежку позиций грузинской армии во время войны с абхазами. С бомборского аэродрома доставлялись и боеприпасы абхазам во время их знаменитого похода на Гагру. Грузинская военная разведка утверждала также, что дислоцирующаяся на «Бомборе» десантно-штурмовая бригада участвовала в боях на стороне абхазов. Эти утверждения подкреплялись фотографиями, документами, показаниями многочисленных свидетелей. Опровергать их было бессмысленно.

Но самое опасное и парадоксальное состояло даже не в этом.

В критические моменты войны на подмогу грузинским правительственным войскам посылались... российские военнослужащие, танки и другая боевая техника. Происходила странная вещь: Шеварднадзе публично заявлял, что в его армию Россия поставляет новейшее российское вооружение, а российское военное руководство категорически отрицало это.

К этим поставкам наибольший интерес проявляла американская разведка — в районе конфликта под журналистской «крышей» работало несколько ее сотрудников (один из них погиб при странных обстоятельствах). Именно тогда в американской прессе появлялись сообщения о новых российских танках с экипажами, которые использовались в боевых порядках грузинских войск.

Генералы и офицеры российского Генштаба часто спрашивали друг друга: «На чьей же мы стороне?» Получалось, что мы были по обе стороны линии фронта. Как когда-то на учениях. Но там была игра. А здесь — война. Там «убивали» в шутку. Здесь — всерьез...

Когда наша военная делегация во время визита в Грузию посетила музей Сталина в Гори, один из моих сослуживцев с горькой иронией сказал:

— Вставай, отец, страна в беде...

Во время грузино-абхазской войны Россия вела себя как проститутка. Но некоторые наши генштабовские генералы, боявшиеся сказать подчиненным всю трагическую правду о

беспомощности Кремля и МИДа, старательно пудрили нам мозги, многозначительно рассуждая о «стратегических целях», о том, что таким вот образом мы поддерживаем военно-политический баланс в регионе, который не дает превосходства ни одной из конфликтующих сторон.

В сущности, этот «баланс» был не чем иным, как бесполой и грязной политикой. В Грузии ее особая опасность состояла в том, что в резко обострившейся после падения СССР политической борьбе противоборствующие силы делали особую ставку на оружие наших частей. Изначально не упорядочив процесс дележки вооружений с республиками, Россия таким образом потворствовала разгулу «местной стихии».

В Москве еще только готовились к подписанию межправительственного соглашения с Тбилиси о порядке передачи вооружений бывших советских частей национальной армии Грузии, а во многих гарнизонах такая передача шла уже полным ходом. Жизнь намного опережала политику. Под нажимом местных властей некоторые наши командиры, не имея четких политических и военных директив из Москвы, вынуждены были «авансом» передавать оружие. Оно попадало не только в части правительственных войск, но и в военные формирования Абхазии и Аджарии, что превращало обыкновенный сепаратизм в вооруженный и несло в себе колоссальные опасности для территориальной целостности Грузии.

Конфликтующие с грузинским «центром» стороны очень бдительно и ревниво следили за тем, какую линию проводит Москва, и не упускали случая, чтобы уличить российское военное командование в несправедливой дележке вооружений.

Когда абхазы засекали, что Министерство обороны России передает Грузии тяжелую боевую технику, на Москву моментально посыпались обвинения. Грачев публично вынужден был признать:

— Да, мы передали Грузии мизерное количество тяжелого вооружения. Процесс передачи еще только начался. Сейчас этот процесс мною остановлен из-за того, что развернулись вооруженные столкновения. Но когда обстановка наладится, станет стабильной, передача оружия, официальная, законная, пойдет...

Однако оружие на весьма сомнительных основаниях передавалось не только грузинам, но и абхазам. Еще в августе

1992 года грузинская разведка установила, что из расположенной в Гудауте российской части ПВО абхазы получили примерно 1000 автоматов и пулеметов. Москва объяснила это тем, что, дескать, резко участились случаи нападения на склады с оружием — местные жители боятся грузинских спецназовцев и потому стремятся вооружаться.

Аргументация была более чем странной.

Таким образом, наши военные содействовали усилению боевого потенциала противоборствующих сторон. При этом некоторые российские командиры нередко руководствовались не приказами вышестоящих начальников, а собственными политическими соображениями. Как делал это, например, командир 44-го отдельного батальона аэродромно-технического обслуживания подполковник Анатолий Долгополов.

Из материалов прокурорского расследования:

«...В ходе расследования выяснилось, что командир отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения подполковник А. Долгополов передал незаконно местным властям в Гудауте 6 боевых машин пехоты с полным боекомплектom, 6 пулеметов, 367 гранат Ф-1 и около 50 тысяч патронов различного калибра...»

Вот что офицер рассказывал следователям об идейной стороне своего поступка:

«...Я взрослый человек и полностью несу ответственность за свои действия. В Абхазии я служил четыре года, в самое напряженное для этой республики время. И имел возможность многое наблюдать, делать выводы. О том, например, что если Грузия имеет право на выход из СССР, в который она вошла в 1922 году после Октябрьской революции, то почему тогда Абхазия не может выйти из состава Грузии, в которую ее также включили после победы советской власти? Как следствие из этого наблюдения, делаю и другой вывод: если Грузия, отделившись, претендует на свою долю вооружения бывшего СССР, почему Абхазия не может также получить соответствующую размерам государства частичку арсеналов? Кроме того, абхазы во всех своих «сепаратистских» выступлениях открыто занимали пророссийскую позицию, готовы даже были войти в состав Российской Федерации.

Тогда казалось, что вскоре так и случится. Естественно, меня как россиянина эта проблема волновала. Обидно

ведь, понимаете, наши предки, в том числе и казаки, отдавали свои жизни за эту землю, завоевывали, объединяли, и теперь пошел опять раздел.

Но одно дело рассуждения, а другое — передача вооружений. Заметьте, мне отдавало приказы мое собственное начальство. Кроме того, нужно представить ситуацию: моя часть находится на территории Абхазии. Солдаты, офицеры, их жены и дети. Ответственность за них полностью лежала на моих плечах. Трудно предугадать, что произошло бы, не передай я БМП абхазам. Но можно с уверенностью сказать, что, если бы машины были переданы грузинской стороне, без конфликта не обошлось бы. Поэтому я передавал БМП, прекрасно понимая, чем это грозит мне во всех случаях. И, кстати, передавал технику по накладным после получения бумаги от Ардзинбы и, естественно, без всякой оплаты...»

У русского подполковника Долгополова была своя идейная позиция и свое понимание ситуации, в которую он вместе с подчиненными попал, когда грузины и абхазы подняли меч войны друг против друга.

Начиная с 1992 года Грузия часто ставила перед Россией вопрос о том, чтобы ей вернули причитающуюся долю кораблей Черноморского флота.

Москва долго отнекивалась. Потому как сама еще не поделила корабли с Киевом. Поздней осенью 1997 года было достигнуто соглашение, что четыре малых корабля из состава российского Черноморского флота будут переданы Грузии.

Чем дольше затягивалось решение грузино-абхазской проблемы, тем чаще и упорнее власти республики настаивали на том, чтобы Россия передала Грузии некоторые военные объекты, дислоцирующиеся на ее территории (они относились к трем нашим военным базам). Не так давно Москва, хотя и с большой неохотой, но вынуждена была пойти на это.

«Выдавливание» из Грузии арьергардов российского военного присутствия продолжается. В российском Генштабе давно располагают сведениями о том, что грузинские власти в высоких американских кабинетах и в штаб-квартире ООН активно проталкивают идею о вытеснении российских миротворцев из зоны на границе с Абхазией и замену их военным контингентом НАТО.

А мне почему-то вспоминается, как во время посещения Аджарии Шеварднадзе сказал о российских войсках:

— Их пребывание в Грузии — фактор стабильности...
Дипломаты любят повторять: «В политике нет ничего постоянного, кроме интересов».
Теперь я знаю, что это ложь...

АБХАЗИЯ: АВТОМАТЫ И МАНДАРИНЫ

...Война в Абхазии идет уже несколько месяцев (я пишу эти строки в январе 1993). Только что из района конфликта возвратилась группа генштабистов. Те, которые еще не были там, слушают их рассказы с жадным интересом. А лица — угрюмые...

Я и сам ощутил, что испытываю очень странные чувства, словно кто-то испоганил в моей памяти добрую — с ласковым голубым морем, теплым желтым солнцем и сладким мандариновым воздухом сказку — спутницу моего детства...

Может, это потому, что до сих пор помню, как на пизундском морском берегу старый абхазец весело «разбомбил» мою песочную крепость невиданным количеством мандаринов, сброшенных на нее из огромной кошелки?

Теперь на память моего детства падают настоящие бомбы...

Никто так не может рассказывать о войне, как тот, кто хоть раз заглянул ей в глаза. Рассказывай, полковник Лучанинов...

...Над Гудаутой осатанело носились российские штурмовики. Самолеты с жутким ревом делали боевые развороты.

Для успокоения насторожившейся международной общественности Москва сообщала, что ее боевые пилоты якобы проводят в районе Гудауты «учебные стрельбы».

Полковник протягивает мне пахнущий вертолетным керосином абхазский мандарин и помятый листок — ксерокопию дневника чьих-то впечатлений или письмо — трудно понять. Полковник пояснил:

— Нашли у убитого старлея...

«...Здесь, у реки Гумиста, идут окопные перестрелки. Почти каждый день кого-то убивают. И хоронят. Похороны происходят буднично: с боевых позиций приезжают боевые друзья, женщины надевают черное, родственники делают значки с портретом убитого...

Теперь курортный парк в Гудауте превратился в кладбище. В парке похоронены пассажиры российского вертолета...

та, который был сбит у абхазского села Лата. Рядом с братской могилой — обшарпанный постамент Ильича...

Я стоял у этого постамента. Смотрел вождю в разбитое каменное лицо... Рядом замерли безжизненные аттракционы, ветхие лошадки и качели... На них еще не скоро будут кататься абхазские детишки...

В детстве я приезжал сюда с родителями и мне запомнился этот солнечный сказочный парк. Сегодня сюда приходят на поминки женщины и мужчины в черном...

Заезжий журналист написал все гораздо лучше меня. Я так не могу (да и нет времени). Тут — все правда. Поэтому цитирую: “Теперь Гудаута — настоящий прифронтовой город. И хотя некоторые магазины работают, в них почти нечего купить. На прилавках — стандартный ассортимент: минеральная вода и острая кавказская приправа аджика. Хлеб выдают по карточкам. А скудную гуманитарную помощь распределяют по спискам. Зато полно мандаринов. На завтрак — мандарины. На обед — мандарины. На ужин — мандарины. По-моему, таким количеством мандаринов запросто можно отравиться. Но есть у цитрусовых и военный аспект. Килограмм мандаринов в Абхазии меняют на один патрон. Если так, то снаряженный магазин для АКМ стоит 33 килограмма...”

Здесь, на пицундском пляже, танки. Масляные радужные разводы в воде... Танки и на улочках бывшей тихони — Гагры... Многие уже, наверное, забыли, что в Абхазии были самые лучшие курорты в СССР. Теперь они называются «эвакопунктами»... Знаменитый орган в пицундском храме разбит. Я слушал его музыку еще пациентом...

Новофонские пещеры, при одном упоминании о которых местные краеведы когда-то молились, теперь превращены в бомбоубежища. Экзотический ресторан в Эшерах стал штабом. На фронте специалисты по туризму командуют воинскими подразделениями, а экскурсоводы сидят в окопах...»

Полковник смотрит на меня и грустно говорит:

— Теперь вместо Абхазии — «горячая точка»...

* * *

Мы вооружили Кавказ самым страшным оружием — войной.

Когда на Кавказе появились тысячи свежих могил, неко-

торые «прозревшие» политики в Москве дружно закудахтали об «ответственности России за мир в ее ближнем зарубежье».

Не понимающие логики действий своей высшей власти, оказавшиеся в самом кратере вспыхнувших внутригрузинских междуусобиц, русские генералы и офицеры нередко во имя спасения жизней своих подчиненных были вынуждены тайком подпитывать оружием конфликтующие стороны, а сами становились жертвами.

Российская политическая глупость часто крушила судьбы и карьеры наших генералов и офицеров только потому, что они с утра безупречно выполняли поступивший «сверху» приказ, который вечером оказывался «преступным».

Как и грузины, абхазы не упускали возможности поживиться за счет российских войсковых арсеналов, расположенных на территории их республики. В Гудауте, например, был разграблен зенитный ракетный полк ПВО. Местные жители похитили 9984 автомата, 267 пистолетов, 600 сигнальных ракет, более 5000 гранат и свыше 500 000 патронов различного калибра.

В момент нападения наши часовые спрятались. Более того, позже выяснилось, что солдаты этой части сами помогали абхазам угонять машины, за что получили по 8 тысяч рублей.

В ходе расследования этого инцидента следователи обнаружили несколько накладных на передачу оружия и боеприпасов абхазской стороне. Например, одна из них, №130/130 (от 25.5.92.), свидетельствовала о выдаче пулеметов и другого стрелкового оружия представителю властей Абхазии.

В сентябре 1992 года Грачев подписал приказ о строгом наказании виновных. Начальник штаба и начальник тыла 19-й армии ПВО отделались строгими выговорами, а пять офицеров были предупреждены о неполном служебном соответствии.

Однажды из штаба Группы российских войск в Закавказье в Генштаб поступила большая шифровка, в которой командование ГРВЗ в запредельно жесткой форме ставило ряд неотложных вопросов, связанных с тяжелой ситуацией, сложившейся в наших гарнизонах и вокруг них. Словно в насмешку, кто-то из наших генштабовских начальников начертал на этом документе: «Все вопросы — Борису Николаевичу».

В ГУСТОМ ТУМАНЕ «АРМЯН-ГЕЙТА»

После падения Союза и дележки частей его армии меньше всего боевой техники, оружия и боеприпасов (в сравнении с другими республиками Закавказья) досталось Армении. И хотя в арсеналах 7-й общевойсковой армии, дислоцировавшейся на территории республики, только тяжелого вооружения (танки, пушки, бронетранспортеры) насчитывалось 1107 единиц, примерно процентов 70 всего этого «добра» нашему командованию все же удалось удержать под контролем.

Если заглянуть в архивные документы Генштаба 1991—1992 годов, то легко убедиться, что шифровок из штаба 7-й армии о вооруженных нападениях на наши базы и склады с оружием в Армении поступало заметно меньше, чем из других закавказских республик. Хотя армяне считали себя обделенными. На территории республики находились 3 дивизионных склада со снарядами, бомбами, гранатами и патронами (около 500 вагонов). Все это почти целиком досталось армянской армии. Но ее командование и руководство республики было недовольно: Ереван упрекал Москву в том, что азербайджанцам досталось боеприпасов в 20 раз больше. В условиях неурегулированного конфликта из-за Нагорного Карабаха в любой момент могла с новой силой разгореться война и армяне были обеспокоены запасами в своих тылах.

Большим ударом по армянским боеприпасам стало ЧП на дивизионном складе Балаовит. На нем взорвалось 5 из 8 хранилищ. Армянская сторона посчитала, что то была диверсия русских, и предъявила России иск на сумму 1,7 миллиарда рублей.

Руководство республики потребовало, чтобы Россия завезла в Армению количество боеприпасов, равное уничтоженному.

Поскольку наша вина во взрывах на Балаовите не была доказана, российское руководство не сочло такое требование Еревана правомерным. Но во избежание трений и захватов армянами наших оставшихся вооружений и боеприпасов все же уничтоженное количество боеприпасов в Балаовите было этой республике возмещено.

Я уже говорил, что в российском Генштабе одним из вариантов ослабления «тротиловой массы» Закавказья рассматривались и возможные «мероприятия» по уничтожению

хранилищ и складов. Были ли взрывы в Балаовите делом рук наших спецназовцев? Об этом, как говорится, знает только ветер. Но тот факт, что во время ЧП (взлетели на воздух несколько десятков вагонов) не пострадал ни один человек, навевал определенные мысли...

То, что Армения оказалась явно обделенной во время «приватизации» вооружений и боеприпасов бывшей Советской Армии, долгое время (вплоть до конца 1993 года) служило причиной многих претензий высшего политического и военного руководства республики к Москве. Эти претензии звучали тем громче, чем больше армянские разведорганы получали сведений о быстро растущей боеготовности азербайджанской армии. Преставители армянского МО все чаще стали навеваться в российское военное ведомство...

В конце концов, в Москве нашлись люди, которые решили пойти навстречу армянским братьям.

Факты негласной российской военной помощи, к которой оказались причастны высшие должностные лица государства и генералы российского Генштаба, были обнародованы только в начале 1997 года, хотя в Баку их запеленговали еще в период карабахской войны.

По утверждению бывшего министра по сотрудничеству со странами СНГ Амана Тулеева, поставки российской военной техники Еревану на общую сумму в 271 млрд рублей (или более 1 млрд долларов) якобы не были согласованы с правительством России и осуществлялись без соответствующих решений главы кабинета министров и указов Президента РФ.

Тулеев сильно ошибался.

Все было согласовано.

В материалах уголовного дела по «армян-гейту», которое с начала 1997 года ведет Главная военная прокуратура, содержится несколько директив начальника Генерального штаба генерала армии Михаила Колесникова. Вот тексты этих директив.

Документ № 1

«...сентября 1994 года.

В соответствии с указаниями Председателя Правительства Российской Федерации для передачи Республике Армения прошу:

1. Командующему Группой Российских войск в Закавказье подготовить и передать Вооруженным Силам Армении 25 ед. танков Т-72 из наличия 102-й военной базы Гюмри.

2. Начальнику главного бронетанкового управления Министерства обороны Российской Федерации подготовить и поставить в ГРВЗ для последующей передачи Республике Армения агрегаты и запасные части в БТВТ в соответствии с ранее отданными указаниями.

3. Главнокомандующему Военно-Воздушными Силами по заявкам ГБТУ МО обеспечить доставку транспортной авиацией агрегатов и запасных частей в ГРВЗ.

Начальник Генерального штаба генерал-полковник М. Колесников. № 316/3/0182...»

Документ № 2

«Исходящая шифротелеграмма № 7—76 (1995 г.)

Прошу передать на обеспечение войск Министерства обороны Республики Армения 55 танков Т-72 А, Б1; 50 единиц с 6295 ЦБРТ (СибВО), 5 ед. из 142 БТРЗ (г.Тбилиси) ГРВЗ.

Начальнику Центрального управления военных сообщений МО по заявке Главного автобронетанкового управления обеспечить перевозку техники и материальных средств.

№ 316/3/0220Ш...

Первый заместитель министра обороны генерал армии М. Колесников...»

Документ № 3

«Исходящая шифротелеграмма № 8382 (1995)

В дополнение к директиве Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 18.08.1995 г. № 316/3/0220Ш приказываю:

1. Перевозку танков Т-72А, АК с 6295 ЦБРТ (п.Степное, СибВО) до порта Новороссийск обеспечить железнодорожным транспортом под охраной караула СибВО, в состав которого включить механиков-водителей.

2. Дальнейшую перевозку указанных машин осуществить силами и средствами ВМФ от порта Новороссийск до порта Поти. Погрузку и охрану техники в порту Новороссийск и разгрузку в порту Поти осуществить силами СКВО и ГРВЗ.

3. Перевозку 50 ед. танков с порта Поти и 5 ед. танков со 142 БТРЗ (г.Тбилиси, ГРВЗ) до станции Ахалцихе, а также ее охрану до передачи представителям принимающей стороны осуществить силами ГРВЗ.

4. Начальнику Центрального управления военных сообщений обеспечить своевременную перевозку указанной техники по заявке ГАБТУ МО.

5. Начальнику Главного управления военного бюджета и финансирования Министерства обороны за счет принимающей стороны осуществить финансирование перевозки вышеперечисленной техники до ст. Ахалцихе.

6. Начальнику Центрального управления ракетного топлива и горючего МО обеспечить выделение необходимого количества горюче-смазочных материалов.

7. Начальнику Главного управления международного военного сотрудничества ГШ согласовать вопрос перевозки техники через государственную границу с Государственным таможенным комитетом Российской Федерации.

№ 4/484...

Начальник Генерального штаба генерал армии М. Колесников.

25.09.95 г.».

Документ № 4

«Во исполнение решения Правительства Российской Федерации передайте установленным порядком Республике Армения 50 ед. БМП-2, 4 ед. учебно-боевых танков типа Т-72 и один учебно-действующий стенд танка Т-72 (УДС-Т-72).

Передачу вооружения осуществить по фактическому состоянию машин из расчета: 33 БМП-2 из числа машин, прошедших капитальный ремонт на 142 БТРЗ и сосредоточенных на 12 ВВ (г. Батуми), остальные 17 ед. БМП-2, танки Т-72 и УДС-Т-72 из наличия войск ГРВЗ.

Расходы, связанные с приемо-передачей машин, их транспортировкой, осуществить за счет средств Республики Армения.

№ 316/3/048Ш.

Начальник Генерального штаба генерал армии М. Колесников.

26 февраля 1996 года...»

* * *

Следователи сразу обратили внимание на принципиальный момент: в одном случае в своей директиве Колесников вел речь о каком-то абстрактном «указании» председателя правительства, а в другом — о таком же безымянном «решении» правительства.

Для начальника Генштаба, являвшегося для подчиненных образцом штабной культуры и педантичности, такие элементарные проколы совершенно нехарактерны. Существует дюжина документов, подписанных генералом Колесниковым, в которых есть фразы: «Во исполнение постановления правительства...» или «В соответствии с распоряжением председателя правительства РФ...» А далее обязательно — номер правительственного документа, дата «рождения». В «армянских» директивах Колесникова эти элемен-

тарнейшие требования были грубо нарушены. Указания В.Черномырдина и решения кабинета министров в директивах НГШ не имели номеров и дат.

И нетрудно догадаться, что все это, скорее всего, делалось умышленно. Такая манера отработки документов была очень удобной: отсутствие конкретики — лучший способ спрятать концы и уклониться от юридической ответственности. Хотя от неприятных объяснений со следователями на допросах это не спасает.

Но и это еще не все.

Ссылаясь на некие высокие и безымянные «указания» правительства, наши генштабовские и минобороновские генералы получали возможность бесконтрольно проворачивать сделки с оружием по собственному усмотрению. И в своей шифротелеграмме нижестоящим начальникам № 316/3/0220Ш от 18 августа 1995 года начальник Генерального штаба уже не посчитал нужным для пущей важности сослаться даже на абстрактные «указания» или «решения» правительства или главы кабинета министров: он уже от своего имени приказывал подчиненным генералам «передать на обеспечение войск Министерства обороны Армении 55 танков Т-72...» и много другой боевой техники.

ГЕНЕРАЛ РОХЛИН РАЗОБЛАЧАЕТ

Несмотря на то что азербайджанские власти и их спецслужбы неоднократно информировали Москву о своей озабоченности нарастающим количеством поставок российских вооружений в Армению, высшие государственные и военные руководители России отнеслись к этому с удивительным равнодушием (да, наверное, по-другому и не могло быть, если, судя по директивам Генштаба, все делалось под патронажем правительства и его главы).

И очень возможно, что такое положение сохранялось бы до сих пор, если бы на своих местах оставались премьер Виктор Черномырдин, министр обороны Павел Грачев и НГШ Михаил Колесников. Но всю «малину» испортил честный русский генерал — Лев Рохлин.

Когда азербайджанцы в очередной раз проинформировали Москву об имеющихся у них данных о тайных поставках оружия и боеприпасов в Армению, к этому на Краснопресненской набережной и в Кремле отнеслись как и прежде, — как к «азербайджанским провокациям».

Копии азербайджанских документов попали в Минобороны России и Комитет Госдумы по обороне. Уже первая же их проверка показала, что это не «гнусная деза».

Председатель думского Комитета по обороне генерал Лев Рохлин вместе с группой офицеров МО и ГШ России побывал на Кавказе. Эта комиссия, работавшая в Группе российских войск в Закавказье и Северо-Кавказском военном округе, на основе документально подтвержденных фактов и показаний свидетелей уже в первый день установила, что 19-ю рейсами «Руслана» — самого большого транспортного самолета в России — из Ахтубинска в Ереван было переброшено 50 танков.

К делу немедленно подключилась Главная военная прокуратура. Рохлинская комиссия по итогам проверки составила акт, на который был навешен гриф «секретно».

Вот лишь одна небольшая выдержка из этого документа, которая дает представление о гигантских масштабах преступлений нашей военной мафии на Кавказе. Генералы разбазаривали оружие, не оглядываясь ни на Минобороны, ни на Генштаб. И мгновенно прятали концы, уничтожая документы. Но заглянем в акт:

«...Тщательная документальная ревизия показала, что в 1992—1994 годах имели место факты передачи в республики Закавказья вооружения и военной техники из состава Группы войск (имеется в виду ГРВЗ. — В.Б.) без соответствующих на то директивных указаний:

ракетно-артиллерийского вооружения — более 9,5 тыс. единиц;

около 600 вагонов боеприпасов;

72 единицы бронетанкового вооружения и техники.

Отсутствуют первичные документы указанного периода, подтверждающие убытие:

по службе горючего: 21314 единиц техники и 64,2 тысяч тонн топлива;

по технике и имуществу связи: 15977 комплектов связи и 41003 км полевого кабеля...»

Генерал Рохлин остерегался, что ведомственная зависимость ГВП от Минобороны и Генштаба может помешать объективному и полному расследованию дела, в котором были замешаны бывшие первые лица в МО и ГШ, командование Группы российских войск в Закавказье. И потому продолжал собирать информацию, используя свои «дополнительные» источники (справедливости ради следует ска-

зять, что Лев Яковлевич затем признал честность и принципиальность следователей ГВП, которые разматывали «армян-гейт»).

Рохлину удалось установить, что 25 танков Т-72 с запчастями 13 наименований (по директиве начальника Генерального штаба 3316/3/0182 от 29.09.94) были переданы армянской стороне из 102-й военной базы в Гюмри. В октябре того же года (11, 14 и 21-го) запчасти были доставлены в Армению тремя рейсами военно-транспортных самолетов с аэродрома Кубинка и одним рейсом с аэродрома Каменка (Пенза).

Досье Рохлина распухало от новых документов.

«...5 танков армянам было передано из состава Группы российских войск в Закавказье (четыре — с военной базы в Вазияни и один — из Гюмри). 4 танка и 33 БМП были переданы со 142-го ремонтного завода по директиве Генштаба № 316/3/048 от 26 февраля 1996 года. 17 БМП-2 было передано с российской военной базы в Батуми. По директиве Генштаба № 503/23-26 от 20.07.96. пятью самолетами Ил-76 были переброшены также 85 тонн запчастей с аэродрома Чкаловский...»

2 апреля 1997 года генерал Лев Рохлин на закрытом заседании Госдумы выступил с сенсационной разоблачительной речью по «армян-гейту». В гробовой тишине парламентского зала он заявил:

— Проводимая избирательная политика в отношении стран Закавказья в вопросах поставок оружия является крайне опасной, создающей предпосылки для возникновения новой конфликтной ситуации на Кавказе и втягивание в нее России. Искусственно создавая превосходство в вооружении одного государства над другими, определенные политические силы в России тем самым толкают их на решение проблем военным путем, используя полученное превосходство. Но и Россия, и Армения, и Азербайджан вышли из одной страны — Советского Союза. И в каждой из этих стран живут друзья, близкие, родственники...

Рохлин утверждал, что передача осуществлялась без заключения какого-либо межгосударственного договора, что и повлекло за собой грубейшие нарушения законов.

Колоссальные объемы вооружений и боеприпасов, которые переправлялись в Армению, требовали мощных транспортных средств. Но для тех, кто получал на этой афере гигантские барыши, это не было проблемой. В «бой» за

деньги бросались военно-транспортные самолеты, железнодорожные эшелоны, военные суда.

Еще в тот период, когда генерал Рохлин и его помощники только-только начали раскручивать «армян-гейт» (проверка складов боеприпасов в Моздоке (в/ч 30184), удалось документально установить, что с августа 1992 года по январь 1994-го 66 рейсами Ил-76 и двумя рейсами Ан-12 с аэродрома Моздок в Ереван было переброшено около 1300 тонн боеприпасов.

Вскоре следствие установило, что с этих же складов в феврале—июне 1994 года через Новороссийск и Батуми двумя рейсами военно-морского судна «Генерал Рябиков» и транспортом ПРТБ-33 была переброшена огромная партия боеприпасов в Армению через Грузию.

С 8 по 28 ноября 1995 года и с 28 июня по 6 августа 1996 года 31 рейсом Ан-24 и 13 рейсами Ил-76 было переброшено с аэродрома «Жасмин» (Ахтубинск) на аэродром Звартноц (Армения) 50 танков Т-72, имущество и запасные части к ним, 36 гаубиц Д-30, 18 гаубиц Д-20, 18 гаубиц Д-1, 18 систем залпового огня «Град», 40 зенитных ракетных комплексов «Игла» и 200 ракет к ним, 12600 артснарядов (в том числе — 1440 к установкам «Град»).

Имущество поступило в Ахтубинск 6 железнодорожными составами. Танки шли из Омска, боеприпасы — из Волгограда, артиллерия — из Иркутской, Свердловской, Пермской областей. Приемом и передачей техники, оружия и боеприпасов в Армению руководил генерал-майор А. Степанян, бывший заместитель министра обороны республики Армения по внешним военным сношениям.

За перевозку военной техники и боеприпасов рассчитывалась армянская сторона. Только за одну отправку бронетанкового имущества из Омска представитель МО Армении М. Исахян рассчитался долларами, сумма которых в переводе на рубли составила 632 606 333 рубля.

У армян не было проблем с деньгами. Например, когда начальник одного из аэродромов под Волгоградом отказался заправлять груженные оружием самолеты, которые должны были лететь в Ереван, армянские представители тут же закупили в коммерческих структурах Волгограда 2 740 тонн авиационного топлива.

К весне 1997 года Рохлин располагал информацией, которая позволила сделать ему однозначный и верный вывод, подтвержденный впоследствии сотрудниками военной про-

куратуры: в большинстве случаев отправка вооружений в Армению производилась в форме коммерческих сделок.

Вот лишь один факт из множества, который Рохлину помогли добыть наши спецслужбы. Когда в Ахтубинске оружием загружались наши «Русланы» и Илы, в месте операции (которая длилась 75 дней) постоянно присутствовали представители загадочной коммерческой фирмы «РРР» А.Прокопенко и В.Селифонов. Они оплачивали гостиницу не только за себя, но за все летные экипажи.

Фирма «РРР» была близка к Главкомату Военно-воздушных сил России. В ней, как было установлено в ходе следствия, работали близкие родственники высших летных генералов. Они занимались оптовой торговлей и авиационными перевозками (в том числе и оружия) с использованием военно-транспортной авиации. Сразу после проведения ахтубинской аферы (20 августа 1996 года) расчетный счет ТОО «РРР» в Октябрьском филиале «Инкомбанка» был закрыт. Только эта сделка обошлась России в 70 млн долларов. А их были многие десятки. Для авиаперевоски оружия в Армению потребовалось 139 рейсов военно-транспортных самолетов.

По данным, которыми располагал Рохлин на апрель 1997 года, финансовые потери России (хотя для мафии они были находкой) в результате поставок в Армению составили около 1 млрд долларов (в ходе следствия эта сумма подрастет на 500 тысяч долларов. — В.Б.). За такую сумму армия могла бы получить не менее 30 тысяч квартир, выдавать зарплату всем офицерам и прапорщикам в течение 3 месяцев. Таких денег вполне бы хватило для того, чтобы обеспечить работой весь комплекс оборонных предприятий России в течение полугода...

Таблица стоимости (по средним коммерческим ценам) некоторых образцов вооружения и военного имущества, переданного Армении (в долларах США)

Наименование	Стоимость за 1 ед.	Количество	Общая стоимость
ПУ ОТР	210.000	8	1.680.000
Ракеты Р-17	210.000	32	6.720.000
ЗРК «Круг»	300.000	27	8.100.000
Ракеты к ЗРК	300.000	349	104.700.000
Ракеты к ЗРК «Оса»	200.000	40	8.000.000

Танки Т-72	1.200.000	84	100.800.000
БМП-2	280.000	50	14.000.000
122-мм. Гаубицы Д-30	52.000	36	1.872.000
152-мм. Гаубицы Д-20	40.000	18	720.000
152-мм. Гаубицы Д-1	50.000	18	900.000
РСЗО «Град»	250.000	18	4.500.000
Минометы	12.000	26	312.000
ПЗРК «Игла»	40.000	40	1.600.000
Ракеты к ПЗРК	40.000	200	8.000.000
Ст. гранатометы	2.500	20	50.000
Пулеметы	400	306	122.400
Автоматы	120	7910	949.200
Пистолеты	60	1847	110.820
Снаряды (различные)			
в среднем	400	489.160	195.664.000
Снаряды к БМП-2			
в среднем	30	478.480	14.354.400
БМ ПТУР	330.000	4	1.320.000
ПТУРЫ			
в среднем	8.400	945	7.938.000
Ручные гранаты	30	345.800	10.374.000
Патроны (различные)			
в среднем —	1\$	227.253.000	27.253.000
ИТОГО: около 720.039.000			

Другие образцы вооружения, техники и имущества: около 270.000.000.

ВСЕГО: с перевозками и другими затратами — около 1.000.000.000.

Справки:

1. К другим образцам вооружения, техники и военного имущества относятся: транспортно-заряжающие машины, различного типа радиостанции на колесной базе (в том числе — станции космической связи), комплексы связи, полевой кабель, станции обнаружения целей, наливная техника, горючее, аккумуляторы различных типов (в том числе танковые), бочки с машинным маслом, ЗИП к танкам, орудиям и БМП, танковые двигатели и др.

2. Данные таблицы приведены по состоянию на 2 апреля 1997 года и являются не окончательными (в ходе расследования уголовного дела вскрыты дополнительные сведения, которые пока засекречены).

3. Поставленных в Армению оперативно-тактических ракет и боеголовок к комплексу Р-17 хватает для того, чтобы полностью разрушить город Баку. Именно по этим комплексам с 23 мая по 19 июня 1996 года готовились расчеты и специалисты Армении на российском полигоне Капустин Яр.

* * *

В самый разгар расследования уголовного дела по «армян-гейту» неожиданно еще на один «русский след» указал председатель Комитета по охране государственной границы Азербайджана генерал-майор Аббасали Рамазан:

— У нас есть информация о том, что оружие из Армении на сумму 1 млрд долларов, которое поставлялось туда из России, «уходило» и в Дагестан в обмен на нефтепродукты и оттуда переправлялось чеченцам.

Но самые крупные партии российского оружия, тайком переправленные в Армению, оседали непосредственно в республике или переправлялись в Нагорный Карабах. Вот что рассказал обо всем этом министр обороны Азербайджана генерал-полковник Сафар Абиев:

— Накопив с помощью России значительный военный потенциал, Армения пытается диктовать свои условия Азербайджану, стремясь законсервировать, затем де-юре оформить результаты свершенной против нашей республики военной агрессии... Оккупация 20% азербайджанской территории стала возможна прежде всего в результате активной помощи российских военных армянской стороне. Вот лишь несколько примеров. В 1992 году 336-й мотострелковый полк ВС России был использован в Карабахе для уничтожения сел и городов с азербайджанским населением. 26 февраля — седьмая годовщина трагических событий в Ходжалы. В тот день город был практически стерт с лица земли, погибло много мирных жителей. Осуществил акцию все тот же 336-й полк. Немало фактов использования в боевых действиях в Карабахе и за его пределами частей 7-й армии, дислоцированной в Армении. В 1992—1993 годах боевые вертолеты МИ-24П Закавказского военного округа не раз осуществляли налеты на Азербайджан, в частности, во время бомбардировок города Агdam...

Абиев не совсем точен, утверждая, что именно в тот период несколько российских боевых вертолетов были уничтожены на территории Азербайджана. По имеющимся в ГШ данным, машины были сбиты в районе азербайджано-

армянской границы. Их экипажи погибли, в том числе — полковник Гуляев, старший лейтенант Терещенко и другие. И тут необходимо сделать два принципиальных уточнения: как выяснило наше следствие, Гуляев и Терещенко были «по ошибке» сбиты армянами, а вдова старшего лейтенанта так и не получила до сих пор причитающиеся ей 100 тысяч рублей за погибшего мужа.

Генерал Абиев продолжает:

— Осуществляя поставки вооружения и техники в Армению — в том числе и легальные, — должностные лица РФ нарушили ряд законов Российской Федерации, международно-правовые договоренности. Согласно Закону РФ «Об обороне» порядок передачи, продажи и ликвидации оружия и военной техники устанавливает российское правительство. Между тем часть вооружения и техники в Армению с 1994 по 1996 год была передана по директивам Генштаба России, подписанным генералом армии Колесниковым, а часть и вовсе без всяких директив. Кроме того, было нарушено распоряжение Президента РФ, запрещающее все поставки вооружения, техники в Армению и Азербайджан до особого распоряжения и мирного разрешения конфликта в Нагорном Карабахе. Попраны резолюции Совета Безопасности ООН (853, 884), резолюции Генассамблеи ООН (51/45F, 51/47B), Меморандум о поддержании мира и стабильности в СНГ и прочие международно-правовые документы, в которых содержится призыв к государствам воздержаться от поставок оружия и военного имущества в регион азербайджано-армянского конфликта...

Абиев был прав: значительная часть вооружений, которые тайком переправлялись в Армению, попадала в Нагорный Карабах. Там они и проваливались, как в черной дыре. Создавалось впечатление, что она бездонна: очередной эшелон из России еще только разгружался, а спецслужбы Азербайджана уже докладывали своему руководству, что заместитель министра обороны Нагорного Карабаха полковник Слава Уснунц и начальник противотанковой службы Марат Гарибян лично занимаются приемкой бронетехники, оптических приборов, электронного оборудования и другой спецтехники на наших военных заводах в Нижнем Тагиле, Санкт-Петербурге и других городах России...

Шла игра по-крупному. Информация азербайджанских спецслужб щедро сбрасывалась в прессу, что добавляло на-

шим следователям уйму новых забот. К тому же в средствах массовой информации России «неведомые силы» поначалу пытались скомпрометировать данные, на которых строил свои громкие заявления Рохлин. Как всегда, со ссылкой на «заслуживающие доверия источники», одна из газет утверждала, что генерал сообщает непроверенные сведения. Другая опубликовала опровержение МО РФ.

Затем кто-то стал «вбрызгивать» в нашу прессу информацию о том, что вся боевая техника, поставленная в Армению, «старая и ржавая». Такой прием явно был рассчитан на погашение ажиотажа вокруг «армян-гейта». Тут не все было враньем. Ибо техника, поступавшая в Армению, например, из Грузии, действительно в большинстве своем была изношенная.

Но были и другие факты. Немало бронетанкового имущества и техники поступали в Армению прямо с Омского военного завода. Только по одному эпизоду уголовного дела можно судить, какие денежные суммы были тогда в ходу: представитель минобороны Армении мог запросто «наличняком» рассчитаться с российскими партнерами в долларах — были пачки, которые в переводе на рубли тянули примерно на 700 миллионов «деревянных» (за перевозку танков из Омска в Ахтубинск). А ведь таких эпизодов зафиксировано несколько.

Еще 2 ноября 1993 года министр обороны Армении Саркисян прислал министру обороны РФ Павлу Грачеву письмо, в котором, в частности, говорилось: «Уважаемый Павел Сергеевич! Учитывая сложившиеся трудности в восстановлении бронетанковой техники Вооруженных сил Республики Армения, прошу вас оказать содействие в закупке запасных частей согласно приложению. Оплату гарантирую».

Уже через два дня на этом письме Саркисяна появилась резолюция Грачева: «Разрешаю продать в установленном порядке». Копия письма Саркисяна Грачеву попала в думский Комитет по обороне. На основании этого документа Рохлин на пресс-конференции и утверждал, что это — явное свидетельство прямой причастности российского министра обороны к поставкам бронетанкового имущества в Армению. Однако тогдашний начальник Главного контрольного управления при Президенте РФ Владимир Путин официально заявил:

— В ходе проведенной нами проверки мы не нашли до-

кументов, которые свидетельствовали бы о том, что Грачев давал прямые указания, распоряжения на этот счет...

А как же тогда резолюция на письме Саркисяна?

Возникают и другие вопросы. Например, на каком основании Грачев брал на себя ответственность за продажу запчастей к боевой технике Армении «в установленном порядке» в то время, когда уже существовал президентский указ, запрещающий Минобороны РФ заниматься продажей оружия и техники в район азербайджано-армянского конфликта? Создается впечатление, что высшие российские генералы осуществляли «армянские сделки», стремясь не доставлять лишних забот президенту и правительству, всецело беря их на себя...

Тут следует обратить внимание и на некоторые другие моменты. Еще осенью 1996 года Ельцин распорядился, чтобы Главное контрольное управление при Президенте России присмотрело за тем, как идет проверка сигналов о поставках оружия в Армению через Минобороны РФ и Генштаб. Первая проверка фактов по армянским поставкам длилась до конца 1996 года. Некоторые базовые выводы и документы были доложены президенту. И тут наступила странная пауза, которая почему-то длилась аж до весны 1997 года, когда уже новый руководитель администрации президента Валентин Юмашев дал поручение провести дополнительную проверку. Она была проведена. Итоги дополнительной проверки опять-таки были доложены Ельцину. Ельцин дал поручение Генпрокуратуре разобраться. Генпрокуратура запросила доклад из Главной военной прокуратуры, где уже были профильтрованы скромными силами горы материалов и сделаны первые четкие выводы. Кремль частично использовал их для ответов на запросы из Баку.

В ходе расследования уголовного дела выяснилось, что часть документов, имеющих отношение к армянским поставкам, находится в администрации Президента РФ. Однако в сентябре 1997 года согласно акту отдела секретного делопроизводства они были уничтожены. И все же следователям там удалось кое-что очень важное обнаружить. Например, копию одного из документов, подтверждающих, что в 94-м году по директивам Генштаба РФ Армении было передано 25 танков Т-72.

Весьма странно выглядит синхронизация российско-азербайджанской акции спецслужб, о которой я уже упоминаю.

нал. Она удивительно совпала по времени с началом разбирательства по армянскому оружию. До зимы 1997 года официальный Баку много раз обращался к Москве с просьбой выдать ему получившего политическое убежище в России полковника Сурета Гусейнова, обвиняемого в попытках государственного переворота.

Москва все эти просьбы долго игнорировала. Но как только поднялся шум в связи с незаконными поставками российских вооружений в Армению, мирно проживавший под Тулой политический беженец Гусейнов был взят под стражу российскими правоохранительными органами и выдан Азербайджану...

Получив в свои руки Гусейнова, азербайджанские власти все же остались не удовлетворенными тем, как Москва расследует «армян-гейт». Баку ожидал от Кремля наказания конкретных виновников. Последовала скромная «жертва» — к великой радости азербайджанцев был смещен генерал Реут.

Затем пришло время давать показания бывшему начальнику Генштаба Михаилу Колесникову. Друг-генштабист по большому секрету поведал пикантные подробности: в Главной военной прокуратуре не знали, где допрашивать столь крупного военачальника. Вызывать в ГВП или брать показания по месту жительства? Позвонили Михаилу Петровичу на дачу, доложили ситуацию. Генерал пожаловался на нездоровье — верный признак нежелания ехать в ГВП. Ему предложили «сервисное обслуживание» — допрос среди родных стен. Тут Михаил Петрович живо поинтересовался:

— Следователь в каком звании — генерал-майор?

Долгая пауза.

Ответ:

— Майор...

Долгая пауза.

Ответ:

— Маловато, да ладно...

Когда один из пронырливых московских корреспондентов дозвонился к Колесникову на дачу и попросил разрешения встретиться и поговорить, Михаил Петрович сказал ему два слова:

— Незачем разговаривать!

И бросил трубку.

А ведь как только начался скандал, генерал публично сообщил о том, что готов объяснить любое свое показание.

Зная легендарную осторожность Михаила Петровича, можно не сомневаться, что это скорее блеф. Он-то «готов», да кто же ему даст?

Пока известно лишь, что Колесников к таким малоприятным процедурам подготовился основательно. Он — одна из ключевых фигур «армян-гейта». Но «колоться» ни при каких обстоятельствах не будет, даже несмотря на то, что подписывал директивы, ссылаясь на председателя правительства. Однако если вести себя на допросах предельно честно, надо сдавать Черномырдина, Грачева, а возможно, и Ельцина...

Весьма уверенно себя чувствовал на допросах и Грачев. К нему некоторые следователи даже прониклись симпатией — сочувствуют человеку, на которого порой чохом «всех собак вешают». Его уже и тем жалко, кто когда-то имел на Пал Сергеича зуб. Как выбрался из грязных жерновов большой политики, прежним, «своим» мужиком стал.

Грачев неплохо пошутил на одном из допросов. Когда следователь слишком углубился в служебные отношения между бывшим министром обороны и Верховным Главнокомандующим, Грачев с улыбкой сказал ему:

— Вы явно претендуете на звание человека года.

— Почему?

— Мне кажется, что после меня вы замахнетесь и на Верховного...

Рохлин утверждал:

— Ни один крупный шаг в Министерстве обороны не делался без ведома министра Грачева. Не позволял себе ничего делать без его ведома начальник Генштаба Колесников. Весь вопрос упирается в то, кто мог дать первую команду Грачеву на такие поставки.

Но есть и другая загадка: даже после увольнения Грачева летом 1996 года такие поставки продолжались скрытно от нового главы военного ведомства РФ Игоря Родионова (они шли вплоть до начала 1997 года, когда Родионов уже полгода был в должности). Эту информацию подтвердили и спецслужбы Азербайджана. Заместитель министра национальной безопасности республики Галиб Халыгов утверждал, что в январе—марте 1997 года тяжелая техника продолжала поступать в Армению из России.

По этому поводу Рохлин говорил: «Мафия внутри Министерства сплелась в единый клубок управлений и главкоматов, имеющих слишком большие личные интересы, если

люди пренебрегают всем и идут на любые преступления, рискуя всем...»

Как-то Лев Яковлевич сказал мне:

— Зная осторожность Колесникова, я не сомневаюсь, что если он отдавал распоряжения на продолжение поставок в Армению в обход Родионова, то задачи получал от начальника очень высокого ранга. Такими начальниками могли быть два человека — премьер правительства Черномырдин или Верховный Главнокомандующий Ельцин...

Почти в том же ключе высказывался и бывший руководитель аппарата Совета обороны РФ Владимир Клименко:

— Не бывает такого, чтобы танки сами по себе поехали из одного государства в другое. В принципе такого не бывает, если нет санкции высшего политического руководства страны. Все подобные вопросы проходят некие этапы. Ну, к примеру, вы помните, президент некоторое время болел и его обязанности исполнял премьер. Не берусь сказать, был ли в курсе президент...

* * *

Недавно стало известно, что в «неизвестном направлении» исчезли некоторые правительственные и генштабовские документы, на основе которых совершались поставки оружия в Армению. Кто-то почистил и материалы, хранившиеся в архиве администрации президента...

Потом в одной из газет появилась набранная микроскопическим шрифтом заметка — Верховный Главнокомандующий наказал провинившихся генералов.

При этом ни одной фамилии не называлось.

А из Баку по-прежнему раздаются недовольные голоса. Говорит советник Гейдара Алиева по внешнеполитическим вопросам Вафа Гулузаде:

— После того как вскрылись факты незаконной поставки оружия, возник скандал, и Россия в лице президента обещала, что будет создана совместная комиссия, которая расследует это дело и примет соответствующие меры. Такая комиссия все-таки, хотя и с большим опозданием, была создана, но она ничего не сделала. До сих пор не осужден ни один виновный.

Гулузаде прав лишь отчасти. Российские члены комиссии сделали уже много. А осужденных действительно нет.

Да и вряд ли они будут.

В апреле 1999 года на саммите глав государств СНГ

президент Азербайджана Гейдар Алиев в кулуарах подошел к Ельцину и спросил:

— Борис Николаевич, как идет расследование по армянскому оружию?

Ельцин ответил так:

— Гейдар, понимаешь, я думал, что ты уже все забыл. Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном.

Расследование «армян-гейта» ведется в России уже более трех лет. Собраны десятки томов с документами об отправке и получении оружия, директивы, приказы, распоряжения руководства Минобороны и Генштаба Вооруженных сил РФ, большое количество материалов российские правоохранительные органы получили от военной прокуратуры Азербайджана. Допрошены сотни свидетелей и участников переправки оружия из России в Армению. Однако некто очень значительный на самом «верху» не дает разрешения поставить в уголовном деле точку и назвать преступников.

Это и вызывает справедливое недовольство Баку. Говорит военный прокурор Азербайджана генерал Рамиз Рзаев:

— В накладных и актах есть фамилии тех, кто отправлял и кто получал это оружие. А получали его не только офицеры армянской армии, но и армии так называемой Нагорно-Карабахской Республики. Все эти данные мы представили российской стороне. И хочу подчеркнуть одну важную деталь: весь этот миллиард долларов, полученный за оружие, не попал в бюджет России, а был рассован по карманам узкого круга высокопоставленных российских военнослужащих. К сожалению, это уголовное дело, которое, повторяю, ведет российская сторона, непомерно затягивается, несмотря на наши неоднократные просьбы о его ускорении.

* * *

Виновные в «армян-гейте» пока не установлены, есть лишь подозреваемые. И есть свидетели. Один из них — уже хорошо знакомый нам генерал Владимир Гладышев. Он рассказывал:

— Странно все было: Россия вывозила с Кавказа на свою территорию горы оружия, а из России на Кавказ в это время по суше, по воздуху и морем шло новое оружие с боеприпасами. Все это кораблями привозили в Батуми, — я там служил, все своими глазами видел... Оружие из Рос-

сии приходило для нашей военной базы в армянском городе Гюмри. Что с ним делали дальше, я лишь предполагал. Но, по-моему, сомнений ни у кого не вызывало: Гюмринская военная база нужды в оружии не испытывала. Было так: приходит корабль. Как правило, только на одном из трех экипаж был военный. Если экипаж на корабле военный, там все более-менее в порядке: были хоть какие-то сопроводительные документы. А гражданские суда привозили все в одной куче, без каких-либо документов. Никакого учета. Короче — бардак. Хочешь — меняй боеприпасы на водку, вино или мандарины, хочешь — в море топи... Мы как-то пытались все это подсчитать. Но практически это было невозможно... Кроме стрелкового оружия и боеприпасов, корабли привозили в Батуми гаубицы и снаряды. В Батуми каждый ребенок, наверное, знал, куда все это оружие направляется. Начиная с лета 1993 года транспорт приходил примерно раз в месяц. А было по два-три корабля в месяц. Удивляюсь, что об этом заговорили только сейчас... Оружие привозили из черноморских портов Туапсе, Новороссийск. Корабли принадлежали Черноморскому флоту. Заместителям командующего ГРВЗ я не раз задавал вопрос: «Зачем и кому понадобилось столько оружия?» Мне отвечали: «Ты командуй, выполняй свои обязанности, а в большую политику нос не суй...» Знали ли об этом контрразведка и прокуратура? Контрразведка обеспечивала безопасность разгрузки, прокуратура обо всем знала, но не вмешивалась...

* * *

Некоторые отставные и действующие военачальники, которым я показывал эти свои записки, намеками и откровенно давали понять мне, что, несмотря на многие сомнительные с точки зрения закона способы осуществления «армян-гейта», есть в нем некая скрытая военно-политическая стратегия, недоступная пока разуму обывателя. Дескать, а так уж ли плохо, что Россия, от которой все больше отворачиваются Азербайджан и Грузия, с помощью оружейных поставок в Армению превращает ее в свой мощный опорный пункт на Кавказе?

А когда НАТО в марте 1999 года начал агрессию в Югославии и все заговорили о необходимости иметь сильную систему ПВО в России и СНГ, этот аргумент и вовсе стал похож на «kozyрный» (тем более что Москва поставила на

территории Армении на боевое дежурство несколько зенитно-ракетных систем С-300В).

Так, может быть, действительно мощнейшая накачка армянского плацдарма российским оружием вовсе не афера, а отвечающая нашим высшим стратегическим интересам, но неуклюже проведенная военная операция? И даже при всем при этом надо ее участников и организаторов не судить, а представлять к орденам? Так ради чего же тогда заведены уголовные дела и полетели с постов некоторые многозвездные генералы? Зачем была создана совместная российско-азербайджанская комиссия по расследованию «армян-гейта»?

Трудно найти вразумительное объяснение политике, при которой Россия на Кавказе обретает одного верного союзника, одновременно плодя нескольких противников. И очень похоже, что ни в Кремле, ни в правительстве, ни в МИДе, а в МО и Генштабе сидели идеологи этой аферы, думающие больше не о государственных, политических, а о собственных меркантильных выгодах.

Еще когда был жив генерал Рохлин, мы с ним говорили об этом. Тогда Лев Яковлевич сказал мне:

— Я убежден, что наши генералы занимались «армянским оружием» небескорыстно...

Полтора миллиарда долларов — деньги немалые.

Я много раз видел эти деньги.

Можете посмотреть на них и вы. Достаточно побывать на Николиной Горе, в Архангельском, в Баковке, в Жуковке и многих других уютных местах Подмосковья, где стоят генеральские дворцы, стоимость которых, по мнению специалистов, тянет на 700 и более тысяч долларов.

Странная закономерность: самые дорогие дачи у генералов, которые выводили Западную группу войск или служили на Кавказе с 1991 по 1996 годы. У одного из владельцев таких вилл я спросил, где он достал деньги на ее строительство и обстановку.

Генерал со святой детской искренностью ответил:

— Собрал все свои сбережения, кое-что продал, взял кредит в банке.

Я ему не сочувствую: рассчитывать придется до 200-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Точнее, я ему не сочувствую, а не верю...

ЧЕЧЕНСКАЯ ПРОРВА

...Когда поздней осенью 1994 года в Генштабе уже полным ходом разрабатывался план войсковой операции «по установлению конституционного порядка в Чечне», Совет безопасности срочно запросил данные о количестве оружия и боевой техники, имевшихся на вооружении дудаевской армии (в официальных документах ее называли «незаконными вооруженными формированиями» — НВФ). Но справка к указанному сроку почему-то не была готова. Генштаб долго согласовывал свои данные с разведкой Северо-Кавказского военного округа и ФСК.

Через некоторое время я уже знал, чем именно была вызвана эта медлительность.

Когда документ, наконец, был отправлен в Кремль, его копию мне показал давнишний сослуживец, работавший в Главном оперативном управлении ГШ. Увидев справку, я поразился: в ней значились почти те же данные о чеченском оружии, которые имелись в ГШ еще летом 1992 года.

Тогда в Верховный Совет РФ непрерывным потоком шли письма граждан Чечни и наших военнослужащих, в которых сообщалось о многочисленных фактах захвата вооружений российских частей дудаевскими формированиями. Председатель Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности Сергей Степашин обратился к начальнику Генштаба Виктору Дубынину с письмом (22.06.92. № 7.19—11.). В нем, в частности, говорилось:

«...В связи с поступлением в Верховный Совет Российской Федерации противоречивой информации по формированию вооруженных сил в Чечено-Ингушетии, передаче вооружений и выводе наших частей, прошу Вас сообщить в возможно короткие сроки... о случаях передачи вооруженным силам республики вооружения, военной техники и другого имущества».

Уже через два дня Степашин получил сообщение из Генштаба (22.06.92. № 452/1/88), подписанное Дубыниным:

«...Вследствие резкого обострения обстановки в г. Грозном и ультимативного требования руководства Чечни к военнослужащим до 10 июня с. г. покинуть город, командование СКВО было вынуждено срочно вывести оставшийся личный состав Грозненского гарнизона за пределы республики. В результате часть вооружения, техники, боеприпасов и запасов материальных средств была захвачена националистами республики.

Это составило:

По 173 ОУЦ (окружному учебному центру. — В.Б.):

— танков — 42, БМП — 34, БРТ — 3, МТЛБ — 44, орудий и минометов — 145, зенитных средств — 15, автомобилей — около 500, стрелкового оружия — около 40 тыс. ед.

— запасов материальных средств — 60 тыс. т.

По войскам ПВО:

— радиолокационных станций — 23, стрелкового оружия — 939, боеприпасов — 319,5 тыс.т.

— автомобилей — 304, запасов ГСМ — 48 т...»

Сведения, полученные из Генерального штаба, вызвали у некоторых членов Комитета Верховного Совета РФ по вопросам обороны и безопасности сомнения в их объективности. Прежде всего по той причине, что они не стыковались с данными, которые сообщали в парламент члены многочисленных комиссий и правоохранительных органов, неоднократно выезжавшие в Чечню.

Чтобы установить истину, Степашин обращается с письмом (№ 5875-1/4 от 6.07.92) к начальнику Управления военной контрразведки Министерства безопасности РФ генерал-полковнику А.Молякову: «...Прошу проанализировать объективность представленной в Комитет информации и сообщить Ваше мнение...»

Через некоторое время с Лубянки в парламент поступает письмо с грифом «Совершенно секретно», в котором приводятся уточненные данные об оружии, попавшем в руки дудаевцев. Они значительно отличаются от тех, которыми располагал Генштаб. Но эти важные дополнительные сведения при невыясненных до сих пор обстоятельствах затерялись в парламентских сейфах...

А на дворе был уже октябрь 94-го. И многие в ГШ знали, что и летом 92-го, и после сторонники Д. Дудаева еще долго совершали набеги на наши части и склады с оружием. И даже тогда, когда наши последние колонны уходили из республики, чеченцы останавливали их и подчистую, до автоматного патрона, обирали наших военнослужащих.

У меня часто скрипели зубы, когда приходилось читать докладные записки и показания некоторых наших командиров, вместе с подчиненными пережившими изощренные унижения со стороны чеченцев. Эти командиры, многие из которых прошли Афган, с какой-то бабской панической плаксивостью рапортовали вышестоящему начальству о циничных издевательствах чеченцев, хотя вполне могли бы

привести к бою свои полки и отшвырнуть от складов и казарм ненасытную воровскую саранчу.

Но весь трагический идиотизм их положения и состоял в том, что этого нельзя было делать: российский командир, отдавший приказ на открытие огня, мгновенно превращался в преступника.

А бородатый чеченец с опасной золлингеновской бритвой, который под прикрытием десятка пулеметов своей банды остановил нашу автоколонну в леске под Шатоем и, идя вдоль нее, с наглой улыбкой срезал кобуры с офицерских портупей и отбирал у солдат автоматы, был «национальным героем». А из-под пыльного брезента на кузовах наших «Уралов», забитых домашними пожитками, на него взирали со страхом глаза офицерских жен и детей...

Много раз в Москве и Ростове слышал я в штабах и войсках один и тот же вопрос: почему такое могло случиться?

Власть в России умеет быстро принимать невежественные решения и делать грубые ошибки, граничащие с преступлениями, но зато очень долго и мучительно, иногда веками, мы копаемся в их причинах и не находим виновных. А когда начинают искать виновных в преступлениях, они превращаются в фантомов...

Чеченская война еще задолго до декабря 1994 года вызревала из меркантильных заигрываний Москвы с Дудаевым — в ответ на поддержку Ельцина в августе 1991 ему были обещаны «более широкие полномочия», но, не получив их, он закусил удила.

Война вызревала из политической немощности Центра, который раз за разом, будто на экскурсии, посылал в Чечню многочисленные делегации с именитыми депутатами, артистами, генералами, которые в аппетитном дыму бараньих шашлыков и безмерном винном хмеле так и не смогли рассмотреть истинную физиономию Дудаева, сепаратистские настроения которого росли как на дрожжах.

Москве не хватило ни мудрости, ни воли, ни последовательности, чтобы предотвратить метастазы «раковой опухоли», которая быстро разрасталась. И только когда мы уложим в Чечне тысячи своих солдат и офицеров, вдруг вспомним, что Ельцин почему-то так и не удосужился (не захотел) встретиться с Дудаевым.

И захваченные чеченцами в наших частях стрелковое оружие и боевая техника тоже были результатом никчемной

политики Центра. Всецело поглощенные проблемами своего политического выживания, Ельцин и его правительство не сумели своевременно и наглухо закрыть «чеченский пороховой погреб».

И нельзя было не поражаться тому, с каким искусным лукавством бывший председатель кабинета министров РФ Егор Гайдар отрешивался от собственных промахов в решении проблем контроля за оружием в Чечне. Вот официальный документ, в котором на 49 странице Гайдар давал ответ на вопрос о том, каким образом оружие попало к Дудаеву. Гайдар утверждал:

— Вопросы передвижения вооруженных сил и распоряжения вооружением никогда не входили в сферу моей компетенции, в том числе в то время, когда оружие было передано Дудаеву. Это находилось в сфере компетенции двух президентов — Советского Союза и России, М. Горбачева и Б. Ельцина, двух министров обороны — Е. Шапошникова и П. Грачева, а также заместителей министра обороны, которые занимались этим вопросом. Я не имел никаких полномочий, прав, обязанностей и возможностей давать указания о том, что делать с вооружением. Правительство не имело никакого административного отношения к этому достаточно закрытому вопросу, который никогда не выносился на правительство и не обсуждался...

Гайдар удивляет. Ибо по его логике выходит, что член кабинета министров Грачев был не подконтролен председателю правительства, который даже «не имел возможностей» давать руководителю оборонного ведомства необходимые указания по оружию. Кто поверит этим хлипким доводам?

Иное дело, что непосредственный контроль за армейским оружием в Чечне напрямую относился к компетенции наших силовиков. И тут логика проста: если дали возможность растащить оружие, значит, вам и отвечать. И когда за месяц до начала войны силовики в Москве и в Ростове подсчитали, чем располагает армия Дудаева, масштабы этой ответственности многим навеяли мрачные служебные перспективы. Замаскировать жестокую правду была лишь одна возможность — доложить «наверх» лишь ее часть.

Мне довелось видеть толстенные папки документов, в которых зафиксирована хроника вооружения дудаевской армии нашим оружием. Первые документы датированы еще сентябрем 1991 года, когда резко возросло число конфликтов между нашими командирами и руководителями чечен-

ских вооруженных формирований, стремившихся захватить армейские арсеналы на территории республики.

5 октября 1991 года. Дудаевцы ворвались в здание КГБ Чечено-Ингушской Республики и похитили 2000 единиц стрелкового оружия, более 20 миллионов боеприпасов в нему. К концу того же месяца число стволов в дудаевских вооруженных формированиях достигло 3000 единиц. Плюс — 10 единиц бронетанковой и 30 — автомобильной техники.

12 ноября 1991 года. Дудаевцы захватили базу 382-го авиационного полка и аэродром Ханкала вместе с базировавшимися там 260 самолетами.

26 ноября 1991 года. Дудаев на встрече с руководством Грозненского гарнизона объявил о своем решении создать на базе дислоцированных в ЧР советских дивизий 2 чеченские. Уже на следующий день он издал указ о национализации оружия и боевой техники, находившихся на территории ЧР.

Пик напряженности пришелся на первую декаду февраля 1992 года, когда чеченцы устроили почти тотальные нападения на военные городки с целью их грабежа и захвата оружия.

Одним из самых первых был «национализирован» 173-й окружной учебный центр. Командование соединения отказывалось выполнить ультиматум, поставленный ему чеченцами. Те окружили наши части и взяли их под прицел, пообещав при этом, что в случае сопротивления «никого не будут жалеть, в том числе и детей».

Личный состав центра без сопротивления передал чеченцам танки, БМП, БТР, артиллерию (в том числе и реактивную), противотанковые средства, стрелковое оружие, склады боеприпасов...

Из заявления начальника 173-го окружного учебного центра (в/ч 30106) генерал-майора И. Соколова Генеральному прокурору Российской Федерации (24.03.92. № 135):

«...Были захвачены и разгромлены полк внутренних войск, авиационный учебный полк, полк РТВ ПВО страны.

В период с 7 по 9.02 были организованы нападения на части окружного учебного центра — 1 и 15 военные городки.

В результате нападения расхищена часть оружия, автомобильной техники и другого имущества на сумму более 2 миллионов рублей...

Так, личным составом роты «Чеборз» под командованием

Шамиля идет ежедневный грабеж 1-го военного городка. Угнано 8 единиц автомобильной техники, снято и украдено вооружение с 3 БРДМ, средства связи, автозапчасти, вещевое и другое имущество.

Личным составом абхазского батальона, несущим охрану 15 в/городка, также украдено несколько единиц автомобильной техники, незаконно изъято у офицеров 13 единиц стрелкового оружия, разворованы аккумуляторы, автозапчасти и другое имущество. В том числе 10 автоматов, полученных начальником службы и начальником склада для вооружения офицеров по приказу командира части. Этот случай можно расценить как прямой разбой...»

В секретном письменном докладе командующему СКВО генерал-майор И. Соколов предупреждал: «Окружной учебный центр может послужить базой для формирования национальных вооруженных сил».

Так оно и случилось...

Соколов докладывал в Москву:

«...Ни по одному факту оскорбления российских офицеров и прапорщиков, членов их семей, нападений на часовых, захвата автотранспорта компетентными органами Чечни решений не принято, виновные не найдены и не наказаны, похищенное не возвращено...»

Командование СКВО, озабоченное таким развитием событий, еще 29 ноября 1991 года направило министру обороны СССР Е. Шапошникову шифровку с предложением срочно спасти в Чечне то оружие, которое еще можно спасти от захватов и «национализации», объявленной указом Дудаева. Шапошникова просили вмешаться. И он вмешивается...

Министр решил усилить нашу группировку в Чечне за счет переброски десантников. Им отдали приказ на подготовку к передислокации. Первый замминистра обороны генерал-полковник П. Грачев отправился в Северо-Кавказский военный округ для непосредственного руководства операцией. Главное оперативное управление Генштаба совместно со штабом ВДВ приступило уже к ее планированию...

Перед самым ее началом Шапошников еще раз связался с Дудаевым и объяснил ему, чем вызван предстоящий маневр десантников (пожалуй, тем телефонным разговором с чеченским лидером маршал предотвратил войну, вероятность которой предвидели у нас в ГШ). Дудаев был крайне

возмущен действиями экстремистов и пообещал лично побывать в гарнизонах и стабилизировать обстановку. И даже заверил Шапошникова, что впредь «с головы русских не упадет даже волос».

Обстановка действительно стала стабилизироваться и операция по переброске десантников в Чечню была отменена.

Все закончилось тем, что Грачев за закрытыми дверями встретился с Дудаевым в Грозном, где, по словам Шапошникова, «были найдены компромиссные варианты решения и этой проблемы». Поиск компромисса был похож на трудные торги. И хотя переговоры Грачева и Дудаева не протоколировались, позже стало известно, что речь шла о «честном дележе» оружия и техники с чеченцами по принципу 50 на 50.

Возвратившись в Москву, Грачев доложил Шапошникову о результатах переговоров. Шапошников проинформировал Ельцина. Ельцин принял решение о выводе войск из Чечни. Вскоре в штаб СКВО (Ростов) поступила соответствующая директива министра обороны.

Но российской стороне не удалось реализовать договоренность о разделе оружия с чеченцами поровну. Примерно 70 процентов его уже было захвачено. И эти захваты продолжались вплоть до лета 1992 года.

Был период, когда, казалось, захваты наших вооружений в республике уже нельзя было остановить ничем, кроме как срочной переброской туда дополнительного контингента наших войск.

И снова Дудаев заверял московских генералов, что «приказ будет остановлен». Но его заверения висли в воздухе — уже и самые строгие приказы Дудаева не могли остановить вооруженческую вакханалию в республике.

Вывод наших войск из Чечни окончательно развязал руки тем, кто давно вынашивал сепаратистские планы. С середины 1992 года и вплоть до осени 1994 российское руководство почти полностью упустило контроль за развитием опасных тенденций в республике. Пользуясь таким положением, Дудаев сумел сформировать многочисленную и хорошо вооруженную армию.

Многие генералы и офицеры российского Генштаба хмуро взирали на политическую и дипломатическую пассивность Кремля, которая грозила России большими неприятностями на юге.

Ельцин никак не шел на переговоры с Дудаевым. Однажды во время встречи с командующим войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковником Алексеем Митюхиным Дудаев признался:

— Если бы меня по-человечески пригласили в Кремль, все могло бы пойти совсем по другому пути...

* * *

К лету 1994 года Кремль, Совет безопасности, ФСК, Минобороны и Генштаб пришли к выводу, что для подрыва позиций Дудаева и ликвидации его вооруженных формирований необходимо активизировать оппозиционное движение в республике, вооружив его. Был разработан секретный план совместной операции силовых ведомств и спецслужб России по переброске в эпицентр оппозиции Грозному, Надтеречный район, военнослужащих-добровольцев и большого количества стрелкового и тяжелого оружия, боеприпасов, ГСМ.

Оружие наземным путем и вертолетами в темное время суток перебрасывалось в Надтеречный район из арсеналов Северо-Кавказского военного округа. По свидетельству одного из офицеров ФСК, принимавшего участие в операции, только за один раз тайно прибывшие в Надтеречный район солдаты-контрактники из подмосковной Кантемировской дивизии получили «40 абсолютно новых машин Т-72». Но должный контроль за этим оружием и военной техникой не обеспечивался. Был случай, когда 20 совершенно новых машин «ГАЗ-66» исчезли из района дислокации оппозиции, их так и не смогли обнаружить московские инспекторы.

Плохо подготовленный поход отрядов оппозиции на президентский дворец 26 ноября 1994 года провалился. В руки дудаевцев попало еще 500 автоматов, 30 гранатометов, 15 танков, 20 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, свыше 150 тысяч боеприпасов к стрелковому оружию и 1,5 тысячи — к тяжелому.

К середине декабря 1994 года армия Дудаева насчитывала около 15 тысяч человек, непосредственно состоящих в отрядах, ведущих боевые действия. Примерно такое же количество «штыков» числилось в подразделениях резервного эшелона. Свыше 40 тысяч единиц стрелкового оружия хранилось на базах, рассредоточенных по всей территории республики. На вооружении полевых отрядов находилось по-

чти 100 танков и 120 бронемашин, более 170 гранатометов и примерно столько же артиллерийских орудий и минометов различного калибра. Было также более 35 «Градов».

Перед началом военной операции в Чечне Генштаб рассчитывал, что уже через две-три недели интенсивных оборонительных боев дудаевские отряды будут испытывать большие проблемы с боеприпасами. Но вышло так, что у чеченских вооруженных формирований этой проблемы не возникало и через год после начала войны.

СВАРА ФАВОРИТОВ

После провалившейся попытки объединенной группировки взять Грозный в ночь на 1 января 1995 года и огромного количества жертв среди наших военнослужащих в российской прессе начал активно муссироваться вопрос, кто же виноват в том, что дудаевская армия оказалась до зубов вооруженной?

Было начато парламентское расследование. Думские комитеты по обороне и безопасности запросили документы в Минобороны и Генштабе, потребовали объяснений и от бывшего министра обороны СССР маршала авиации Шапошникова.

Вскоре Евгений Иванович сделал сенсационное заявление со ссылкой на документы и их официальные номера. Маршал пытался доказать, что в передаче столь большого количества оружия чеченцам его личной вины нет. Шапошников утверждал, что окончательную точку в передаче вооружений и боеприпасов чеченским формированиям поставил П.Грачев. При этом Шапошников сослался на шифровку министра обороны России от 28 мая 1992 года на имя командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (к тому времени Грачев уже находился в должности главы военного ведомства России и, следовательно, нес личную ответственность за сохранность оружейных арсеналов наших частей в Чечне).

Да, такой документ был...

«Министерство обороны Российской Федерации Командующему войсками СКВО (лично)

Разрешаю передать Чеченской Республике из наличия 173 гв. ОУЦ (окружной учебный центр, который по уровню вооруженности приравнивался к дивизии. — В.Б.) боевую технику, вооружение, имущество и запасы материальных средств в размерах:

- боевую технику и вооружение — 50%;
- боеприпасы — 2 боекомплекта;
- инженерные боеприпасы — 1-2%.

Автомобильную, специальную технику, имущество и запасы материальных средств реализовать по остаточной стоимости на месте.

П. Грачев.

28 мая 1992 года».

После того как Шапошников напомнил о существовании этого документа и тем самым дал понять, что к дележке оружия с Дудаевым лично не причастен, команда Грачева приняла контрмеры. 18 января 1995 года в «Красной звезде» появилось заявление Министерства обороны РФ, в котором подчеркивалось, что передача оружия Дудаеву «была вынужденной мерой, вызванной бездействием союзного, а затем российского правительства и лично бывшего министра обороны СССР, а в последующем — Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ...»

Шапошников такой упрек не принял. Последовал его ответный ход. Маршал ввел в игру главный козырь — свою директиву от 13 декабря 1991 года:

«Министерство обороны СССР.

Главнокомандующему Сухопутными войсками, командующему войсками Северо-Кавказского военного округа.

Прошу совместно с правительством Чечено-Ингушской республики определить перечень первоочередных взаимоприемлемых мер, направленных на разрешение проблемных вопросов жизни и деятельности войск на территории республики, а также о призыве граждан чеченской национальности на действительную военную службу в другие регионы страны.

Главнокомандующему Сухопутными войсками дать указание об изъятии запасов оружия и боеприпасов, хранящихся на складах воинских частей, расположенных на территории республики, и выводе их на центральные арсеналы и базы.

О принятых мерах доложить.

Е. Шапошников»...

Но даже самый хороший и своевременный приказ не снимает с командиров ответственности, если он остался невыполненным.

В дискуссии об оружии чеченской армии участвовали известные военачальники. У них были полярные точки зрения.

Главнокомандующий ВВС генерал армии Петр Дейнекин:

— Что касается вопроса о передаче ему (Дудаеву. — *В.Б.*) оружия и авиационной техники, то должен сказать, что... ни Шапошников, ни Грачев, ни тем более Дейнекин авиации и танков ему не передавали. Откуда 266 самолетов? Это учебно-боевые самолеты училища ПВО, которое там дислоцировалось. Все они могли носить НУРСы (неуправляемые реактивные снаряды. — *В.Б.*) и бомбы калибра до 100 килограммов. И когда мы по данным разведки убедились, что некоторые самолеты готовятся к практическому вылету, мы нанесли несколько авиационных ударов, чтобы вывести эти самолеты из строя... После уничтожения самолетов я получил в начале декабря (1994 года — за полторы недели до начала войны. — *В.Б.*) от Дудаева телеграмму, где он поздравлял меня с победой по завоеванию господства в воздухе. Но вместе с тем в этом же тексте было предостережение: встретимся мы не в воздухе, а на земле...

Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Анатолий Квашнин (с мая 1997 года — начальник Генштаба ВС РФ. — *В.Б.*) на тот же вопрос — откуда у дудаевцев оружие, боевая техника, боеприпасы? — ответил с беспрецедентным для военачальника такого ранга чистосердечием:

— Издеваетесь? Да мы же и отдали...

* * *

Огромное количество оружия, оказавшееся у дудаевцев перед началом войны, стало одной из главных причин больших потерь в людях и технике, которые понесла Объединенная группировка. К тому же до начала операции в Чечне наши подразделения специального назначения не сумели уничтожить даже 10 процентов дудаевских арсеналов и складов боеприпасов.

Была и еще одна серьезная проблема.

Уже недели через две после вступления российских частей на территорию Чечни наша разведка раз за разом стала засекать появление караванов с боеприпасами у границ или на территории республики. Снабжение шло тайными тропами через Грузию, Азербайджан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Дагестан. Казалось бы, такой разведпризнак указывал на то, что у Дудаева острый дефицит патронов, снарядов, гранат. Но дело было в другом.

Законсервировав в горах и селениях многие склады с оружием и боеприпасами, Дудаев крайне рационально пополнял ими свои отряды. Но даже когда не было особой нужды в боеприпасах, дудаевские эмиссары активно организовывали их доставку из-за пределов республики, исходя не из военной, а из политической целесообразности. Важен был прежде всего сам факт поддержки со стороны соседей. И прежде всего — мусульман...

Активно включилась в вооружение дудаевской армии чеченская диаспора на территории России. Наши спецслужбы в 1995 году сумели перекрыть каналы поставки оружия этими диаспорами из Иванова, Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Москвы, Ростова, Ставрополя.

Уже на начальной стадии чеченской войны была выявлена и причастность турецких спецслужб к поставкам оружия в Чечню. Один из маршрутов начинался в Стамбуле, вел на азербайджанский аэродром в районе Сумгаита и далее — на Хасавюрт.

В одном из документов ФСК по этому поводу говорилось:

«...Известны следующие каналы транспортировки оружия, боеприпасов, военного имущества, медикаментов, валютных средств и переправки боевиков через азербайджано-дагестанскую границу:

— Наиболее часто караваны следуют через КПП Яраг-Казмаляр и Тагиргент-Казмаляр, по маршруту Сумгаит — Дербент — Махачкала — Хасавюрт. Каждый переправленный наемник из числа иностранцев оценивается в 100 долларов, пропуск одного легкового автомобиля — до 500 тысяч рублей, одного грузового автомобиля от 2 до 5 млн рублей. Перевозка осуществляется большегрузными автомобилями марки «Шкода», «МАЗ», «КамАЗ» с международными знаками «TIR», автобусами «Икарус». В качестве прикрытия в сопроводительных документах на груз указывается перемещение мебели, одежды, продуктов питания. На азербайджано-дагестанской границе опломбированный груз не вскрывается. Часто груз сопровождается боевиками. За прохождение караванов отвечают представители Д. Дудаева, находящиеся в Азербайджане, — Иса Абазитов, Ахмед Албаков и другие...»

Наши спецслужбы выявили и другие каналы снабжения оружием чеченских боевиков: для этого использовались пассажирские автобусы и большегрузные автомобили, следовавшие из Баку в Ростов.

Еще на один «азербайджанский след» наша разведка вышла благодаря расшифровке закодированного разговора по радио...

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Документ

Разведуправление Северо-Кавказского военного округа.

Радиоперехват разговора Джохара Дудаева и бывшего министра МВД Азербайджана, лидера партии «Боскурт» Искандера Гамидова (25.01.95):

Гамидов: Джохар... Я одну большую партию направил... Вторую партию "Стингеров" послезавтра ты получишь... Завтра должны быть "Стингеры", штук пятьдесят...

Дудаев: Искандер, нужны "Стингеры", мины к минометам, минометы и еще раз мины — неограниченное количество, мины особенно нужны.

Гамидов: Хорошо, я понял. Еще?

Дудаев: Потом к "Граду" снаряды...

Гамидов: Восемьдесят штук снарядов, наверное, завтра доставят тебе две машины...»

Территория Грузии тоже использовалась для переброски в Чечню оружия, боеприпасов, военного имущества, медикаментов, валютных средств и переправки боевиков из Турции. Для этого применялась «благопристойная "крыша"» — между президентом Турции Демирелем и главой Грузии Шеварднадзе была достигнута договоренность «о беспрепятственном пропуске в Чечню турецких гуманитарных караванов».

Российскими спецслужбами было установлено также, что для поставок оружия в Чечню активно использовалась и территория Абхазии. Это делалось, в частности, через Кодорское ущелье и Сванетию. Расценки там были очень высокими: 1 ствол — 1 млн рублей.

Были выявлены также случаи поставок оружия в Чечню через Дагестан и Ингушетию под видом гуманитарных грузов. «Стволы» чаще всего прятались в мешках с сыпучими продуктами (мука, сахар, орехи) по 2-3 единицы, а разовая партия насчитывала 50—60 штук. Таким же образом переправлялись и боеприпасы.

В мае 1995 года (ровно через полгода после начала чеченской войны) в российском Генштабе попытались подсчитать потери, которые дудаевская армия понесла в боях с федеральными войсками. Документ готовили подчиненные заместителя начальника Главного оперативного управления ГШ генерала Л. Шевцова. Леонтий Михайлович, как мне

показалось, горел страстным желанием «в цветах и красках» показать и доказать, что разработанный при его участии план войсковой операции в Чечне был верным и принес весомые результаты.

И только у хорошо знающих истинное положение дел операторов ГШ такие аргументы вызывали кривую усмешку. Ибо очевидных нестыковок было много. Например, в документах ГШ, датированных ноябрем 1994 года, значилось, что дудаевская армия вооружена 42 танками. А в майском документе 1995 года утверждалось, что наши войска уничтожили более 100.

И по многим другим показателям выходило, что за полгода войны наша Объединенная группировка в Чечне уничтожила почти 2,5 боекомплекта, имевшихся на вооружении чеченских формирований. Такая «победная ложь», на мой взгляд, не только служила камуфляжем наших военных просчетов в Чечне, но и разоблачала то, что высшее политическое и военное руководство России перед началом войны с Чечней не имело истинного представления о силе ее армии. Тысячи убитых и покалеченных наших солдат и офицеров были невероятно дорогой расплатой за этот преступный просчет.

ПОДВОДА ИТОГИ

После упразднения СССР в результате национализации и длительного периода насильственных захватов военной техники и оружия в частях бывшей Советской (затем — Российской) Армии республики Кавказа в общей сложности имели: 2500 единиц тяжелых вооружений, около 500 тысяч единиц стрелкового оружия, более 350 самолетов (включая 260 учебных), свыше 40 вертолетов и 20 тысяч вагонов боеприпасов.

Кавказ по-прежнему остается самым милитаризованным регионом мира. Исконное поклонение южан холодному и стрелковому оружию известно — кинжал или винтовка издревле были там важнейшей частью имиджа мужчины. Сегодня наряду с кинжалом и винтовкой автомат Калашникова и гранатомет РПГ-7 составляют неотъемлемую часть национального облика кавказца. А танк, бронетранспортер, танк или зенитная ракетная установка — показатель особой «крутизны» национальной армии или банды.

Кавказ продолжает вооружаться. Игнорируются квоты,

установленные Договором об обычных вооружениях в Европе. США отменили вето на продажу своего оружия республикам Кавказа, на территории которых есть «горячие точки». Министерства обороны Грузии и Азербайджана все больше проявляют интерес к закупке новых вооружений не только в США, но и в Турции, Иране, Ираке, Германии и Франции. Западные партнеры кавказских республик по НАТО откровенно демпингуют, по «политическим ценам» предлагая любое оружие.

Россия из-за убогих финансовых возможностей не может соперничать в этом регионе с США и НАТО. Их стратегию и тактику наш Генштаб давно раскусил: сначала — щедрые инвестиции, выгодные совместные проекты, мощные кредиты и «благотворительные» валютные перечисления на развитие экономики и армии, а затем — подстрекание республиканских властей к выводу наших военных баз, частей и подразделений из региона. Следом — предложение разместить свои базы в стране.

Центральный вектор такой политики тоже понятен: укрепляясь в этом стратегически важном регионе, США и НАТО стремятся подготовить благоприятные условия для господства на евразийском пространстве в XXI веке. Кавказ для них является ключом к Каспийскому и Центрально-Азиатскому регионам: контроль над ним дает возможность ослабить и победить главных конкурентов — Россию, Китай, Индию и Иран.

Кавказ в последние годы стал гигантским Клондайком для банд и мафиозных формирований всех республик бывшего СССР. Сегодня уже нет такого города в России (да и на территории бывшего СССР), в котором бы не было оружия, поступившего с Кавказа. Автоматы, пистолеты, пулеметы, гранатометы, мины с соответствующими номерами и маркировкой свидетельствуют о том, что прибыли они с Кавказа.

Из оперативной сводки Волго-Вятского регионального управления по борьбе с организованной преступностью.

«Нижний Новгород.

Перекрыт крупный канал поступления оружия в Нижегородскую область с Кавказа. У бандитов изъято: 5 гранатометов, 9 пистолетов, 11 автоматов, 35 гранат, несколько мин, в том числе и радиоуправляемая, почти 3 тысячи патронов различного калибра. Кроме этого, были обнаружены больше 10 глушителей к автоматам и пистолетам, электродетонаторы. Все оружие — заводского

производства, без признаков использования. Один из членов банды, торговавшей оружием, — уроженец Назрани. Пистолеты продавались по 1200—1400 долларов, автоматы — по 2,5 тысячи долларов, гранаты — по 300 тысяч рублей...»

Российские спецслужбы за последние 6 лет более 250 раз перекрывали каналы преступных поставок оружия на Кавказ и с Кавказа. Уже выявлены целые синдикаты по закупке, продаже и доставке оружия в заданные регионы.

Россия за годы правления Ельцина значительно растеряла потенциал своего военно-политического влияния в регионе. Это вынуждает ее восстанавливать позиции праведными и неправедными способами. Огромные политические и экономические потери, которые Москва понесла на Кавказе после падения СССР, она стремится компенсировать поставками вооружений оставшимся союзникам и закреплять на их территории свое военное присутствие.

Но такая однобокая политика лишь усиливает неприязнь к России со стороны других республик (Грузия, Азербайджан), которые в отместку начинают делать ставку на НАТО. И это значит, что в XXI век кавказская политика России вступает с большим грузом военно-политических проблем, которые сама же породила и не смогла решить на закате века нынешнего.

Глава 3

ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ОТ ЯЗОВА ДО СЕРГЕЕВА

РИТУАЛ

Бывают в Генштабе такие дни, когда у офицеров дружно добреют лица и словно перед долгожданной попойкой воцаряется всеобщее радостное воодушевление. И тогда даже тот, кто обычно взрывается от мелочных подколок сослуживцев, великодушно прощает им самую ехидную шутку, а давно заплесневевший анекдот снова вызывает искренний смех. Вот и нынче выпал нам этот особый день — обещаю выдать деньги, которые задерживают уже третий месяц.

День получки для офицера особенно хорош тем, что он заканчивается дружеской пирушкой. Ее предчувствие порождает нетерпеливый оптимизм: достаются из загашников банки тушенки или кильки в томатном соусе. Глядя на них, полковники сглатывают слюну и с веселым азартом многозначительно потирают руки.

И только никогда не чуравшийся офицерского балагурства бравый потомок кубанских казаков полковник Валерий Атамась непривычно хмурый. У него красноватые белки слипающихся глаз, тихая усталая речь. Вчера он ушел со службы перед полуночным боем кремлевских курантов, а сегодня появился на Арбате до первых петухов — готовит документы на отправку наших десантников в Югославию.

И вот так — второй месяц. И не только он. При этом никто и не заикается про «нормированный день». Как-то один слишком ретивый генштабовский правдоискатель заикнулся, — на него стали смотреть, как на идиота.

Наши арбатские «деды» любят повторять: «Офицер служит Отечеству 24 часа в сутки, а живет на свете 18 лет. Шестнадцать — до поступления в военное училище и два — после выхода на пенсию».

Чтобы взбодриться, Атамась засосал уже полдюжины чашек густого и черного, как разогретая смола, кофе. Но ус-

талости накопилось столько, что и такая лошадиная доза не помогает.

Немного покомарив над оперативными картами и таблицами, полковник решил размяться и пройтись с документами в ксероксную. Встретив в коридоре травящих веселые байки сослуживцев, он все же не удержался, чтобы не рассказать им не анекдот, а реальный случай из своей жизни.

На афганской войне душманы подбили из гранатомета наш танк. Взрывом оторвало подкрылок, который поддел под задницу бравого мотострелка майора Атамася и метров двадцать нес его по воздуху. Такой способ перемещения по полю боя на некоторое время вывел летающего советского воина из строя, но зато обратил в бегство противника.

Потом наступает черед другого рассказчика, полковника Савчука. Но, судя по теме его байки, сладкое предчувствие обещанной сегодня зарплаты глубоко гнездится в полковничьих мозгах. Он смачно курит и травит:

— Однажды мой новый комбат получил кучу денег. Месячная зарплата, подъемные, пайковые, тринадцатая. Причем, все — непорочным новьем. Он разложил деньги по нагрудным карманам рубашки перед тем, как отметить вливание в коллектив. Мы с ним приняли по литру на грудь, и я проводил комбата домой. Жена его в гарнизон еще не приехала, дома ремонт. А мы, само собой, и тут крепко добавили — «на бархотку», «стременную», «закурганную», — в дверные габариты не могли вписаться. Рубашка стала у него, как у штукатура. Я помог ему ее снять. Но поскольку автопилот уже не включался, погоны на рубашке отстегнул, а карманы проверить забыл. Так и бросил ее в ванну с водой. Деньги, само собой, насквозь промокли. Утром командир решил просушить купюры. Разложил их на столе, на диване и даже на полу в прихожей. В это время стучится в дверь сосед по лестничной площадке, прапорщик, махровая складская крыса и самогонщик. Пришел попросить пустых бутылок под первачок. Увидел деньги — дар речи потерял. Комбат заметил это и на полном серьезе, рассматривая новенькую банкноту перед носом у трезвеющего от жадности прапора, говорит:

— Что-то хреново пропечатались... Аппарат износился...

Получив нужную тару, прапор пропеллером смылся домой. И, видать, от зависти тут же просигналил в особый отдел. Вскоре прибыл особист. Зашел в квартиру комбата,

посмотрел на мокрый «денежный листопад» и сурово так спрашивает:

— Товарищ майор, а аппарат где?!

А тот ему на полном серьезе:

— А аппарат — в квартире напротив!!!

Кто еще не слышал эту байку, ржет громче всех.

В такие дни все мы очень похожи на молодых отцов, нетерпеливо ожидающих появления первенца под окнами роддома. Наша речь немногословна и загадочна:

— Ну как, будут?

— Надежды есть.

Самые нетерпеливые уже куда-то сбегали, куда-то позвонили и разносят по генштабовским кабинетам новость с таким видом, будто вот-вот откроется дверь и войдет сам Ельцин:

— Он уже близко!!!

Это значит, что наш финансист на общественных началах полковник Анатолий Ткаченко скоро закроет грудью амбразуру генштабовской кассы.

Народ балдеет от радости и изнемогает от нетерпения.

Ожидание денег — приятный, но чертовски тяжелый вид работы.

МЫСЛИ НА ПОДОКОННИКЕ

Я сажусь на подоконник, закуриваю и смотрю через давно немытое стекло на зимний Арбат, где в серой снежной каше копошатся люди и машины.

На заснеженную голову Гоголя села бесцеремонная московская ворона. А ему все равно — он бронзовый. Был бы Николай Васильевич жив, ему много интересного о своей житухе могли бы рассказать генштабовские офицеры. И смешного, и грустного...

Здесь, на Арбате, по эту сторону черных дубовых дверей, уже который год под надоевшими лозунгами о военной реформе идет особая жизнь.

Я все чаще стал замечать, что служба для многих превращается в дело второстепенное. Кто умеет крутиться, занимел еще одну работу на стороне и там старательно вкалывает или приворочивает. Иной офицер может кое-как сварганить нужную его шефу справку, но зато будет до блеска вылизывать документ, который нужен другому начальнику на левой работе, в какой-нибудь конторе с гром-

ким и мутным названием «Арбат-стар LTD». Есть фирмы, где некоторые наши везунчики добросовестно отстирывают большие, но очень грязные деньги.

Левая работа — вынужденное хобби. За спиной — семейный выводок. А полковнику носить домой воздух в карманах неприлично. Уже и любовницы возмущаются:

— Безобразие! Офицеры приходят в гости без роз и шампанского!

Какое уж тут шампанское — даже на просроченные отечественные презервативы не хватает. В былые годы и кинозвезда почитала за честь переспать с полковником Генштаба. Сейчас не каждая буфетчица с тобой в койку нырнет. А когда это было видано, чтобы офицеры Генштаба позволяли себе носить вместо форменных разноцветные носки? У одного — в клеточку, у другого — в ромашечку. Еще и с дыркой.

Где вы, генштабовские гусары былых времен, с блистательной офицерской статью и рыцарскими манерами, вышколаченные аккуратисты и интеллектуалы, способные искрометными остротами, стихами и песнями под гитару штабелями укладывать вокруг себя восхищенных московских дам?

В былые времена в Генштабе служила элита. Сюда из войск стягивали офицерские сливки. Как говаривал мой друг полковник Солдатенко: «Выше Генштаба — только солнце». Никаких компьютеров не надо было — головы лучше и быстрее работали. Короче, мозг армии. А сейчас эти мозги все чаще бегут на гражданку, туда, где в пять раз больше платят. Зато для блатной и бездарной генштабовской шушеры теперь раздолье. Растет в должностях, как бамбук в тропиках.

Эти особенно старательно торчат на службе, терпеливо караулят новые должности, выжидают зарплату и плачутся друг другу на свое убогое житье. Они иногда напоминают мне людей с цепкими зенками, которые бдительно сторожат у ларьков пустые пивные бутылки.

И армия все больше начинает походить на бомжиху с жадными глазами, поджидающую обьедки с государственного стола. Уже который год подряд имеем хилый военный бюджет, а власть упорно талдычит нам, что страна не в силах тащить на себе «непомерно тяжелое милитаристское бремя». И потому военный люд чувствует себя обузой на шее государства.

Когда демократы валили старый режим, они твердили

нам, что мы семь десятилетий жили как бараны. И пламенно обещали, что освободившаяся от «оков тоталитаризма» Россия теперь заживет по-людски. Уже семь лет ждем обещанного. Это ложь, что народ обмануть нельзя. Те, которые у власти, дурачат народ так же легко, как наперсточники объегают лохов. Перед выборами — все ангелы и страдальцы за Россию. После выборов — грызня у корыта.

Те, которые теперь у руля, ноют и жалуются, что им все время кто-то мешает — то парламент, то оппозиция. Когда демократы были «внизу», они твердили, что их не понимают те, кто «вверху». Когда же сами стали «вверху» — обвиняют в непонимании тех, кто «внизу».

Россия тонет в Атлантическом океане трепа.

Политики упоительно токуют. Все знают, что и как делать. Размышляем как умные, а живем как дураки. Производим на рубль, воруем — на десять. Вот и вся демократия. И такое впечатление, что почти на каждого, кто ошибается во власти, можно смело заводить уголовное дело. Политика в России стала разновидностью криминала. Когда-то генералиссимус Суворов советовал каждого интенданта время от времени держать в кутузке. Ибо не было такого, который не воровал бы. Хорошо бы так и с нашими министрами или депутатами. Получил мандат — сдай отпечатки пальцев и сфотографируйся в анфас и профиль. Для профилактики...

Однажды полковник Виктор Чикин сказал мне:

— Уже охраняем не страну, а воровскую малину.

Офицеры контрразведки лишнего слова никогда не скажут. Других в ней не держат. Но некоторых все чаще начинает прорывать. Когда остаемся в кабинете с глазу на глаз, они гневно рассказывают о прытких людях с громкими фамилиями, проворачивающих свои темные дела.

От гражданского жулья не отстает военное: на Кавказе генерал-тыловик из ростовского штаба умудрился продать дагестанцам несколько километров тупиковой железнодорожной ветки. Четыре десятка миллионов дойчмарок, предназначенных для строительства жилья бездомным офицерам, переведены на счета коммерческого банка. Двенадцать миллионов минобороновских долларов втихаря «нагуливали» проценты в другом коммерческом банке, пока не грянуло 17 августа и возвратить валюту назад стало проблематично. Начальник Главного управления военного бюд-

жета и финансирования генерал-полковник Г. Олейник прислал министру письмо с предложением провести «санацию» банка. Знающие об этом генштабовские офицеры зло говорят между собой:

— Это что же, поедем за должком на танках?

В России коррупция и хамство, обман и воровство не увядают при любых политических режимах. Была бы моя воля, я бы отразил это на государственном гербе...

Майор контрразведки Олег Черняев зло говорил мне:

— Разворовывают, суки, Родину оптом и в розницу. Из-за них три года в отпуске не был — в море не могу скупнуться!

Зато он вволю накупался в забайкальских таежных источниках, куда его генштабовское начальство спроваживало в командировки каждый раз, когда наш арбатский Шерлок Холмс откапывал убийственный компромат на очередного высокопоставленного вора в лампадах.

Кажется, только небо в России пока еще не превращено в товар. Но уже и к нему подбираются. Однажды видел в секретариате Генштаба проект новых правил воздушного движения. Прыткие коммерсанты страшно жаждут брать с военных и гражданских самолетов «воздушную» пошлину.

Чем дольше длятся в стране политический раздрай и экономическая разруха, тем очевидней, что властям не до реформы военной. Уже несколько лет подряд президент ритуально подчеркивает важность военной реформы, но кардинально ничего не меняется. Под руководством Верховного Главнокомандующего армия продолжает успешно разваливаться.

Открыто говорить об этом президенту наши высшие генералы не решаются. Зато американские своему о положении в Вооруженных силах России и о состоянии военной реформы докладывают исправно и со знанием дела. Американский аналитик рапортовал:

«...Я не знаю, обсуждали ли этот вопрос Ельцин и его окружение и пришли ли они к печальному заключению о том, что не могут найти эффективное решение этой проблемы. Вероятно, решили, что пусть система обороны развалится под своим собственным весом. А может быть, надеялись, что из этого сама собой выкристаллизуется некая небольшая и дееспособная военная система. Нельзя исключать, что имело место простое невежество и недооценка серьезности проблемы...»

Вот уж точно: со стороны — виднее.

Есть у американцев заключения и покруче:

«Первое, что необходимо сказать о российских Вооруженных силах, это то, что они больше не существуют как единый институт государства».

Это — из доклада Разведывательного управления министерства обороны США Конгрессу о положении в Российской армии. Раздел 1, стр. 9...

Когда армия разваливается и слабеет, она становится очень похожей на женщину, которая паникует и нервничает из-за множасьих морщин. И страшно ревниво реагирует даже на пустяки, когда видит, что угасает внимание к ней.

Когда еще при Гайдаре денежное содержание генштабистам стали выдавать старыми, сильно замызганными купюрами, некоторые у нас даже завозмущались. Такого раньше никогда не было. Всегда деньги нам выдавали абсолютно новенькими купюрами. Потом стало известно, что деньги в Генштаб начали идти через коммерческие банки. Их туда на прокрутку запускали наши хитропопые финансисты. И случалось так, что если в каком-нибудь «Идея-банке» дела обстояли неважнецки и он не успевал быстро прокручивать военные деньги, Генштаб оказывался на голодном финансовом пайке.

Я курю и думаю: «Сейчас уже не до новья, хоть бы старьем дали». Самое страшное для офицера — чувствовать свою ненужность государству и замечать, как оно превращает тебя в служивое быдло. Арбатские полковники уже как малые дети радуются возможности получить свои законные и сильно задержанные деньги. Два с половиной десятка лет я служил в «той» армии и не помню случая, чтобы их задержали хотя бы на день. Все было как в немецкой аптеке.

Сейчас мы уже почти три месяца служим государству в кредит. Это здесь — в километре от Кремля. В Забайкалье служат так по полгода. А когда я с министром был в командировке на Камчатке, там люди признавались, что «уже забыли как выглядят деньги». Продукты, мыло и зубную пасту в гарнизонном магазине брали под роспись. И шутили, что скоро зарплату им будут выдавать ядерными боеголовками...

Когда же грянет долгожданный час получки и мы будем

расписываться в финансовых ведомостях, кто-то обязательно скажет ритуальное:

— Счастье не в деньгах. А в их количестве.

Но никто при этом не засмеется. Потому, что половина полученных денег уже не твои — долги.

Когда полковник работает над документом и при этом вычисляет, у кого стрелнуть сотню, чтобы семья могла продержаться еще хоть немного — это уже полуполковник. Попрошайка со звездами.

Давно заметил: чем больше сосет желудок, тем чаще думаешь о политике.

* * *

...Конец января 1997 года. Нездоровый Ельцин снова лежит в Горках-9. Как обычно — «работает над документами». Как ляжет, так сразу и работает...

Очередной проект концепции военной реформы лежит в Кремле. Секретарь Совета обороны России Юрий Батурин театрально лежит в дальневосточном снегу и стреляет из автомата под льстивые возгласы командующего войсками округа генерал-полковника Виктора Чечеватова.

Министр обороны Игорь Родионов костью ложится, выколачивая для армии государственный долг — 40 триллионов.

На моем столе лежит секретный документ Совета безопасности, в котором говорится о сотне миллионов долларов, которые тайком «убежали» из России за границу...

За дверью моего кабинета слышу похоронный голос полковника Голи Ткаченко, возвратившегося из финчасти:

— Денег нет. И не будет.

После этого Ельцин, Чубайс, Черномырдин, Лившиц и другие известные товарищи попадают под мощный кинжальный огонь офицерских матюков. И это уже становится ритуалом.

Кто-то пытается шутить:

— Офицеры офигели от финансовой фортели.

Никто не улыбается.

Глаза полковников — как у голодных собак, которым пообещали, но не дали долгожданную кость.

Что делают генштабисты, когда их в очередной раз «бросает на камни» родное до боли государство?

Правильно.

Раскошелывайся, богатенький Буратино, иначе в следу-

ющий раз никто не прикроет, когда тебе на левые заработки надо будет смыться.

И уже плещется в граненые стаканы огненная вода.

При демократии пить мы научились гораздо лучше, чем работать.

Уборщица Валя сказала мне однажды:

— Еще немного, и я за пустые ваши бутылки на японский телевизор насобираю.

ВЕНОК

По кабинетам Генштаба секретчики разносят указ президента № 46 «Об учреждении военного геральдического знака — эмблемы Вооруженных сил Российской Федерации».

На эмблеме орел держит в одной лапе меч, а в другой венки.

Глядя на них, я думаю, что самое подходящее название этой мишуре — «Прощай, оружие!» или «В последний путь» — веночек очень кстати. Совершенно некстати этот значок, который высосет из нашей, и без того тощей, военной казны не один миллион. Это все равно, что голодному нищему — ожерелье папуаса. Вещь оригинальная, но в данный момент неуместная. Можно и потерпеть.

Так думаю не только я.

Уже слышу, как несут по кочкам друзья-однополчане новый президентский указ. Хилая поступь бестолковой военной реформы опять встречается артиллерийскими залпами офицерского цинизма.

Потом разговор обретает уже вполне нормальные черты, но желчного пессимизма от этого в словах не становится меньше.

Люди «Арбатского военного округа» хорошо знают, почему не состоялось 8 января на Совете обороны обсуждение проекта военной реформы в начале, а затем — и в конце месяца. Наверняка не состоится оно и в середине февраля. Уже хотя бы потому, что из Кремля очень неуверенно и почти шепотом передали министру обороны команду «на всякий случай приготовиться». Авось подъедет Верховный. А точнее — если подвезут...

Получается так, что затянувшиеся роды военной реформы вновь напрямую зависят от насморка Верховного Главнокомандующего. Однажды секретчик принес мне очеред-

ную порцию радиоперехватов Федерального Агентства правительственной связи и информации. В одном из них забугорный статист сообщал, что его институт подсчитал: Ельцин в течение года работал два дня из трех. По-иному можно было понять и так — 35 процентов нетрудоспособности.

Может, мы невезучие? Нам всегда что-то мешает. Враги народа. Империализм. НАТО. ЦРУ. Маразм Генсека. Евреи. Хворь президента...

Армия продолжает чахнуть. Друг говорит:

— В «Красном доме» дождутся, что военные его чуток пошунтируют. Причем бесплатно и без Дебейки.

Я думаю, что если нас доведут до ручки, то шунтировать придется не только Красный, но и Белый дом.

Хотя куда уж дальше доводить.

А может, мы не невезучие, а глупые? Но как тогда быть с аксиомой «везет дуракам»?

Уже лет десять армия ждет обещанного явления реформы личному составу. Сегодня ни в какую реформу никто не верит. Чем больше разговоров о реформе, тем хуже дела в войсках. Разговоры о реформе уже превратились в ритуальные причитания людей в погонах в ответ на бодрые проекты вечно беременной обещаниями власти.

Раз пять обещали нам реформу при Горбачеве.

Раз пятьдесят обещали нам реформу при Ельцине.

Но не успевают новорожденные — указ-уродец или одноглазая концепция — прикоснуться квелыми губками к тощей груди экономики, и им уже вскоре выписывают свидетельство о смерти.

Так и маемся. Между роддомом и кладбищем.

Полковник Атамась сказал:

— У нас военная реформа уже похожа на привидение. Все о ней говорят, но никто ее не видел.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Кремль громко заговорил о военной реформе еще при Горбачеве, когда волны перестроечного трепя захлестывали страну. «Шли процессы». Тогда мне казалось, что нет в Союзе человека, который бы не считал себя крупным специалистом по реформе Вооруженных сил.

Газеты и журналы закишели статьями, вдребезги разносящими застой в армии. Генералитет изображался в облике

эдакого разжиревшего и туповатого бюрократическогословия, не желающего изменять порядок вещей, да и не знающего, как и что делать. О Минобороны и Генштабе в прессе рассказывалось как о жутко консервативных конторах, хозяева которых цепко держались за свои кресла и всячески противились прогрессивным переменам.

И был в то время только один человек, который, казалось, лучше всех на свете знал, как именно реформировать армию. Министерство обороны не знало, а он знал. Генеральный штаб не имел понятия, а он ведал.

Человек этот знал, какой должна быть военная доктрина, каким — военный бюджет, сколько у нас должно быть генералов, солдат, ракет и пушек. Человек этот, Владимир Лопатин, был депутатом Верховного Совета, отставным майором-политработником, который еще недавно добросовестно читал зевающим и мучающимся с бодуна офицерам скучные лекции в Вологодском гарнизонном вечернем университете марксизма-ленинизма (сейчас этот провинциально самоуверенный реформатор заседает в Госдуме в качестве председателя подкомитета по информационной безопасности).

Лопатин умел красиво говорить и хлестко критиковать Минобороны. Он как с писаной торбой носился со своей концепцией военной реформы и наделал столько шума, что министр обороны Дмитрий Язов с опаской поглядывал на фонтанирующего малопригодными идеями комиссара-вундеркинда. Заместители подкалывали министра: «Один майор — умнее Генштаба».

Я тогда не выдержал и опубликовал в одном толстом журнале фельетон «Не пора ли Матрене в Генштаб?» о таких, как Лопатин. Наблюдая за ним, я думал: «Почему этот неглупый человек с таким безоглядным апломбом и менторским тоном несет в оступевшие от реформаторского трепана народные массы ахинею?» Ведь у нас на Арбате есть люди в тысячу раз опытнее, информированнее его (я уже не говорю о майорском уровне стратегического мышления).

Надо было напрочь не иметь чувства самокритичности, чтобы отважиться со скромной вологодской колоколенки на полном серьезе поучать высший генералитет тому, как следует реформировать армию. Вспоминается мне рассказ Василия Шукшина, в котором сельский шизик-философ доказывал столичному гостю, что только ему известна ге-

ниальная формула счастливого устройства государства — для этого надо лишь особым образом разместить перекрытия «Х» и «У»... $X+Y=...$

Тогда был потоп всеобщей реформаторской демагогии, и мне иногда казалось, что каждый, кто умел сколь-нибудь связно обращаться с военной терминологией, мог претендовать на пост главного военного эксперта.

Министерство обороны, чтобы не ударить в грязь лицом, выставило супротив лопатинской свою концепцию военной реформы. И пошел спор — какая лучше? Группа военных депутатов во главе с Лопатиным считала минобороновскую концепцию реформы недостаточно радикальной. Прежде всего по той причине, что МО планировало осуществить реформаторские мероприятия в течение 10—15 лет (из-за этого лопатинцы и обзывали проект МО «ползучей военной реформой»).

Специалисты МО против такого аргумента выдвигали свой: дескать, даже в США, в условиях динамично развивающейся экономики и при «жирном» военном бюджете, реформа протекала такой же период времени. И это соответствовало действительности. Конечно, концепция МО не была безупречной, но в основательности основных параметров преобразований ей трудно было отказать.

Главным достоинством концепции МО было то, что она охватывала всю систему обороны государства, а реформирование непосредственно Вооруженных сил рассматривалось как составная ее часть. План переустройства обороны включал следующие разделы: военная доктрина, военное искусство, организационно-штатная структура, техническое оснащение, тыловое обеспечение, комплектование и подготовка кадров, демократизация воинской жизни, социальная и правовая защита военнослужащих и членов их семей.

План реформы, предложенный группой Лопатина, был во многих местах похож на песочный замок. Даже симпатизировавший авторам этого проекта маршал Шапошников вынужден был признать, что в нем слабо были учтены «существующие политические, социально-экономические и военно-технические возможности государства».

Противостоящие реформаторские группировки вели ожесточенные споры. Так и dospорились до августа 1991 года...

В горбачевские времена минобороновские и генштабов-

ские генералы и без «советов посторонних» хорошо понимали, что армию надо серьезно перестраивать. Арбатским стратегам было хорошо известно, что экономический позвоночник государства начинает опасно трещать под тяжестью военных расходов, что некоторые наши гигантские группировки на театрах военных действий уже не соответствовали уровню региональных военных угроз, что надо останавливать опасную гонку ракетно-ядерных и обычных вооружений, что необходимо менять саму природу воинской службы, создавая для людей все необходимые цивилизованной армии условия.

ЛУЧШИЙ НЕМЕЦ

Первый мощный удар по реформаторским замыслам генералов Минобороны и Генштаба еще в конце 80-х годов нанес сам инициатор перестройки: Михаил Горбачев некоторые свои военно-политические планы (сроки вывода наших войск из-за рубежа, темпы сокращения ядерных вооружений) начал осуществлять без учета мнений высшего военного руководства.

Порожденное «новым мышлением» решение Горбачева о быстром ретировании наших войск из-за рубежа вызывало истерические аплодисменты на Западе и зубовой скрежет арбатских полководцев. В генштабовских кабинетах мне много раз доводилось слышать в ту пору их запредельные откровения на сей счет. Они часто вспоминали добрым словом Леонида Ильича Брежнева, который в последний период своего генсекретарства хотя и давал немало поводов для скабрёзных баек о своей «неадекватности», но зато не позволял унижать страну и армию.

Когда военные историки будут искать истоки провала военной реформы в России последнего десятилетия XX века, то многие из них они наверняка найдут еще там, в перестроечном времени. В частности, когда Президент СССР Михаил Горбачев подписал несколько международных договоров о выводе наших войск из-за границы в невероятно короткие сроки. Уже тогда на Арбате многие говорили, что «надо было долго и основательно торговаться», выжимать максимальные выгоды для себя. И уходить не спеша, с достоинством.

В то время многие офицеры Минобороны и Генштаба поднимали из архивов документы об опыте вывода иност-

ранных войск с территорий других государств. И 20-тысячные контингенты выводились иногда по 8 лет. Уходили они неспешно (как говорили немцы, «один шаг — одна кружка пива»). Уходили в благоустроенные казармы и дома, на ухоженные полигоны и военные базы. Уходили, уважая себя, словно делая дорогое одолжение стране, в которой дислоцировались.

Было так, что офицер еще служил в Германии, но уже знал номер коттеджа, построенного для него на родине, за проливом или океаном. Когда же он влезал в «Боинг», чтобы лететь домой, в кармане позвякивали ключи от ожидающей его квартиры.

Многому можно было поучиться у американцев, англичан, французов. Но мы — русские. У нас скотское отношение к служивому человеку — вроде национальной черты. Десятки тысяч семей офицеров и прапорщиков приезжали домой не в коттеджи и даже не в коммуналки, а в пропахшие дымом «буржук» палатки и будки посреди степей, лесов и полигонов. «Мужики — налево, бабы — направо». Голая попка — лютый мороз...

А Михаил Сергеевич звякал с Гельмутом Колем хрустальным фужерчиком шампанского.

У нас в одной только Германии стояла полумиллионная группировка, в которой в пиковое время насчитывалось почти 100 тысяч бесквартирных офицеров, прапорщиков, служащих. Эту 500-тысячную группировку Горбачев согласился убрать в Союз за 4 года. Только эту группировку. А еще были Польша, Чехословакия, Венгрия, Балтия. Следом — уйма наших частей, убегающих из республик бывшего СССР.

Черные дни переживал в то время Генштаб, которому приходилось не только составлять графики вывода дивизий, но и постоянно перекраивать их. Кремль бешено торопил. Арбатские генералы и офицеры уже не только по углам, но и на совещаниях говорили о том, что надо бы делать все толково, без авральной спешки: основательно подготовили для дивизии базу в СССР — вывели ее. И так — до последнего солдата. Куда было торопиться? Раз уж решили уходить, так с умом и достоинством.

Но иногда случалось, что командир дивизии, которому предписано было из Германии передислоцировать свое соединение в Поволжье, на Брестском вокзале узнавал, что поступила директива НГШ гнать эшелон в Узбекистан.

А еще через полгода не успевшую обустроиться дивизию выдирали из узбекской дыры и толкали в Забайкалье.

Командующий Северо-Западной группой войск генерал-полковник Валерий Миронов на одном из совещаний в МО весной 1992 года в присутствии представителей президента открытым текстом сказал, что поспешный вывод его дивизий из Прибалтики превращается в издевательство над людьми: «Надо уходить, а не бежать».

Но машина была уже запущена.

Наше бегство домой из Германии и других стран Европы на неподготовленную базу привело к тому, что темпы вывода сначала в три, а потом уже и в пять, и в девять раз превышали темпы возведения домов, казарм и хранилищ. Резко увеличилось число бесквартирных офицеров, прапорщиков, служащих (со 160 до 270 тысяч человек). В течение короткого периода государство вынуждено было пойти на колоссальные дополнительные расходы на перевозку и размещение людей, боевой техники и имущества, на строительство объектов военной инфраструктуры.

Распуск Союза нанес еще один удар по выводимым войскам: при Горбачеве германская сторона обязывалась построить более трех десятков военных городков на территории СССР. Германия выделила Союзу 7,8 млрд марок на строительство 36 тысяч квартир для офицеров выведенных с ее территории советских дивизий. Но в ходе вывода распался СССР, и многие военные городки оказались вне пределов России — фактически за рубежом. Германия добавила для русских 550 млн марок, правда, еще и за то, что Ельцин согласился на 4 месяца ускорить вывод.

Вокруг сотен миллионов немецких марок сразу закружило наше мафиозное гражданское и военное жулье. А поскольку к тому времени не были созданы жесткие механизмы контроля за расходованием немецких денег, то астрономические по тем временам суммы стали то и дело исчезать из поля зрения инспекторских органов в Москве и попадать в коммерческие банки.

А планы строительства жилья проваливались. До окончания вывода последних частей из ЗГВ оставалось чуть больше года, а в России было построено только немногим более 10% квартир от нужного количества.

На наших проблемах решили поймать свою выгоду и поляки: они неожиданно потребовали выкуп за прохождение наших воинских эшелонов, следующих из Германии, по их

территории. Хорошо помню, как после известия об этом материли наши офицеры польских спекулянтов от политики. Нас за предоплату в валюте вынуждали идти домой по земле, в которой лежит более 600 тысяч погибших советских солдат.

Но эта плата, оказывается, была уже не в счет.

Когда мы говорили об этом полякам, то некоторые из них пускали в ход убийственно циничный аргумент:

— А кто вас просил к нам приходить?

И мы уже по доброму не улыбались, как когда-то на совместных учениях армий стран Варшавского Договора, когда слышали хвастливую польскую песенку о том, как «Войско Польске Бэрлин брало, А Совьецьке помогало!»...

Главнокомандующий Северной Группой советских войск (Польша) генерал-полковник Виктор Дубынин тогда без дипломатических выкрутасов сказал в Сейме полякам все, что про них думал. Сказал так, что Кремлю и МИДу пришлось его одергивать. Дубыниным мы гордились.

Спешно убегая из-за границы, мы сами создавали себе колоссальные финансовые, материально-технические, организационные и моральные проблемы и этим во многом уже тогда подписывали смертный приговор планам военной реформы. По этому поводу в одном из аналитических материалов Пентагона говорилось:

«...Возвращение многих российских офицеров с семьями из Европы и бывших союзных республик еще больше усилило нагрузку на военную структуру, препятствуя ее нормальному функционированию... Колоссальная задача передислокации войск в совокупности с огромной нехваткой жилья и элементов инфраструктуры должна была решаться одновременно с созданием новых группировок. Но была значительная неопределенность относительно характера угроз и того, кого можно считать союзниками, а кого нет. Это самым негативным образом сказалось на моральном состоянии людей и послужило важной причиной развала армии как единого организма...»

Европа яростно аплодировала лучшему «русскому немцу», окропляющему свои очередные «исторические» договоры брызгами шампанского.

Армия играла желваками и стучала зубами под покрытыми изморозью офицерскими шинелями и солдатскими бушлатами в занесенных снегом палатках. Простуженные офицерские дети кашляли кровью.

В тот период на имя министра обороны поступило страшное письмо — белый лист бумаги с размазанной по нему кровью и надписью: «Вот до какой степени простудился мой ребенок, живя в палатке после Германии. Спасибо за внимание. Жена офицера».

Правильнее было бы послать то письмо в Кремль, а не на Арбат...

ЛЮДИ И ЦИФРЫ

Бегство наших дивизий, бригад и полков из дальнего и ближнего зарубежья тяжелым грузом ложилось на плечи российских властей, Минобороны и Генштаба. Фактически в Россию из-за рубежа прибыла еще одна армия, почти равная той, что уже дислоцировалась на территории республики. Но денег на содержание и благоустройство такой гигантской армады в российском бюджете не было.

Наиболее активный вывод наших войск с территорий других государств охватывает период с 1989 по 1994 год. По своим масштабам и срокам он не имел аналогов в отечественной и мировой военной истории.

В 1989 году за пределами СССР (в Группках войск, Монголии и на Кубе) находилась группировка в составе 35 общевойсковых дивизий, 2 отдельных мотострелковых, 2 десантно-штурмовых, 7 артиллерийских, 17 ракетных, 15 зенитно-ракетных бригад, 43 авиационных и 18 вертолетных полков общей численностью свыше 620 тысяч военнослужащих.

Только 1989—1990 годах из-за границы на территорию СССР были выведены 6 танковых дивизий, 1 зенитно-ракетная бригада, 2 отдельные десантно-штурмовые бригады, 3 отдельных общевойсковых полка, 3 отдельных учебных танковых полка, 2 зенитно-ракетных полка, 5 десантно-штурмовых батальонов, 3 отдельных автомобильных батальона, другие части и учреждения. Но учебно-материальная и жилищная базы для них не были подготовлены. Все эти проблемы достались затем в «наследство» России...

В 1992 году в связи с распадом СССР и суверенизацией его бывших республик значительно расширилась география регионов вывода наших войск: к дальнему зарубежью прибавилось «ближнее» — Прибалтика, Закавказье, Молдавия. 4 марта 1992 года все войска, находящиеся за пределами России (Западная, Северная, Северо-Западная Группы

войск и Группа войск в Закавказье, 14-я общевойсковая армия в Молдавии), были взяты под юрисдикцию России.

За период с января 1992 по август 1994 года на территорию РФ было выведено:

- управлений групп войск — 3 (ЗГВ, СГВ, СЗГВ)
- управлений армий и флотилий — 12
- управлений корпусов — 2
- общевойсковых, танковых, воздушно-десантных и других дивизий — 42
- бригад различного назначения — 50
- авиационных полков — 51
- вертолетных полков — 15.

* * *

Всего же начиная с 1989 года было выведено из стран дальнего и ближнего зарубежья свыше 700 тысяч военнослужащих. В том числе из Германии — свыше 360 тысяч, Чехословакии — 75 тысяч, Венгрии — 60 тысяч, Польши — около 46 тысяч, Монголии — 75 тысяч, Кубы — 560 человек, Литвы, Латвии и Эстонии — около 68 тысяч, из Закавказья — свыше 36 тысяч человек. А с учетом гражданского персонала и членов семей военнослужащих в Россию возвратилось более 1 млн 200 тыс. человек.

За этот же период времени было выведено свыше 14200 танков. Из Германии — 7900, Польши — 685, Чехословакии — 1412, Венгрии — 1292, Монголии — 1866, стран Балтии — 682, Закавказья — 44. Боевых бронированных машин — 19440. Из Германии — 7537, Польши — 963, Чехословакии — 2563, Венгрии — 1679, Монголии — 2531, стран Балтии — 2504, Закавказья — 474, Молдавии — 54. Орудий и минометов калибра свыше 120 мм — 10376 единиц. Из Германии — 4414, Польши — 449, Чехословакии — 1240, Венгрии — 798, Монголии — 1416, стран Балтии — 1265, Закавказья — 60, Молдавии — 26. Самолетов и вертолетов — 2729/1855. Из Германии — 940/785, Польши — 300/134, Чехословакии — 127/189, Венгрии — 270/160, Монголии — 192/123, стран Балтии — 588/141, Закавказья — 297/312, Молдавии — 8/0.

* * *

Львиная доля забот о выведенных из-за рубежа войсках, их обустройстве и расквартировании лежала на России. Эта нагрузка становилась непомерной: в Российской армии в то

время только офицеров насчитывалось более 600 тысяч человек. Но объективности ради надо сказать, что многие офицеры и прапорщики уходили в другие национальные армии. Это хоть в какой-то мере ослабляло давление на военный бюджет. В 1992—1993 годах было откомандировано 39265 офицеров из Вооруженных сил РФ в армии других бывших республик СССР:

- в ВС Украины — 29137
- в ВС Казахстана — 1096
- в ВС Молдовы — 849
- в ВС Туркменистана — 162
- в ВС Азербайджана — 1455
- в ВС Беларуси — 4811
- в ВС Киргизии — 328
- в ВС Таджикистана — 91
- в ВС Узбекистана — 838
- в ВС Грузии — 67
- в ВС Армении — 431...

Но и при этом экономический пресс продолжал сильнее всего давить на шею России. И вместо того чтобы притормозить и скоординировать сроки вывода взятых под юрисдикцию РФ войск за рубежом и реальные финансовые, материальные возможности государства в подготовке мест их приема, Ельцин пошел по стопам Горбачева и продолжал подписывать договоры об ускоренном выводе войск уже не только из Германии, но и Прибалтики.

Еще летом 1992 года российский Генеральный штаб стал обращать внимание Кремля и правительства на то, что компенсационные расходы Германии на вывод наших войск явно не соответствуют объемам недвижимого имущества, которое Россия оставляет в местах дислокации частей ЗГВ (почти за 50 лет существования Группы войск мы построили свыше 17 тысяч капитальных объектов, которые не подлежали вывозу, а их стоимость часто оценивалась «на глазок»).

С самого начала вывода наших войск из Германии многократные попытки Минобороны, Генштаба, командования ЗГВ прийти к единому знаменателю в оценке стоимости объектов недвижимости, за которые Германия была обязана нам уплатить баснословные суммы, так ни к чему и не привели. Горбачев считал, что наша недвижимость в Германии тянет на 30 млрд дойчмарок (беседа с генералом Бурлаковым), а Руцкой позже назвал цифру аж... в 300 млрд (выступление в Верховном Совете весной 93-го).

Методика подходов Москвы и Берлина к взаиморасчетам была слишком разной. Немцы делали все, чтобы до максимума срезать траты со своей стороны, цеплялись за «экологический ущерб». И своего добились. В 1992 году российское руководство уже официально признало, что наша недвижимость в Германии «тянет» уже не на 30, а всего лишь на 10 млрд марок.

Но и это еще не все. В свое время между Ельциным и Колем состоялись переговоры по так называемому «пошальному варианту», в соответствии с которым немцы выплачивали нам всего 7—8 миллиардов марок, а 2—3 миллиарда шли в счет погашения экологического ущерба, нанесенного Германии нашими войсками.

Пока шла утряска деталей, дата окончательного вывода приближалась. Немцы умышленно тянули резину. В конце концов, мы очутились в таком цейтноте, что вынуждены были отказаться от продажи своих военных городков. А это — гигантские деньги, которые дозарезу нужны были нам дома, чтобы строить жилье.

Еще шли ожесточенные споры между нашими и немецкими специалистами по поводу оценки остаточной стоимости зданий и объектов, принадлежащих России, а наши войсковые эшелоны и корабли уже уходили на восток.

В то время во властных структурах страны, в МО и штабе Западной группы войск было немало шустрых людей, которые даже были заинтересованны в том, чтобы строгого контроля над нашим движимым и недвижимым имуществом в Германии не было. Ибо такое положение было идеальной средой для проворачивания криминальных сделок и откровенного воровства: уже тогда стали исчезать из поля зрения Москвы не только десятки миллионов долларов и дойчмарок, но и целые эшелоны со стройматериалами, мебелью, сантехникой, техническими средствами пропаганды, библиотеками. Творились дела и покруче: однажды в Приволжский военный округ прибыл из ЗГВ (по документам) эшелон с боевой техникой. Но вместо нее приемыши обнаружили металлолом.

И только при министре обороны Родионове в декабре 1996 года была сделана попытка провести строгую инвентаризацию всего вывезенного из ЗГВ. Но уже в мае 97-го он был смещен, что помешало осуществить эту задачу. Итоги инвентаризации наверняка могли бы потрясти Россию гигантскими масштабами пропавшего военного имущества и

оружия. Мне довелось держать в руках толстенные папки документов — своеобразную летопись растаскивания нашего зарубежного движимого и недвижимого имущества. Почти на каждой странице — вывод: «Контроль не обеспечивался».

Германию в начале 90-х буквально заполонили многие сотни российских дельцов, которые в спешном порядке стремились за бесценок выкупить военные заводы, мастерские, коттеджи и другие объекты, принадлежащие России. Они приезжали из Москвы с разрешениями, на которых стояли визы высоких правительственных и министерских чиновников. Большинство этих виз стоило очень дорого...

Уже тогда был дан «зеленый свет» обворовыванию своей же армии, которая при иных подходах могла бы еще долго не кланчить у государства резкого увеличения трат на бытовое устройство и реформу. За счет того, что принадлежало Вооруженным силам, шло бурное накапливание первичного капитала сотнями коммерческих структур и различными фондами, от которых за версту несло криминалом.

В ту пору меня умиляла особенно трогательная забота различных фондов о социальной защите военнослужащих и членов их семей. Такие фонды появлялись, как грибы после дождя, и часто первоосновой их существования становились капиталы, добытые за счет продажи излишков военной техники и войскового имущества групп войск.

В конце 1992 года таких фондов насчитывалось в России уже около 200. Когда же Минфин провел проверку их деятельности, то оказалось, что лишь 15% имеющихся на их счетах сумм используются в соответствии с уставами. Я своими глазами видел такое заключение в правительственном конфиденциальном документе, на котором стояла роспись замминистра финансов Андрея Вавилова.

Гигантский воровской ажиотаж охватывал Россию и армию. В Минобороны и Генштаб почти через день наезжали сами или присылали письма приткие люди, которые предлагали сотни и тысячи коммерческих проектов, осуществление которых якобы должно было идти на пользу Вооруженным силам.

И мне уже казалось, что нет больше в армии таких материальных ценностей, на которые бы не положили глаз эти хитроглазые и напористые люди с радиотелефонами и внушительными кейсами, с нежной заботой ратующие за процветание армии. Они с пеной у рта доказывали нашим ге-

нералам, что предлагаемые им бизнес-планы — это отличная возможность вырваться из нищеты. И многие им верили, проталкивая «наверх» заманчивые коммерческие предложения. Потом «благотворители-бизнесмены» исчезали, планы их проваливались, фирмы разорялись, минобороновские средства вылетали в трубу. А в остатке было лишь то, что жулики и воры хорошо наживались за счет армии.

ЖЕРТВЫ РАЗВОДА

...Когда-то я думал, что власть умна и могущественна, как Бог. Когда-то я думал, что в Кремле сидят почти святые люди. И вполне серьезно относился к тому, что Горбачева народ в шутку называл «Мишкой меченым». И хотя от этого веяло бестактностью, у меня некоторое время было все же убеждение, что Михаил Сергеевич после двух его предшественников-генсеков (один из которых работал «на батарейках», а второй «от сети») — посланник Всевышнего со Ставрополя.

Потом пришел Борис Николаевич — «Волшебник изумрудного города» (в бытность первым секретарем Свердловского обкома партии он обожал выкрашивать зеленым ядовитым цветом заборы к приезду московского начальства). Но тогда многие этого еще не знали, и у них была твердая вера, что это помазанник Божий с Урала.

Теперь я знаю, что в Кремле сидят нормальные русские мужики: как их давние и близкие предшественники, они способны дурить народ, покупать власть, совершать глупости, ловко воровать и даже организовывать массовые заказные убийства наподобие чеченского.

Когда власть совершает глупости, армия поначалу пытается сказать ей об этом эзоповым языком.

Когда армии при Ельцине стало совсем плохо, в некоторых аналитических документах Минобороны и Генштаба появились туманные, но многозначительные выводы о том, что «многие проблемы Вооруженных сил РФ были обусловлены неадекватными действиями российского руководства».

Было и без таких намеков ясно, что еще до реализации идеи роспуска СССР следовало четко определить концепцию российской военной политики на ближайшую и отдаленную перспективу. Но этого не было. Здесь, на мой взгляд, — главнейший стратегический просчет Ельцина как Президента и Верховного Главнокомандующего.

Когда Б.Н. прорвался в Кремль, стало ясно, что не прожиты даже наиболее очевидные негативные последствия, которые поджидали людей в России после кончины СССР. И эти последствия уже в 1991 году очень больно ударили по Вооруженным силам.

В одном из секретных документов Пентагона по этому поводу говорилось:

«...Самой большой проблемой была неспособность государственного и военного руководства России осознать, что в действительности произошло...»

Долгое время руководство России не могло четко сформулировать конкретные военно-стратегические интересы России в мире и в ближнем зарубежье. А без этого нельзя было правильно определить параметры обороны страны, армии, цели военной реформы, ее приоритеты.

НЕВОЛЬНЫЕ БЕГЛЕЦЫ

...У нас в большой политике ничего так бережно не передается по наследству, как глупость. Национальная традиция.

Скажем, первоначально Россия планировала вывести войска из Прибалтики к началу 2000 года. Согласившиеся на это были прибалты затем резко передумали. И неспроста. Наши разведчики и дипломаты сообщали, что прибалтийские политические и военные эмиссары часто навевались в Вашингтон и подстрекали американцев, чтобы они надавили на Ельцина и вынудили его сократить сроки вывода российских войск.

Вскоре Ельцин подписал с прибалтами договор об ускоренном выводе частей Северо-Западной группы войск. И уже в 1994 году Россия практически в чистое поле вывела из Балтии свои войска. Например, 144-я мотострелковая дивизия оказалась на пустырях под Ельней (Смоленская область). В таком же положении находилась и выведенная из ЗГВ 10-я танковая дивизия, которую затолкали в Богучары (Воронежская область). Это издевательство над людьми тоже называлось военной реформой и в документах Минобороны величественно называлось как «создание новых группировок с учетом новых реалий»...

Министр обороны Павел Грачев, поначалу поклявшийся, что не выведет своих солдат в «голые заснеженные поля», затем был вынужден принять навязанные ему Крем-

лем и МИДом правила игры и, в конце концов, щелкнул каблуками перед президентом, докладывая об успешном выводе частей. Хотя правды ради надо сказать, что однажды Павел Сергеевич все же нашел в себе мужество публично признать, что не сдержал слова.

Наши «прибалты» громко скрежетали зубами: в прессе прокатилась волна материалов о жутком положении полков и дивизий, изгнанных с берегов Балтийского моря. Офицеры и их жены говорили далеко не теплые слова в адрес высшей власти за «человеческую заботу о них»...

И здесь было бы большим грехом перед истиной умолчать о том, что российские власти все же пытались решать эту проблему. В соответствии с распоряжением Президента и правительства РФ Министерство обороны в 1992 году совместно с другими ведомствами разработало проект Государственной программы вывода российских войск с территорий других государств, их размещения и обустройства на территории России (хотя такой документ, безусловно, должен был появиться на свет еще до Беловежья).

После долгих бюрократических проволочек Госпрограмма была введена в действие указом Президента РФ от 24 июня 1993 года. Она предусматривала строительство 126,7 тыс. квартир, свыше 580 объектов соцкультбыта, около 460 казарм и более 2300 хранилищ для техники, вооружения и материально-технических средств. Для выполнения задач Программы планировалось выделить из федерального бюджета ассигнований на сумму 427,8 млрд рублей.

Однако эта Госпрограмма, как и десятки других в условиях нарастающего финансового, правового кризиса и беспомощности властей, была сорвана. Из-за слабого контроля со стороны государства многомиллиардные суммы, выделенные на строительство жилья для военных, нередко попадали в руки преступных мафиозных группировок и исчезали в неизвестном направлении.

Мне запомнился скандал, связанный со строительством двухсотквартирного дома для военных в Смоленске, на улице Дохтурова: в то время, когда по планам МО там уже должно было завершаться возведение стен, на пустыре не было забито даже колышка. Потом выяснилось, что наши же минобороновские финансовые воротилы отдали деньги на прокрутку своим бывшим сослуживцам, открывшим коммерческую фирму под загадочным названием «TIR».

Сегодня особенно хорошо видна бестолковость той части замысла Госпрограммы, которая касалась строительства огромного числа казарм и хранилищ: если бы изначально Кремль располагал четкой стратегией сокращения армии, то он бы, разумеется, не давал разрешение строить то, что всего лишь через три года окажется ненужным или построенным не там, где это было необходимо в соответствии с новой военной доктриной.

Возвращение огромных масс войск на неподготовленные места дислокации в России привело к тому, что десятки тысяч «лишних» офицеров и прапорщиков, не имея возможности обрести крышу над головой, покидали армию.

Главный штаб Сухопутных войск докладывал в Генштаб: «...Из-за низкой зарплаты, трудностей с обеспечением жильем, неудовлетворенности службой многие офицеры увольняются из Вооруженных сил. Только за 10 месяцев 1993 года уволилось по собственному желанию около 10 тыс. офицеров Сухопутных войск. Из них около 57% составляют офицеры в возрасте до 30 лет».

Количество офицеров, особенно в среднем, основном звене — рота-батальон-дивизион, — стремительно сокращалось. В некоторых дивизиях и полках кадровики по полгода не могли подобрать кандидатуры для замещения вакантных должностей командиров взводов и рот.

В 1992 году из Вооруженных сил было уволено почти 50 тысяч офицеров. Причем более 40 тысяч из них ушли по собственному желанию и были в возрасте до 30 лет, а 5300 — до 23 лет. То уходили не просто молодые офицеры, то уходило будущее Российской армии.

Динамика сокращения офицерского корпуса в дальнейшем выглядела так: в 1993 году — более 20 тысяч, в 1994 — более 25 тысяч, в 1995 — более 20 тысяч, в 1996 году — более 21,5 тысячи офицеров, достигших предельного возраста состояния на военной службе. Из армии продолжает вымываться ее костяк. В 1996 году руководство МО вынуждено было впервые признать, что офицеров из армии уходит больше, чем прибывает в войска после училищ.

Почти 30% выпускников военных училищ расторгали контракты сразу же перед направлением в войска. Среди них широко распространилась псевдоэпидемия психических и иных заболеваний. В кадровый голод внесла свой вклад и Чечня: некоторые офицеры, прибыв на побывку с войны

(как, например, в 45-й дивизии ЛенВО), обратно на фронт не возвращались даже под угрозой военного трибунала.

В 1997 году из армии по выслуге лет, по оргштатным мероприятиям (сокращение) и нежеланию людей подписывать контракт на очередной срок из армии должны были уволиться свыше 120 тысяч офицеров (хотя Кремль требовал уволить 200 тысяч). Но ушло чуть более 60 тысяч. На остальных у государства не хватило денег.

В 1998 году из Вооруженных сил должны были уйти еще около 70 тысяч офицеров, причем более 90% из них — по собственному желанию. Но уволиться смогли лишь 35 тысяч. Причина та же — деньги (в 99-м из армии уйдет примерно 25 тысяч офицеров).

Самое опасное, что «побежали» майоры и подполковники — то ключевое звено, на которое должно опираться руководство МО и ГШ в самый тяжелый период переустройства армии.

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПРЕЗЕНТ

Когда народ недоволен властью, она только и делает, что печется о собственном политическом выживании, увязая в непрерывных «боях» с оппозицией. И тогда ради спасения собственного положения она способна на немислимо щедрые подарки своим стражникам. Чтобы купить их лояльность, власть раздает не только должности и звания, ордена и машины, квартиры и дачи, но и целые армии.

Назначив в мае 1992 года своего фаворита Павла Грачева министром обороны России, Ельцин не только сделал ему царские подарки в виде звания «Генерал армии» и головокружительно высокого кресла, но и почти полностью доверил реформирование Вооруженных сил.

В ту пору Павлу Сергеевичу не было еще и сорока четырех, хотя имел он в своем послужном списке пять лет афганской войны, звезду Героя, года три в должности командующего ВДВ и восемь месяцев «арбатских», когда служил первым замом министра при маршале Шапошникове.

Но даже и при этом скачок был бешеный. Грачев и сам понимал это, признавшись позже, что тогда во многом не представлял масштабов и сложности работы в новой должности. А через четыре года и вовсе согласие стать министром назвал самой большой своей ошибкой. Хотя, если верить признаниям Шапошникова, весной 1992 года Грачев

сам предпринимал немалые усилия, чтобы получить первый пост в армии.

Острозыкий генерал Лебедь потом заметил, что Павел Сергеевич «запрыгнул на должность министра, как мартовский кот на забор». Генерал-полковник Громов сказал об этом серьезней: «Трагедия Грачева в должности министра состояла в том, что он слишком рано оказался в ней».

Когда Грачев взял бразды управления армией в свои руки, его сразу же придавил тяжеленный груз проблем беспрецедентного по масштабам вывода войск из-за рубежа и огромного дефицита финансовых средств на строительство для них жилья и материальной базы.

В тот период Министерство обороны чем-то напоминало Смольный в первые дни революции: производились новые назначения, занимались кабинеты, издавались приказы и директивы о создании новых структур в МО и ГШ, по коридорам носились генералы и полковники с положениями о своих управлениях и отделах, утверждались и переутверждались функциональные обязанности должностных лиц, изготавливались новые бланки и печати, перекрещивались телефоны...

А в приемной министра с утра до вечера подпирали стены взвод посетителей, многие из которых не скрывали своего знакомства с Грачевым, и было件нятно, что пришли они не только для того, чтобы поздравить Павла Сергеевича с высоким назначением...

Вскоре вышел приказ министра обороны о создании Управления военного строительства и реформ, которое возглавил полковник Геннадий Иванов, бывший сокурсник Грачева по академии Генштаба.

И уже в то время в МО и ГШ можно было услышать резонный вопрос: а стоило ли это делать, если в структурах Генштаба давно существует Центр военно-стратегических исследований (ЦВСИ) — мощная военно-теоретическая школа, личному составу которой по силам разработать концепцию реформирования армии?

Такой ход Грачева принижал роль Генштаба в разработке документа, имевшего в то время стратегическое значение для судьбы новой армии. Когда придет время анализировать причины провала реформы при Грачеве, многие сойдутся на том, что кадровый субъективизм министра обороны сыграл в этом далеко не последнюю роль.

Создание нового управления, безусловно, подчеркивало

серьезность намерений Грачева заняться реформой Вооруженных сил, хотя мало кто не понимал, что эта структура сформирована «под Иванова», который быстро из полковника превратился в генерала.

Подбор кадров по принципу личной преданности всегда опасен тем, что руководитель хотя и оказывается в кругу «своих» людей, но это не гарантирует успешного решения проблем собравшейся командой. Ибо «свой» человек не всегда бывает в необходимой мере профессионалом. Часто так и случилось.

Генерал Иванов и его подчиненные в своих теоретических изысканиях при разработке концепции военного строительства не смогли изначально определиться, что реформа армии и военная реформа государства — не одно и то же.

Как военный стратег, Иванов, на мой взгляд, оказался человеком посредственных способностей, но с большими амбициями. Пользуясь особой приближенностью к министру, он не единожды оттеснял на второй план не только ЦВСИ, но даже заместителей министра. Бывало так, что Грачев отдавал генералу Иванову распоряжения по проработке реформаторских документов «через головы» своих замов. Случалось, что игнорировались рекомендации и выводы Центра.

Наверное, не только у меня создавалось впечатление, что функционирование ивановского управления было очень похоже на несерьезную генеральскую игру, при которой все делают вид, что занимаются архиважным делом, но хорошо понимают, что от этого ничего в жизни не меняется. Генштабовские остряки меж собой называли департамент генерала Иванова «управлением восхода и захода солнца вручную».

Иванов был для министра любимым «светлым пятном» в его ближайшем окружении. Я много раз замечал, что ему импонировало, как подчиненный постоянно генерировал новые идеи, хотя немало из них были очень сырыми, а некоторые — даже вредными для военного строительства. Например, ивановцы ориентировали Вооруженные силы на готовность к одновременному ведению «двух региональных локальных войн», опуская теоретическую вероятность «большой».

Мне запомнился случай. Готовилось выступление министра обороны на пресс-конференции, посвященной третьей годовщине Российской армии (май 95-го). Пресс-секретарь

министра Елена Агапова поручила мне вместе с ивановцами проработать текст выступления. Когда дошли до места, где говорилось о том, к каким войнам должна быть готова Россия и я увидел, что в очередной раз нет упоминания о возможности возникновения крупной международной войны, то стал настаивать на введении такого тезиса. Началась дискуссия. В конце концов мне было сказано:

— Возможно, ты и прав.

Тезис появился.

Меня поразило, что с такой легкостью можно корректировать принципиальные военно-стратегические взгляды Министерства обороны, к которым приковано внимание всего мира. С подачи Иванова одно время министр стал пропагандировать идею создания территориальных командований, по выражению Иванова, с «собственными маленькими генштабами», хотя концепция единого управления силовыми структурами в регионах еще не была утверждена Верховным (справедливости ради стоит сказать, что в этом предложении было немало рациональных зерен, которые попали в концепцию реформы, утвержденную Ельциным летом 1998 года).

Но в целом концепция реформирования Вооруженных сил, разработанная в недрах МО в 1992 году, была «домашним» документом: она не предусматривала глубокой структурной перестройки во всей оборонной сфере страны.

Концепция МО не была адаптирована и к рыночным условиям функционирования российской экономики. В ней отсутствовали серьезные обоснования перспектив строительства армии с учетом реально существующих и вероятных военных угроз. К тому же реформирование армии разворачивалось при отсутствии генерального плана строительства обороны — военной доктрины России (она появилась лишь в конце 1993 года).

К счастью, не только в МО и Генштабе, но и в главных штабах видов Вооруженных сил у нас были военачальники, способные открыто выступать против однобоких проектов. Увидев, что Грачев с Ивановым, пользуясь громадной властью, могут свергнуть Ельцина и Вооруженные силы в рискованную и дорогостоящую реконструкцию, главнокомандующий Сухопутными войсками генерал Владимир Семенов однажды в весьма жесткой форме отреагировал на это в «Красной звезде». Он открыто назвал идею

создания территориальных командований «преждевременной».

На протяжении четырех «грачевских» лет многие высказывания Семенова по различным вопросам военного строительства, его комментарии и реплики, касающиеся тех или иных шагов руководства Минобороны в области реформы, напоминали мне замечания умудренного жизнью реалиста и провидца неопытному юноше, оказавшемуся у руля огромного корабля.

Между Семеновым и Грачевым шла концептуальная дуэль, в которой Семенов то и дело наносил министру разящие уколы. Не раз подвергали критике «сырые» решения МО и ГШ генералы Валерий Миронов, Борис Громов, Евгений Подколзин, Игорь Родионов, Александр Лебедь и многие другие военачальники.

Уже в то время я стал замечать, что в России складывались как бы две военных школы, стоящие на принципиально разных концептуальных позициях: во главе одной — недостаточно опытный и политически ангажированный министр Грачев, облеченный колоссальной властью, но в силу субъективных и объективных причин не способный осуществить реформирование Вооруженных сил. Во главе другой — многоопытные реалисты-реформаторы, знающие, что и как делать. Но у них не было основных рычагов реформирования военной машины государства.

Но будь в то время Грачев даже гением-реформатором, который умнее всех своих оппонентов, вместе взятых, — и тогда бы все его попытки переустроить армию не могли увенчаться успехом. И если бы на его месте был любой из самых мудрых наших полководцев — результат был бы тот же. Ибо самые благие попытки что-то созидать в стране, где разрушается экономика, — сизифов труд.

Все расчеты минобороновской концепции реформы армии ориентировались на благоприятную экономическую ситуацию в стране, на эффективно действующую систему законов, на достаточно сильный военный бюджет, хорошо функционирующий ВПК и достаточную укомплектованность войск. Ничего этого в России тогда не было (да и сейчас нет).

Поэтому изначально эта концепция реформы была обречена на провал. И тем не менее президент утвердил ее в октябре 1992 года. Более того, на основе этой концепции был разработан и одобрен президентом план строительства

Вооруженных сил до 2000 года. И все это тоже с треском проваливалось.

В то время мало кто из специалистов МО и ГШ не понимал: то, что преподносилось властями как военная реформа, было всего лишь объективно вынужденными шагами в оборонной сфере. Свои выступления и доклады о реформе Грачев часто начинал с фразы: «Созданы Министерство обороны и Генштаб».

Гражданскому человеку это могло показаться действительно грандиозным деянием. На самом деле Министерство обороны (как и Генштаб) просто переименовали из советских в российские — ибо вся добротная материально-техническая база осталась прежней.

За реформу выдавался вынужденный вывод войск из-за рубежа, объективно необходимое создание новых группировок и сокращение армии. Постоянно декларируя термин «нам нужна небольшая, но хорошо вооруженная и мобильная армия», министерские реформаторы дальше этого не пошли, да и не могли пойти без сильной поддержки государства.

В сущности, годы правления Грачева были потрачены на то, чтобы слепить Российскую армию из того, что осталось от Советской.

Ельцину понадобилось целых четыре года, чтобы в конце концов прийти к выводу, что «армия сама себя реформировать не может».

Реализацию почти всех задач задуманной реформы руководство Вооруженных сил брало на себя, оставаясь наедине со всеми своими проблемами. Ельцин, всецело поглощенный борьбой за свое политическое выживание, чаще всего вспоминал об армии лишь по военным праздникам, в посланиях Федеральному собранию или тогда, когда ему нужна помощь военных.

АРБАТСКИЕ ФАНТАЗИИ

...Суть основных положений концепции военной реформы, разработанной в 1992 году Министерством обороны РФ, состояла в том, «чтобы поэтапным проведением ряда мероприятий создать Вооруженные силы России как единый целостный организм». Планировалось провести оптимизацию видов ВС, их организационно-штатной структуры, создать группировки войск в соответствии с новыми

задачами, усовершенствовать систему комплектования, улучшить техническую оснащенность войск и флотов.

В документе МО подчеркивалось, что Вооруженные силы должны иметь численность, структуру и боевой состав, соответствующие политическим целям, экономическим и другим возможностям государства.

Строительство и реформирование российских Вооруженных сил планировалось осуществить в три этапа.

Первый этап (1992 год).

Провести инвентаризацию вооружений и военной техники. Осуществить запланированное сокращение численности и боевого состава Вооруженных сил, начать реорганизацию их структуры, переход на смешанный принцип комплектования. Организовать планомерный вывод российских войск из-за рубежа в соответствии с договоренностями.

Второй этап (1993—1995 годы).

К концу его завершить формирование Вооруженных сил России и создать основу для их глубокого преобразования. На данном этапе:

- продолжить создание группировок российских войск (сил) и военной инфраструктуры на территории России;
- завершить вывод российских войск из-за рубежа;
- продолжить переход на смешанную систему комплектования;
- приступить к созданию Мобильных сил;
- сократить Вооруженные силы до 1,5 млн военнослужащих.

Третий этап (после 1995 года):

- завершить создание группировок войск (сил), а также военной инфраструктуры на территории России;
- провести радикальные преобразования организационной структуры Вооруженных сил и системы управления ими;
- закончить переход на смешанную систему комплектования личным составом.

Уже тогда нельзя было не обратить внимание на то, что в данном документе нет и слова об адекватном финансировании реформы армии, о выработке системы соответствующих федеральных военных законов и издании указов президента.

Таким образом, изначально предопределялось, что Вооруженные силы намеревались реформировать сами себя при весьма неопределенной роли государства. Вместо реформы

всей оборонительной системы страны была попытка реформировать лишь один из ее элементов — армию.

Если не считать надежно не подкрепленной финансами попытки в конце 1992 года перейти на смешанный способ (по призыву и по контракту) комплектования армии, то в остальном данная концепция реформы была ни чем иным, как планом мер, которые объективно диктовались ситуацией (тот же вывод войск и создание новых группировок). Но все это всерьез выдавалось за реформу.

Но даже некоторые разумные планы переустройства армии, сегодня принятые в Минобороны и Генштабе, завтра уже рушились или перекраивались потому, что для их выполнения не хватало ни денег, ни средств. Армия находилась в ситуации, при которой ей одновременно надо было «отступать» и реформироваться. Эти две задачи постоянно вступали в противоречие, что и вынуждало зачастую российскую военную верхушку ловчить и создавать хотя бы видимость преобразований в армии.

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ ИГРЫ

...В июле 1994 года на военно-научной конференции в МО подводились итоги двухлетнего реформирования Вооруженных сил. В докладах, с которыми выступили министр обороны П. Грачев, начальник Главного оперативного управления В. Барынькин, начальник Управления военного строительства и реформ МО Г. Иванов, начальник Центра военно-стратегических исследований ГШ С. Богданов и другие военачальники, были в целом высоко оценены спланированные в 1992 году мероприятия по реформированию Вооруженных сил.

Присутствуя на той конференции, я чувствовал себя словно на комедийном спектакле, разыгранном первыми лицами МО и ГШ. Люди, на плечах которых лежала крупнейшая государственная ответственность за оборону России, по сути занимались детскими играми, «в целом» оценивая... собственную работу.

Они с полной серьезностью говорили о реальных реформаторских переменах в армии, хотя сама армия, кроме появившейся на ней новой формы одежды, никакой серьезной реформы не замечала.

Зато в центральном аппарате Минобороны и Генштаба непрерывно проводились очередные реконструкции. Исче-

зали одни и появлялись другие генеральские и полковничьи должности, расформировывались или переподчинялись отделы, управления, менялись их функции и направления деятельности. Некоторые арбатские офицеры и генералы стали называть себя «инвалидами реформы».

После того как советское Министерство обороны стало российским, в МО и Генштабе сотни людей «заболели» любимой болезнью — рисованием клеточек. Бесконечное конструирование новой организации управлений и отделов было очень похоже на известную игру в «балду».

В МО при Грачеве спокойно уживались многие параллельные (или дублирующие друг друга) структуры. Сразу несколько управлений МО и ГШ занимались, по сути, одними и теми же или очень схожими вопросами:

1. Главное управление международного военного сотрудничества.

2. Международно-договорное управление.

3. Управление реализации программ международного военного сотрудничества со странами СНГ, Прибалтики и республикой Грузия.

4. Управление внешних сношений.

Позже вопросами международного военного сотрудничества стало заниматься еще и Управление военной политики МО.

Однажды у Грачева все же возникло намерение убрать параллельные структуры. Но тут как раз встал вопрос о том, чтобы выдвинуть на генерал-полковничью должность свата министра, генерала Дмитрия Харченко. И тогда намерение министра несколько дублирующих работу друг друга управлений свести в одно заметно поуясло. Во главе наиболее престижного и реформированного «для вида» посадили родственника министра. Но генералов при этом в Министерстве обороны не стало меньше. Такие кадровые фокусы создавали иллюзию реформы.

Люди уставали не от работы, а от того, что им постоянно приходилось переносить столы и стулья, переписывать функциональные обязанности, менять телефонные номера.

Два полковника перетаскивали мебель из одного кабинета в другой. Один из них напевал:

— Нам ли сидеть на месте?!

Какая-то страшная чума непрерывного и бестолкового реформаторства день изо дня, из месяца в месяц, из года в год пожирала Министерство обороны и Генштаб. Люди с

солидным видом приходили на службу, сушили мозги над очередной порцией документов, глотали валидол от перенапряжения, а завтра оказывалось, что все это никому не нужно.

Видимо, осознав бесполезность своего любимого детища — Управления военного строительства и реформ, Грачев упразднил его. Многие в Генштабе вздохнули, радуясь прозрению министра. Но мы ошибались. Генерал Иванов убедил министра переименовать свой департамент в Управление военной политики, судя уже по одному его названию, трудно было понять конкретную зону ответственности нового образования. Ибо «управлять» военной политикой — это все равно, что руководить временами года. Такие игры в реформу нередко приводили к тому, что важнейшие вопросы решались в угоду отдельным придворным личностям, а не потому, что это было вызвано высшими государственными интересами.

Став начальником Управления военной политики МО РФ, генерал Иванов получил еще одну должность — помощника министра, чем серьезно повысил свой служебный статус. Но за провал реформы в армии уже никакой ответственности не нес. Уже нельзя было предъявить счет руководителю управления, которое растратило многие десятки миллионов народных рублей на бесплодные теоретические изыскания в области военной реформы.

Какой же военный бюджет должна была иметь экономически дряхлеющая Россия, чтобы оплачивать столь дорогостоящие кадровые забавы министерских реформаторов?

Тот, кто внимательно следил за оценками хода реформирования армии, которые давал Ельцин, не мог не заметить, что они с каждым годом становились все жестче. В конце концов, президент однажды сказал министру обороны, что он долго шел навстречу многим его инициативам, помогал и поддерживал, а почему нет должных результатов?

— Я еще разберусь с твоими реформаторами, — сказал президент министру.

Армия часто не понимала, чего хотят от нее «наверху». Войсковые и флотские начальники костерили столичных реформаторов, которых называли «стой там — иди сюда». А из Министерства обороны и Генштаба по-прежнему шли в войска и на флоты приказы и директивы, обязывающие командиров то создавать новые, то упразднять старые,

то изменять еще недостроенные боевые и штабные структуры.

Вот как отзывался об этом командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник Евгений Подколзин:

— За последние полтора года мною было получено аж целых пять директив по «реформированию» и «реорганизации» войск, и половина из них противоречат друг другу. В одних — войска усиливают, в других сокращают. Понятно, что подобная чехарда нервирует личный состав, вызывает чувство неудовлетворенности и апатии.

ФАЛЬШИВЫЕ ФАНФАРЫ

Каждый министр должен быть немножечко бароном Мюнхгаузеном. А военный и подавно. Грачев в своих заявлениях для прессы несколько раз раздраженно замечал: лгут те, кто говорит, что реформы в армии не идут. И рьяно утверждал обратное. И снова из уст его звучали утверждения, что «армия боеготова и управляема». В том же духе строились и регулярные доклады министра Верховному. По этому поводу начальник Службы безопасности президента генерал-лейтенант Александр Коржаков однажды язвительно заметил:

— Лучше всего Павлу Сергеевичу удаются рапорты и парады.

Но знал ли Ельцин реальное положение дел в армии? Верил ли президент министру обороны или пользовался и другими источниками?

Когда в начале 1994 года в Послании Президента РФ Федеральному собранию прозвучал лестный отзыв о боеготовности армии, а следом за ним произошел целый ряд серьезных ЧП в войсках и на флотах, бодрые рапорты руководства МО начали подвергаться в Кремле серьезному сомнению.

Об этом можно было судить уже по тому, что из администрации президента участились звонки в Минобороны и Генштаб с просьбами уточнить или развить какой-то тезис из очередного доклада министра, дать более точные данные по различным финансовым и материально-техническим вопросам. А некоторые кремлевские аналитики стали тайком приглашать к себе генштабовских офицеров для консультаций. Такого раньше не было.

Да и оценки, которые давал Ельцин реформе, стали более сдержанными. Мне особенно запомнилось его выступление на традиционном осеннем совещании высшего командного состава Российской армии в ноябре 1994 года.

Президент прошел в зал сквозь боковую дверь у сцены. За ним шел Грачев. Присутствующие в зале дружно встали и оглушили Верховного, как говаривали в советские времена, «долгими и несмолкающими» аплодисментами. Ельцин приложил руку к сердцу, давая понять залу, что он благодарит присутствующих за теплый прием и просит садиться. Но Грачев продолжал яростно аплодировать, а подчиненные поддерживали министра в этом ликовании.

Казалось, такая прелюдия должна была расположить президента к теплому «семейному» разговору. Но, отвесив руководству Минобороны и всему комсоставу пару приличествующих случаю банальных комплиментов, Ельцин заговорил о серьезных просчетах в подготовке армии и о том, что у него вызывает большую тревогу способность войск решать «серьезные задачи».

Возможно, уже тогда Верховный держал в голове грядущий военный поход на Чечню (через десять дней на Совете безопасности будет специально обсуждаться этот вопрос, а в Надтеречном районе уже готовились к походу на Грозный отряды оппозиции, усиленные подразделениями «добровольцев», завербованных ФСК в подмосковных дивизиях).

На том совещании высшего комсостава из уст президента, пожалуй, впервые после октября 1993 года прозвучали столь резкие критические оценки состояния армии. И давая понять генералам, что о положении дел в войсках и ходе реформы он будет судить впредь не только по докладам министра, Ельцин приказал Грачеву, чтобы к нему на беседу в Кремль прибыли «по одному» все Главкомы видов Вооруженных сил.

Но беседы эти не состоялись — вскоре началась форсированная подготовка к войсковой операции в Чечне. Чем она закончилась — известно...

В аналитическом документе Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба об уроках Чечни на первом месте будет стоять вывод о том, что армия значительно утратила боеспособность, а ее реформирование малоэффективно. Но министр обороны снова твердил:

— Это ложь, что реформа не идет. Идет!

Вторил Грачеву и генерал Иванов:

— Военная реформа значительно продвинулась вперед. Но Россия и ее армия слышали и иные слова.

Генерал-полковник Борис Громов:

— О военной реформе пока звучат одни разговоры. Армия не способна реформировать себя.

Генерал-полковник Валерий Миронов:

— Военная реформа пока буксует... Мы топчемся на месте и теряем время. Может даже случиться, что и реформировать будет фактически нечего.

Главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии Владимир Семенов:

— О какой реформе можно говорить, если боевая подготовка в наших частях финансируется всего на 8—9%?

Начальник Главного штаба ВМФ адмирал Валентин Селиванов:

— Вместо реформирования Военно-морского флота сейчас идет его неоправданное численное сокращение.

Командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник Анатолий Сергеев:

— Надо прекращать все пустопорожние разговоры о несуществующей реформе.

Командующий 14-й армией генерал-лейтенант Александр Лебедь:

— Военной реформой и не пахнет.

Адмирал флота Владимир Чернавин:

— То, что делается с Вооруженными силами, реформой назвать нельзя. Это какие-то опасные игры.

Генерал-лейтенант Лев Рохлин, бывший командир 8-го армейского корпуса, председатель Комитета Госдумы по обороне:

— Много говорится о реформе в армии, которая то ли идет, то ли уже закончилась. Какая может быть реформа при таком огромном недостатке финансирования?

Мажорный голос Грачева о победной поступи реформы в армии тонул в громком генеральском хоре, уныло отпевающим эту реформу.

Во время пребывания в Екатеринбурге Ельцин решился уже на публичную пощечину своему фавориту:

— Реформы в армии не идут, хотя Грачев докладывает, что все нормально.

За месяц до освобождения от должности в интервью журналу «Огонек» Грачев все же признал:

— Реформа — в тупике...

МОБСИЛЫ

...Когда президент назначил Грачева министром обороны, Павел Сергеевич каждый день, ровно в 10.00 звонил Верховному в Кремль и докладывал о положении дел в армии. Так продолжалось месяца четыре. Потом этот порядок изменили: министр стал выходить на связь по мере необходимости. В экстренных случаях — немедленно, когда в войсках случались крупные чрезвычайные происшествия.

Ельцин чаще всего позванивал на Арбат тогда, когда ему необходимо было получить разъяснения по очередному «военному» указу, который ему предстояло подписать. Один из них касался создания так называемых Мобильных сил (МС). Поскольку документ был очень специфичным, Верховный его долго «брал на зуб», не спеша ставить подпись (на проекте указа в левом верхнем углу он несколько раз делал лишь пометку, — это означало, что документ прочитан).

Грачев забеспокоился: идея создания МС была его любимым детищем. Когда подвернулся случай, развеял некоторые президентские сомнения и убедил Ельцина, что указ он может смело подписывать. Верховный, наконец, согласился.

МС должны были создаваться на базе Воздушно-десантных войск, в которых начинал свой боевой путь министр. Грачев очень ревностно относился к тому, чтобы информация о замысле создания МС не разглашалась раньше времени. Когда один из специалистов в этой сфере, служивший в академии Генштаба, изложил свои взгляды на МС в «Красной звезде», его чуть не уволили из армии. Та же участь едва не постигла и главного редактора газеты капитана I ранга Владимира Чупахина (ему и корреспонденту газеты полковнику Олегу Владыкину начальник Генштаба генерал Михаил Колесников объявил строгий выговор).

Идея создания МС и до, и после подписания президентского указа сопровождалась в Минобороны и Генштабе острыми дискуссиями. Но многие важные аспекты этого вопроса были непонятны даже профессионалам.

То вдруг руководство МО заявляло, что ядро МС уже создано, то раздавались предложения сформировать МС целиком на базе Воздушно-десантных войск, состоящих из 5 дивизий и 7 бригад ВДВ. То задумывалось передать некоторые части ВДВ Сухопутным войскам. То потом решили

делать наоборот: некоторыми сухопутными частями укрепить ВДВ.

В состав МС планировалось включить кроме частей ВДВ весьма громоздкие войсковые подразделения, которые не были предназначены для переброски по воздуху (да и к тому же количество боеготовых самолетов в нашей военно-транспортной авиации значительно сократилось, из-за чего ее возможности серьезно уменьшились). И тем не менее в состав МС планировалось включить 3 армейских корпуса, мотострелковую и танковую дивизии, 6 мотострелковых бригад, 3 зенитных ракетных бригады, 10 бригад связи, 5 реактивно-артиллерийских бригад и целый ряд других частей.

Потом министр и начальник Генштаба вознамерились передать часть сил ВДВ в военные округа, обосновывая это тем, что, дескать, там ими будет лучше управлять, их будут лучше финансировать.

Эту свою идею Грачев мотивировал, в частности, тем, что «в 90-м году была допущена большая глупость», когда расформировали десантно-штурмовые бригады (ДШБР). Некоторые командующие войсками военных округов считали, что создать хотя бы по 1 ДШБР на местах без привлечения частей ВДВ не проблема. Были бы деньги.

Предполагалось в зависимости от уровня боевой готовности соединений и частей, а также решаемых ими задач разделить МС на Силы немедленного реагирования (готовность к переброске в район предназначения до 24 часов) и Силы быстрого развертывания (готовность к переброске — не более 3 суток). Но и эта попытка не увенчалась успехом: недостаток денег, людей, материальных средств.

Однако кое-кому у нас в МО и ГШ не терпелось осчастливить власти новой реляцией о «победной поступи военной реформы»:

«Москва. 22 мая 1995. Интерфакс»

...Министерство обороны РФ предприняло конкретные шаги по реализации указа президента Бориса Ельцина о создании в Российской армии Мобильных сил, сообщил в понедельник «Интерфаксу» высокопоставленный источник в российском военном ведомстве.

Согласно решению руководства Минобороны РФ, уже подготовлены конкретные меры по структурным изменениям в Воздушно-десантных войсках, которые составят основу Мобильных сил. По данным высокопоставленного военного, ВДВ укрепят частями

и соединениями Сухопутных войск. Десантникам, в частности, будут переданы танки, реактивные системы залпового огня «Ураган», части противовоздушной обороны и артиллерии. О масштабах реформы говорит тот факт, что ВДВ предусматривается передать два танковых полка общей численностью около 200 машин...»

Когда я читал такие сообщения прессы, у меня создавалось впечатление, что у нас на Арбате существуют генералы, которые «играются» армией, как дети кубиками: они не удосужились даже основательно проработать все детали создания МС на базе ВДВ с командующими видами Вооруженных сил и родами войск.

Многое в этом документе оказалось полной неожиданностью и для Главного штаба Сухопутных войск, и лично для Главкома. Да и из штаба ВДВ стали раздаваться упреки в адрес генштабовских разработчиков новой директивы — в уставах ВДВ пока не было положений о применении танков, реактивных орудий, частей ПВО и артиллерии.

Многое делалось авантюрно, поспешно. С легкостью необычайной вносились коррективы в планы подготовки не только Воздушно-десантных, но и Сухопутных войск. А ведь опыт проведения многих учений давно показал, что Сухопутные войска и ВДВ вполне успешно могут взаимодействовать на поле боя и без надуманных новаций.

Встревоженный таким положением дел Главком Сухопутных войск Владимир Семенов летом 1995 года был вынужден почти силком затащить министра обороны на военный совет СВ и там камнями на камне не оставил от скороспелых и вредных проектов министерских горе-реформаторов.

Бывший в ту пору начальником пресс-центра Сухопутных войск полковник Николай Малышев рассказывал мне, что, выслушав доводы Главкома, Грачев с негодованием воскликнул:

— Неужели наши генштабисты не могли сами до этого додуматься?

Военная реформа продолжалась.

Через некоторое время получила новое развитие и судьба грачевского приказа № 070 о реформировании ВДВ. Освобождение Грачева от должности летом 1996 года на некоторое время заглушило скандал, связанный с протестом десантников против «разбрасывания» дивизий и бригад ВДВ по военным округам.

Но после назначения Игоря Родионова министром обороны между новым руководством военного ведомства и командованием ВДВ вновь произошел острый конфликт. В МО и ГШ было принято решение о сокращении Воздушно-десантных войск. И снова — скандал.

Генералы и офицеры ВДВ обращаются к бывшему десантнику и секретарю Совета безопасности РФ Александру Лебедю. Лебедь приезжает в штаб ВДВ и к восторгам однопольчан призывает их «не сдаваться». Воодушевленный таким поворотом дела, заместитель командующего ВДВ генерал-майор Владимир Казанцев подвергает публичной критике приказ нового министра. Уже на другой день Коллегия Минобороны пригрозила генералу Казанцеву увольнением из Вооруженных сил.

А на имя министра обороны из различных соединений и частей ВДВ идут шифровки с призывами не допускать «уничтожения десантных войск», некоторые офицеры грозили Родионову даже самосожжением, если их части будут расформированы.

К борьбе за спасение ВДВ был подключен даже Патриарх всея Руси Алексей, тоже обратившийся к Родионову с просьбой сберечь элитный род войск. Дело доходило уже до того, что в адрес МО стали поступать телеграммы крупных преступных авторитетов, которые гарантировали «полное спокойствие» в гарнизонах, где дислоцировались десантники, если их не будут трогать.

Разыгравшийся скандал вокруг десантников бил по авторитету министра обороны. Родионов переживал. Но я не мог понять, как этот мудрый и осмотрительный человек не сумел просчитать ходы, которые легко прогнозировались. Однажды я спросил его об этом. Мне хотелось понять, что именно руководило Родионовым, когда он принимал решение о сокращении ВДВ. Игорь Николаевич считал, что в современных условиях роль Воздушно-десантных войск значительно изменяется, во главу угла надо выносить прежде всего их качественные параметры, жертвуя, по известным причинам, количественными.

Но мне было известно и другое: министр не воспринимал парадные шоу, которые при Грачеве устраивали десантники для высшей государственной знати и иностранцев, демонстрируя им умение прыгать с парашютом с предельно низких высот, крошить кулаками кирпичи и разбивать о свои головы пустые бутылки из-под шампанского.

Родионов резонно замечал, что «не этим десантникам придется заниматься в реальном бою».

После назначения генерала Георгия Шпака командующим ВДВ начался новый этап борьбы за спасение ВДВ. Секретарь Совета обороны РФ Юрий Батурин, не выказавший до этого никакой критики по поводу грачевской директивы № 070, вдруг занял резко отрицательную позицию в отношении почти аналогичной директивы Родионова.

В середине мая 1997 года неожиданно последовал указ Ельцина, отменяющий родионовскую директиву. Под бурные аплодисменты десантников президент предстал в облике спасителя ВДВ.

Война НАТО против Югославии в 1999 году заставила наше военное руководство внести серьезные коррективы в реформирование Военно-десантных войск. О каком-либо их сокращении уже не было и намеков. Наоборот: по предложению Минобороны и Генштаба Ельцин безоговорочно подписал указ об увеличении численности ВДВ на пять тысяч человек.

ПРИПЕВ ВЕРХОВНОГО

Чем дольше длится ложь, тем тяжелее приходится потом за нее расплачиваться. Пожалуй, самое трагичное прозрение для Верховного Главнокомандующего наступает тогда, когда он убеждается, что любимые генералы его обманывали, а армия немощна.

Я уже говорил, что военная кампания в Чечне блистательно показала, что Российская армия за «реформаторские» годы сильно утратила свой боевой и морально-психологический потенциал и находится в стадии упорно развивающейся деградации.

Ельцин в своем Послании Федеральному собранию от 16 февраля 1995 года буквально сквозь зубы сказал о неважном состоянии Вооруженных сил, но при этом почти напроць отказался от детального разбора стратегических просчетов военной операции в Чечне (и легко можно было понять почему — он стоял у истоков кампании). Но тем не менее, он все же дал жесткую оценку состоянию боеготовности Вооруженных сил. Президент заявил, что раньше у властей было лучшее представление о силе и боеспособности армии. И в который уже раз повторил: «Действительная реформа Вооруженным силам нужна дозарезу». Это уже

было похоже в его устах на припев надоевшей всем песенки.

Ельцин давал понять, что уж теперь, в 1995 году, всерьез намеривается реформировать армию. И уже через неделю после выступления в парламенте, 23 февраля, после возложения венков к могиле Неизвестного солдата, он еще более категорично, чем в своем Послании, заявил, что намерен кардинально заняться реформой. И пообещал «месяца через три лично выступить в Министерстве обороны» и изложить широкую и подробную программу реформирования Вооруженных сил.

Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы делал именно то, что обещал. Армия программного выступления президента так тогда и не дождалась.

Я никак не мог понять легковесности, с которой Ельцин давал свои обещания армии реформировать ее. Ничто так не подрывало авторитет президента среди военных, как его необязательность.

Чем больше Ельцин прозревал в том, что «настоящая военная реформа нужна до зарезу», тем больше армия прозревала в том, что обещаниям президента верить нельзя.

Наверное, не было у нас на Арбате такого человека, который бы не понимал, что при столь плачевном состоянии экономики государство пока не в силах «потянуть» всеобъемлющую военную реформу. Логика проста: если у вас в кармане рубль, вы не сможете купить вещь за десять.

Теперь творцы новой концепции военной реформы пытались подстроить ее под возможности ползущей вниз национальной экономики.

Но опасность заключалась не только в этом. Наша армия становилась все более зависимой от иностранных инвестиций. Международный валютный фонд потребовал от Кремля тратить не более 3% валового внутреннего продукта на военные расходы. Получалось, что теперь не президент, не правительство и не Минобороны будут решать дальнейшую судьбу реформы.

ШАГИ НА МЕСТЕ

Когда власть только и занята тем, что денежными подачками гасит вспышки народного гнева и борется с оппозицией, ей не до проблем армии. Что необходимо армии, выходящей на поле сражения? Прежде всего — яс-

ный план боя, который обязаны знать все — от маршала до солдата.

Однажды Наполеон приказал своей армии покинуть поле боя потому, что не мог разгадать слишком хитроумный замысел противника: бездарный генерал, противостоящий великому французу, приказал подчиненным безалаберно передвигаться по местности. И Наполеон побоялся принимать бой и ретировался.

Но случайные победы, возможно, бывают только раз в столетие. Все настоящие победы приходят только закономерно.

Что необходимо государству, собирающемуся реформировать свою армию? Прежде всего — ясный план реформы. Скоро нашей реформе исполнится восемь лет, а такого плана нет. Концепция реформы армии, сочиненная у нас в МО в 1992 году, — не в счет. О ней теперь помнят только те, кто ее разрабатывал. Мы бредем, словно впотьмах.

То блеснет и тут же погаснет короткая вспышка какого-нибудь нового президентского указа, призванного «залепить» мелкую или большую, старую или новую пробоину в борту военного корабля.

То вдруг пойдут гулять по Минобороны и Генштабу ксерокопии каких-то новых реформаторских бумаг, изготовленных то в Совете обороны, то в Совете безопасности.

То нежданно-негаданно объявят в МО, что уже принята новая военная доктрина, а когда она дойдет до Арбата, то станет ясно, что доктрины как таковой вовсе и нет — есть всего лишь Основные положения военной доктрины, многие дефиниции которой в пух и прах разобьет любой старший офицер Генштаба.

Такая бестолковщина возмущает. И невозможно понять, почему документы, играющие стратегическую роль в военной политике России, не проходят экспертизу здесь, в Генштабе.

— Когда отцы таких бумаг не уверены в своей правоте, они стараются рожать их без дискуссий, — говорил мне генерал-майор Валерий Чирвин, заместитель начальника Центра военно-стратегических исследований Генштаба.

Начиная с лета 1994 года из президентских и правительственных структур все чаще стали просачиваться на Арбат сведения, что там в обстановке конфиденциальности стала разрабатываться новая концепция военной реформы, пред-

полагающая глубокие структурные перемены в Вооруженных силах.

Позже стало известно, что такую концепцию разрабатывает назначенная Ельциным комиссия, в которую входили его помощник по национальной безопасности Юрий Батурин, премьер правительства, его советник по военным вопросам генерал Валерий Миронов, секретарь СБ Олег Лобов, министры обороны, иностранных дел, глава Погранслужбы Андрей Николаев и другие, всего человек 20.

Долгое время эта комиссия никаких признаков конкретной деятельности не выказывала. Вот что говорил об этом бывший председатель Комитета Государственной думы по обороне Сергей Юшенков:

— Нам о ней ничего не известно. Я даже не могу сказать, из кого она состоит, каковы ее права и вообще есть ли она в природе. Мы посылали президенту свои предложения и даже приняли постановление Госдумы о том, что эта комиссия должна быть Государственной и включать в свой состав представителей Федерального собрания. Эти рекомендации остались без ответа. Еще в июле прошлого года (1994. — *В.Б.*), когда я приходил к президенту, мы с ним эту идею обсуждали довольно подробно. Борис Николаевич согласился, что нужно создать такую комиссию, и поручил это дело Батурину. Но вот почти год прошел, а о комиссии ничего не слышно.

Уже два года прошло, а «о комиссии ничего не слышно».

Наиболее эффективно в России во все времена работала лишь одна комиссия — похоронная.

Когда Ельцин обнародовал блок военных вопросов в своем Послании Федеральному собранию в 1995 году, он, по сути, ничего нового не сказал. Но президентская пресса вдохновенно трубила: «Ельцин наметил новые контуры реформы. Он выделил три приоритетных задачи: реорганизация Вооруженных сил на основе новой системы укомплектования армии и ее финансирования, введение новой системы централизованного управления ВС и уточнение военной доктрины».

Тогда я подумал: «Есть такой вид политического трепя, который очень похож на воровскую «куклу». Сверху купюры настоящие, а возьмешься пересчитывать — пустая бумага».

Когда офицер вместе с семьей живет на консервах, когда он отвык от стрельб и вместо солдата сам становится открывать ржавые ворота контрольно-пропускного пункта части, ему глубоко наплевать на любые приоритеты военной реформы. Ему нужны нормальная жизнь и служба. Когда же ему четыре года подряд компостируют мозги первой, второй, третьей ...надцатой концепцией и очередной пайкой ничего не значащих для него президентских приоритетов, этот офицер звереет.

Офицерам на Камчатке и на Арбате одинаково тошно от мышинной реформаторской возни в Кремле.

«Интерфакс»: «Помощник президента по национальной безопасности Ю. Батурин в своем интервью добавил и четвертый приоритет — военно-промышленный...»

Если армии не хватает денег на элементарное существование, то откуда они возьмутся на дорогостоящие структурные перемены, на оружие, на солдат-контрактников? Еще не были до конца проработаны Основные положения военной доктрины, введенные в действие в 1993 году, а Батурин уже призывал их пересматривать, создавать новую доктрину и вновь определяться, «кто союзник, а кто враг». А ведь и зеленый лейтенант знает, что военная доктрина — это военная конституция. Конституцию через день не меняют.

Весной 1996 года все понимали, что накануне президентских выборов Ельцину не до военной реформы — она требовала колоссальных финансовых затрат и непопулярных мер. Идти на это было невыигрышно. И потому президент, как когда-то Сен-Симон и Фурье, лишь рисовал военным будущий «город Солнца». Он рассказывал армии, например, какой она будет после его ухода. Более того, накануне президентских выборов издал указ о переходе армии с 2000 года на полностью профессиональную основу. Нереальность этого указа была очевидна: его реализация опять-таки требовала колоссальных средств, которых у государства не было и нет.

ФАНТАЗЕРЫ И РЕАЛИСТЫ

В своих многочисленных попытках реформировать армию Кремль был очень похож на человека, который хочет объездить строптивую лошадь, но не знает, с какой стороны на нее надо садиться.

Историк, изучающий жизнь Российской армии в 1992—

1999 годах, с удивлением обнаружит, что у нас чуть ли не ежегодно принималась новая концепция военной реформы. А утверждение новой концепции становится инструментом дальнейшего разрушения того, что еще осталось после Советской Армии или недостроено после очередного этапа «реформы».

Политики, стремящиеся спасти режим за счет экономии на армии, говорят генералам:

— Вам не средств не хватает, а ума.

Министерские аналитики из управления военного строительства и реформ исправно пекли новые концепции. При этом принятых в 1992 году «основополагающих документов» уже как бы не существовало.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РФ

Документ

1995 г.

Военная реформа в России и основные направления строительства Вооруженных сил Российской Федерации...

Цель военной реформы: приведение военной организации общества в соответствие с новой российской государственностью, политической системой и экономикой, а также с содержанием и современными взглядами на характер вооруженной борьбы, реальные и потенциальные угрозы национальным интересам и безопасности России.

Военную реформу планируется провести в течение 1996—2005 годов в два этапа.

В 1995 году завершить разработку программных документов военной реформы.

На первом этапе (1996—2000 гг.):

— разработать и законодательно закрепить правовую базу реформирования Вооруженных сил и других войск Российской Федерации;

— создать систему единого государственного руководства оборонной сферой страны;

— совершенствовать структуру, состав, территориальную систему руководства и всестороннего обеспечения Вооруженных сил и других войск Российской Федерации;

— систематизировать мобилизационную подготовку народного хозяйства с учетом складывающихся экономических условий в государстве;

— обеспечить стабилизацию оборонно-промышленного потенциала страны;

— создать организационную, кадровую и технологическую основу армии 2005 года.

На втором этапе (2001—2005 гг.):

— завершить качественные преобразования во всех структурных элементах военной организации государства, достойные России как великой державы;

— завершить создание армии 2005 года.

В ходе военной реформы провести комплекс мероприятий, направленных на:

— сбалансированное, пропорциональное развитие видов Вооруженных сил, родов войск, боевых и обеспечивающих соединений и частей;

— повышение уровня технической оснащенности Вооруженных сил современными образцами вооружений и военной техники;

— сокращение количества генеральных заказчиков и централизация заказов в области разработки вооружений и военной техники;

— создание единой системы тылового, технического обеспечения, мобилизационного развертывания с учетом развития других войск РФ;

— оптимизацию сети военно-учебных заведений и приведение их емкости в соответствие с реальной потребностью в офицерских кадрах;

— совершенствование военной науки.

При этом предусматривается:

Стратегические ядерные силы иметь в трехкомпонентном составе (РВСН, морские СЯС, авиационные СЯС) и развивать их с учетом международных обязательств России, реальных возможностей и сроков создания полномасштабных систем ПРО ведущими державами мира.

В период с 1996 по 2000 год перейти на четырехвидовую структуру и создать новый вид Вооруженных сил — Войска воздушно-космической обороны, объединив при этом Войска противовоздушной обороны и Военно-Воздушные силы.

После 2000 года начать переход на трехвидовую структуру Вооруженных сил, для чего РВСН преобразовать в род войск Вооруженных сил.

Реформирование армии и флота будет осуществляться на основе государственной политики в области военной реформы и пятилетних планов строительства Вооруженных сил Российской Федерации, а также с учетом развития военно-политической обстановки в мире и внутригосударственных условий, особенно экономических.

...Смесь реализма и иллюзий, банальностей и рискованного экспериментаторства. И это тоже история нашей реформы. Нищие конструкторы мечтали о новой, сильной и

сытой армии, строя ее, как когда-то социализм, — «на основе пятилетних планов».

Когда у нас в Минобороны родился новый план строительства армии, его рассылали во множество государственных инстанций. Инстанций было много. Но такого генерального плана, который устраивал бы всех, — ни одного. Между Кремлем и правительством, между парламентом и Минобороны не было выработано единой схемы действий, в соответствии с которой можно было бы последовательно, переходя от этапа к этапу, двигать реформу. Генштабисты по этому поводу часто чертыхались и спрашивали друг друга: «А есть ли у нашей реформы хозяин?»

СТО НЯНЕК

...В России с начала 90-х годов существует множество организаций, занимающихся проблемами реформирования Вооруженных сил, но до сих пор нет единого, который бы аккумулировал все лучшее в генеральном проекте. Меня поражает этот «национальный феномен»: разработкой концепций военной реформы у нас не занимаются только в коммерческих ларьках и венерических диспансерах. Трудно найти однозначное объяснение этому явлению. Что это — тотальное равнодушие военных и гражданских людей к будущему облику своей армии или реакция на неумелые попытки высшей власти создать современные Вооруженные силы?

Однажды накануне совещания высшего армейского и флотского рукостава министр запросил от Генштаба справку о том, кто в России (кроме военного ведомства) занимается проблемами военной реформы. Грачеву представили список:

- Администрация президента.
- Аппарат помощника президента РФ по национальной безопасности (секретаря Совета обороны) Юрия Батурина.
- Группа военных советников Президента РФ во главе с генералом Владимиром Владимировым.
- Совет безопасности РФ во главе с Олегом Лобовым (затем — Александром Лебедем и Андреем Кокошиным. Указом президента от 15 августа 1995 года в штате СБ был создан отдел по военному строительству и военной реформе).
- Аппарат главного военного советника правительства РФ генерал-полковника Валерия Миронова.

- Оборонные комитеты обеих палат парламента РФ.
- Военная академия Генерального штаба ВС РФ.
- Российская военная академия во главе с генералом Махмудом Гареевым.
- Штаб по координации военно-технического сотрудничества стран — участников СНГ...

Этот список был бесконечным. К тому же пресс-секретарь Президента РФ Сергей Медведев в середине 1995 года заявил, что готовится указ о введении еще и должности специального советника Ельцина по военной реформе.

Ко всему этому добавлялись многочисленные научные общественные центры и организации во главе с видными военными и гражданскими учеными (например, научная группа ассоциации «Гражданский мир» и движения «Военные за демократию», в которую входят известные в России теоретики, отставные генералы и старшие офицеры Владимир Дудник, Юрий Дерюгин, Виктор Ковалевский, Олег Бельков, Виктор Серебрянников и многие другие).

Александр Лебедь, выступая на совещании актива созданного им движения «Честь и Родина», тоже заявлял, что оно намеревается выработать свою программу военной реформы, собрав воедино лучшие интеллектуальные военные силы.

Интенсивные научно-практические изыскания в области военной реформы велись в Главных штабах видов ВС и родов войск, военных округов и флотов, в научно-исследовательских институтах, военных академиях и училищах.

Только в период с 1992 по 1995 год в этих структурах было подготовлено свыше 10 тысяч теоретических разработок, из которых лишь 0,5% получили практическое применение.

Таким образом можно было констатировать: в России поиски генеральной концепции военной реформы государства велись разрозненно и малоэффективно.

Один из известных в России аналитиков Сергей Рогов очень верно сказал однажды об отсутствии централизации управления военной реформой. В России, по его мнению, есть четыре органа, которые подобно крыловским лебедю, раку и щуке занимаются проблемами военного строительства: правительство, Министерство обороны, Совет безопасности и президентская администрация.

Такая разбродница уже который год подряд не позволяет создать хотя бы основные, несущие конструкции военной реформы.

На заседании Совета безопасности в феврале 1996 года президент поручил премьер-министру В. Черномырдину, который находился в отпуске, в 10-дневный срок разработать предложения по реформированию Вооруженных сил. Таким образом, ставилась задача за полторы недели сделать то, что не было сделано за четыре минувших года. Видимо, понимая бесплодность этой затеи, Черномырдин убедил Ельцина отодвинуть ее реализацию на более поздний срок.

ПИСЬМО ГЕНШТАБИСТОВ НА ДЕРЕВНЮ ЕЛЬЦИНУ

Многие офицеры и генералы Минобороны и Генштаба болезненно переживали отсутствие реформы в армии. Некоторые из них, не потерявшие веры в то, что при нынешней власти еще можно изменить такое положение, отправляли в президентские, правительственные, парламентские инстанции свои аналитические записки и предложения.

Но все это уходило словно в песок. В лучшем случае из правительства или Совета безопасности поступал вежливый ответ с благодарностью и обещанием «учесть предложения при подготовке нового плана строительства армии».

Вот аналитический документ, подготовленный офицерами Центра военно-стратегических исследований Генштаба и отправленный на имя Бориса Ельцина еще весной 1995 года. Он стоит того, чтобы процитировать его полностью:

«...Выход только один — срочно централизовать мощнейший военно-научный потенциал страны (сама жизнь подсказывает, что это должна сделать Государственная комиссия во главе с Президентом—Верховным Главнокомандующим), собрать воедино все наиболее ценные предложения, выстроить их в систему с обязательным и подробным указанием механизмов реализации намеченного, на уровне Закона утвердить все это и приступить к практическому выполнению.

Ситуация требует, чтобы были сделаны выводы из тех стратегических просчетов, которые допускались в ходе реформирования армии в 1992—1995 годах. Какие же это просчеты?

1. Концепция военной реформы должна иметь статус не трехстепенного документа, а Государственной программы (или даже Закона — с постановкой конкретных задач всем причастным к ней ведомствам по объемам, рубежам и времени) и вводиться в действие Указом Президента РФ.

Больше нельзя допускать такого положения, когда концепцию “под себя” разрабатывало Министерство обороны России, до-

пустившего серьезнейшие просчеты. В частности, была неверно рассчитана оргштатная структура МО, из-за чего в 1992—1995 годах ее приходилось постоянно менять. Концепция МО крайне слабо учитывала экономические возможности государства (из-за чего фактически провалилось введение службы по контракту, перевооружение армии, создание Мобильных сил и т.д.).

2. Концепция военной реформы после ее экспертизы в войсках, в Генштабе, на коллегии МО, на совещании высшего руководящего состава Вооруженных сил должна в обязательном порядке пройти обсуждение в правительстве и парламенте, Совете безопасности, после чего представлена на утверждение президенту.

Нельзя допустить, чтобы этот документ в очередной раз стал “камерным” продуктом ограниченного круга высокопоставленных лиц, среди которых есть люди, подверженные политической конъюнктуре.

Методика именно такого подхода была применена в странах, где задачи военной реформы решались наиболее успешно (США, Франция, Германия, Италия, Испания и др.).

3. Новая концепция военной реформы должна рельефно выделять первостепенные приоритеты.

Стратегический просчет старой (1992 г.) концепции заключался в том, что теоретики МО предусматривали реформирование армии сразу по всему фронту громадного количества проблем, «размазывая» финансовые и материальные средства. В создавшейся ситуации нельзя вести речь ни о какой реформе, если не будут окончательно решены центральные задачи — утверждена военная доктрина России, Концепция военной безопасности, определены основные внешние и внутренние военные угрозы для страны, оптимальная система финансирования армии и ее перевооружения (с учетом реальных возможностей государства в условиях рыночных отношений) и новая законодательная база призыва на службу, подготовки офицеров-запасников на военных кафедрах вузов, а также коренной реконструкции практически полностью разрушенной инфраструктуры мобилизационной готовности страны (плюс — военно-промышленный комплекс и система военно-патриотического воспитания).

Без этого все самые добрые намерения кардинально реформировать армию останутся маниловщиной.

Реально сегодня Вооруженные силы имеют финансовые средства лишь на то, чтобы выплачивать денежное содержание военнослужащим, не дать им помереть с голоду и ходить раздетыми, кое-как вести строительство квартир для бездомных, процентов на 5 удовлетворять потребности в вооружениях и поддерживать находящийся в состоянии инфаркта научно-конструкторский корпус.

К тому же гигантскую дыру в военном бюджете пробила Чечня. Новая попытка властей реформировать армию с полупустой государственной казной вряд ли приведет к заметному прорыву на этом участке.

Не менее сложные проблемы связаны и с призывом в армию. Нельзя говорить ни о какой военной реформе, если части и корабли укомплектованы в лучшем случае на 65 процентов. И в этом — один из самых серьезных тупиков реформы. В обществе развернулась "война" против попыток призывать в армию студентов и увеличения сроков службы солдат по призыву.

Но даже имея в армии установленные законом 1,5 млн человек, мы не сумеем добиться желаемого в ее реформировании, если будет отставать перевооружение. За последние годы принималось более 15 программ в этой области, но практически все они остались на бумаге.

Даже самые преданные армии люди разочаровываются в реформе и бегут из войск из-за отсутствия крыши над головой. А таких — более 125 тысяч. некогда прозвучавшие грозные распоряжения президента губернаторам и главам местных администраций рассчитаться с армией по жилью так и повисли в воздухе. Государство безответственно перед Вооруженными силами.

4. Мы больше не имеем права поддаваться авантюризму и попытке "в ближайшее время" превратить армию в профессиональную (в США этот процесс занял более 15 лет при постоянно растущем военном бюджете). Современное существование более 250 тысяч контрактников в Российской армии — это уродство, которое надо срочно исправлять. Не имея денег и средств, чтобы предоставить людям все социальные льготы, мы занимаемся преступным самообманом и дискредитируем саму идею контрактной службы. Для этого у нас и в ближайшее время не будет денег в желательном объеме (Министерство обороны по этой причине вынуждено сворачивать число контрактников с 260 до 100 тыс. человек).

5. Приступая к очередной попытке реформирования армии, необходимо изначально решить вопрос о функциях Министерства обороны и Генерального штаба, о характере их подчиненности Президенту — Верховному Главнокомандующему, о конкретных формах гражданского (парламентского) контроля над Вооруженными силами.

(Необходимое пояснение: авторы аналитической записки считали, что нужно намертво заблокировать любые возможности Президента РФ впредь без согласия обеих палат Федерального собрания использовать войска по личному усмотрению или при келейном одобрении своими сторонниками в Совете безопасности РФ, как это произошло с

Чечней. Речь шла о внесении необходимых поправок в Конституцию РФ. Далее — по тексту).

«...Даже локальный внутренний военный конфликт в Чечне ясно показал, что безопасность и целостность России легко могут быть поставлены на грань краха, если государство, в котором под ружьем сегодня в общей сложности находится свыше 4 млн человек, не обладает единым органом управления, координирующим все силовые структуры. Этот урок, стоивший нам многих тысяч человеческих жизней, должен быть красной строкой вписан в новую концепцию военной реформы.

6. Новая концепция военной реформы должна полностью соответствовать всем действующим законам и военной доктрине государства. Наша же военная доктрина, еще не успев «поработать», уже подвергается сомнению даже теми, кто голосовал за ее принятие на Совете безопасности. Военная доктрина государства — это не литературное сочинение, которое можно каждый день подправлять в угоду каким-то личностям или группе влиятельных политических лиц. Устойчивость и взвешенность военной доктрины — важный показатель мудрости и устойчивости руководителей государства и других, отвечающих за его безопасность, лиц.

По мнению некоторых экспертов и аналитиков Генерального штаба ВС России, нынешняя военная реформа включает в себя свыше 30 тысяч вопросов и проблем. Без приоритетного решения 6 вышеперечисленных невозможно приступить к остальным».

* * *

Некоторые генштабисты не только писали письма президенту, но и публично выражали в прессе свои взгляды на состояние и перспективы военной реформы. Один из них — генерал-майор Геннадий Борзенков, писал в «Красной звезде»:

«...В составе Вооруженных сил, думаю, предпочтительнее иметь четыре вида: Стратегические силы сдерживания, включающие в себя силы боевого применения ядерного оружия и группировку, обеспечивающую их применение; Сухопутные войска, состоящие из шести оперативных командований (Северное, Западное, Южное, Уральское, Сибирское и Дальневосточное), подчиненных непосредственно Генеральному штабу; Военно-воздушные силы, включающие шесть (по числу оперативных командований Сухопутных войск) авиационных объединений и шесть объединений ПВО; Военно-морские силы, состоящие из двух фло-

тов: Северного и Тихоокеанского и трех командований ВМС на Балтийском, Черном и Каспийском морях.

Управление Вооруженными силами целесообразно осуществлять по двум направлениям: административному — министр обороны РФ через Министерство обороны и управления командующими видами ВС РФ и оперативному (общему) — Президентом страны — Верховным главнокомандующим через начальника Генерального штаба и подчиненный ему Генеральный штаб».

Генерал Борзенков предлагал укрупнить существующую систему военных округов и флотов («исчезают» как самостоятельные флоты — Балтийский и Черноморский, как округа — Московский, Приволжский, Ленинградский, Северо-Кавказский).

Некоторые взгляды генерала Борзенкова многие в ГШ считали сомнительными. Главные контраргументы: в условиях острейшего финансового кризиса любые укрупнения еще больше могут осложнить положение армии. Большим моральным ударом для моряков и для России в целом может стать потеря двух легендарных флотов.

Весьма неубедительно выглядели и путанные предложения Борзенкова по совершенствованию системы управления Вооруженными силами. Оно могло привести к дублированию функций МО и ГШ, к неразберихе. Гораздо более экономным и рациональным представлялось медленное, без рывков, переподчинение войск и сил флота Генштабу и наделение Минобороны сугубо политико-административными функциями.

Начальник Генштаба Михаил Колесников весьма негативно отреагировал на выступления Борзенкова в «Красной звезде» и назвал их «неуместными» и «преждевременными». Все это можно было легко понять: министр обороны не любил разговоров о гражданском ранге своей должности (даже в статусе вице-преьера), а Колесников, видимо, усмотрел в выступлении подчиненного некий клин между ним и министром.

Так мы и жили...

КОНТРАКТНИКИ

...Когда началась война в Чечне, больше всего дудаевские бойцы боялись наших контрактников. Контрактники быстро приспособивались к боевым условиям, грамотно

выбирали позиции, совершали дерзкие вылазки, приводившие часто в ужас даже так называемый «абхазский батальон», считавшийся у чеченцев чем-то вроде спецназа.

И если «абхазцам» каким-то чудом удавалось захватить контрактника в плен, они со звериной жестокостью измывались над ним даже тогда, когда он уже был мертв. Когда наши «федералы» в очередной раз находили обезглавленный труп своего сослуживца, они уже знали — это контрактник...

В марте 1995 чеченцам очень повезло: они под Бамутом без единого выстрела захватили в плен двух здоровенных, но совершенно пьяных контрактников. Дав им отоспаться, чеченцы наутро устроили над пленниками экзекуцию: они сначала прострелили обоим коленные чашечки, а затем большими ржавыми гвоздями, вбитыми в ладони, прикрепили жертвы к деревянному забору. Один контрактник потерял сознание. Второй был покрепче и умолял его пристрелить. Чеченцы сжалились над ним и выполнили его просьбу. Но и после этого снесли головы обоим выстрелом из гранатомета.

Наши контрактники в Чечне быстро становились матерыми волками, «опорными игроками» офицеров, которых часто своей опрометчивостью в бою приводили в ужас хилые солдаты-тонкошейки. Их спешно «наскребли» в разных частях и, не успев толком обучить искусству убивать людей, бросили в чеченский ад.

Но контрактников было слишком мало, да и к тому же не все они горели желанием даже за двойную плату рисковать жизнью. Малина была лишь тем, кто успел ускользнуть из дома от шедших по пятам милицейских сыщиков.

Пожалуй, один из более-менее заметных шажков в направлении действительного реформирования армии и ее профессионализации был сделан тогда, когда в конце 1992 года ввели контрактную службу. Но опять-таки без достаточного количества денег и эта затея оказалась авантюрной. На первых 100 тысяч контрактников государство выделило 6 миллиардов рублей, которые при бешеных темпах российской инфляции уже скоро превратились в жалкую сумму.

Острейший денежный дефицит изначально дискредитировал идею контрактной службы: люди не получали в полном объеме всего того, что было необходимо по контракту. На это обратил внимание и сам Ельцин, выступая на сове-

шании высшего руководящего состава армии в ноябре 1994 года. Он сказал, что контракт напоминает текст военной присяги, в котором ясны обязанности лишь одной стороны. И Верховному было непонятно, какие же обязанности берет перед контрактником на себя государство.

Даже тогда, когда генералы и офицеры Минобороны и Генштаба не имели возможности продолжительное время получить законное денежное содержание, им бесполезно было обращаться в суд: в контракте лишь в самых общих словах значились обязанности Минобороны перед военнослужащим. Суды на местах все чаще принимали иски от войсковых и флотских офицеров. Но лишь единицы добивались справедливости (когда текст контракта изменят, многие военнослужащие подадут иски в суд на Минобороны и они будут удовлетворены).

Контрактная служба (КС) замышлялась как одно из важных направлений военной реформы. Никто не спорил, что только так можно продвигаться к полной профессионализации армии (если, конечно, военнослужащий и государство в полном объеме выполняют взаимные обязательства).

В принципе, тактика развертывания КС была избрана верно: под нее подвели правовую базу — появились соответствующие статьи в Конституции РФ, Законах РФ «Об обороне», «О воинской обязанности и военной службе».

Социально-правовой статус военнослужащих по контракту определили в Законе РФ «О статусе военнослужащих».

Но конкретные вопросы организации военной службы по контракту регламентировались утвержденным министром обороны России ведомственным нормативным актом — «Временным положением о прохождении военной службы на должностях солдат, матросов, сержантов и старшин по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации».

И это значило, что на Минобороны государство возложило главный груз ответственности перед контрактниками. А у МО возможности ограниченные: оно было не в силах обеспечить всех контрактников положенным им по Закону жильем и льготами.

Грачев совершил ошибку, когда в 1992 году согласился ввести военную службу по контракту без достаточных финансовых и материально-технических гарантий со стороны

государства. Президентские и правительственные реформаторы подталкивали его к тому, чтобы хоть в чем-то придать более профессиональный облик армии, но мало кто слушал министра, когда он доказывал, что для этого необходимо гораздо больше денег.

Уже через год после введения контрактной службы министр обороны вынужден был констатировать: «...Только в Сухопутных войсках 25% военнослужащих расторгли контракты».

Контрактная служба начала «сыпаться»: денежное содержание не поспевало за инфляцией, не было достаточного количества жилья, не работали предписанные контрактникам льготы. Ломался и сам первоначальный замысел — укрепить контрактниками прежде всего боевые части. Вместо этого они шли на продовольственные и вещевые склады, в госпитали, на тыловые базы. Почти 50% из них были женщины.

Вводя контрактную службу, Министерство обороны рассчитывало хоть как-то смягчить нехватку призывных ресурсов, которая, по прогнозам российского Генштаба, может сохраняться до 2000 года даже в условиях значительного сокращения численности Вооруженных сил.

Развертывание КС в полном объеме требовало значительного времени, колоссальных финансовых и материальных средств. Но к этому правительство, Минобороны, Генштаб не были готовы.

Разлагающаяся экономика, сотни неработающих постановлений правительства и парламентских законов, указов президента, дистрофичный военный бюджет, колоссальное количество бесквартирных военных, огромный некомплект личного состава, убогое материально-техническое обеспечение армии — все это блокировало развитие профессиональной армии.

Тут весьма кстати стоит взглянуть на опыт перехода на контрактную систему комплектования в армиях зарубежных стран. У них КС развертывалась в три этапа: подготовительный, основной (ввод системы в действие) и заключительный (совершенствование системы). В США, например, все вопросы, связанные с переходом на новую систему, 4 года прорабатывались специально созданной президентской комиссией. Почти 15 лет понадобилось американцам, чтобы в полном объеме реализовать намеченное. И это — при надежном финансовом обеспечении контрактной программы, при благоприятных для ее реализации

экономических и социально-политических условиях. А что же мы наблюдали у нас?

Вот что говорил по этому поводу начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба генерал-полковник Вячеслав Жеребцов:

— При разработке правовых актов военной службы по контракту российские законодатели не приняли во внимание мнение Минобороны России об отсутствии достаточной финансово-материальной базы для немедленного перехода к комплектованию армии добровольцами, о необходимости упреждающей и детальной проработки вопросов военной службы по контракту. А теперь мы вынуждены идти к поставленной цели в крайне сжатые сроки, методом проб и ошибок. Не хватает денег. И даже те, что уже выделены, быстро поедает инфляция. Мы не имеем пока возможности предоставить всем контрактникам необходимое жилье, обеспечить в полном объеме выполнение многих других обязательств, которые военное ведомство берет на себя. Это не только разочаровывает людей, но и дискредитирует саму идею контрактной службы.

Специалисты Генштаба ломали голову над тем, как не загубить нужное, но преждевременное затеянное дело.

Рождались десятки идей. Одна из них заключалась в том, чтобы в каждом военном округе создать для начала полностью контрактные полки, обеспечить их всем необходимым — от предоставления положенного по контракту жилья и всех других социально-бытовых гарантий до образцовой учебной базы. Предусматривалось, что контрактные полки или даже отдельные батальоны должны стать своего рода «локомотивами» действительной профессионализации армии, следом за которыми (синхронно с нашими экономическими и финансовыми возможностями) медленно потянется вся армия.

Когда эта идея дошла до Кремля там сказали:

— Вы что, опять потемкинские деревни предлагаете строить?

И идея заглохла.

А наши спецы еще некоторое время продолжали доказывать, что именно контрактные, наиболее подготовленные в профессиональном отношении полки и батальоны, оснащенные современной техникой и оружием, реально могут стать ядром группировок в регионах дислокации военных округов и флотов.

В 1995 году в Вооруженных силах РФ проходили службу свыше 275 тысяч добровольцев. В ряде видов ВС их число переваливало за 30%. Набор контрактников продолжался. И тут стало выясняться, что работа многих военных комиссариатов, штабов соединений и воинских частей на этом участке недостаточно эффективна. В погоне за увеличением числа контрактников они часто брали на службу людей профессионально не пригодных, с низкими моральными качествами — пьяниц, наркоманов и тех, кто побывал в криминальном мире. Результат — высокий уровень преступности и правонарушений среди этой категории военнослужащих. Они часто фигурировали в уголовных делах, связанных со случаями хищения оружия и боеприпасов, вещевого имущества.

В 1993—1995 годах было расторгнуто около 50 тыс. контрактов. Половина из них — из-за недисциплинированности военнослужащих. Остальные ушли из армии сами из-за недовольства своим денежным содержанием.

В 1996 году во время командировки в Таджикистан от командира 201-й мотострелковой дивизии генерала Вячеслава Набздорова я узнал, что почти 200 контрактников его соединения не возвратились в части после отъезда в отпуск в Россию. Главная причина та же — «мало платят».

Содержание солдата (сержанта) по контракту в 1995 году обходилось государству от 6 до 6,5 млн рублей, что было в 3—4 раза дороже содержания военнослужащего по призыву. «Исход» тысяч контрактников означал, что мы неразумно выбрасываем на ветер средства из скудного военного бюджета.

Заблаговременно не был выработан надежный механизм закрепления контрактных кадров в частях и подразделениях. Отсутствовали какие-либо преграды и ограничения для военнослужащих-добровольцев при их досрочном увольнении с военной службы.

В беседах с командирами частей я часто слышал их жалобы на то, что многие контрактники занимаются воровством. Почему? Что это — наша всероссийская болезнь или тут что-то другое?

Солдаты и сержанты-контрактники в зависимости от занимаемых ими должностей и воинских званий получали, например, летом 1995 года от 250 до 350 тыс. рублей в месяц. Плюс — бесплатное питание, обмундирование,

проезд в общественном транспорте, к месту проведения отпуска и обратно, а также компенсационные выплаты за поднаем жилья, 50% оплаты за коммунальные услуги и электроэнергию. Военнослужащие по контракту освобождены от уплаты подоходного налога, платы за землю и имущество. По итогам года им выплачивается также единовременное вознаграждение в размере трех окладов денежного содержания.

Закон РФ «О статусе военнослужащих» предусматривает ряд льгот и членам семей военнослужащих-контрактников. Например, женам военнослужащих дальних гарнизонов, не имеющим возможности трудоустроиться, время проживания в данных регионах засчитывается в трудовой стаж. Для тех контрактников, которые проходят службу в отдаленных местностях, сохраняется очередь на жилье, бронируются квартиры по прежнему месту жительства, идет льготное исчисление выслуги лет и т.д.

Вроде бы внешне жизнь — малина, а на воровство контрактников тянет. И разгадка простая: зарплата в 250—300 тысяч даже в 1995 году была нищенской. Это пара ботинок, 10 бутылок водки неплохого качества или средненький пиджачок. А ведь у многих контрактников уже были семьи, дети. Потому и исчезал с продсклада ящик тушенки или пулемет из комнаты хранения оружия.

15 ноября 1995 года на совещании высшего командного состава Российской армии Грачев объявил о том, что число контрактников в Вооруженных силах РФ будет сокращено с 267 до 100 тысяч. И не исключал, что «возможны и более глубокие сокращения».

И это прозвучало как объявление о капитуляции.

К концу 1998 года в Российской армии насчитывалось уже 160 тысяч контрактников. А согласно президентскому указу 1996 года, с начала 2000 года вся армия должна стать профессиональной. Добиться этого за оставшееся время невозможно. Министр обороны РФ Игорь Сергеев сетовал: «Времени осталось слишком мало. Мы не успеем». К тому же маршал вынужден был признать, что большинство контрактников «засело на складах», вместо того, чтобы занять должности в боевых подразделениях.

Получалось так, что один военный министр вынужден был исправлять ошибки другого.

СМЕРТЕЛЬНАЯ «КАПУСТА»

В военное время самая большая опасность для армии — ядерные удары противника. В мирное — финансовый кризис. Нехватка денег — самый опасный враг, который без единого выстрела уничтожает военные округа и флоты, армии и дивизии. Танки перестают стрелять, самолеты — летать, корабли — выходить в море. Военные перестают быть военными. Армия превращается в гигантское скопище бесцельно существующего, вооруженного ржавеющим старьем люда, унылого, бедного и злого.

Офицеры стреляются. Семьи распадаются.

В одном из документов Минобороны РФ, направленном в правительство еще в 1993 году, говорилось:

«...Семьи военнослужащих, большинство из которых не имеют других источников дохода, оказались в крайне тяжелом материальном положении, а некоторые из них — практически без средств к существованию. По этой причине в войсках уже есть случаи отказа от заступления на боевое дежурство и выполнения своих служебных обязанностей. Теряется вера людей в нашу способность решить социальные проблемы армии и флота».

Задержки с выплатами денежного содержания становились системой. Труднее всего приходилось более чем 120-тысячному отряду бесквартирных офицеров и прапорщиков, у которых лишь 40% жен имели работу (таким семьям почти половину семейного бюджета приходилось расходовать на оплату снимаемого жилья). В Москве в 1995 году поднаем двухкомнатной квартиры обходился офицеру в 150—200 долларов. А денежный оклад полковника Генштаба в то время в переводе на валюту составлял 185 долларов США...

Говорят, история повторяется в виде фарса. Но только не в России. В конце XIX века военный министр Ванновский докладывал государю, что «сиделец в кабаке более офицера получает». И сейчас, в конце XX века, кадровые офицеры даже в чине полковника получают меньше швейцаров московских ресторанов.

Кстати, о ресторанах. Один из моих бывших подчиненных в течение шести месяцев подрабатывал по вечерам в частном ресторане, чтобы помочь сыну выкупить кооперативную квартиру. За 6 часов работы у дверей он получал половину своего месячного денежного содержания в Генштабе. Но лишь до тех пор, пока с него не стали требовать

дань рэкетирь. Получив серьезную травму в драке с ними, он покинул доходный пост.

Не один раз от своих сослуживцев я слышал признания, что им приходится испытывать чувство стыда перед женами и детьми из-за неспособности обеспечить хотя бы более-менее сносное существование своих семей.

Центр военно-социологических исследований Минобороны РФ провел закрытые опросы нескольких тысяч сухопутных и морских офицеров. 70% из них признались, что не имеют возможности удовлетворить даже минимальные потребности семей.

Командование Тихоокеанского флота прислало министру обороны и Главкому ВМФ телеграмму, в которой говорилось, что «в связи с многомесячной невыплатой денежного содержания отдельные офицеры вопреки Закону «О статусе военнослужащих» вынуждены искать себе работу на гражданке, чтобы прокормить свои семьи».

Главком Сухопутных войск Владимир Семенов на совещании высшего руксостава Вооруженных сил сказал:

— Как можно требовать от подчиненного офицера выполнения служебного долга, если он несколько месяцев не получает зарплату, у него нет жилья, его семья сидит на голодном пайке.

Тяжелым было и положение солдат и сержантов. Во многих гарнизонах они вместо хлеба уже грызли сухари и бродили по улицам, выпрашивая у прохожих еду, сигареты, деньги.

А тем временем армейские и флотские тыловики и финансисты все чаще попадались на воровстве. От них не отставали некоторые генералы — они разворовывали армейские склады, строили дачи за счет казенных средств, эксплуатировали подчиненную «рабсилу».

Лейтенанты и капитаны ротами убегали на гражданку в поисках лучшей жизни. Майор Ракетных войск стратегического назначения из гарнизона Мирный написал в «Красной звезде»: «...Когда я учился в Москве и охранял после занятий в академии палатку коммерсанта, имел два миллиона в месяц. Сейчас охраняю Родину — ни хрена не имею».

Наверное, и самый гениальный фантаст не способен вообразить, какая жуткая профессиональная и нравственная эпидемия может охватить безденежную армию. Мы вынуждены снимать с боевого дежурства сильно постаревшие

стратегические ракеты. Из-за нехватки средств чахнет и система спутникового наблюдения за поверхностью земли. Наша ракетно-космическая оборона теряет «зрение».

Вместо положенных 150 часов в год боевые летчики проводят в небе от силы 15—20 (в 10—15 раз меньше, чем американцы). При таком налете любой пилот становится смертником. Его нельзя допускать в кабину самолета. У нас на это плюют.

Еще в 1994 году министр обороны России Грачев на заседании Совета безопасности заявил: «Из-за резкого снижения натренированности летного состава могут быть подняты в воздух только 50% самолетов днем и 30% ночью... На 53 аэродромах ВВС (всего 99) полностью отсутствует авиатопливо текущего довольствия... На 17 аэродромах уже израсходовано свыше 50% топлива из неприкосновенного запаса»...

Вместо того чтобы нести боевое дежурство в океане, наши подлодки (в том числе и атомные) болтаются у причальных стенок. В одном из аналитических документов Главного штаба ВМФ говорилось:

«...Если разрушительные процессы не будут остановлены и сохранятся проблемы с недостаточным финансированием, судоремонт, личным составом, топливом и другими материальными ресурсами, то к 2000 году ВМФ России будет иметь в составе боеготовых сил не более 7—10 подлодок с баллистическими ракетами со сроками эксплуатации, близкими к предельным; 15—20 атомных многоцелевых и 10—12 дизельных ПЛ (в том числе МСЯС — морские силы ядерного сдерживания. В целом ВМФ РФ смогут иметь 112—160 подлодок против 432 у ВМФ США).

То же касается и надводных кораблей: останутся боеготовыми 1 авианесущий крейсер, 2—3 ракетных крейсера, 7—10 эсминцев УРО и столько же фрегатов, а также 30—40 ракетных катеров, разбросанных по различным морским театрам.

Таким образом, от второй по силе мировой морской державы в начале 1990-х годов, когда отношение суммарных боевых потенциалов (СБП) ВМФ СССР и ВМФ США было 1:3, к 2000 году уцелеют только остатки, и отношение СБП составит примерно 1:25...»

Главный штурман ВМФ РФ контр-адмирал Валерий Алексин утверждал:

— К 2000 году при дальнейшем развитии таких тенденций Россия по морской мощи будет уступать: на Балтике — Швеции в 2—3 раза, Германии — в 5 раз и на Черном море Турции — в 2 раза.

Уже не могут прикрыть гигантские «дыры» в воздушной границе России войска ПВО.

Из года в год Генштаб был вынужден свертывать войсковые и флотские тактические учения. В 1993—1997 годах не было проведено ни одного полномасштабного дивизионного или полкового тактического учения с боевой стрельбой. Вместо них стали проводиться лишь командно-штабные учения (игры на картах).

Полупустая военная казна все больше превращала армию в хронического должника местным органам власти. По этой причине нередко воинские части и военные объекты отключались от источников электроэнергии.

В Калининградской области стали отключать от электроэнергии подразделения Балтийского флота. Задолженность военных перед энергетиками уже в 1994 году превышала 24 миллиарда рублей. Была прекращена подача электричества на военный аэродром в поселке Нивенское, на базу Балтфлота в поселке Донское, в высшее военно-инженерное училище в Калининграде, на ряд объектов военной базы в Балтийске.

Такая же картина наблюдалась и во многих других регионах России. Акционерное общество «Читаэнерго» полностью отключило подачу электроэнергии сразу трем авиационным гарнизонам Забайкальского военного округа. В этих гарнизонах были приостановлены полеты, обесточены аэродромы и жилые зоны. Люди, оставшиеся без света и воды, готовили пищу на кострах.

21 сентября 1994 года произошло ЧП в Ракетных войсках стратегического назначения: от электросети отключили Центральный командный пункт РВСН. Это могло привести к подрыву боеготовности Стратегических ядерных сил. И лишь аварийное подключение к автономному питанию позволило сбить остроту ситуации.

Серьезное недовольство в Вооруженных силах вызвало и постановление правительства № 806 (от 6.07.94 г.), которое многие местные администрации России стали рассматривать как основание для того, чтобы не допускать бесплатного проезда военнослужащих в городском и пригородном транспорте. В связи с этим в МО стали часто поступать сигналы о стычках военнослужащих с милицией и контролерами. Об этом приходили к нам на Арбат сообщения из Ленинградской, Московской, Новосибирской и многих других областей (постановление затем отменили).

Финансовая задолженность воинских частей местным администрациям приводила к тому, что между армией и органами госвласти все чаще случалось опасное противостояние. Долги Минобороны за продовольствие, электроэнергию, коммунальные услуги составляли на 1 сентября 1994 года 3,3 трлн рублей. На 1 апреля 1995 года эта сумма достигла уже почти 5, а к осени 1996 года — 7 трлн рублей. К концу 1997 — более 10. В конце 1998 набежало почти 15. Положение не изменилось и в 99-м...

Естественно, что в такой ситуации говорить о военной реформе было несерьезно. Реформа — дело дорогостоящее. Замышляя военную реформу после Вьетнама, американцы удвоили военный бюджет. И наращивали его затем из года в год. У нас же наоборот — из года в год (с учетом инфляции) его урезали. К тому же деньги от государства за последние семь лет армия ни разу не получала в том объеме, который был предусмотрен законом.

Расходы на национальную оборону России в последние годы составляли: 1994 год — 40,6 трлн руб., 1995 — 50,8 трлн рублей, 1996 — 80,1 трлн руб., 1997 — 102,4 трлн рублей (но 30 ушло на секвестирование, а из того, что осталось, выделили примерно 60%). В 1998 армии назначили чуть больше 75 трлн (после 17 августа эти деньги «подешевели» втрое). В 1999 на военные расходы планировалось выделить 93,7 млрд рублей.

* * *

Грачев, возглавлявший МО РФ четыре года, долгое время не решался открыто воевать с властями из-за скудного военного бюджета. Но в 1994 году он не выдержал. В одном из интервью заявил:

— Выделяемых финансовых средств не хватает на покрытие и половины потребностей армии.

К тому же нельзя было не учитывать, что Вооруженные силы РФ все эти годы находились в стадии постоянной реорганизации, а для этого требовались дополнительные затраты, связанные с выплатами положенных сумм увольняемому военнослужащим, обеспечением их жильем и льготами. Плюс — дополнительные средства на контрактников, на обеспечение миротворческой деятельности России в ближнем и дальнем зарубежье. Только на миротворческую операцию в Югославии (Босния) от России требовалось свыше 60 млрд рублей из отечественной казны (а в 99-м —

на участие в миротворческой операции в Косово — 70 млн долларов).

В 1995 году Грачев пожаловался президенту, что реформа армии задыхается без денег. Ельцин ответил:

— Пал Сергеич, есть такие сферы реформирования армии, которые можно проводить без денег. Это сложно, но все же постарайтесь.

И Грачев старался.

Купить рояль за две копейки...

В 1994—1996 годах положение усугубилось — бюджетные деньги стала пожирать Чечня (только за первые полгода войны из военного бюджета вылетело в трубу более 2,5 трлн рублей).

Когда же наши генералы стали требовать, чтобы эти расходы шли без зачета в военном бюджете, министр финансов России Пансков категорически не согласился с этим.

Армию заставляли воевать за свои кровные.

Пансков стал для военных «врагом № 1».

Чем хуже было положение в финансовой сфере армии, тем чаще наши минобороновские генералы вступали в перебранки с финансистами. Кастрация военного бюджета вела к дальнейшему развалу Вооруженных сил. На арбатских этажах все чаще можно было слышать раздраженные разговоры о том, что «армией командуют не Верховный Главнокомандующий и не министр обороны, а Минфин».

Споры между генералитетом и финансистами шли по всему фронту денежных проблем. Чем хуже было положение в стране и армии, тем чаще случались такие схватки. Однажды стали спорить о том, какова же в действительности доля общих военных расходов в структуре валового внутреннего продукта (ВВП). В 1994 году в США, например, она составляла 4,3%, в Великобритании — 3,5, во Франции — 3,2. А в России, по утверждениям финансистов, военные расходы равнялись... аж 7% внутреннего валового продукта.

Тут уж наши генералы совсем рассвирепели и стали тыкать оппонентов носом в документы и доказывать, что такое утверждение ошибочно — данная цифра относится к военным расходам на все силовые структуры (они суммарно насчитывали более 4,1 млн человек). При этом минобороновские финансисты считали, что если выделять на нужды армии даже 5% ВВП, то ее численность (если она

будет оснащена на уровне вооруженных сил европейских стран НАТО) может составить только 600—700 тысяч человек.

Не найдя общего языка по этому вопросу, Минобороны и Минфин схватывались над другим, — а каковы военные расходы на 1 человека? Как смотрится Россия в сравнении с другими государствами?

Сравнительный анализ военных расходов на душу населения показывал, что в США они составляли 1151,9 доллара, в Великобритании — 726,1, во Франции — 794,3, а в России — 44,5 доллара.

Наши генералы размахивали этими расчетами перед кремлевскими, правительственными, минфиновскими чиновниками. А те в ответ выдвигали свой самый мощный аргумент:

— Меньше надо воровать!

И предъявляли свои убийственные документы. О гигантских бюджетных суммах, переведенных в коммерческие банки, о загородных виллах, стоимостью 500 и более тысяч долларов, о тайных продажах оружия в ближнее зарубежье, о растранижении недвижимости Минобороны.

По этой причине в парламентских документах появился вывод о том, что «существующий способ формирования и исполнения военных расходов федерального бюджета предоставляет возможность МО использовать выделенные ему средства практически без всякого контроля». Это подтверждал и начальник Главного управления Федерального казначейства Минфина РФ Александр Смирнов. Однажды он заявил:

— До сих пор никому в государстве, кроме военных чинов самого Минобороны, неизвестно, как расходуются бюджетные деньги для армии.

И тем не менее, все попытки инициативных групп в парламенте принять Закон о военных расходах в 1992—1995 годах не увенчались успехом (а таких попыток было больше 10).

Но, конечно, не только бесконтрольное расходование «военных» денег было причиной бедственного финансового положения армии. Главная причина оставалась прежней — все больше ухудшалось положение дел в экономике страны. По этому поводу в одном из аналитических документов Пентагона отмечалось: «...Сейчас мы имеем дело со страной, экономика которой сопоставима с экономикой Брази-

лии... Она не способна поддерживать свою былую военную мощь...»

Валовой внутренний продукт в России сократился за 1992—1997 годы более чем в 4 раза. Это объективно не могло не отразиться на военных расходах государства. В ноябре 1998 года министр обороны России Игорь Сергеев заявил, что объем расходов на оборону, закладываемых в военный бюджет 1999 года, может окончательно добить армию. «Эта сумма будет равна 2,4% ВВП. Это не то что мало — это смертельно...»

В начале декабря 1998 года на закрытом заседании президиума правительства обсуждался военный бюджет на будущий год. Сергеев вышел с заседания довольный. Окружившим его журналистам маршал сказал:

— Я надеюсь, что указание президента — расходовать на нужды армии 3,5% внутреннего валового продукта, будет выполнено. Мне приятно, что правительство и премьер повернулись к армии лицом.

Последние слова Сергеева были похожи на ритуальный комплимент. У нас еще не было в последние годы такого правительства, которое бы не поворачивалось к армии лицом. Но армия почему-то все время в заднице...

К концу 1998 года общая задолженность государства Вооруженным силам достигла 70 млрд рублей. Это было на 20 млрд меньше военного бюджета на следующий год.

И профану было ясно, что отдать такие долги армии в 99-м году власти не смогут.

Об этом свидетельствовало уже то, что супротив президентского указа вместо минимальных 3,5% ВВП на оборону в бюджете-99 официально отводилось 3,1% (неофициально — 2,6%). И это значило, что государство сознательно закладывало в Закон очевидный дефицит в финансировании армии. Всерьез говорить о возможности эффективно реформировать ее при таком положении мог только сумасшедший.

Все возвращалось на круги своя: как и в былые годы, руководство МО закрыло структуру военного бюджета от глаз налогоплательщиков. Объяснялось это тем, что, дескать, прозрачность расходов на оборону опасна, поскольку дает противникам представление о наших военных планах и приоритетах. И такой аргумент выглядит внушительно.

Но трудно было понять иное: почему же тогда представители российских властей регулярно носили в «клювике» в

ООН и Международный валютный фонд подробную информацию о наших военных расходах? И в то же время при маршале Сергееве минобороновским финансистам было дано указание никаких сведений думскому Комитету по обороне не сообщать.

Зато когда МВФ в качестве одного из условий выделения очередного кредита потребовал такую справку, Москва безоговорочно ее представила.

Выступая перед высшим руксоставом армии в начале июля 99-го, Ельцин сказал, что проблема ликвидации долгов государства перед армией должна быть приоритетной для правительства. Эти его слова участники совещания восприняли с откровенным скепсисом. Президент уже не раз и в этом же зале в старом здании Генштаба на Знаменке, и в Кремле, и в других местах заявлял, что военным будут платить зарплату вовремя. Но эти его обещания не выполнялись — уже не раз обманутая армия равнодушно воспринимала их как популистские лозунги.

Но было бы слишком примитивно считать, что лишь тревога о хронических задержках денежного довольствия владела сознанием генералов и офицеров. Для этих людей, которые уже много лет подряд мужественно терпели удары высшей власти по собственной армии, во сто крат важнее денежных долгов были судьбы России и ее Вооруженных сил на пороге грядущего века, грозящего нам суровыми испытаниями. Разрушительный ельцинский режим, многие годы державший армию на голодном финансовом пайке, сильно подточил центральную опору государства.

Власть, которая сегодня задолжала армии рубль, завтра может расплачиваться за это с нежданно нагрянувшим врагом тысячами квадратных километров государственной территории. Остается лишь молить Бога, чтобы он при новой власти помог нам, детям и внукам нашим избежать этой жестокой кары войны и дал России возможность подняться с колен в мирных условиях...

К середине лета 1999 года критическое положение с финансированием армии еще больше усугубилось. И без того гигантские долги государства перед военными и служащими достигли пика. Плюс к этому, так и не было увеличено денежное содержание военнослужащим и гражданскому персоналу армии ни с 1 апреля, ни с 1 июля (как это требовал указ президента). Начальник Главного управления военного бюджета и финансирования МО генерал-полков-

ник Г. Олейник 21 июля разослал по войскам телеграмму (№ 180/5/793), из которой следовало, что долги и надбавки будут возвращаться людям «по мере поступления средств». Фактически это означало, что главный военный казначей официально признавал очередной обман армии властью. Обман этот длился уже лет восемь — государство постоянно было должником военных. А самые трудные времена для армии наступали всегда перед парламентскими и президентскими выборами — «военные» деньги часто уходили на прокрутку в коммерческие банки. Так было 93-м, так было в 1995—1996 годах. Наверняка так делается и сейчас. Перед самыми выборами армии обязательно подкинут денег и подадут это как трогательную заботу о человеке в погонах. Хотя на самом деле — возвратят этому человеку то, что накануне у него же стащили. Страшная страна, бессовестная власть...

ПИДЖАКИ И ПОГОНЫ

С момента образования Российской армии (май 1992 года) вопрос об установлении гражданского контроля над ней новые власти рассматривали как одну из важнейших целей военной реформы. О серьезности их намерений двигаться в этом направлении свидетельствовало и назначение гражданского лица — Андрея Кокошина, первым заместителем министра обороны РФ.

Появление Андрея Афанасьевича на Арбате выглядело экзотично: в МО и Генштабе такого еще не было. Многие генералы и офицеры относились к Кокошину настороженно. Все знали, что пришел он к нам из Института США и Канады, заведения, руководство которого давно вызывало раздражение у личного состава МО и ГШ своими прозападными взглядами.

Директор Института Георгий Арбатов порой высказывал в прессе такие рекомендации по реформированию Вооруженных сил, которые встречали острое неприятие в «Арбатском военном округе» (особенно — по сокращению стратегических наступательных вооружений). Кокошина многие считали учеником Арбатова и потому этот фактор априори настраивал людей на прохладное отношение к Андрею Афанасьевичу.

Проработав рядом с Кокошиным почти пять лет, я так и не понял, какую роль играл он в системе гражданского

контроля над армией. В соответствии со служебными обязанностями, утвержденными министром, Кокошин отвечал в МО за военно-техническую политику. С первых дней работы на Арбате он с головой ушел в эту проблему и какие-то зримые признаки «гражданского контроля» с его стороны заметить было трудно. Зато появившиеся в аппарате первого замминистра гражданские люди бдительно контролировали распродажу подержанных минобороновских машин по льготным ценам и однажды попались на махинации, связанной с подделкой документов.

А серьезных проблем, требующих действительного демократического контроля над Вооруженными силами, было немало. Они касались, например, проработки законодательных норм применения армии на территории России. И если бы люди, в обязанности которых входило решение этих вопросов, вовремя поставили надежные заслоны волюнтаризму высшей исполнительной власти, страна смогла бы избежать и трагических событий октября 1993 года, и чеченской войны (и в том и в другом случае были допущены грубейшие нарушения законов, в результате которых армия оказалась втянутой в преступные деяния против соотечественников).

Отсутствие эффективного гражданского контроля над Вооруженными силами привело к тому, что уже много лет подряд в полном объеме не исполняется военный бюджет, а денежное содержание в армии и на флоте меньше, чем в других силовых структурах. В ходе предвыборной президентской кампании 1996 года грубо нарушались требования Закона, запрещающие агитацию в армии, — она открыто велась в войсках в пользу Ельцина с ведома руководства Минобороны и Генштаба.

В конце 1996 года Кремль еще раз объявил о своем намерении идти по пути усиления демократического контроля над Вооруженными силами — президент издал указ, в соответствии с которым глава военного ведомства Игорь Родионов обрел статус гражданского министра. Но при чем здесь широко разрекламированное «усиление системы демократического контроля», понять было невозможно. Зато совершенно ясно было другое: Кремлю наш военный министр при погонах не угоден (да и без них тоже). Но это решение Ельцина в стане демократов было встречено аплодисментами. Его восхищенно называли «широким шагом к усилению гражданского контроля над армией».

Ровно через пять месяцев президент вновь назначил на пост министра сугубо военного человека, но никто из демократов при этом и не заикнулся о том, что сделан «широкий шаг назад».

Вообще если проанализировать все перипетии, касающиеся этого вопроса, то станет совершенно очевидно, что все попытки высшей исполнительной власти установить гражданский эффективный контроль над Вооруженными силами — это длинная цепь непоследовательных и глубоко подверженных политической конъюнктуре мер. Как любил говорить Павел Сергеевич Грачев: «Где факты?» Вот они.

Уже вскоре после победы демократов в России новые власти пришли к безусловно верному выводу — Главная военная инспекция (ГВИ) должна быть независимой от Минобороны. Ибо только при таком подходе можно было добиться объективной информации о профессионально-нравственном состоянии армии (госинспекторов издревле называли «государевым оком» в войсках).

Какое-то время ГВИ находилась в непосредственном подчинении президента и сумела поставить в Кремль немало правдивых сведений о состоянии боеготовности войск, дисциплины и правопорядка в армии, вскрыть серьезные недоработки высшего военного начальства. Но это стало вызывать недовольство в МО. Руководство начало активно инициировать идею возвращения ГВИ в «родное лоно» военного ведомства. И все вернулось на круги своя. Главная военная инспекция снова была введена в структуру МО, а Главный военный инспектор был даже возведен в ранг замминистра.

Это означало откат новых властей от установления государственного контроля над армией и привело к усилению закрытости военного ведомства, упрочению его «кастовых» интересов, бурному развитию коррупции в высшем военном руководстве.

Военное ведомство, как и раньше, само себе определяло задачи в подготовке войск и само же контролировало их выполнение. Результаты большинства проверок в военных округах и на флотах в итоговых документах нередко подгонялись так, чтобы они устраивали министра и не слишком раздражали Верховного Главнокомандующего. Вот как отзывался о таком очковитирательстве бывший в ту пору начальником академии Генерального штаба Игорь Родионов:

— Министерство обороны, пользуясь отсутствием реального контроля со стороны государства за своей деятельностью (военная инспекция подчиняется министру обороны), вводит политическое руководство и общественность страны в заблуждение относительно боеготовности Вооруженных сил, состояния хода и качества их реформирования.

Слабый государственный контроль за состоянием Вооруженных сил приводил к серьезным деформациям в оценке боеготовности не только подразделений и частей, но и целых стратегических группировок. В документах МО и ГШ стали использоваться странные термины: «части недобоеготовы», «частично боеготовы», «боеготовы на 70%». Бывали случаи, когда оценку за боеготовность получали полки, укомплектованные на 40%, хотя по существующим правилам оцениваться могли лишь части, укомплектованные не ниже, чем на 70%.

А на Тихоокеанском флоте итоговая оценка соединению была выставлена однажды в зависимости от результатов стрельб всего лишь одного боевого корабля.

Было немало и других примеров очковтирательства и формализма. По итогам 1993 года Северный флот был признан лучшим в ВМФ России, хотя на нем были не боеготовы многие атомные подлодки.

Случалось, что первые лица в МО и ГШ в оценках положения дел в армии давали настолько противоречивые оценки, что даже в Кремле стали замечать липу.

Например, в директиве министра обороны об итогах подготовки Вооруженных сил в 1994 году и задачах на 1995 год говорилось, что произошел рост числа преступлений. А уже вскоре на закрытых слушаниях в Думе (7 апреля 1995 года) начальник Генерального штаба Михаил Колесников утверждал обратное: «У нас идет снижение преступлений и происшествий».

Часто сталкиваясь с подобными фактами, военные советники Ельцина убедили его в том, что необходимо вернуть ГВИ под крыло президента. Ельцин согласился. Осенью 1996 года появился указ о создании Государственной военной инспекции при Президенте России. Однако не успела новая структура встать на ноги, как последовала новая реформация: решением Верховного Главнокомандующего ГВИ вливалась в состав Совета безопасности и существенно сокращалась.

Тут уместно напомнить, что и на созданный по указу президента в 1996 году Совет обороны Ельцин возлагал большие надежды как на важный инструмент контроля за реформированием Вооруженных сил. Однако данная структура не просуществовала и года.

По этому поводу один из пентагоновских аналитиков писал:

«...Демократический контроль предполагает не только права политических деятелей, но и их ответственность. Подготовка указаний в сфере обороны требует больших знаний и понимания сущности военных реалий. Никакое политическое руководство не имеет права заявлять о демократическом контроле, если его стараниями армия приведена в состояние хаоса. Демократический контроль включает ответственность за поддержание эффективных и дееспособных Вооруженных сил...»

За первые годы существования новой Российской армии система действенного демократического контроля над ней так и не была создана. Все это время мы наблюдали лишь попытки сформировать ее. Более того, часто случалось так, что государственные органы, призванные демонстрировать образцы истинно демократичного подхода к решению армейских проблем, выступать в роли гаранта обеспечения конституционных и правовых норм в военной области, сами не соблюдали или грубо нарушали их.

В течение семи лет президент так и не смог добиться, чтобы был принят Закон об альтернативной службе, хотя положение о ней закреплено в Конституции. Случалось, что Верховный принимал решения о назначении на высокие военные посты лиц, против которых выступала созданная при нем комиссия по высшим воинским званиям и должностям.

В откровенный кадровый произвол внес свою лепту и бывший секретарь Совета безопасности РФ Александр Лебедь, когда выявил в Минобороны и Генштабе «ГКЧП-3» и настоял на смещении с должностей генералов Виктора Барынькина, Анатолия Богданова, Дмитрия Харченко, Сергея Здорикова и других, хотя их вина в каких-либо противоправных деяниях так и осталась недоказанной.

Грачев обзвонил всех пострадавших и, по его словам, порекомендовал им обратиться в суд. Однако к такому предложению никто из погоревших членов его команды не прислушался: это могло лишить генералов шансов служить

дальше. За такую смиренную позицию все они получили должности-синекуры — от Москвы до Сирии.

И все же ради объективности стоит сказать, что при Льве Рохлине и сменившем его на посту председателя Комитета Госдумы по обороне Романе Попковиче делалось немало попыток создать систему эффективного парламентского контроля над армией. Думский оборонный комитет в пределах предоставленных ему полномочий стал активно вторгаться в ранее плотно закрытую для Госдумы сферу кадровой политики в армии, в вопросы исполнения военного бюджета, разработки военной доктрины и военной реформы (был принят долгожданный закон о военной реформе). Министру обороны в своих реформаторских изысках приходилось все чаще оглядываться на Госдуму. Серьезную роль комитет ГД по обороне сыграл тогда, когда выступил против скороспелого намерения руководства военного ведомства реформировать систему управления Стратегическими ядерными силами. После этого авторитет председателя думского комитета по обороне Попковича в Генеральном штабе еще больше укрепился.

РЖАВЫЕ СТВОЛЫ

Сильно сдерживали реформирование армии и очень серьезные негативные процессы, которые развивались в военно-технической сфере. Парк танков, боевых бронированных машин, самолетов и вертолетов, кораблей, подлодок, артиллерийских систем сильно изнашивался и устарел. Темпы поступления новой техники в войска и на флоты из года в год снижались. В 1994 году в армию поступил 1 боевой самолет, 1 боевой корабль, и 5 танков нового образца. Такое положение не изменилось и через 5 лет.

Не было денег не только на закупки, но и на восстановление вышедшей из строя старой боевой техники. По этой причине МО не могло выкупить сданную в ремонт технику, например, авиационные двигатели. Результат: в Военно-воздушных силах боеготовы около 50% самолетов...

Из документов Главного штаба ВВС РФ:

В 1995 году Минфин назначил российским ВВС 13% от заявленной суммы. Этой суммы едва хватает на денежное довольствие и горючее. В последние годы бюджетные ассигнования на закупку новой техники и вооружений, проведение НИОКР не превышают 35% от потребности. В прошлом году Минфин профи-

нансировал госзаказ для ВВС всего на 45%. На 1 января 1995 года долг финансовой службы Главного штаба ВВС перед авиазаводами составлял 500 миллиардов рублей. На 1 июля 1995 года он составлял уже 765 миллиардов, а к концу года остался почти на том же уровне.

Из-за отсутствия денег на ремонт и запчасти доля исправных самолетов не превышает 50%. Практически каждый второй самолет третьего поколения уже давно пережил «пенсионный возраст». За 11 месяцев 1995 года Минфин задолжал ремонтным службам ВВС более 100 миллиардов рублей...

Стремление выжить и сохранить кадры заставляло руководителей предприятий ВВС обращаться в коммерческие банки. В погоне за спасительными кредитами заводы часто оказывались в долговой яме. Например, в 1994 году было получено кредитов на 6 миллиардов рублей, но из-за несвоевременных расчетов штрафы и пени составили 3,5 миллиарда рублей.

Проблемы с деньгами предприятия ВВС стремились решить за счет продажи списанного имущества, а также коммерческих авиаперевозок. В 1994 году внебюджетные доходы составили 70,5 миллиарда рублей и 5,7 млн долларов.

В 1995 году ВВС РФ получили от Минфина на производство и закупку вооружений и военной техники (ВВТ) лишь 3% заявленной суммы.

Из-за этого Минобороны смогло купить лишь 2 военно-транспортных самолета.

Из-за острого дефицита финансовых средств производители вынуждены отказаться от запуска в серию такой перспективной техники, как авиационные комплексы 5 поколения, ударные самолеты Дальней авиации, многоцелевые фронтовые истребители (МФИ), военно-транспортные самолеты Ил-106, вертолеты Ка-50 и Ка-52. Были заторможены работы по модернизации самолетов МиГ-29, Су-27М, которые приносят оборонке валютную прибыль.

По мнению многих экспертов, российские МиГи и Су будут пользоваться спросом на внешних рынках еще лет 10—15. Но если КБ и НИИ останутся без финансовой поддержки, то в следующий век российский ВПК может войти без необходимого военно-технического задела...

Страна, еще недавно считавшаяся одной из сильнейших в воздухе, рискует остаться без сильных боевых крыльев. Только за 4 последних года в России производство военных самолетов, поступающих в войска, сократилось в 50 раз.

Начиная с 1992 года, Минобороны разработало более 15 программ перевооружения армии. Почти все они провалились. Срывались научно-испытательные и конструкторские работы. Если их доля в военных расходах в 1990 году со-

ставляла почти 20%, то к 1994 году этот показатель упал до 5,7% (в странах НАТО составляет от 9,8 до 11,2%).

Многие перспективные программы разработки нового оружия и техники стали финансироваться по остаточному принципу, из-за этого создавалась угроза отставания в области военно-технической политики от ведущих стран НАТО. По этой причине доля современной боевой техники в Российской армии с 35% в 1992 году упала до 10% в 1997 (в НАТО — 40%).

Долги государства оборонке росли с каждым годом. В 99-м году денег военно-промышленному комплексу выделялось меньше, чем все предыдущие годы. По этому поводу начальник вооружений Вооруженных сил РФ генерал-полковник Анатолий Ситнов говорил:

— На эти деньги нельзя «поднять» даже так называемые пилотные проекты, которые считаются стратегически важными для армии: космические программы, стратегические ракетные комплексы, системы управления, связи, укрепления ядерной безопасности в войсках.

Усиливается отток лучших специалистов из оборонной сферы. Многие из них уезжают за границу. Конгресс США даже принял решение о расширении квоты на несколько тысяч специалистов ВПК для приглашения выходцев из России.

Еще в 1993 году первый замминистра обороны Андрей Кокошин вынужден был признать: «Решение задач военно-технической политики в условиях реформы сильно сдерживается недостаточным финансированием».

По той же причине — отсутствие денег — сворачивались оборонные заказы. Оборонный заказ по некоторым определяющим системам вооружения и сегодня находится ниже уровня рентабельности предприятий их выпускающих (зенитные управляемые и тактические ракеты, боевые самолеты и некоторые другие виды вооружения).

Сегодняшний оборонный заказ не учитывает естественной убыли вооружения и военной техники в войсках. А по некоторым направлениям создания вооружения и военной техники из-за отсутствия финансирования даже не рассматривалась возможность возобновления производства.

В 1992—1993 гг. не было заложено ни одного нового боевого корабля. Потребность войск в новых боевых самолетах в тот период составляла 115 шт. в год. Армия получила 3...

Еще в сентябре 1993 г. долг государства по оплате оружия, военной техники составлял 285 млрд рублей. В 1994—1995 гг. этот долг вырос почти в 3 раза. Да и к тому же ассигнования в течение года выделялись неритмично, малыми дозами (был случай, когда это делалось 13 раз за 9 месяцев).

Все это сильно затрудняло планирование работ, особенно по сложным и дорогостоящим системам и комплексам с развитой сетью кооперации, и порой приводило к приостановке их производства.

А стоимость новейших видов техники возросла уже от 4 до 14 раз. И эта тенденция продолжает развиваться. Для некоторых видов вооружения и военной техники рост составил от 20 до 30 раз (БМП-3), по БТР — в 15—20 раз. Например, цена бомбардировщика Ту-160 в 1993 году составляла более 6 млрд рублей, а в 1995 она достигла уже почти 15 миллиардов.

Из документов Главного штаба Сухопутных войск:

Из-за сокращения ассигнований, одновременно с уменьшением оснащенности вооружением и военной техникой Сухопутных войск идет постоянное снижение доли современных ВВТ. За последние 5 лет произошло сокращение этого показателя в среднем до 30%, а такие виды, как БМП и ударные вертолеты современных образцов, в войсках практически отсутствуют. К 2000 году вертолетный парк СВ потеряет 1/3 машин из-за выработки ресурсов.

Можно сделать вывод, что при сохранении существующего положения с разработкой и оснащением Сухопутных войск вооружением и военной техникой реальное повышение боевых возможностей достигнуто не будет. Это, учитывая реализуемые в странах НАТО программы развития ВВТ, приведет к большому отставанию от них по совокупной боевой мощи; количественно-качественные показатели системы вооружения СВ к 2005 году упадут ниже критических пределов. В частности, авиация СВ, части разведки и радиоэлектронной борьбы, войска ПВО Сухопутных войск будут ограниченно боееспособны...

Перспективный вертолет В-80 при действиях в дневных условиях в 1,1 раза превосходит американский «Апач», однако в настоящее время уступает ему по оснащенности системами ночного видения и бортовому комплексу обороны, а также по дальности полета (450 км против 690 км). В развитии боевых, разведывательных вертолетов, вертолетов РЭБ, управления и связи мы отстаем от западных аналогов на 6—8 лет, а в разработке комплексов с дистанционно пилотируемыми летательными аппаратами (ДПЛА) — более чем на 10 лет...

Не лучше обстояли дела и в самом сильном виде Вооруженных сил России — Ракетных войсках стратегического назначения. Уже более 60% ракет выработали гарантийные сроки эксплуатации и мы сохраним их, можно сказать, на свой страх и риск. Около 40% систем боевого управления РВСН находятся в эксплуатации около 30 лет. Полк мобильных ракетных комплексов «Тополь-М», поставленных на боевое дежурство в 1998 году, был единственным светлым пятном на мрачном фоне.

Мы становились слабее везде: в воздухе, на море, на земле.

ДЫРЫ В ШЕРЕНГАХ

Ко многим проблемам реформы армии добавлялась еще одна, не менее острая — низкая укомплектованность войск личным составом. Ситуация складывалась парадоксальная: Россия с ее огромным призывным ресурсом в 1995-1997 годах не могла укомплектовать многие части своей армии хотя бы на 70% (во время весенних и осенних призывов требовалось поставить под ружье примерно 250 тысяч человек). При таком положении о реформе говорить было слишком проблематично...

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, стоит обратиться к официальной статистике Минобороны РФ — вчерашней и сегодняшней.

Из документов МО РФ:

«...В России на начало 1994 года на воинском учете состояло около 1,7 млн юношей призывного возраста. Из них 73% подлежали освобождению и имели отсрочки от призыва в соответствии с действующим законодательством (20% — по состоянию здоровья, 43% — для продолжения образования, 3% — по семейному положению, 1% — для работы в сфере искусства, образования и здравоохранения, 6% — судимые и находящиеся под следствием), а 14% не подлежали весеннему призыву по возрасту.

Около 28 тысяч граждан ежегодно уклонялось от призыва на военную службу. И только в отношении 779 человек были возбуждены уголовные дела, а осуждено было всего 63 человека. 13 тысяч граждан было привлечено к административной ответственности (различного рода мелким штрафам и вызовам в милицию)...

В том же году из каждых 100 юношей призывного возраста призывалось на военную службу только 19 человек,

остальные получили отсрочки или вообще освобождались от исполнения воинской обязанности. И это при том, что Вооруженным силам выделялось только 50% призываемых граждан.

Весной 1995 года положение с укомплектованностью войск стало вообще критическим. Из 1176 тысяч призывников, состоящих на воинском учете, могло быть призвано на военную службу только 419 тысяч человек (23% имеющихся призывных ресурсов), в то время как подлежало увольнению 682 тысячи. В результате некомплект солдат и сержантов только в Вооруженных силах по расчетам Генштаба превышал 400 тысяч человек. К концу года общая укомплектованность Вооруженных сил могла снизиться до 60% и менее (при этом в Сухопутных войсках — до 30—35%), что привело бы к необратимым последствиям для их боеготовности (боеготовыми считаются части, укомплектованные личным составом не менее, чем на 70%)...

Правительство в срочном порядке представило в Госдуму проект Федерального Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе». Он был принят Государственной думой и вскоре подписан Президентом России. Согласно этому Закону предусматривалось:

1. Начиная с осени 1995 года перейти на двухгодичный срок военной службы (поскольку установленный ранее Законом «О воинской обязанности и военной службе» полугодовой срок военной службы граждан не обеспечивал достаточный уровень укомплектованности Вооруженных сил).

2. Призывать на годичный срок военной службы выпускников высших учебных заведений, обучавшихся на военных кафедрах и не проходивших военную службу, после чего присваивать им первичное звание офицера запаса.

3. Отменить отсрочки гражданам, имеющим одного родителя старше 50 лет. При этом отсрочки от призыва по уходу за ближайшими родственниками, если они из-за болезни или старости нуждаются в постоянной помощи, остались неизменными.

4. Установить, что гражданин вправе воспользоваться отсрочкой от призыва на военную службу для получения профессионального образования только один раз.

Планировалось, что переход на двухгодичный срок военной службы по призыву позволит уже в 1996 году повысить укомплектованность Вооруженных сил РФ сержантами и солдатами до 80% и даст возможность без привлечения

дополнительных финансовых ресурсов успешно решать поставленные перед армией задачи.

Однако в 1996 году положение с призывом кардинально не улучшилось: из каждых 100 юношей призывного возраста в армейский строй становилось лишь 23. По-прежнему большим было число отсрочек. Еще одна причина — слабый контроль властей на местах за исполнением законодательства по призыву и игнорирование многими юношами его требований.

Рост количества юношей, уклонившихся от военной службы, явился следствием резкого падения в последние годы престижа воинской службы, развалом системы военно-патриотического воспитания молодежи. В условиях нарождающейся рыночной экономики кардинально изменилась нравственно-психологическая ориентация молодежи: из каждых 100 юношей, как показывали результаты социологических исследований, только 9 человек считают своим гражданским долгом стать в армейский строй. Остальные предпочитают прежде всего получить престижное образование или «заняться накоплением денег в сфере коммерции».

Служба в армии по-прежнему остается страшилкой для русских парней. Многие из них упорно овладевают методикой «откашивания» от службы. А в инструкторах недостатка нет: во многих городах России уже действуют специальные общественные организации, обучающие призывников искусству уклонения от службы в армии. В этом им помогают и активисты комитетов солдатских матерей.

Горластые тетки — головная боль Минобороны и Генштаба, местных военных комиссариатов. Мне много раз приходилось видеть их у нас на Арбате, где они устраивали шумные пикеты с плакатами «Генералы, верните наших детей!» Конечно, можно понять горе матери, сын которой погиб на чеченской войне или задушен «дедами» в казарменной сушилке. Но на этой неутешной материнской боли уже который год цинично спекулируют ловкие «активистки».

Одно дело — требовать расследования убийств в частях, и совсем другое — подбивать пацанов на уклонение от службы. Одно дело — поддерживать тех, кто настаивает на своем конституционном праве отказа от воинской службы и замены ее на альтернативную. И совсем другое — воспитывать ненависть к службе.

Власти и спецслужбы страны до сих пор пока помалкивают о том, что в России уже много лет действует хорошо оплачиваемая «из-за бугра» различными грандами разветв-

ленная антиармейская структура со штаб-квартирами в престижных столичных гостиницах, долгосрочная аренда которых не по карману бедным солдатским матерям.

Иностранные инструкторы (абсолютное большинство которых кадровые разведчики) все чаще наезжают в Россию для проведения методических занятий со своим активом, организуют симпозиумы и семинары под благородными лозунгами о соблюдении прав человека, хотя на поверку все это — закамуфлированные звенья долгосрочной и широкомасштабной идеологической операции, имеющей целью размыть оборонное сознание молодежи.

В начале декабря 1998 года в Новгороде представители двух международных организаций «Центр миротворчества и общественного развития» и «Движение против насилия» обучали местную молодежь как уклоняться от службы в армии и уголовной ответственности. Организатором этого славного мероприятия был англичанин Крис Хантер. Участники симпозиума из Москвы, Петербурга, Иркутска и Воронежа радостно рапортовали «хозяевам» о том, сколько десятков юношей отказались брать в руки оружие.

Однажды во время очередного призыва в армию видел я на Красной площади прелюбопытное зрелище. Большая группа заметно поддатых молодых людей, называвших себя пацифистами, собственными телами старательно конструировала на священной брусчатке лозунг. Когда все, наконец, улеглись, можно было прочитать: «ПРИЗЫВУ-98 — ХУЙ!».

Тут же подоспевшие милиционеры быстро растащили бухих пацифистов, нечленораздельно выкрикивавших лозунги о свободе и демократии. А оставшиеся «неохваченными» стражами порядка с большим удовольствием давали интервью журналистам, рассказывая о том, что подали иски в суды в связи с тем, что им не предоставлено право на альтернативную службу.

Таких исков, кстати, к концу 1998 года в различных российских судах лежит уже около тысячи. И все они — правомерны. Ибо альтернативная служба предусмотрена Конституцией еще с 1993 года. Но парламент так до сих пор и не принял соответствующий Закон. В Государственной думе уже который год муссируется три или четыре проекта, но депутаты никак не могут найти общего языка ни по срокам альтернативной службы, ни по критериям, по которым человек может отказаться брать в руки оружие.

А на станциях московского метро и в подземных перехо-

дах по-прежнему можно встретить людей, которые держат в руках небольшие книжечки с надписью «Как уклониться от армии?». Книжечка стоит недорого — 5 рублей. Кто не может откосить, тот платит намного больше. Такса уже дошла до 7 тысяч долларов в Москве и 2 — в провинции. На этом деле хорошо греют руки некоторые военные комиссары. За последние годы по этой причине несколько из них попали за решетку.

Неукомплектованная армия — небоеспособная армия. Из-за большого недостатка солдат и сержантов командиры не имеют возможности организовать полноценный учебный процесс. Во многих частях офицеры вынуждены выполнять обязанности солдат: заступать часовыми на объекты, дежурными по контрольно-пропускным пунктам, работать кочегарами.

Тот, кто служит «за себя и за того парня», постоянно несет тяжелые физические и моральные перегрузки. Это нередко приводит к нервным срывам людей, влекущим за собой серьезные нарушения уставного порядка и преступления. По подсчетам наших военных психологов, такое положение на 10—15% увеличивает число грубых дисциплинарных проступков и еще больше — чрезвычайных происшествий — расстрелы в караулах и казармах, драки с увечьями.

В 1997 году в связи с сокращением Вооруженных сил число призывников стало уменьшаться и достигло примерно 150—160 тысяч человек (за один призыв). На этом же рубеже держался призыв в 1998—99 годах.

Армия становилась меньшей, но не более профессиональной...

ИКРА И СУХАРИ

...Чем хуже идет реформа армии, тем чаще Ельцин «выражает тревогу». В газетах сообщалось: «28 июня 1995 года, выступая на торжественном приеме выпускников академий в Кремле, Президент России высказал тревогу по поводу того, что военная реформа буксует». Выступивший же следом Грачев заявил, что в результате реформаторских действий «удалось создать армию как единый и целостный организм».

После этих слов министра по рядам одетых в парадную форму генералов и офицеров прокатился легкий гул, кото-

рый можно было понимать не иначе как сомнение людей в объективности такого утверждения министра. В этот момент несколько офицеров ГРУ и СВР переглянулись и еле заметно улыбнулись. Наверное, они вспомнили слова из свежего аналитического документа Пентагона: «России не удалось создать армию как единый и целостный организм»...

В Кремле уезжавшим вскоре в войска и на флоты генералам и офицерам подали “кристалловскую” водку, а на закуску — севрюжину и красную икру.

А из штабов военных округов уже давно шли в МО и Генштаб тревожные телеграммы командующих о нарастающей нехватке продовольствия.

«Единый и целостный организм» потрошил уже стратегические неприкосновенные запасы с сухарями и консервами, притрагиваться к которым можно было только в случае войны.

Грачев направил Ельцину секретное письмо с просьбой срочно выделить для продовольственных нужд армии 2,5—3 триллиона рублей. Это послание Павла Сергеевича Борису Николаевичу было похоже на подвиг. Президент часто лютовал, когда министры обращались к нему с подобными просьбами. Грачев знал это. И потому частенько сам занимался выколачиванием денег в Белом доме, не прибегая к помощи Б.Н.

Долгое время это ему удавалось. До тех пор пока не «взорвался» Черномырдин, сказавший однажды, что министр, пользуясь своим «особым положением» (приближенностью к президенту), ставит правительство в «трудную ситуацию» (экстренный поиск денег на нужды армии). После этого пробивные способности министра обороны стали угасать — он все чаще возвращался из правительства с пустыми руками.

Когда же летом 1995 года начальник Центрального продовольственного управления МО генерал-полковник В. Савинов положил на стол Грачева докладную о большой вероятности голодовки в войсках, если правительство срочно не даст денег на питание, министр уже не стал, как часто бывало прежде, звонить или ехать на Краснопресненскую набережную — написал экстренную и мрачную петицию в Кремль, хорошо понимая, что сильно испортит настроение Верховному.

Ельцин несколько недель молчал.

Потом в МО приползли слухи, что президент дал поручение правительству найти деньги, которые выпрашивал Грачев.

Но эта весть в арбатских кабинетах была воспринята с раздражением: люди негодовали в связи с тем, что нашему ведомству приходится выклянчивать даже то, что положено армии по Закону.

Два триллиона Черномырдин к концу августа где-то нашел. А в начале сентября на пресс-конференции в Кремле Ельцин сообщил, что еще один триллион «правительство продолжает искать».

К тому времени армия нуждалась уже не в трех, а в четырех триллионах рублей на продовольствие. Выступая по этому поводу на очередном заседании Госдумы председатель Комитета по обороне Сергей Юшенков заявил:

— Если мы не можем обеспечить питанием 1,7 млн человек, то не надо было отменять отсрочки и увеличивать срок службы до 2 лет. Сейчас речь может идти не о реформировании, а о выживании армии.

Юшенкова у нас на Арбате многие недолюбливали. Он, как и «великий реформатор» отставной майор Лопатин, в свое время наломал немало дров, когда начиналось реформирование армии. Многие арбатские офицеры и генералы испытывали к Юшенкову неприязнь. Но на сей раз соглашались с ним...

ГОЛОСА

...В начале августа 1995 года Ельцин подписал секретный указ (№ 794-с), в котором излагалась очередная программа военного строительства в России. Судя по всему, разработчики документа сумели сделать некоторые выводы из многолетней дискуссии по этой проблеме: речь в указе шла уже не только о реформе армии, но и о преобразовании всей системы обороны страны.

Новый план строительства Вооруженных сил был рассчитан на будущее (он вступал в силу лишь в 1996 году), и потому можно было сделать вывод, что минувшие этапы реформирования армии Ельцин как бы не засчитывает.

В указе ни слова не было о просчетах, допущенных на предыдущем этапе военного строительства, их главных причинах.

Новый президентский указ на 90% состоял из набора

очевидных истин, в той или иной степени уже прописанных в Основных положениях военной доктрины 1993 года.

С одной стороны, Ельцин видел военную реформу как общегосударственную задачу, но с другой, как и ранее, слабо «подключал» к ее решению всю систему государственных органов. Потому указ по большей части своей выглядел как теоретический документ, ориентирующий армию на новые преобразования «в общем и целом».

К тому же российская экономика и наш военно-промышленный комплекс продолжали хиреть. Это обстоятельство и вынуждало президента ориентировать военных на то, чтобы они «по одежке протягивали ножки»: он требовал, чтобы система обороны была приведена в соответствие с экономическими возможностями страны.

Все это было верно.

Но никакие новые президентские прожекты, рисующие облик будущей армии, не могли отвлечь военных от поиска мучительного ответа на вопрос — почему ныне существующая армия оказалась в столь незавидном положении?

Александр Лебедь 1 декабря 1995 года опубликовал в «Независимой газете» статью, в которой так определял причины катастрофического положения в Вооруженных силах: «...Российским политическим руководством, видимо, был выбран путь постепенного развала оставшейся в наследство от СССР армии и деморализации личного состава.

В этих целях использовались:

— огульная, без выяснения причин, критика как армейских порядков, Вооруженных сил в целом, так и отдельных представителей армии;

— постоянные проблемы с военным бюджетом (начиная со стадии его разработки и утверждения, и заканчивая выделением Министерству обороны уже утвержденных законодателями бюджетных средств);

— медлительность в подготовке радикальных военных реформ;

— кадровая политика, основанная на подборе командного состава на ключевые должности по принципу личной преданности;

— практический отказ от выработки и проведения нацеленной в будущее военно-технической политики...»

В те же дни, выступая перед офицерами и командованием Приволжского военного округа, Лебедь высказался за необходимость «полностью перестроить систему рефор-

мирования Вооруженных сил». Главное внимание, по его мнению, нужно было уделить материальному обеспечению войск и улучшению жизни военнослужащих и членов их семей. Ибо «нищая, голодная, побирающаяся армия не может выполнить поставленной перед ней задачи и в настоящее время является национальным позором государства».

Слушая Лебеда, я снова думал о великом парадоксе: в стране были десятки неглупых генеральских голов, способных переустроить армию, знающих, как именно это надо делать, но зерна их трезвых, прагматичных идей падали на бесплодную почву.

Командующий Воздушно-десантными войсками Вооруженных сил России Евгений Подколзин:

— Пока мы не реформируем экономику, пока не дадим людям рабочие места, пока их не накормим, не обеспечим всем необходимым, серьезно говорить о военной реформе преждевременно. Ведь что такое военная реформа? Это — коренное изменение количественного и качественного состояния армии и флота в соответствии с военной доктриной, стратегическими и геополитическими интересами государства, необходимостью надежной защиты ее границ. Проведение такой реформы затянется на долгие годы, десятилетия, потребуются огромные материальные затраты и средства. Мы же сегодня даже не можем вовремя офицерам денежное содержание выплатить, но зато на каждом углу горланить о реформе... Нам бы сейчас становой хребет — офицерский корпус сохранить, преодолеть кризис в оборонной промышленности, заложить необходимый минимум для поддержания боевой готовности войск. И этого уже будет много.

«Пока мы не реформируем экономику...»

Генерал Подколзин бил в «десятку».

А тем временем всем нам активно вдалбливали в мозги свои концепции военной реформы другие люди, совершенно далекие от армии и уже немало сделавшие для ее развала. Для лидера избирательного блока «Выбор России — Объединенные демократы» Егора Гайдара, казалось, не было такого вопроса, на который бы он легко и непринужденно не мог дать ответа, — касалось ли это налогов на добавочную стоимость, прогнозирования уровня жизни россиян или новых положений военной доктрины.

Этот человек, в бытность которого премьер-министром

Вооруженным силам РФ был нанесен самый мощный удар, по-прежнему был ярким сторонником «наиболее эффективного способа» реформирования армии — ее сокращения. В его размышлениях о военной реформе четко просматривалась идея, которую давно и упорно исповедуют наши демократы: за счет урезания численности силовых структур облегчить выживание стагнирующей экономики страны. Гайдар говорил:

— Мы сейчас имеем армию, в которой не хотят служить офицеры, потому, что они не могут заниматься своим делом, скажем, боевой подготовкой. Армию, в которую матери не хотят отпускать своих сыновей, в которой не хотят служить сами юноши. Мы имеем армию большую, дорогую и предельно неэффективную. Армию, которая сама собою недовольна. Что здесь надо сделать? По нашему убеждению, нужна серьезная военная реформа. Основное направление ее — сокращение численности вооруженных сил, включая сюда внутренние войска и пограничников, примерно до миллиона человек, упрощение их структуры управления, резкое сокращение количества штабов, круга обслуживающих подразделений, отказ от огромного натурального хозяйства Министерства обороны, начиная от военных совхозов и кончая военными заводами строительных материалов. На этой базе можно обеспечить средства, достаточные для боевой подготовки, реального выполнения социальных гарантий для военнослужащих, обеспечение поставок современной боевой техники. Военная реформа должна создать базу для перехода к профессиональной военной службе...

Я показывал эти соображения многим специалистам МО и Генштаба. Большинство считали их, мягко говоря, дилетантскими. Конечно, апеллируя при этом к своим, чисто профессиональным аргументам. Они считали, например, что дальнейшее сокращение армии ниже предела в 1,5 миллиона человек было преступным хотя бы потому, что это количество уже сегодня минимально отвечает масштабам реально существующих и потенциальных военных угроз для России.

По той же логике отвергалась и идея дальнейшего сокращения Внутренних войск: уровень преступности в стране с каждым годом почти утраивается. А о каком сокращении военных совхозов можно вести речь, если из-за неспособности государства в полном объеме обеспечивать войска

продовольствием, наши ведомственные сельхозпредприятия спасают их от голода своей продукцией.

О каком сокращении военных заводов строительных материалов можно было вести речь, если они в условиях проваленной еще во времена самого Гайдара Государственной программы строительства жилья для военнослужащих давали от 15 до 20% квартир?

Но Гайдар упорно продолжал гнуть свое. Он продолжал доказывать, что «России не нужна огромная армия», что «такая армия разорительна», что «к 2000 году мы должны получить гораздо меньшую по численности армию» («Труд» — 14.12.95).

Идея экономии на армии доминировала не только в голове демократов, подобных Гайдару. Ее активно проводили и другие политики. К концу 1995 года, загнав страну в угол, они открыто призывали военных «подстраиваться под создавшееся положение в экономике». Одним из идеологов такого подхода был заместитель председателя одного из комитетов Госдумы Александр Пискунов. Он, в частности, говорил:

— С одной стороны, государство обязано постоянно изыскивать возможности для того, чтобы максимально обеспечивать потребности армии, с другой, сами Вооруженные силы должны обеспечивать такой подход к военному строительству, который бы, наряду с геополитическими реалиями, учитывал возможности страны. В условиях, когда валовой внутренний продукт страны находится примерно на уровне Италии, меряться силами с НАТО и со всем остальным миром, мягко говоря, наивно.

Если распутать хитросплетения этой казуистики, то вырисовывается один банальный, но неопровержимый вывод: при хилой экономике не может быть сильной армии. Тогда возникал резонный вопрос: а кто же развалил нашу экономику?

Не только гражданские чиновники и политики, но и десятки наших действующих и отставных военачальников, аналитиков и ученых предлагали свои варианты подходов к военной реформе. Иногда все это напоминало мне сцену из сельской жизни, когда мужики никак не могут объездить брыкливую колхозную лошадь. Один советует сильнее бить ее кнутом, другой — затянуть туже подпругу, третий — садиться в седло не слева, а справа, а четвертый — нацепить более плотные шоры.

Это сравнение пришло мне в голову и тогда, когда попалось на глаза интервью бывшего зама главкома Сухопутных войск отставного генерала Эдуарда Воробьева газете «Аргументы и факты» (20.12.95). Корреспондент спросил Воробьева:

— Что вы понимаете под военной реформой?

Воробьев ответил:

— У нее несколько направлений. И главное из них практически не требует дополнительных средств, а дает быструю отдачу. Речь идет о произволе и самодурстве, в результате которых наша армия превратилась в пугало для призывников и их родителей. И это не только дедовщина. Растет произвол начальства. Оба эти явления взаимосвязаны. Дело в том, что система единоначалия, обязательная для армии, ничем не ограничена. Вот почему необходим закон, который обеспечит гражданский контроль над армейской жизнью.

Дедовщина и самодурство некоторых войсковых и флотских командиров и начальников, безусловно, проблема серьезная. Но вряд ли она относится к разряду тех, которые предопределяют магистральный путь реформы Вооруженных сил. Ясно, как Божий день: без создания надлежащих материальных и социальных условий зачуханная и злая, полураздетая и полуголодная армия вряд ли сможет обрести новый облик.

Как и десять лет назад, страна не испытывает недостатка в экспертах по этой проблеме. Уже долгое время упражнялся на этой ниве и депутат Госдумы (фракция «Яблоко») Алексей Арбатов. Он тоже доказывал, что столбовой путь реформирования армии лежит через ее сокращение:

— Основой нашей предпосылки является то, что в ближайшие 2—3 года Российской армии не придется вступать в региональные конфликты с крупными военными державами. Именно на этот период относится наше предложение сократить ВС России до названного уровня (1—1,2 млн человек. — В.Б.)

Невозможно понять, на чем базировалось столь уверенное утверждение Арбатова. Любой прогноз такого рода — гадание на кофейной гуще. Политика столь же непредсказуема, как и взбалмошная женщина. Кто может категорично утверждать, что в ближайшие годы даже миролюбиво настроенный Китай не вздумает предъявить России какие-

нибудь территориальные претензии? Тут, как говорится, бабушка надвое сказала: может быть, а может и не быть.

Но армия всегда должна быть готова к самому худшему варианту развития событий. К тому же история не раз учила нас: как только ослабевает оборонная мощь России, у некоторых ее соседей пробуждается желание отхватить какой-нибудь лакомый кусок.

К дискуссии о допустимых параметрах сокращения армии снова подключился Александр Лебедь, о котором Игорь Родионов говорил, что «хотя он академии Генштаба и не оканчивал, но намного умнее некоторых балбесов». Опальный командарм дал отповедь сторонникам «решительного» сокращения Вооруженных сил России до 1 миллиона человек:

— Любое масштабное сокращение армии по своей сути затратно. Ведь просто сократить и выбросить людей на улицу нельзя. Надо выплатить им пенсии и пособия, обустроить их жен и детей, обеспечить семьи уволенных военнослужащих жильем и другими социальными гарантиями. Кроме того, сразу же обостряется проблема, связанная с утилизацией и хранением излишков вооружения. Расчеты показывают, что столь масштабное сокращение ВС РФ потребует даже увеличения затрат по сравнению с сегодняшним содержанием армии и флота на 3—4 трлн рублей ежегодно...

В Генеральном штабе внимательно следили за ходом этой дискуссии. Для Центра военно-стратегических исследований ГШ проблемы реформы — ежедневный хлеб. У меня было много знакомых среди офицеров ЦВСИ. Общаясь с ними, я часто испытывал чувство гордости за то, что имею честь служить рядом с этими людьми, для которых не было секретов в военном деле. И не один раз бывало так, что я приходил к ним, восторженно цитируя умное (как мне казалось) высказывание очередного «гения» военной реформы, но уже вскоре восхищение мое угасало под напором железной профессиональной логики и аргументов, напрочь лишенных каких-либо эмоций.

И тогда зауменные разглагольствования некоторых наших кремлевских, правительственных или парламентских псевдостратегов о необходимости создать «маленькую и сильную» армию вместо «большой и слабой» начинали выглядеть детским лепетом. Приходило простое и ясное понимание того, что Россия не нуждается ни в чрезмерно большой, ни в слишком маленькой армии. Ей нужна армия,

которая может оптимально гарантировать безопасность. Там, в ЦВСИ Генштаба, довелось мне слышать немало блистательных профессиональных диспутов, которые очищали мозги от шелухи бесконечных дилетантских споров гражданских деятелей о необходимой численности армии. Но весь идиотский парадокс заключался в том, что голоса этих людей власть не слышала.

А было к чему прислушаться.

При сокращении Вооруженных сил до 1 миллиона человек остро встанет вопрос подготовки мобилизационных резервов. Группировка Сухопутных войск в таком случае будет состоять в основном из соединений сокращенного состава, способных содержать не более 30% имеющегося вооружения и боевой техники. Еще 30—40% ВВТ можно будет содержать за счет баз хранения и учебных центров, остальную технику придется переводить в запасы и утилизировать. В связи с этим выполнение группировками Сухопутных войск задач по отражению возможного противника хотя бы на одном стратегическом направлении становится невозможным.

При таком сокращении войсками ПВО может быть обеспечено прикрытие не более 50% важнейших военных и промышленных объектов, а боевой потенциал ВВС уменьшится более чем в 2,5 раза. Россия окончательно лишится статуса великой морской державы. Флот будет способен действовать только в прилегающих к территории страны водах и не сможет обеспечивать сдерживание потенциальных агрессоров на океанических и морских театрах военных действий...

В середине января 1996 года неожиданно прорвало помощника президента по национальной безопасности Юрия Батурина. В своем интервью «Интерфаксу» (15.01.96.) он заявил:

«В военной области к наиболее существенным реальным внутренним угрозам следует отнести отставание в проведении военной реформы от потребностей страны, в том числе и по обеспечению ее внешней безопасности... Нельзя допускать, чтобы снижение военно-промышленного потенциала страны упало до уровня, за которым не обеспечивается функция обороны страны по отражению любого вероятного агрессора и любой военной агрессии...»

Создавалось впечатление, что Батурин свалился в Кремль с Луны. Уже шел пятый год военной реформы, а мы топтались на месте и делали вот такие «открытия».

Среди сотен разрозненных голосов авторов предложений, проектов и планов все упорнее пробивался голос человека, который словно раздвигал бесплодно суетящихся у постели больного врачей и давал рецепт непростого, но единственно верного излечения. Это был главный военный эксперт правительства России генерал-полковник Валерий Миронов:

— Без государственного руководства военным строительством, координации действий всех государственных и общественных институтов, без единого механизма реализации общегосударственной политики в сфере обороны и безопасности реформа просто не состоится. Система руководства Вооруженными силами и другими войсками должна базироваться на принципах жесткой централизации и единоначалия, на всех уровнях исключать параллелизм и дублирование. Поэтому целесообразно резко поднять роль Генштаба, который оказался на задворках армейского комплекса. Сейчас главное — перейти к практической совместной работе всех ветвей власти и осуществлению планов военного строительства.

Когда Ельцин в феврале 1996 года выступал в Кремле перед депутатами парламента по случаю своего очередного Послания Федеральному собранию, он во многом повторял Миронова:

— Можно ли говорить об успехах реформы, если Вооруженным силам остро недостает внимания государственной власти, если порой не удовлетворяются их самые элементарные нужды. Военная реформа — это прежде всего повышенное внимание государства к армии, к людям в погонах. Это оснащение Вооруженных сил современным оружием и военной техникой. В общем, то, как проводится военная реформа до настоящего времени — бессистемно и непоследовательно, — настоящей реформой назвать нельзя...

Вслед за своим помощником по национальной безопасности президент тоже делал «открытие»: «Строительство Вооруженных сил на новой основе — это общегосударственная, общенародная задача, а не дело лишь одного военного ведомства».

Из этого следовал вывод, что все эти годы реформой занималось только МО, а государство лишь наблюдало со стороны за его бесплодными усилиями.

Наверное, больше ни в одной стране мира не говорится

об армии так много правильных слов, и нигде так много не делается неправильно...

И что мы вообще все эти годы делали?

Уже, вероятно, предчувствовавший свою отставку Павел Грачев летом 1996 года давал интервью «Огоньку». Его спросили, что он считает самой большой проблемой реформирования армии. Грачев говорил:

— Я много лет прослужил в армии и не настолько наивен, чтобы не понимать, что никакой серьезной реформы без надежного финансового обеспечения не бывает...

КРЕМЛЕВСКИЙ ПРОЕКТ

...В конце 1996 года по кабинетам Минобороны и Генерального штаба стал разгуливать странный документ. В нем содержался новый, наверное, уже сотый после 1992 года, план военной реформы. Адрес его принадлежности не был указан. Потом выяснилось, что план родом из Совета обороны, но говорить вслух об этом почему-то запрещалось. Приемчик был известный: к нам на Арбат запустили пробный шар, чтобы проверить реакцию.

Рабочий документ (проект)

«1. Военную реформу осуществить поэтапно, в рамках единого, скоординированного в масштабе государства процесса военного строительства как комплекса военных, экономических, социальных, политических и других мероприятий, имея конечной целью приведение в соответствие боевых возможностей Вооруженных сил и других войск как существующим, так и потенциальным военным угрозам и вызовам безопасности России и ее союзников, так и экономическим возможностям страны...»

Слова были правильные. Но в Кремле по-прежнему боялись устранить опасную глупость, в 1993 году закрепленную в Конституции. Многих в Генштабе, где привыкли к исключительной точности формулировок, давно бесило выражение «Вооруженные силы и другие войска».

Термин «другие войска» изначально вносил бардак в теорию и практику вопроса. Во-первых, получалось, что президент был Верховным Главнокомандующим только Вооруженных сил, а на «другие войска» его власть вроде бы не распространялась. Во-вторых, понятие «другие войска» было настолько аморфным, что, казалось, никто в России не мог дать исчерпывающее толкование его содержания.

В-третьих, власть Генштаба при наличии «других войск» распространялась только на Вооруженные силы, и это значило, что единого центра оперативного управления всей обороной страны по-прежнему нет.

Новая кремлевская концепция вносила некоторую определенность в эту проблему: «...Одновременно создать целостную систему управления всеми вооруженными формированиями в стране с единым планированием подготовки и ведения боевых действий Вооруженными силами и другими войсками».

Генштабисты придирчиво «брали на зуб» новый документ. Приговор был такой: «Смесь трезвоумия, иллюзий и маразма...»

«...Первый этап — 1997—2000 годы.

Учитывая ограниченные экономические возможности государства в этот период, основные усилия направить на оптимизацию существующей структуры центральных органов военного управления, объединений, соединений, частей и учреждений видов Вооруженных сил и других войск, сокращения их состава и численности за счет комплексирования задач, решаемых в области обороны и военной безопасности.

Второй этап — 2001—2005 годы.

С учетом прогнозных оценок развития экономики государства предусмотреть проведение глубоких структурных изменений в Вооруженных силах и других войсках, переведя их полностью на комплектование только военнослужащими, проходящими службу по контракту, с созданием системы подготовки военнообученных резервистов.

В этот период завершить формирование единой в стране системы подготовки военных кадров и комплектования ими Вооруженных сил и других войск, а также реорганизации военно-промышленного комплекса, обеспечив выпуск в потребном количестве современных вооружения и военной техники (ВВТ) для нужд обороны Российской Федерации и ее союзников...»

Планы были масштабные.

Но опять вставал роковой вопрос: откуда будем брать деньжата? Ну, хотя бы на расчеты с увольняемыми офицерами и прапорщиками? Вот как отвечали на этот вопрос чиновники Совета обороны:

«5. Социальное обеспечение и переподготовка по гражданским специальностям офицеров и прапорщиков, увольняемых из Вооруженных сил и других войск в связи с сокращением, предусматривается в рамках специально разрабатываемой общегосу-

дарственной программы, финансируемой отдельной строкой бюджетных расходов государства, а также за счет внебюджетных поступлений от реализации (приватизации) высвобождаемых при сокращении Вооруженных сил и других войск предприятий, объектов, имущества и земельных участков».

Все это уже было: и специальная госпрограмма, и внебюджетные поступления... За годы существования Российской армии мы уже столько всего распродали, что можно было одеть и обуть не одну, а три армии численностью 2 млн человек. А деньги где? Нет денег.

Опять деньги. Опять проклятые деньги!

В МО и Генштабе посчитали и пришли к выводу, что на планируемое сокращение армии в 1997 году надо не менее 40 трлн рублей.

В Кремле посчитали и пришли к выводу, что на это надо всего 10 трлн рублей.

Слишком разная арифметика. Власти был милее тот, кто обещал реформировать армию дешевле.

Дешевле обещал Батулин. Дороже — Родионов. И министра в Кремле стали обвинять в том, что он идет по «чрезмерно затратному пути реформирования армии».

СТОЛКНОВЕНИЕ

...Когда летом 1996 года Игорь Родионов стал министром обороны, он уже имел наметки своего плана реформирования армии. Главным положением этого плана было то, что надо отказаться от попыток реформировать армию в отрыве от реформы всей оборонительной системы государства. Ключевая формула — меньшим количеством войск создать более надежную систему защиты государства.

Родионов намеревался поэтапно сокращать армию. Но только при гарантированном финансировании этого процесса, особенно по части денежных компенсаций увольняемым офицерам, прапорщикам и мичманам. В своем первом же выступлении перед членами Коллегии Минобороны он сказал:

— Люди, которые снимают погоны, должны получить все, что им положено, — деньги, квартиры, льготы. Ибо преступно выталкивать военнослужащих за ворота частей, не обеспечив их всем необходимым. Если мы говорим, что армия должна соответствовать экономическим возможнос-

тям государства, то и ее сокращение обязано быть адекватным этим возможностям.

Уже на следующий день американская газета «Вашингтон пост» сообщала: «Новый министр обороны России Родионов намерен сокращать Вооруженные силы, ставя во главу угла надежную социальную защиту увольняемых». Ей вторила английская «Санди таймс»: «Перед министром Родионовым стоит труднейшая задача — сократить армию и повысить ее боеспособность. Он обречен, если не получит серьезной финансовой поддержки со стороны Кремля и правительства».

Некоторые российские газеты назвали нового министра, согласившегося принять армию в условиях гигантских долгов, «благородным камикадзе».

Побывав во многих ближних и дальних гарнизонах Российской армии, Родионов каждый раз возвращался в Москву с еще большей убежденностью, что предложенные ему в Кремле темпы сокращения войск нереальны. Без дополнительных финансовых расходов государства такие темпы пахивали авантюрой. Скажем, содержание одного мотострелкового полка обходилось государству в 2 раза дешевле, чем его сокращение. Этот и другие подобные примеры министр огласил на пресс-конференции. Газеты затрубили: «Родионов не спешит радикально сокращать армию», «Родионов игнорирует указание Ельцина кардинально ослабить военное бремя государства».

НЕУГОДНЫЙ

«...Сегодня совершенно очевидно, — говорилось в одном из документов Пентагона, — что недееспособность российской военной системы является своеобразным симптомом провала всей политической системы страны»...

Сказано очень верно. Ведь у нас все ставилось с ног на голову: армия строилась не с учетом того, какие потенциальные внешние угрозы ей нужно быть в готовности отразить, а в расчете на хиреющий уровень экономических возможностей государства. Но государственный сектор экономики (в том числе и военно-промышленный) постоянно сворачивался, приватизировался, перепрофилировался и таким образом сокращались и возможности обеспечения Вооруженных сил всем необходимым.

При Грачеве роптание Арбата на продолжающийся раз-

вал армии по вине высшей исполнительной власти был не столь сильным, чтобы вызвать раздражение Кремля. Тут очень сказывалась личная нежная расположенность Павла Сергеевича к Борису Николаевичу. Грачев всегда помнил из чьих рук получил жезл министра и почти никогда не давал поводов президенту усомниться в его преданности.

При Родионове многое стало меняться. Не отрицая установку Верховного Главнокомандующего на кардинальное сокращение армии, Родионов уже с первых своих публичных выступлений стал доказывать, что уменьшение численности войск потребует серьезных дополнительных расходов. В своих документах, направленных президенту через Совет обороны РФ, глава российского военного ведомства приводил конкретные расчеты. Аргументация Родионова была беспощадной. Своими расчетами он публично «раздевал» сторонников радикально-авантюрного сокращения армии.

Особенно резкое неприятие родионовская концепция вызывала у секретаря Совета обороны Юрия Батурина, который назвал ее однажды «затратной» и упрекнул руководство Минобороны в том, что оно свои реформаторские взгляды строит по старинке, не учитывая потепления международного климата и значительного снижения внешних военных угроз.

Вторя своему шефу, сотрудник аппарата СО Владимир Клименко в одном из интервью «Интерфаксу» весьма желчно проехался по концепции МО, делая особый упор на «старые подходы» руководства военного ведомства к оборонным проблемам. Чем глубже вопрос реформирования армии уходил в плоскость идеологических диспутов, тем сильнее вопрос загонялся в тупик.

С первого дня работы Родионова в качестве министра обороны России все его установки и практические шаги по реформированию армии стали предметом особо пристального внимания штабов и аналитических центров западных армий и спецслужб. На Арбат от наших людей за границей поступали материалы, подтверждающие это.

Первое же мое знакомство с такими материалами создало впечатление, что назначение Родионова вызвало в НАТО серьезную настороженность. Иногда в натовских документах звучала почти паническая мысль: дескать, Родионов — не Грачев, он никогда не был «человеком Ельцина», явно тяготеет к национал-патриотическим силам России, водится с антизападно настроенными политиками типа

Лебеда и Рохлина, не способен на конъюнктуру, занимает крайне жесткие позиции по отношению к планам расширения Североатлантического блока на восток.

Все это во многом соответствовало истине. Иностранные резиденты в Москве не ели свой хлеб зря. Да и такие выводы о Родионове не трудно было сделать, регулярно следя за российскими средствами массовой информации. Трудно было объяснить совсем другое.

Еще в конце 1996 года по нашим каналам из-за рубежа поступила информация, что материалы о концептуальных взглядах Минобороны и Генштаба на реформу Вооруженных сил, направленные в Кремль, (и имеющие самый высокий гриф секретности) «разгуливают» по рукам американских военных аналитиков...

В это невозможно было поверить.

Но факты оставались фактами.

В одном из пентагоновских документов, содержащих экспертные оценки «планов Родионова», в частности, говорилось:

«...Планы реформы, разработанные Родионовым, представляют реальную возможность для восстановления российских Вооруженных сил до того, как их распад зайдет слишком далеко. Разумеется, Родионову будут мешать, а внутривластная борьба не будет способствовать решению задач реформы. Но если удастся реализовать планы, над которыми он работал последние несколько лет, он имеет хороший шанс переломить негативные тенденции в Вооруженных силах...»

Далее в том же экспертном документе речь шла уже о более серьезном — о новой организационно-штатной модели армии, которую предлагал Кремлю министр обороны России:

«...Реформа Родионова предусматривает сокращение армии до 10—12 регулярных, полностью укомплектованных и оснащенных мотострелковых и танковых дивизий... Предусматривается наличие трех воздушно-десантных дивизий и трех бригад, входящих в Мобильные силы... Кроме того, будут сформированы по одной авиационной дивизии и по одной авиационной эскадрилье в каждом из четырех воздушных флотов. Приблизительно такое же количество сил будет поддерживаться в кадрированном виде... Важнейшее внимание будет уделяться таким проблемам как ядерное сдерживание и поддержание в боеспособном состоянии системы ПВО... Родионов настаивает на разумной и экономически обоснованной системе военных закупок, пересмотре всей системы ком-

плектования и обучения... Родионов считает одной из своих главных задач разумный подход к определению военных угроз, чтобы не тратить деньги впустую...»

Иностранные военные аналитики, имея доступ к задумкам Минобороны и Генштаба по реформе Российской армии, давали весьма высокую оценку прагматизму и продуманности стратегических планов нашего высшего генералитета, вынужденного действовать в крайне неблагоприятных финансовых и материально-технических условиях. Но в данном случае такие комплименты вызывали у многих людей на Арбате не гордость, а тревогу: тот, кто «знал наши карты», имел возможность делать упреждающие ходы, навязывать инициативу, сводя на нет все замыслы...

Родионов оказался в крайне тяжелой позиции: с одной стороны, в Кремле его отвергали за «затратные» планы реформы, самостоятельность политической позиции и жесткое обращение с Западом, особенно после того, как он в своей статье в «Независимой газете» открыто сказал, что в случае продвижения НАТО на восток Россия может пойти на пересмотр концепции использования стратегического и тактического ядерного оружия.

С другой стороны, в военных штабах США и других стран НАТО Родионов оценивался как нежелательная фигура у руля российской военной машины: он был несговорчив в вопросах радикального сокращения стратегических ядерных вооружений, грозил контрмерами НАТО, напиравшему на Россию с Запада, имел конкретный план восстановления боеспособности разваливающейся армии, что, естественно, серьезно могло повлиять на ближние и дальние перспективы усиления геостратегических военных позиций США и их союзников в мире.

Именно неуютность Родионова Кремлю и Вашингтону сыграла, на мой взгляд, роковую роль в том, что министра быстро выдавили из кресла за «провал военной реформы». Грачев валил эту реформу ровно четыре года, но его сместили с поста не по профессиональным, а по откровенным конъюнктурно-политическим соображениям (как, впрочем, и назначили).

При Ельцине угодливость генералов Кремлю ценилась выше их профессионализма. И такое положение тоже было одной из причин того, что колымага военной реформы продолжала буксовать в российской политической трясине...

* * *

Высказывания Родионова о необходимости дополнительных финансовых расходов на сокращение армии раздражали Кремль. Между новой концепцией реформирования армии, представленной министром президенту, и той, которая разрабатывалась в Совете обороны, были принципиальные расхождения. Один из сотрудников аппарата СО в газетном интервью снова язвительно отозвался о «слишком затратных, основанных на устаревшем мировоззрении», планах руководства военного ведомства. Пресса мгновенно уловила явные признаки конфронтации в подходах Родионова и СО к реформированию армии и стала громко трубить о зреющем конфликте между Кремлем и Арбатом. Запахло скандалом.

Начальник Генерального штаба генерал армии Виктор Самсонов в начале января 1997 года позвонил в Кремль Юрию Батурину и попытался выяснить причины такого неожиданного и оскорбительного высказывания чиновника СО. Батурин ответил, что клерк превысил свои полномочия и будет наказан.

На состоявшейся в середине января в Минобороны пресс-конференции Родионов честно признал, что некоторые «различные взгляды» на реформу между МО и СО все-таки есть. И снова пресса громко заговорила о наличии «опасных противоречий» между МО и Кремлем. Узнав об этом, Ельцин пришел в ярость и приказал, чтобы министр обороны и секретарь Совета обороны немедленно и публично «сняли противостояние».

С целью замирения в начале февраля состоялась совместная пресс-конференция Родионова и Батурина на Зубовском бульваре.

При большом стечении журналистов на пресс-конференции оба «именинника» упорно пытались убедить всех, что никакой «войны взглядов» на реформу между Кремлем и МО нет. Но в то же время оба и не скрывали, что некоторые различные подходы все-таки имеют место.

Днем раньше в Минобороны Родионов принял главных редакторов ведущих российских газет и с безоглядной откровенностью рассказал им о действительном положении дел в войсках. Такая откровенность министра для меня не была в диковинку. Игорь Николаевич все чаще говорил на публике слова, которые вызывали в Кремле и на Краснопресненской набережной громкий зубовный скрежет.

До Родионова, наверное, ни один из сорока российских министров обороны не умел говорить в глаза власти всю беспощадную правду о состоянии армии. Родионов умел это делать. Таких министров власть не любит.

Потом я узнал, чем был вызван весь этот спектакль на Зубовской площади. На предстоящем Совете обороны должна была утверждаться новая концепция реформы (ее планировалось обсудить еще 6 января, но из-за болезни Ельцина отложили до середины февраля). А поскольку у Батурина и Родионова были некоторые принципиально отличные взгляды на сокращение армии и финансовое обеспечение этого процесса, предстоящая дискуссия в присутствии Ельцина могла ничем не закончиться, и хворый президент был бы от этого, конечно, не в восторге.

Батурин понимал это, и ему хотелось, чтобы на Совете все прошло гладко, чтобы президента в очередной раз не втянули в «концептуальную драку», к которой основательно готовились минобороновские и генштабовские высшие генералы. И тогда позиции Батурина с профессиональной точки зрения выглядели бы бледно. Такой поворот событий был очень вероятен и не сулил Батурина ничего хорошего. К тому же президент очень болезненно реагировал, когда появлялись малейшие признаки конфронтации кремлевских чиновников с высшим генералитетом, а пресса начинала раздувать сенсации об этом. Один из помощников Ельцина позвонил в Минобороны и сообщил реакцию Верховного:

— Сцепились, понимаешь, как петухи на публике и меня в это дело, понимаешь, втягивают, будто более важных вопросов нет. Нехорошо. Надо бы снять эту ненужную напряженность.

В этом и заключалась главная цель пресс-конференции Родионова и Батурина. В конце ее Батурин, обращаясь к министру, сказал:

— Ну вот, Игорь Николаевич, теперь уже, наверное, никто нам не скажет, что между нами есть какие-то противоречия. Мы пришли к единому пониманию. Не правда ли?

Родионов слегка качнул головой. Но не проронил при этом и слова. Днем раньше в своем кабинете он говорил:

— У нас есть наработки программы, но нет политического решения, нет концепции и нет политической воли, стремления воплотить все намеченное в жизнь.

Говоря о «политической воле», Игорь Николаевич бросал камни в кремлевский огород.

Министра перестали соединять с президентом и не давали возможности встретиться с ним. Ни на одну бумагу, посланную Родионовым президенту в Кремль, не было ответа. И даже Батурин, которому Родионов послал новый план реформы армии, позволил себе отложить ее в долгий ящик, хотя на Арбате очень ждали его замечаний.

Батурин не скрывал своего негодования по поводу одного, очень задевающего его самолюбие, предложения Родионова, который высказывался за то, чтобы секретарь Совета обороны РФ имел статус заместителя начальника Генерального штаба. Это еще больше усиливало неприязнь секретаря СО к министру.

В те же дни кремлевские наушники доносили Ельцину об «очень опасных заигрываниях» начальника Генштаба генерала Самсонова с оппозицией: представители коммунистических и аграрных фракций парламента были приглашены им на полигон одной из подмосковных дивизий. Оттуда неусыпные стукачи наперебой сообщали в Совет обороны о том, что состоялись весьма нелюбимые для Верховного Главнокомандующего разговоры между политиками и генералами. Кремлевские интриганы эти «нелюбимые разговоры» тут же перелицевали в некий «заговор» и преподнесли президенту. Ельцин поверил и рассвирепел...

На 22 мая 1997 года на Арбате намечалось заседание Совета обороны по военной реформе.

Родионов предчувствовал, что приговор ему в Кремле подписан. Ельцин еще только собирался ехать из Кремля на Арбат, а в президентской администрации уже заготавливались разные варианты проектов указов президента — в расчете на то, что министру обороны и начальнику Генштаба Верховный объявит служебное несоответствие, снимет одного из них или обоих разом с должностей.

К своему выступлению на Совете обороны Родионов готовился долго и основательно. Он придавал ему до того важное значение, что признался мне однажды:

— Не министру обороны, а премьеру надлежало бы выступить.

Доклад министра согласно ранее утвержденному Верховным регламенту был рассчитан на тридцать минут. Когда в начале заседания Совета обороны Родионов сказал об этом Ельцину, тот оборвал его:

— Нет! Даю вам пятнадцать.

Родионов заметил, что для обстоятельного изложения столь масштабного государственного вопроса, как новая концепция реформирования армии, такого времени недостаточно.

Ельцин еще больше заводился:

— Вы уже и так потратили пять минут!

Министр пошел ва-банк:

— В таком случае я отказываюсь от доклада.

Ельцин взорвался:

— Я снимаю вас с должности! С докладом выступит начальник Генерального штаба.

Члены Совета обороны с угрюмым любопытством поглядывали на Самсонова. Начальник Генерального штаба встал:

— Товарищ Президент — Верховный Главнокомандующий! Я тоже считаю, что определенного вами времени на доклад недостаточно, и потому отказываюсь от выступления.

Ельцин объявил о смещении НГШ с должности, а затем ударился в гневные и пространно-банальные разглагольствования о провале военной реформы, о сопротивлении его указам радикально сокращать армию. Генералы слушали Верховного с угрюмым видом. Его доводы звучали громко и гневно, но неубедительно. Театральность и тенденциозность учиненной им «генеральской порки» была слишком очевидной. Президент обвинял высших генералов в провале военной реформы армии так, словно не имел к этой армии никакого отношения.

Кремлевская свита во главе с президентом покидала Генштаб. Ельцин шел впереди всех. Выражение его лица было таким, каким оно бывает у человека, исполнившего суровую и неприятную миссию.

Следом за Ельциным бодро семенил Батуринов в затемненных очках. Глядя на него, я подумал, что уже много раз вот так, лоб в лоб, сталкиваюсь с Батуриным, но из-за темных очков до сих пор не видел его глаз.

После того как кремлевская камарилья покинула зал заседаний Коллегии Минобороны, на боковом столике остались забытыми какие-то бумаги. То были проекты президентских указов, рассчитанные на разные варианты кадровых решений Ельцина в зависимости от итогов Совета обороны и личной воли Верховного.

Возвратившись в свой кабинет, Родионов позвонил жене и с грустной улыбкой сказал ей:

— Люда, тебя беспокоит бывший министр обороны Родионов Игорь Николаевич.

— Ну, вот все и уладилось, — как можно спокойней сказала Людмила Ивановна. — Послужил свое и хватит. Ты лучше побыстреей домой приезжай.

— Вот за это я тебя и люблю, — сказал он ей.

Российский президент устилал путь хаотичных и буксующих военных реформ новыми жертвами в рядах генеральской элиты. Так было уже не раз. Но облик армии от этого не менялся. Ельцин снова тасовал высшие командные кадры, словно не понимая, что ему никогда не удастся перехитрить суровую данность жизни: при слабой экономике ему никогда не создать сильную армию. В таких условиях вместо реформы можно лишь имитировать ее видимость. Но для этого нужны были искусные исполнители.

СГОВОРЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

После смещения Родионова, не принимавшего зачастую сырые реформаторские прожекты кремлевских чиновников типа Батурина, путь к кастрации армии и экспериментам над ней был открыт.

Новый министр обороны генерал армии Игорь Сергеев уже в первую минуту пребывания в должности 22 мая 1997 года пообещал Ельцину:

— Все ваши указания будут безусловно выполнены.

И в последующем демонстрировал непоколебимую верность этой своей клятве. Главным было указание Верховного как можно быстрее сдвинуть реформу с мертвой точки, решительнее сокращать армию (на том же совещании Совета обороны, 22 мая, Ельцин назвал конкретную цифру и сроки — 200 тысяч человек до конца года).

Генерал Сергеев вступил в должность с тем же, что и Родионов: он заявил о необходимости сократить и «оптимизировать армейские структуры». Вскоре в высоких арбатских кабинетах заговорили о переходе от формулы «армия-дивизия» к формуле «корпус-бригада», о ликвидации Главкомата Сухопутных войск и создании на его месте Главного управления, подчиняющегося напрямую Генштабу, о слиянии Ракетных войск стратегического назначения, Военно-

космических сил и Войск ракетно-космической обороны, а также ВВС с ПВО.

И снова вставал главнейший вопрос — где брать средства на финансовое обеспечение военной реформы? Было ясно, что в условиях дряхлеющей экономики, низкой собираемости налогов, грозящего секвестирования военного бюджета и непредсказуемого поведения доллара «крестные отцы» стихийного российского рынка загнаны в угол и ищут один из выходов в экономии на оборонной системе страны.

Их стратегия оставалась неизменной — сокращать, сокращать, сокращать. Но сокращение армии тоже требовало колоссальных денег.

Прожект военной реформы, который Сергеев представил президенту уже вскоре после назначения на должность министра, был очень похож на ловкую попытку пережить обстоятельства. Ельцину он понравился. Особенно в том месте, где говорилось, что предлагаемые на утверждение президента меры «позволят значительно сэкономить оборонные расходы».

Летом 1997 года Россию вновь оповещали о том, что теперь-то военная реформа начнется всерьез. А мне вспоминалась Коллегия Минобороны, которая состоялась ровно пять лет назад, летом 1992 года. Там звучали такие же бравады и решительные декларации...

И становилось понятно, что кипучая деятельность новых военачальников была лишь эффектной формой изображения реформы, но не самой реформой.

АРТИСТЫ В ЛАМПАСАХ

Еще до того дня, когда Сергеев стал министром обороны, он уже хорошо знал, что больше всего Ельцина раздражало отсутствие докладов с Арбата о реальных позитивных переменах в армии, хотя бы о каких-нибудь положительных сдвигах, которые можно было бы назвать началом действительной военной реформы.

Кремль ждал от Сергеева докладов о «прорыве фронта».

Новый министр собрал большую группу генералов и офицеров, которая в лихорадочном темпе, с утра и до ночи, в субботы и воскресенья, готовила новую (уже никто не знал, какую по счету за последние пять лет) концепцию военной реформы. В этой группе стал сразу выделяться

генерал-полковник Валерий Манилов, бывший сотрудник газеты «Красная звезда», бывший начальник управления информации МО (при Язове и Шапошникове), который при весьма странных обстоятельствах оказался затем заместителем секретаря Совета безопасности РФ и еще при более загадочных (уже при Родионове) — заместителем начальника Генерального штаба.

Столь стремительный служебный рост Манилова и его высокая должность в Генштабе заставили многих недоумевать: офицеры-генштабисты всегда настороженно относились к начальникам, которые вызывали у них сомнения по части профессионализма. А ветви служебной «родословной» Манилова были сильно спутаны с журналистикой и спичрайтерством. В Генштабе к генералам, не прошедшим по крутым ступеням «положенных» командных и штабных должностей, всегда относились с подозрением.

И для меня появление Манилова в Генеральном штабе было чем-то сродни тому, если бы, скажем, журналиста Минкина назначить председателем Центробанка.

И хотя, казалось бы, за многие годы службы на Арбате, давно бы пора было смириться с появлением «парашютистов» (так у нас называли назначаемых со стороны), тем не менее в мои полковничьи мозги никак не укладывалось, как может человек, никогда не командовавший не то что дивизией или полком, а даже батальоном и ротой, сумел вдруг стать, как писали газеты, «главным идеологом военной реформы».

Но какой была кадровая политика в Российской армии, такой была и военная реформа. Мне не один раз приходилось встречаться с Маниловым и говорить с ним, видеть его со стороны, читать документы, к которым он приложил руку. Он произвел на меня впечатление человека весьма скромных военно-стратегических способностей, но умеющего очень талантливо скрывать это. И в этой игре, на мой взгляд, он зашел так далеко, что некоторые министры и их заместители искренне верили в его полководческий интеллектуальный потенциал. На фоне других он действительно выделялся грамотностью и способностью очень четко формулировать мысли. По этому поводу один уважаемый московский журнал весьма остроумно подметил, что Манилов умел «не только говорить сложноподчиненными предложениями, но и писать их».

Мне кажется, что только Александр Лебедь, ставший

секретарем Совета безопасности России летом 1996 года, учуял удивительную способность Манилова удерживаться на плаву при любом повороте политических событий.

Когда генерал Манилов еще при Лебеде и Родионове появился в Генштабе, я спросил у Игоря Николаевича, какой такой «стратегической необходимостью» вызвано это кадровое решение, ведь у начальника ГШ уже было несколько заместителей, а появление еще одного выглядело нонсенсом (к тому же на Арбате в то время было немало генералов, назначение которых на эту должность ни у кого не вызвало бы сомнений). Родионов ответил, что его об этом «не сильно спрашивали».

Наблюдая за Маниловым в первые месяцы его работы в ГШ, я слышал от генштабистов немало колющих реплик по поводу того, что функциональные обязанности Валерия Леонидовича «пока непонятны», что он «изобретает» какую-то «суперструктуру», которая будет заниматься информационно-аналитической работой, хотя в ГШ уже и без того были подразделения, выполняющие аналогичные функции.

Мне думается, что все же самым сильным и, пожалуй, уникальным качеством Манилова было то, что он умел «западать в душу» большим военачальникам.

Сергеев не стал исключением, сразу поручив Манилову роль координатора в разработке новой концепции военной реформы. Эта концепция была сварганена с необычайной быстротой, и приходилось только удивляться, насколько же «тупыми» были наши Минобороны и Генштаб, если в течение почти пяти лет не могли родить толковую концепцию, которую при Сергееве создали за несколько недель. Она была тут же принята в Кремле к великому ельцинскому восторгу.

Та фантастическая скорость, с которой был проташен сей документ, у многих профессионалов вызвала большие подозрения. Было совершенно очевидно, что и Сергеев, и Манилов изо всех сил стремились продемонстрировать президенту начало «реальной реформы». И самое опасное здесь заключалось в том, что сергеевско-маниловские проекты так и не подверглись обстоятельной критической экспертизе в широком кругу профессионалов.

И было понятно, ради чего все это делается: стоило вынести новую концепцию на взыскательный суд кадрового и отставного генералитета, провести ее через все ведающие вопросами безопасности государственные инстанции

(Совбез, комитеты Думы и т.д.), она бы вряд ли появилась на свет. Слишком много было скороспелых, слабо обоснованных и недостаточно просчитанных решений.

Создавалось впечатление, что Сергеев страшно торопился победно отрапортовать Кремлю о начале реформы. И уже вскоре президент с большой похвалой отозвался о работе военного министра.

Но многое делалось поспешно, непродуманно, даже авантюрно. Некоторые генералы и офицеры в войсках и штабах костерили такое положение дел, писали рапорты об увольнении.

Ничего, кроме новой системы переподчинения «слитых» войск и продолжающегося сокращения офицерского корпуса, не менялось в армии. Наоборот, некоторые проблемы обострялись: больше становилось «пострадавших» от сокращения, бесквартирных, не прекращались многомесячные задержки выплат денежного содержания.

Все еще не было выплачено единовременное денежное вознаграждение за 1997 год. Около 7 млрд рублей государство оставалось должным военнослужащим за компенсацию по продпайку. В общей сложности долги армии к лету 1998 года составляли уже около 40 млрд рублей (при Родионове — около 30). Кроме того, неизвестно, откуда могли взяться деньги, необходимые для дальнейшей реорганизации армии.

Даже сам Сергеев однажды был вынужден пессимистично заявить: «В связи с экономическими трудностями в ближайшее время вряд ли государство будет способно рассчитаться с армией».

Но президент снова высоко отзывался о реформаторской деятельности нового министра. На одном из наших флотов случилось ЧП при запуске ракеты. Вскоре ракетчик генерал армии Сергеев получил маршальские погоны...

Но то был не единственный знак уважения Сергееву, который подавал ему Ельцин. В апреле 1998 года маршалу исполнялось 60 лет. Об этом хорошо помнили в Кремле. В марте появился на свет новый Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе». В соответствии с ним особо заслуженным военачальникам разрешалось продление службы до 65 лет. В соответствии с этим Законом Ельцин продлил службу Сергееву на один год.

Генерала Родионова в дни его 60-летия президент уволил из Вооруженных сил, «с оставлением на посту мини-

стра обороны». Некоторые депутаты Госдумы типа Сергея Юшенкова заявили, что сделан крупный шаг в направлении демократизации армии. Когда же Сергеева оставили на том же посту и в мундире, они же без зазрения совести твердили, что «он даже в кителе маршала очень похож на гражданского».

Когда Родионов подал Кремлю идею из десятков полувооруженных, полуукомплектованных дивизий сформировать полтора десятка опорных — с ним не согласились.

Когда маршал Сергеев с огромными потугами соорудил по такому же принципу с горем пополам одну дивизию на Гороховецком полигоне, лишив другие соединения МВО горючки, ему в Кремле дружно заплодировали...

РАБОТА НАД ДОКУМЕНТАМИ

В конце июня 1997 года в Кремле состоялся традиционный торжественный прием выпускников военных академий и училищ. Верховный Главнокомандующий на прием не прибыл. Он в очередной раз приболел, но военным объявили, что он не смог прийти на прием «из-за очень большой занятости». Генералы и офицеры, уже давно привыкшие к такому циничному лукавству кремлевских чиновников, плутовато ухмылялись и ехидно поговаривали, что президент в Горках-9 «работает над документами».

Маршал Сергеев, выдав подчиненным, нетерпеливо поглядывающим на водочные бутылки, дюжину банальных мыслишек типа «именно на ваши плечи ляжет основной труд по обновлению и укреплению Вооруженных сил», стал говорить о военной реформе, как о чем-то отдаленном:

— В XXI век мы должны войти с четко сформулированной концепцией военного строительства и военных реформ, детально проработанной моделью нового образца Вооруженных сил.

До начала будущего века предстояло прожить еще два с половиной года. Генералы и лейтенанты хотели знать, как армия будет реформироваться уже завтра.

Я был на таком же приеме в Кремле летом 1992 года. Тогда в этом же зале звучали такие же ельцинские и грачевские сказки об армии будущего. Прошло пять лет. Сказки не стали былью.

Под священными кремлевскими сводами звонко звякали фужеры с водкой.

Офицеры были натужно-радостными.

Погоны были золотыми.

Фужеры были хрустальными.

Водка была горькой...

И было такое впечатление, что люди отмечали день рождения и поминки одновременно.

В середине июля 1997 года Ельцин подписал указ «О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных сил РФ», хотя ранее объявлялось, что он сделает это после обсуждения этого документа на Совете обороны, заседание которого планировалось на 25 июля.

Снова создавалось впечатление, что премьер правительства и министр обороны очень торопятся показать президенту, что реформа пошла. Проект первоочередных мер быстро обсудила Коллегия Минобороны в настолько засекреченной обстановке, что даже для комитета Госдумы по обороне суть обсуждения осталась тайной.

Некоторые Главкомы видов Вооруженных сил, выйдя с Коллегии, высказывали недовольство тем, что «одним заседанием такие серьезные государственные вопросы не решаются».

Но министр добился главного: документ приняли за основу.

Сергеев торопился доложить Черномырдину.

Черномырдин торопился доложить Ельцину, что работа закипела. Проект указа «о первоочередных мерах» Черномырдин привез Ельцину в Карелию. Ельцин подписал его в промежутке между рыбной ловлей и попыткой подержать в руках теннисную ракетку на специально построенном для него (самом дорогом в Европе) корте.

Чубайс, который отвечал за финансовое обеспечение ельцинского указа по реформе армии, был в отпуске и катался на машине по Дании. Он мог лишь догадываться, каких денег стоит новый указ.

Секретарь Совета обороны Юрий Батулин неожиданно публично признался, что последнего варианта президентского указа не видел, чем явно намекал, что умывает руки. При Родионове он не раз говорил, что «военная реформа запаздывает». При Сергееве он заметил, что «мы начинаем слишком торопиться», поскольку-де не принята новая военная доктрина, основа концепции военной безопасности, а затем и реформы.

Батулин был, безусловно, прав. Но в случае провала

президентского военного указа, он мог с полным основанием сказать, что «предупреждал».

Скорость, с которой готовился и был принят ельцинский указ о первоочередных мерах по реформированию армии, не позволила толком разобраться в нем даже чиновникам аппарата Совета обороны. Их это оскорбляло. При Родионове они позволяли себе публично ехидничать над минобороновскими и генштабовскими проектами реформы, а иногда и откровенно измываться над ними, не скрывая своих имен. Сейчас же один из них, попросивший не называть своей фамилии, в интервью корреспонденту газеты «Сегодня» признался:

— То, что подписано, — кошмар! Предложенные меры не обоснованы, не подготовлены и не продуманы. Единственное, что можно сделать, — это попытаться в ходе осуществления указа выправить очевидные глупости.

И в Кремле, и в Генеральном штабе многие говорили, что крайне нужен серьезный, обстоятельный разговор на Совете обороны. И это значило, что там были неизбежны острые профессиональные дискуссии, которые могли отдалить шумно рекламируемый новым руководством Минобороны «действительный старт новой реформы».

Было очевидно, что министру Сергееву этого не хотелось.

В одном из интервью он заявил:

— Не считаю нужным проводить дополнительные заседания Совета обороны.

Министр очень торопился.

Ему нужно было во чтобы то ни стало выполнить данное Верховному обещание — сдвинуть реформу с мертвой точки.

Как и каждому нормальному министру, ему хотелось рапортовать об успехах.

Проект нового президентского указа о первоочередных мерах по реформированию Вооруженных сил с бешеной скоростью протащили не только через Коллегию Минобороны, но и через правительство.

Так у нас было всегда, когда авторы подобных документов не хотели, чтобы их вьедливо анализировали серьезные оппоненты. А оппоненты говорили, что вряд ли стоит так быстро объединять РВСН, Военно-космические силы и войска Ракетно-космической обороны. Так же точно, как и сращивать ВВС и ПВО.

Но эти доводы никто не слушал.

Ранее объявленное заседание Совета обороны в очередной раз было тихо отменено.

У президента, отдыхающего на Волге, в этот момент останавливалось сердце.

Клев был сумасшедший...

ЗАГАДОЧНЫЙ БЛЕФ

В конце сентября 1997 года Игорь Сергеев в одной из подмосковных дивизий встретился с генералами и офицерами Московского военного округа и объявил, что до 1 ноября президент утвердит новую концепцию военной реформы. Содержание этого документа Сергеев не раскрыл. В тот же день я позвонил своему давнему сослуживцу по Генштабу и спросил, что он знает о содержании ельцинской концепции. Полковник возмутился:

— Ты что? Это же секретный документ!

А на моем рабочем столе лежала копия конфиденциального доклада Пентагона Конгрессу, неизвестно какими способами добытая за океаном. Получалось странно и глупо: о том, как будет реформироваться американская армия в ближайшие четыре года у нас на Арбате знали до мельчайших подробностей, а как будет развиваться наша — секрет.

Я читаю доклад, именуемый «Quadrennial Defense Review»: «США сейчас — единственная глобальная держава со всемирными интересами... До 2015 года глобального соперника типа СССР не появится... Доступ к нефти останется национальным требованием для США... Будущее России весьма неопределенно... Поведение России зависит от возрождения экономики...»

И мне подумалось: «В таких условиях речь должна идти не о реформировании, а о спасении того, что осталось от армии». Наверное, это уже одно и то же...

И снова начали происходить странные вещи, которые, наверное, могут быть только в России. До 1 ноября 1997 года президент не подписал, как публично обещал министр обороны, новую концепцию военной реформы. Более того, стало известно, что этот документ, в пожарном порядке разработанный в Минобороны и Генштабе, был отвергнут Государственной комиссией по военному строительству.

И было непонятно, за какие же «успехи» в реформировании армии Ельцин уже не однажды публично хвалил министра обороны. Сам министр не без гордости заявлял:

— Нам удалось перевести реформу в практическую плоскость.

Широко разрекламированное успешное начало военной реформы на поверку оказалось банальным блефом. Попытка руководства военного ведомства подчинить себе через Генштаб все другие силовые структуры потерпела провал и вызвала жесткое сопротивление с их стороны. Среди генералов и офицеров объединенных штабов РВСН, Военно-космических сил и войск Ракетно-космической обороны шли споры по поводу слишком поспешного их слияния. Проблема финансирования реформы и сокращения армии становилась еще более острой.

Армия хотела знать, что думает об этом Верховный Главнокомандующий. Но он в очередной раз приболел. Генералы терпеливо ждали, когда президент выздоровеет. 19 января 1998 года после двухнедельного отдыха на Валдае Ельцин возвратился в Кремль. В его рабочем графике было запланировано, что после встречи с Черномырдиным, Чубайсом и Немцовым должна состояться встреча с Сергеевым, недавно возвратившимся из Парижа.

Сергееву предстояло доложить об итогах визита во Францию, где он предлагал использовать российские военные самолеты для инспектирования иракской территории, и о ходе реформирования Вооруженных сил.

По строгому счету, маршал должен был сообщить Верховному, что переустройство армии и обороны идет тяжело. Что указание президента — сократить в 1997 году 200 тысяч офицеров — не выполнено. Нет денег. И потому еле-еле удалось отправить в запас чуть более 60 тысяч человек. Кроме этого, наметилась еще одна серьезная проблема: сопротивление руководства других силовых ведомств попыткам Минобороны и Генштаба централизовать военное строительство.

Министр понимал, что такие его нерадостные сообщения могут вызвать резкое недовольство и повышение кровяного давления у Бориса Николаевича.

Но и промолчать о серьезных проблемах нельзя.

Выслушав сообщение Сергеева о положении дел в ар-

мии, Ельцин вновь возвратился в то хмурое состояние, от которого слегка отвык за время отпуска. Как ни пытался придать оптимистическую окраску своему докладу Сергеев, сказав, в частности, что слияние РВСН, ВКС и РКО уже дает экономию военному бюджету, а слова «деньги» и «недостаточное финансирование» прозвучали на этом фоне с какой-то суконной сухостью.

Ельцин знал, что за его встречей с Сергеевым бдительно следит армия и ждет, что скажет Верховный Главнокомандующий о ее дальнейшем житье-бытье. Надо было дать ей хоть какую-нибудь надежду на лучшее. И президент сказал министру:

— У меня есть некоторые соображения по поводу того, как повысить зарплату военным.

Сергеев не удержался, чтобы не спросить:

— Разрешите поинтересоваться, Борис Николаевич, за счет чего?

Ельцин хитровато улыбнулся и многозначительно протянул:

— А это — мой секрет.

Сергеев наверняка уже знал, что этот «секрет» в последнее время активно мусолили в некоторых правительственных кабинетах: увеличить зарплату военным предлагалось отчасти за счет урезания имеющихся у них льгот. Когда Черномырдин в общих чертах изложил этот вариант президенту, тот сразу дал понять, что не согласится с такой идеей.

А других государственных источников повышения денежного содержания военным не было.

Говоря о каком-то секрете, президент явно блефовал. Мне снова вспомнилось, что однажды рассказывал о таких же приемах Б.Н. бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков: «Как всякому человеку, ему нужны были позитивные эмоции. Когда их долго, мучительно долго не было, приходилось прибегать к паллиативам, иногда рассказывать басни».

Радостная весть о том, что у Верховного Главнокомандующего есть какой-то свой секрет повышения денежного содержания военнослужащим, была тут же выплеснута за стены Кремля президентской пресс-службой.

То было единственное, что с помощью кремлевских трубадуров мог сказать в тот день Ельцин своей армии.

ДУЭЛЬ

Долгое время наблюдая за многочисленными попытками властей реформировать армию, я пришел к выводу, что в России складываются два направления, два лагеря политиков и генералов, явно и скрытно противостоящих друг другу во взглядах на военное строительство. Представители одной стороны — Кремль, правительство, Совет безопасности и Совет обороны (СО был создан в 96-м, а упразднен в 97-м. — *В.Б.*) — стояли на том, что необходимо кардинально сократить армию «до пределов, соответствующих экономическим возможностям государства». А поскольку экономика России бурными темпами рушилась, то трудно было определить тот «предел», у которого можно было остановиться.

Другая сторона (Минобороны, Генштаб, некоторые Главкомы видов Вооруженных сил) настаивала на том, что в стране следует иметь армию, адекватную реально существующим и потенциальным внешним военным угрозам.

Это противостояние еще с тех времен, когда премьером правительства был Егор Гайдар, постоянно порождало конфликты между высшей государственной и военной элитами России. Гайдар, на мой взгляд, был буквально зациклен на идее сокращения армии и постоянно подталкивал к этому Грачева, который то жестко сопротивлялся («За рубеж в 1,9 млн мы не отступим!»), то вдруг заявлял, что, «возможно, и 1 миллиона будет достаточно». Но, приняв почти 2,5-миллионную армию в мае 1992 года, Грачев передал ее Родионову в июле 1996 года уже с численностью 1,7 млн человек.

После Гайдара, во времена Черномырдина, становилось все более очевидным, что и Кремль, и правительство ведут экономику страны к еще большему развалу. Президент и его сторонники в правительстве стремились на чем-то сэкономить, чтобы не дать государственному кораблю утонуть в пучине кризиса.

В качестве одного из объектов экономии опять-таки была избрана армия. Эта идея и породила известный тезис Ельцина о том, что «армия должна быть посильной для экономики».

Как я уже говорил, указание Ельцина — до конца 1997 года сократить армию на 200 тысяч человек — осталось невыполненным. Но Кремль сделал вид, что «не заметил»

этого. То, из-за чего покарали Родионова, прощалось Сергееву.

Увольнение офицеров и прапорщиков тянуло за собой еще одну проблему — жилищную. Вице-премьер Борис Немцов был одним из главных идеологов введения так называемых Государственных жилищных сертификатов, по которым увольняемые имели право бесплатно получить крышу над головой. Немцов эту идею яростно пропагандировал и даже сумел добиться, чтобы она получила статус президентской программы. Но уже вскоре это новшество вызвало большие подозрения у офицеров: оказалось, что за «бесплатный» угол им надо было доплачивать. Это и вовсе было похоже на аферу, узаконенную государством.

После кризиса 17 августа 1998 года, когда курс доллара возрос почти в 3 раза, местные власти не хотели продавать военным жилье за сильно подешевевшие сертификаты. Руководство МО просило правительство индексировать сертификаты в соответствии с новым курсом валюты, но там ответили, что «сейчас не до этого».

Армию снова «кинули». Многие офицеры, для которых ГЖС оказались всего-навсего «куклой», всученной им государством, были беззащитны перед вопиющим обманом. Такими способами военная реформа «переводилась в практическую плоскость»...

ПСЕВДОГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В 1996 году Ельцин с большой помпой оповестил соотечественников о создании нового государственного органа — Совета обороны и выразил надежду, что он сыграет важную роль в обеспечении безопасности страны и реформировании Вооруженных сил.

В 1997 году на должность секретаря СО — Государственного военного инспектора был назначен первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин.

В том же году президент издал указ о ликвидации Совета обороны и с такой же убедительностью стал доказывать, что без него Россия ничего не потеряет. Андрей Кокошин был назначен на освободившуюся после ухода Ивана Рыбкина должность секретаря Совета безопасности.

Создание и ликвидация СО, смена его секретаря были еще одним свидетельством непоследовательности Кремля в проведении реформаторской линии в области обороны.

В день назначения Кокошина Ельцин назвал его «геро-ем нашего времени». Многие на Арбате и даже в Кремле отнеслись к такой оценке как к слишком большому преувеличению заслуг Андрея Афанасьевича. И были на то свои причины.

С момента образования Российской армии (май 1992) и по нынешнее время качественное состояние ее оружия и техники стремительно ухудшалось. Командующие войсками военных округов и флотов постоянно слали на Арбат шифровки, в которых докладывали, что боеготовность «с ржавым железом» поддерживать нельзя.

А первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин, с 1992 по 1997 год непосредственно отвечавший за военно-техническую сферу армии, все это время вдохновенно рассказывал подчиненным и общественности сказки о перспективах перевооружения, о двойных технологиях, об индивидуальных устройствах ориентирования солдата на местности, в бою и т.д.

Но при этом почти ничего в войсках и на флотах не менялось — разве что с превеликим трудом удалось «поставить на ноги» несколько экземпляров заложенных еще в советские времена ракетных систем и кораблей.

За последние 7 лет объем производства оборонной промышленности сократился в 11 раз, а экспорт наукоемкой продукции упал до 1% общего объема производства. Наш ВПК, еще шесть-семь лет назад располагавший потенциалом, способным обеспечивать 250 дивизий, сейчас, похоже, не может «потянуть» и одну.

Расходы на перспективные научные исследования сократились в 15 раз. Федеральная целевая программа конверсии оборонной промышленности была профинансирована в 95 году на 25%, в 96-м — на 11%, в 97-м — на 0%. То же — в 98-м...

В стране осталось 6 авиастроительных заводов, рассчитанных на выпуск 545 боевых самолетов. Но реально на внутренний рынок поступает 1—2 самолета в год. Еще 15 идут на экспорт.

Практически полностью прекращен выпуск новых боеприпасов, ракет «воздух—поверхность», бронетанковой техники для своей армии. Долг Минобороны военно-промышленному комплексу — 25 миллиардов рублей.

При нынешнем уровне финансирования ВВС способны поддерживать свой парк самолетов только на 50%. ВМФ

по сравнению с 1991 годом сократился более чем наполовину.

За годы «реформ» потеряны все авианосцы. Однажды маршал Сергеев признал, что ВМФ и не планирует иметь в своем составе корабли такого класса. В течение последних пяти лет была заложена лишь одна подводная лодка «Юрий Долгорукий», которая все еще не достроена.

Генштабовские эксперты считали, что при такой динамике развала флота в российском ВМФ уже в скором времени останется 3—5 кораблей океанской зоны, несколько многоцелевых подводных лодок и 20—30 малых кораблей и катеров. Это похоже не на флот, а на флотилию, и может прекратить существование морская составляющая Стратегических ядерных сил. И тут нельзя не учитывать, что к 2010 году истекнут сроки предельной эксплуатации у большинства стоящих на боевом дежурстве 713 межконтинентальных баллистических ракет...

Ельцин сказал: «Кокошин — герой нашего времени».

После этого мне показалось, что надо срочно сходить к психиатру.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ ПОХОРОНЫ

Когда весной 1998 года Ельцин отправил правительство в отставку, из Кремля лишь двум министрам — Примакову и Сергееву — дали понять, что они могут продолжать спокойно работать.

Кириенко приехал на Арбат консультироваться с Сергеевым. Говорили о военной реформе, о том, как двигать ее дальше. Вопрос о деньгах был самым неприятным: задолженности военным росли, как снежный ком. Эту проблему быстро замяли. Но что-то ведь все равно надо было придумать. И придумали. Простенько, но со вкусом: вместо двух бывших комиссий по военной реформе (Черномырдин) и ее финансовому обеспечению (Чубайс) будет теперь одна. Глава ее — председатель правительства, а зам у него — министр обороны.

Сразу после встречи Кириенко подготовил письмо на имя Ельцина, в котором предлагал «воссоздать комиссию по военному строительству».

Реформы не было, но комиссии по реформе — реформировали...

В письме Ельцину Кириенко предлагал усилить конт-

рольные функции кабинета министров над всеми «силови-ками». Но эта инициатива не вызвала восторга у секретаря Совета безопасности Андрея Кокошина: такое предложение не только принижало его собственный статус, но и всего СБ.

Пошла новая игра амбиций, не предвещающая ничего хорошего.

В середине мая 1998 года состоялось совещание руководящего состава Вооруженных сил России. В тот момент во многих местах шахтеры бастовали, перекрывали железнодорожные пути из-за того, что правительство не выплатило им долги. Кабинет Кириенко лихорадочно искал выход из положения. Но денег для угольщиков не было. Не было их и для армии, которой государство задолжало в общей сложности почти 40 млрд рублей. Участники совещания были удивлены, когда министр обороны предложил подчиненным «пропустить шахтеров вперед», им-де труднее.

Зал встретил эти слова маршала суровым безмолвием.

В этих словах министра люди читали не рыцарство, а политическую конъюнктуру, явно рассчитанную на то, чтобы заработать новые очки у Кремля и правительства.

То был красивый бросок на картонный пулемет. Но даже если бы военные и «пропускали» шахтеров вперед, у Кириенко денег не было. Их в очередной раз выклянчивали у МВФ.

Генералы, выступавшие на совещании, дружно описывали удручающие картины развала армии из-за острейшего финансового кризиса.

И тут Сергеев не выдержал:

— Надо не ныть, а вкалывать. Кто не может, скажите, я вас уволю!

По залу пробежало дружное ворчание.

РАКЕТНЫЙ ДУРМАН

Летом 1998 года Государственная дума приняла закон «О военной реформе». Закон этот опоздал лет на шесть. По этому поводу военный обозреватель газеты «Сегодня» Олег Одноколенко очень точно заметил:

— Никакие силы не способны изменить генеральный принцип национального военного строительства: сначала делать, потом размышлять над содеянным, а все это пост-фактум подводить под нормативный акт.

В соответствии с президентским указом о первоочередных мерах по реформированию армии, подписанным Ельциным еще летом 1997 года, Военно-космические силы сливались с Ракетными войсками стратегического назначения. Но не прошло и года, как Главнокомандующий ВВС генерал-полковник авиации Анатолий Корнуков в одной из телепередач заявил, что, возможно, ВКС будут присоединены уже не к РВСН, а к ВВС.

В августе 1998 года Андрей Кокошин обнародовал новую концепцию военной реформы страны. Из нее следовало, что РВСН уже в начале будущего века прекратят свое существование как самостоятельный вид Вооруженных сил и будут «розданы» Сухопутным войскам. Примерно через две недели после этого один из высокопоставленных чиновников Минобороны официально заявил, что РВСН, возможно, войдут в состав ВВС.

А вскоре после этого министр обороны подготовил президенту предложения, в соответствии с которыми предлагалось создать Главное командование Стратегическими силами сдерживания (ГК ССС). Эта идея еще до подписания документа не нравилась даже некоторым замам министра. С небывалой смелостью высказывали свое критическое отношение к ней некоторые генералы и офицеры Генштаба.

И тем не менее в ноябре 1998 года Сергеев во время приезда к отдохавшему в Сочи Ельцину сумел получить от Верховного визу на документе.

Сразу после этого на Арбате началась подковерная свара между сторонниками и противниками создания ГК ССС. Из Генштаба в администрацию Президента РФ и в правительство поступили обращения ряда начальников, в которых доказывалось, что идея, уже утвержденная министром у Верховного, «слишком поспешная и затратная».

Прознавшая об этом пресса подняла шум.

Начальник Главного оперативного управления Генштаба Юрий Балувевский был вынужден публично признать, что действительно существует «проблема централизации управления ядерной триадой (сухопутной, морской и авиационной. — В.Б.). Но поскольку создание единого командования стратегическими ядерными силами — процедура трудоемкая и затратная, планами военного строительства предусмотрено начать ее реализацию после 2000 года».

Однако это заявление не ослабило остроты конфликта. Первый заместитель министра обороны Николай Михай-

лов, начальник Генштаба генерал армии Анатолий Квашнин, Главкомы видов Вооруженных сил и командующие войсками военных округов продолжали настаивать на том, чтобы была полная ясность в вопросах управления стратегическим ядерным оружием. Ибо реформаторские новации, подготовленные министром обороны и его сторонниками, внесли в этот вопрос много опасной путаницы.

В армии и в стране развернулась громкая полемика по поводу новшества маршала Сергеева. Не остался равнодушным к нему и губернатор Красноярского края Александр Лебедь. Свою точку зрения он выразил так:

— Думаю, что с позиции чисто военной создание ГК ССС не приведет к повышению боеготовности ядерных сил. Скорее наоборот. С экономической точки зрения эти планы не выдерживают никакой критики... Нужны такие эксперименты России сегодня? Безусловно, нет... Пустая, надуманная и вредная затея. Будет дезорганизация систем стратегического планирования. Все это результат того, что в стране нет ясной и твердой военной политики...

Большинство «ядерных» специалистов Генштаба полностью разделяли такую точку зрения.

Известно, что на территориях военных округов дислоцируются части Стратегических ядерных сил. Они имеют жесткую вертикальную систему управления и фактически являются средством Верховного Главнокомандующего. Оперативное управление ими осуществляет Генштаб. Было совершенно непонятно, какой же в случае создания ГК ССС будет роль Главкомов видов Вооруженных сил, командующих войсками военных округов и флотами...

По схеме министра обороны и его сторонников планировалось, что ГК ССС будет создано на базе Главкомата РВСН. Было совершенно очевидно, что Главком — генерал-полковник Владимир Яковлев (фаворит и родственник маршала Сергеева) станет первым заместителем министра обороны. В таком случае атомные подводные ракетоносцы и стратегическая авиация будут выведены из системы управления ими штабами ВМФ и ВВС. Это неизбежно породит неразбериху и новые колоссальные материально-финансовые затраты. Но ради чего, если существующая система давно отлажена? К тому же есть единый план применения ядерных сил, согласно которому, как я уже говорил, оперативное управление всем ядерным оружием осуществляет Генштаб через Центральный командный пункт.

Сопrotивление курсу маршала Сергеева на создание ГК ССС (в некоторых документах МО и ГШ это новшество называют ОК ССС — Объединенное командование Стратегическими силами сдерживания) со стороны Генштаба приняло настолько бескомпромиссный и открытый характер, что некоторые должностные лица отваживались на беспрецедентную по смелости критику высшего руководства военного ведомства. Начальник отдела Главного оперативного управления ГШ генерал-майор Геннадий Борзенков писал в «Независимой газете»:

«Министерство обороны, руководствуясь неким «политическим решением», разрабатывает по сути дела четырехвидовую структуру ВС РФ образца 2006 года. Появляется новый, доселе неведомый, вид Вооруженных сил — ССС (Стратегические силы сдерживания). Примечательно, что создание этого вида ВС РФ не продиктовано ни военной, ни экономической целесообразностью. Должностные лица, обуреваемые идеей создания ССС, преследуют прежде всего личные интересы, противопоставляя себя Генеральному штабу ВС, членам Коллегии МО РФ, главнокомандующим видами ВС...»

В середине марта 1999 года маршал Сергеев дал «задний ход»: он публично заявил, что Ельцин поставил Минобороны задачу определиться с проблемой создания ГК ССС до мая. Таким образом, стало очевидно, что министру проташить свой вариант у Верховного «атакой с ходу» не удалось. Генштабовские оппоненты министра обороны все-таки сумели добиться, чтобы Кремль выслушал и их мнения. Сергеев вынужден был признать: «Мы должны предложить президенту несколько вариантов. Скорее всего, два или три. А за ним уже окончательный выбор».

Такой поворот событий добавлял Ельцину новую головную боль. Смешно даже думать о том, как Верховный в своем кремлевском кабинете или на койке ЦКБ вникает в сложнейшие документы, сравнивает варианты, сопоставляет аргументы «за» и «против».

Назревал момент, какого еще ни разу не было за все годы выполнения Б.Н. обязанностей Верховного Главнокомандующего: ему предстояло сделать выбор между Минобороны и Генштабом. Занимать чью-либо сторону было опасно — это могло усилить раскол.

Самая лучшая позиция в такой ситуации — остаться над схваткой и оставить все как есть.

В конце апреля 1999 года состоялось заседание Совета безопасности РФ, на котором обсуждался вопрос о ядерном оружии, его безопасности и новой системе управления им. Многие члены СБ были шокированы тем, что за несколько минут до начала заседания Ельцин неожиданно приказал Главкомам видов Вооруженных сил удалиться.

Такое решение президента выглядело особенно странным потому, что в распоряжении выставленных за дверь Главкомов были ядерные ракеты. Чтобы хоть как-то оправдать унижение Главкомов, аппаратчики СБ стали доказывать журналистам, что президент таким образом хотел подчеркнуть «особую государственную важность обсуждаемой проблемы».

Этот аргумент звучал неуклюже. В генштабовских кабинетах поговаривали, что причина была совсем в другом: Ельцин уже знал, что инициируемое Сергеевым решение о создании Главного командования ССС вызывает раздрай среди руководства Минобороны и Генштаба. И нельзя было исключать, что прямо на СБ между высшими генералами могла вспыхнуть полемика. Сергеев наверняка понимал это.

«Ядерный диспут» между ним и некоторыми Главкомами в присутствии Верховного был для маршала невыгоден. Тем более, что он лично подписывал в Сочи у Ельцина документ о создании ГК, который и вызвал недовольство не только у некоторых Главкомов и в Генштабе, но даже у первых замов министра. Следовательно, так или иначе, а часть ответственности за спорный документ ложилась уже не только на министра, но и на Ельцина...

Маршал умел предвидеть такие нежелательные для себя моменты и избегать их. Для этого достаточно было заранее предупредить Б.Н...

* * *

Что-то роковое и тайное было в неукротимом желании министра обороны любым способом протащить идею создания единого командования Стратегическими ядерными силами. Объяснять это только тем, что Сергеев тащит на повышение генерала Яковлева, было слишком просто (хотя маршал публично признавался, что его любимца «ждет блестящее будущее»).

Но я располагал информацией, которая порождала и другие догадки. Американцы уже потратили многие миллиарды долларов на то, чтобы взять под свой контроль рос-

сийские ядерные силы и обеспечение их безопасности. Теперь наступает момент, когда необходимо свести воедино (как и в США) систему управления ракетами и ядерными арсеналами. Не случайно в соответствии с планом создания ГК ССС в его состав должно войти 12 Главное управление МО РФ, отвечающее за технический контроль над ядерными боеприпасами. О том, какие колоссальные затраты сделали США, свидетельствует документ Министерства обороны России, в котором утверждается, что успешно реализуются следующие американские программы:

- Поставка суперконтейнеров для перевозки ядерного оружия.
- Модули с аварийным оборудованием для ликвидации последствий аварий с ядерным оружием.
- Компьютерное оборудование для совершенствования контроля и учета ядерного оружия.
- Оборудование по определению надежности ядерного персонала.
- Периметровые средства охраны объектов хранения ядерного оружия.
- Оборудование для создания информационно-аналитической системы по принятию решений при ликвидации последствий аварий с ядерным оружием.
- Компьютерное оборудование по оценке защищенности объектов хранения ядерного оружия.
- Поставка дозиметрических систем по радиационному контролю.

Американская казна не бездонна. Американцы все настойчивее рекомендуют нам создать «компактные и рациональные ядерные силы», предлагают нам свою модель управления ими. Они настаивают на том, чтобы мы «протягивали ножки по одежке».

И маршал Сергеев стоял на том, чтобы реформирование наших ядерных сил шло «с учетом начавшегося сокращения стратегического наступательного вооружения и реальных возможностей страны».

* * *

Разногласия между высшими генералами были видны не только при выработке подходов к управлению ядерными силами. Они касались и других сфер реформы. И это настораживало Кремль. Например, в 1998 году произошло объединение Сибирского и Забайкальского военных округов.

гов. Новый командующий генерал-полковник Николай Кормильцев утверждал:

— Только первоначальная экономическая выгода от такого объединения составит 30 млн рублей.

Военачальники, уже хорошо изучившие вкусы министра обороны, любят ласкать его слух цифрами об экономии (нетрудно убедиться в этом, прочитав их статьи в «Красной звезде»). Однако специалисты Главного управления Сухопутных войск очень сомневаются в искренности и состоятельности доводов генерала Кормильцева, который чаще всего апеллирует к тому, что при объединении Сибирского и Забайкальского военных округов было сокращено 5 тысяч должностей. Но масштабы границ объединенного округа стали такими, что только на одни командировки штабных офицеров средств ежегодно будет уходить в три раза больше. Где же экономия?

Бывший командующий войсками СибВО генерал-полковник Григорий Касперович, которому уже не надо потрафлять министру, убежден:

— Уже через некоторое время расформированный ЗаБВО будет воссоздан.

Отставных генералов и полковников уже не страшит «барский гнев» и их трудно заподозрить в лукавстве.

В Минобороны и Генштабе уже начинают понимать, что заигрались в реформы. Первоначально спланированное на 1998 год объединение Приволжского и Уральского военных округов было отложено, а возможно, как шутят на Арбате, «отмена этого решения произойдет в один день с указом президента об отставке маршала Сергеева».

Уже начинают натирать «красные мозоли» войсковым и флотским командирам и другие новации наших арбатских реформаторов. Например, между Минобороны и Федеральной пограничной службой возникли серьезные трения по поводу подчинения всех силовых структур в рамках оперативно-стратегических командований (они создаются вместо военных округов).

Пограничники были убеждены, что эта идея приведет к неразумной ломке давно сложившейся и эффективной системы работы их структур и повлечет за собой колоссальные затраты. Однако в Кремле волевое решение принято — объединять. Но оно так и осталось на бумаге. Пограничники ему не подчинились, опасаясь того, что такое реформирование принесет больше вреда, чем пользы. Во время

встречи с бывшим директором Федеральной Пограничной службы генерал-полковником Николаем Бордюжей я спросил у него, чем конкретно вызвано столь яростное сопротивление «зеленых фуражек» новациям руководства МО и ГШ, касающихся намерений совместить границы военных округов с границами других силовых структур? Он ответил:

— Существующая у нас система давно доказала свою эффективность. Старое — не значит худшее...

ПУСТЫЕ ГОДЫ

Растасканная и разворованная экономика страны продолжала хиреть день изо дня. И в той же прогрессии рушилась армия под бравурные лозунги ее новых руководителей о «победной поступи реформы, переведенной в практическую плоскость».

К весне 1999 года по России и ее армии раз за разом стала прокатываться молва об импичменте, который Госдума готовит президенту. Президент в очередной раз залег в ЦКБ — у него обнаружили серьезную болезнь желудка.

Ельцин о состоянии своего здоровья никаких публичных заявлений не делал. Зато его пресс-секретарь на сей счет общался с соотечественниками без боязни: президент еще мучительно корчился от боли прорвавшей стенки желудка язвы, а бравый Якушкин, поблескивая лукавыми глазами, уже трубил на всю страну радостную весть:

— Борис Николаевич пошел на поправку и работает над документами!

Хотя единственным документом в президентской палате было огромное диетическое меню...

Я живу в доме рядом с ЦКБ и часто в те дни, прогуливаясь с собакой в парке напротив центральных ворот, видел, как туда-сюда с утра до вечера шныряли кремлевские и правительственные машины. Упорно не желавший расставаться с властью Ельцин уже приучил страну к тому, что он может руководить ею с больничной койки.

Когда-то мне было стыдно от того, что Советским Союзом правили впавшие в маразм кремлевские старцы. После их смерти молодые и здоровые лидеры убеждали народ, что такого позора в стране больше не будет. Но мы идем снова по тому же кругу. Невиданно осмелевший после унижений Лужков уже требует наравне с коммунистами, чтобы Ельцин поступил разумно и честно — ушел по со-

стоянию здоровья. Президентская свита тут же спустила на московского мэра элитных столичных «собак»-журналистов.

Ельцин молчал. Якушкин зло огрызнулся: «Борис Николаевич все хорошо запоминает!». Ельцина спасают. До России дела как бы и нет. Мерзкие политические игры и бесконечные разговоры о болезнях и кадровых причудах Ельцина уже давно заменили у нас СОЗИДАНИЕ. Маршал Сергеев вставил и свое словечко в поддержку патрона: «Я верю, что президент выздоровеет». Ему бы работать не министром обороны, а Нострадамусом.

Но что изменится за оставшееся время? Чего добивается Ельцин, долеживая на боку (с перерывами на очередной разгон правительства) второй президентский срок? Может, не верит, что его время кончилось? Может, еще не отремонтирован дворец, купленный за границей? Может, недостроена гигантская дача на Николиной Горе? Может, не все счета переведены за кордон?

Когда бы не ушел на покой президент, он оставит Россию и свое войско в руинах. И это — один из самых главных итогов его почти десятилетнего властвования, за который нам, детям и внукам нашим предстоит долго и мучительно расплачиваться.

Мудрые историки давно говорили, что роковой удел России — сотворять кумиров и разочаровываться в них, время от времени с кровью разрушать созданное и поворачивать с избранного пути в неведомую сторону.

Историки учат нас тому, что История ничему нас не учит.

Но у подножия нового века так хочется верить, что если не мы, то дети и внуки наши будут умнее и счастливее нас.

* * *

После того, как НАТО развернуло военную операцию в Югославии, тон и суть высказываний маршала Сергеева о приоритетах военного строительства и военной реформы стали заметно меняться:

— Военная доктрина России будет изменена в связи с агрессией НАТО против Югославии, — говорил он. — Отныне упор будет сделан на поддержание высшей степени боеготовности сил ядерного сдерживания и развитие Войск противовоздушной обороны.

После этого заявления Сергеева в Генштабе снова дружно заговорили о непоследовательности министра. Маршал

фактически ставил на одну доску Ракетные войска стратегического назначения и Войска ПВО, которые еще не так давно (по его же предложению) были лишены статуса самостоятельного вида Вооруженных сил и влиты в состав ВВС. Именно такой шаг преподносился руководством Минобороны как один из ярких примеров успешной «оптимизации» и поступательного хода военной реформы, ее смелого и «основательно просчитанного новаторства».

Война в Югославии на многое открыла глаза не только маршалу Сергееву и его опрометчивой реформаторской команде, но и всему Генеральному штабу. На фоне ракетно-бомбовых ударов натовской авиации по сербским гражданским и военным объектам становился особенно ярко виден тот стратегический просчет, который был совершен в результате слияния ВВС и ПВО России.

С момента слияния ВВС и ПВО еще не прошло и года, а наши военно-научные светила начинали все громче заявлять о необходимости их... разъединения. Один из них — заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии военных наук, почетный профессор Военной академии им. Г. К. Жукова, доктор военных наук, академик Иван Ерохин писал в «Независимом военном обозрении»: «Искусственно сотворенные «сиамские близнецы» по имени «ВВС и ПВО» должны быть хирургически разделены. Это прекратит муки тех, кто бьется в безнадежных поисках путей решения всех проблем применения такого уroda...»

К лету 1999 года это, кажется, начинал уже понимать и маршал Сергеев. В интервью газете «Слово» он дал понять, что возвращение к старым схемам организации армии вполне возможно:

— Связь времен — своеобразная диалектика. И переход из одного состояния в другое не исключает возврата к исходному, но уже на высшей ступени.

Было совершенно очевидно, что команда Сергеева в разработке концепции новой структуры Вооруженных сил РФ допустила грубый просчет, ликвидировав ПВО как самостоятельный вид ВС. В эту авантюру был втянут и Верховный Главнокомандующий — с подачи Минобороны Ельцин 16 июня 1997 года подписал «похоронный» указ по ПВО.

Когда же руководство МО поняло, что наломало дров, оно начало восстанавливать разрушенное. Например, на

базе Уральского корпуса противовоздушной обороны было принято решение воссоздать армию ПВО. Заместитель Главкома ВВС генерал Юрий Бондарев сказал об этом так: «События в Югославии показали, что Войска ПВО рано списывать, они еще очень нужны». Такие же мысли в начале июля 1999 года звучали и в выступлениях других генералов на совещании высшего руксостава армии и флота, где присутствовал Ельцин.

Было очевидно, что переустройство армии под звонкими реформаторскими лозунгами об «оптимизации» нередко сводилось к разрушению старой добротной системы, а затем — к попыткам ее восстановления. Самое опасное здесь заключалось в том, что быстро и в полном объеме этого уже нельзя было сделать — не позволяли финансовые возможности. Таким образом, каждый новый этап «реформы» превращался в новую стадию разрушения армии.

В Генштабе все громче начали говорить о жизненно важной необходимости вернуть войскам Противовоздушной обороны страны статус самостоятельного вида Вооруженных сил. И это значило, что «маршал оптимизации» терпит серьезное фиаско — его реформаторские свершения оказались не соответствующими характеру современной войны. Более того, в Генштабе пришли к выводу, что разрушенная «советская» система функционирования Военно-космических сил и Ракетно-космической обороны тоже требует скорейшего восстановления с учетом требований времени.

Война в Югославии заставила многих российских политиков и военных стратегов серьезно задуматься и над тем, почему концепция военной реформы при Сергееве была принята в отсутствие новой военной доктрины России и таким образом получалось, что мы поставили «телегу впереди лошади». На закрытом заседании парламентского Комитета по обороне, куда был в авральном порядке предъявлен новый проект военной доктрины, генералам был задан прямой вопрос:

— Как могло случиться, что Генштаб не сумел спрогнозировать ситуацию на Балканах, которую предвидели даже далекие от военной стратегии и разведки гражданские люди?

Внятного ответа не последовало.

На тот же вопрос вскоре пришлось отвечать и самому начальнику Генерального штаба Анатолию Квашнину. Он

заявил, что все было просчитано и предсказано в ежегодном прогнозе, предъявляемом президенту.

У меня не было никаких оснований не верить этим словам Квашнина, тем более что мне собственными глазами довелось видеть документы прогноза. Начальник Генштаба говорил правду. Получалось, что Верховный Главнокомандующий проигнорировал документ ГШ, в котором, кстати, содержались и конкретные предложения, касающиеся позиции России на Балканах в связи со зреющим военным конфликтом.

И так было уже не в первый раз. Еще в 1995 году тогдашний начальник Главного разведывательного управления Генштаба генерал-полковник Федор Ладыгин передал через Александра Коржакова Ельцину материал, в котором на основе добытых нашей резидентурой сведений не только предсказывал сценарий поведения Североатлантического альянса на Балканах, но и предлагал Верховному Главнокомандующему план конкретных контрмер. Ельцину необходимо было всего лишь поставить на документе «Согласен» и расписаться — и тогда бы Югославию не терзали бы «Томагавки», F-117A и B-2...

Мне много раз приходилось беседовать с высшими генералами о том, почему такое происходит. Почему нужные и своевременные идеи военных, касающиеся реформы армии, укрепления обороны России и ее международных военно-политических позиций, часто «умирают» в кремлевских столах, а некоторые сырые и даже вредные для обороны страны документы, представляемые Верховному Главнокомандующему министром обороны, тут же «подмахиваются»? Ответ чаще всего был один: «Потому что Ельцин человек, а человеку свойственно ошибаться».

Мне думается, тут есть и еще одна важная причина. Слишком ущербен существующий механизм высшей исполнительной власти, при котором судьба страны и армии отдается зачастую на откуп одному человеку, «которому свойственно ошибаться»...

Он ошибался много раз и очень серьезно. Есть и его большая вина в том, что почти за десять последних лет экономические и военные реформы в России оказались проваленными. Чем ближе к закату его политическая карьера, тем громче заявляют об этом резко осмелевшие недавние единомышленники, уже «положившие глаз» на президентское кресло в Кремле.

— Россия потеряла десять лет впустую, — заявил весной 1999 года на съезде движения «Отечество» мэр Москвы Юрий Лужков.

Один из наиболее вероятных кандидатов на главный государственный пост в России сказал слова, которые вызвали ядерный взрыв аплодисментов...

А я почему-то вспомнил как во время многотысячного предвыборного митинга летом 1996 года на Васильевском спуске Лужков громче всех скандировал:

— Ельцин — победа!

ЧИТАЙТЕ ВО ВТОРОЙ КНИГЕ:

- Россия — НАТО: война без выстрелов
  - Тени путча
- Криминал цвета хаки
  - Оружейная мафия
  - Армия и пресса

Оглавление

Глава 1 МЕСТЬ ПОКОЙНОЙ ИМПЕРИИ	5
Глава 2 КАК ВООРУЖАЛСЯ КАВКАЗ	228
Глава 3 ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ОТ ЯЗОВА ДО СЕРГЕЕВА	329

Виктор Николаевич БАРАНЕЦ
ГЕНШТАБ БЕЗ ТАЙН
Книга первая

Выпускающий *Б.Д. Мороз*
Художественный редактор *Т.Н. Костерина*
Технолог *С.С. Басипова*
Оператор компьютерной верстки *А.В. Волков*
Издательская лицензия № 071429 от 17 апреля 1997 года.
Подписано в печать 02.09.99. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 29 печ. л. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 2720.

Издательство «Политбюро»
109369, Москва, Новочеркасский б-р, 47
Интернет/Home page — <http://www.vagrius.com>
Электронная почта (E-Mail) — patarum@mail.i-cjnnect.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета Российской Федерации
по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Оптовая торговля:

«Клуб 36,6»

Тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90
Тел.: (095) 523-25-56, 523-92-63
E-mail: club366@aha.ru

Фирменный магазин «36,6 — Книжный двор»:

Москва, Рязанский пер., д. 3
Тел.: (095) 265-86-56, 265-81-93

Книги почтой:

107078, Москва, а/я 245 «Клуб 36,6»

Книжная лавка «У Сытина»:

125008, Москва, пр-д Черепановых, д. 56
Тел.: (095) 156-86-70 Факс: (095) 154-30-40
Электронная почта: sytin@aha.ru или info@kvest.com

Интернет-магазин

<http://www.kvest.com>

Электронная почта: info@kvest.com

Доставка в любую страну

В Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России:

«Невская книга»: (812) 567-47-55, 567-53-30

ISBN 5-89756-020-X

9 785897 560202 >

Полковник Баранец Виктор Николаевич родился в городе Барвенково Харьковской области. В Вооруженных Силах — с 1965 года. Окончил Высшее военное училище и Военную академию, служил в ряде военных округов и Группе советских войск в Германии. С 1983 года — в центральном аппарате Минобороны и Генерального штаба. Был экспертом-советником начальника Генштаба, начальником информационно-аналитического отдела Управления информации МО РФ, начальником пресс-службы и пресс-секретарем министра обороны России. Участник афганской войны. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Автор книг «Ельцин и его генералы», «Потерянная армия».

Политбюро

12-99
65-00